

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

П. Кропоткинъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ИДЕАЛЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Съ англійскаго. Переводъ В. Батуринскаго подъ редакціей автора.

Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе къ первому англійскому изданію.

Въ мартѣ 1901 года, я прочелъ въ институтѣ Лоуэлля, въ Бостонѣ, восемь лекцій по исторіи русской литературы въ XIX столѣтіи, и этотъ краткій курсъ былъ поводомъ къ составленію настоящей книги.

Принимая приглашеніе прочесть вышеупомянутый курсъ, я вполнѣ сознавалъ лежавшія предо мной трудности. Трудно читать лекціи, или писать о литературѣ какой-нибудь страны, когда эта литература почти неизвѣстна слушающей или читающей публикѣ. Между тѣмъ, есть всего три или четыре русскихъ писателя, сочиненія которыхъ имѣются въ хорошихъ, и болѣе или менѣе полныхъ, англійскихъ переводахъ; вслѣдствіе чего мнѣ часто приходилось говорить о какой-нибудь поэмѣ или повѣсти, тогда какъ ихъ можно было бы охарактеризовать гораздо болѣе легкимъ и простымъ путемъ— прочтя изъ нихъ нѣсколько отрывковъ.

Но, несмотря на указанное серьезное затрудненіе, дѣло заслуживало того, чтобы попытаться его выполнить. Русская литература представляетъ такія богатѣйшія сокровища оригинальнаго поэтическаго вдохновенія; въ ней чувствуются свѣжесть и юность, которыя отсутствуютъ въ болѣе старыхъ литературахъ; ей присущи искренность и простота выраженія, дѣлающія ее еще особенно привлекательной для тѣхъ, кому пріѣлась уже литературная искусственность. Наконецъ, она имѣетъ еще одну отличительную черту: русская изящная литература—въ поэмѣ, повѣсти и драмѣ—касается почти всѣхъ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, которые въ западной Европѣ и Америкѣ,—по крайней мѣрѣ

въ наше время,—трактуются, главнымъ образомъ, въ политико-соціальной журналистикѣ и рѣдко находятъ себѣ выраженіе въ области искусства.

Ни въ какой иной странѣ литература не занимаетъ такого вліятельнаго положенія, какъ въ Россіи. Нигдѣ она не оказываетъ такого глубокаго непосредственнаго вліянія на интеллектуальное развитіе молодого поколѣнія. Нѣкоторые романы Тургенева, и даже гораздо менѣе извѣстныхъ писателей, несомнѣнно, послужили ступенями въ развитіи русскаго юношества за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ.

Причина такого вліянія литературы въ Россіи вполнѣ понятна. За исключеніемъ немногихъ лѣтъ передъ и вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, у насъ не было политической жизни, и русскій народъ былъ лишенъ возможности принимать какое-либо активное участіе въ дѣлѣ созиданія институцій родной страны. Вслѣдствіе этого, лучшіе умы страны прибѣгали къ поэмѣ, повѣсти, сатирѣ, или литературной критикѣ, какъ къ средствамъ для выраженія своихъ воззрѣній на національную жизнь, своихъ нуждъ и своихъ идеаловъ. А потому всякому, желающему ознакомиться съ политическими, экономическими и соціальными идеалами Россіи, съ надеждами той части русскаго общества, которая созидаетъ исторію,—приходится обращаться не къ офиціальнымъ изданіямъ и не къ передовымъ статьямъ газетъ, а къ произведеніямъ русскаго искусства.

Въ виду совершенной невозможности исчерпать такой обширный сюжетъ, какъ русская литература,—въ тѣсныхъ границахъ моего курса, а слѣдовательно и въ настоящей книгѣ, я предпочелъ остановиться, главнымъ образомъ, на современной литературѣ. Писателей разныхъ періодовъ, до Пушкина и Гоголя, этихъ двухъ основателей современной русской литературы, я касаюсь только въ краткомъ вступительномъ очеркѣ. Затѣмъ я беру главныхъ, наиболѣе выдающихся писателей въ области поэзіи, повѣсти, драмы, политической литературы и литературной критики—и вокругъ этихъ гигантовъ русской литературы я сгруппировалъ менѣе крупныхъ писателей, упоминая объ нихъ очень коротко. Я сознаю, что почти каждый изъ послѣднихъ носитъ индивидуальную окраску и заслуживаетъ ознакомленія съ

нимъ; нѣкоторымъ изъ менѣе извѣстныхъ авторовъ иногда даже удавалось представить извѣстное теченіе мысли болѣе ярко, чѣмъ ихъ болѣе знаменитымъ собратамъ по перу; но вышеуказанный планъ является необходимостью въ книгѣ, задачей которой было—дать только широкую общую идею о русской литературѣ.

Литературная критика всегда имѣла крупныхъ представителей въ Россіи, и взгляды на извѣстныя литературныя явленія, выраженные въ настоящей книгѣ, опираются на трудъ нашихъ великихъ критиковъ: Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, а равнымъ образомъ ихъ современныхъ послѣдователей: Михайловскаго, Арсеньева, Скабичевскаго, Венгерова и др. Біографическія данныя о современной русской литературѣ заимствованы мною изъ превосходнаго труда о современной русской литературѣ, принадлежащаго перу послѣдняго изъ вышеупомянутыхъ писателей, а также изъ біографій, помѣщенныхъ въ 82-хъ томахъ „Русскаго энциклопедическаго словаря“.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы принести сердечную благодарность моему старому другу м-ру Richard Heath, который взялъ на себя трудъ просмотрѣть настоящую книгу, какъ въ рукописи, такъ и въ корректурѣ.

Бромлей, Кентъ.
Январь, 1905 г.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ: РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Русскій языкъ. — Древняя народная литература: народныя преданія; пѣсни; былины; „Слово о полку Игоревѣ“. Лѣтописи; монгольское нашествіе; его послѣдствія; переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ; церковный расколъ; протопопъ Аввакумъ.— XVIII-е столѣтіе: Петръ I и его современники. Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ. — Времена Екатерины II: Державинъ, Фонвизинъ. — Масоны: Новиковъ, Радищевъ. — Начало XIX столѣтія: Карамзинъ и Жуковскій. — Декабристы: Рылѣевъ.

Однимъ изъ послѣднихъ завѣтовъ, съ которымъ умирающій Тургеневъ обратился къ русскимъ писателямъ, была его просьба,—хранить чистоту нашего драгоцѣннаго наслѣдія—русскаго языка. Тургеневъ, знавшій въ совершенствѣ большинство западно-европейскихъ языковъ, имѣлъ самое высокое мнѣніе о русскомъ языкѣ, какъ орудіи для выраженія всевозможныхъ оттѣнковъ мысли и чувства, и въ своихъ произведеніяхъ онъ показалъ, какой глубины и силы выраженія, и какой мелодичности прозы, можно достигнуть, владѣя русскимъ языкомъ. Въ его высокой оцѣнкѣ русскаго языка, Тургеневъ, какъ читатели увидятъ изъ настоящихъ страницъ, былъ совершенно правъ. Словесное богатство русскаго языка поразительно: тогда какъ въ языкахъ Западной Европы часто имѣется одно только слово для выраженія извѣстнаго понятія,—въ русскомъ языкѣ имѣются два, три или четыре слова для выраженія различныхъ оттѣнковъ

того же понятія. Русскій языкъ особенно богатъ въ выраженіи различныхъ оттѣнковъ чувствъ — нѣжности и любви, скорби и веселья, а также различныхъ степеней того же самаго дѣйствія. Его гибкость особенно сказывается въ переводахъ, и ни одна литература не можетъ похвалиться такимъ количествомъ превосходныхъ, точныхъ и истинно-поэтическихъ переводовъ иностранныхъ авторовъ, какимъ обладаетъ наша литература. Поэты самыхъ разнообразныхъ характеровъ,—Гейне и Беранже, Шелли и Гёте, не говоря уже о любимцѣ русскихъ переводчиковъ, Шекспирѣ, одинаково хорошо переведены на русскій языкъ. Сарказмъ Вольтера, заразительный юморъ Диккенса и добродушный смѣхъ Сервантеса—съ одинаковой легкостью находятъ себѣ выраженіе въ русскомъ языкѣ. Болѣе того, вслѣдствіе своего музыкальнаго характера, русскій языкъ чрезвычайно удобенъ въ поэзіи, для передачи мельчайшихъ метрическихъ особенностей оригинала. „Гайавата“ Лонгфелло (въ двухъ различныхъ, превосходныхъ, переводахъ), капризная лирика Гейне, баллады Шиллера, мелодическія народныя пѣсни различныхъ національностей и игривыя шансонетки Беранже—переведены на русскій языкъ, съ точнѣйшимъ соблюденіемъ ритма оригиналовъ. Головоломная смутность германской метафизики передается порусски съ такой же легкостью, какъ и точный изящный стиль философовъ XVIII-го столѣтія; краткія, конкретныя, выразительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ изящныя выраженія лучшихъ англійскихъ писателей—не представляютъ никакого затрудненія для русскаго переводчика.

Вмѣстѣ съ чешскимъ и польскимъ, сербскимъ и болгарскимъ, а также нѣсколькими другими нарѣчіями, русскій языкъ принадлежитъ къ великой славянской семьѣ языковъ, которая, въ свою очередь,—вмѣстѣ съ скандинаво-саксонской и латинской семьями, а также съ языками литовскимъ, персидскимъ, армянскимъ и грузинскимъ,—принадлежитъ къ великой Индо-Европейской или Арійской вѣтви. Съ теченіемъ времени,—мы надѣемся, вскорѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—сокровища народной поэзіи южныхъ славянъ и новыя литературы поляковъ и чеховъ сдѣлаются доступными для западно-европейскихъ читателей. Но въ настоящемъ трудѣ

я коснусь литературы одной лишь вѣтви великой славянской семьи, а именно, русской, или восточной вѣтви; и даже при этомъ ограниченіи я принужденъ буду умолчать о южнорусской или украинской литературѣ, и о бѣлорусской или западно-русской народной литературѣ и пѣсняхъ. Я буду говорить лишь о литературѣ великороссовъ или, проще, о русской литературѣ. Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, великорусскій пользуется наиболѣе широкимъ распространеніемъ. Это — языкъ Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Толстого.

Подобно всѣмъ другимъ языкамъ, русскій воспринялъ въ себя много иностранныхъ словъ: скандинавскихъ, турецкихъ, монгольскихъ, а позднѣе—греческихъ и латинскихъ. Но, несмотря на ассимиляцію многихъ племенъ урало-алтайскаго или туранскаго корня, которая была удѣломъ русскаго народа въ продолженіе многихъ вѣковъ, его языкъ сохранился въ замѣчательной чистотѣ. Приходится только удивляться, что переводъ Библіи, сдѣланный въ IX ст., на языкъ, которымъ тогда говорили въ Болгаріи и Македоніи, до сихъ поръ въ общемъ понятенъ даже русскому простолюдину. Грамматическія формы и конструкція фразъ этого перевода совершенно различны отъ теперешнихъ; но корни словъ и даже значительное количество словъ—тѣ же, которые были въ употребленіи тысячу лѣтъ тому назадъ.

Должно, впрочемъ, сказать, что даже въ этотъ ранній періодъ языкъ русскихъ славянъ достигъ уже высокой степени совершенства. Очень немногія слова евангельскаго текста сохранены по-гречески, при чемъ это обыкновенно названія предметовъ, неизвѣстныхъ южнымъ славянамъ; но въ то же время ни одно изъ отвлеченныхъ понятій и ни одинъ изъ поэтическихъ образовъ оригинала не подверглись искаженію, и переводчики нашли для нихъ надлежащія выраженія. Многія выраженія перевода отличаются поразительной красотой и сохранили эту красоту до настоящаго времени. Каждому памятны, напримѣръ, затрудненія, которыя испытывалъ учёный докторъ Фаустъ, въ безсмертной трагедіи Гёте, при переводѣ фразы: „Въ началѣ бѣ Слово“. „Слово“— Das Wort—въ современномъ германскомъ языкѣ показалось доктору Фаусту черезчуръ низменнымъ для выраженія идеи:

„Богъ былъ Слово“. Но „Слово“, въ старо-славянскомъ переводѣ, помимо своего коренного значенія, заключало гораздо болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ нѣмецкое „Das Wort“. Оно отчасти сохранило его и до настоящаго времени; въ старо-славянскомъ же языкѣ, въ понятіе „Слово“ включалось также понятіе о „Разумѣ“,—нѣмецкій „Vernunft“, и вслѣдствіе этого оно давало читателю идею достаточно глубокую, чтобы во второй части евангельскаго стиха не чувствовалось противорѣчія.

Я глубоко сожалѣю, что не могу дать англійскимъ читателямъ понятія о красотѣ и строеніи русскаго языка, который былъ въ употребленіи въ началѣ одиннадцатаго вѣка на сѣверѣ Россіи, и образчикъ котораго сохранился въ проповѣди новгородскаго епископа (1035 г.). Короткія предложенія этой проповѣди, расчитанныя на пониманіе ихъ новообращенною паствою, поистинѣ прекрасны; въ то же время христіанское міровоззрѣніе епископа, вполнѣ свободное отъ византійскаго гностицизма, очень характерно, какъ образчикъ того, какъ понималось христіанство, и до сихъ поръ понимается, массой русскаго народа.

Въ настоящее время русскій языкъ (великорусскій) въ замѣчательной степени свободенъ отъ провинціальныхъ поднарѣчій (patois). Малорусскій или украинскій, являющійся языкомъ почти пятнадцати-милліоннаго народа и обладающій собственной литературой (какъ народной, такъ и литературой въ собственномъ смыслѣ этого слова), несомнѣнно представляетъ отдѣльный языкъ, въ той же степени, какъ норвежскій или датскій отдѣльны отъ шведскаго, или португальскій и каталонскій отдѣльны отъ кастильскаго или испанскаго. Бѣлорусскій, которымъ говорятъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ западной Россіи, также необходимо разсматривать, какъ отдѣльную вѣтвь русскаго языка, а не какъ мѣстное нарѣчіе. Что же касается великорусскаго, или русскаго, то имъ говоритъ компактная масса почти 80.000.000 населенія въ сѣверной, центральной, восточной и южной Россіи, а также на сѣверномъ Кавказѣ и Сибири. Произношеніе слегка разнится въ различныхъ частяхъ этой огромной территоріи; но все же литературный языкъ Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого понятенъ всей этой огромной массѣ

народа. Русскіе классики расходятся по деревнямъ въ милліонахъ экземпляровъ и когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, истекли права издателей на сочиненія Пушкина (50 лѣтъ спустя послѣ его смерти), полныя изданія его сочиненій—нѣкоторыя изъ нихъ въ 10 томахъ—были распроданы въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ по невѣроятно низкимъ цѣнамъ; въ то же время отдѣльныя изданія его поэмъ, сказокъ и т. д. продаются теперь сотнями тысячъ, по копейкѣ и по 3 копейки за экземпляръ, разносимыя по деревнямъ коробейниками. Даже полныя изданія сочиненій Гоголя, Тургенева и Гончарова въ 12-ти томныхъ изданіяхъ, иногда расходились, въ видѣ приложенія къ „Нивѣ", въ количествѣ 200.000 экземпляровъ въ теченіе одного года. Преимущества подобнаго интеллектуальнаго единства націи вполнѣ очевидны.

Ранняя народная литература: Сказки.—Пѣсни.—Былины.

Ранняя народная русская литература, которая лишь отчасти хранится въ памяти крестьянскаго населенія, отличается поразительнымъ богатствомъ и полна глубокаго интереса. Ни одна западно-европейская нація не обладаетъ такимъ поразительнымъ богатствомъ народнаго творчества, въ формѣ преданій, сказокъ и лирическихъ народныхъ пѣсенъ,—при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ отличаются необыкновенной красотой—и такимъ богатымъ цикломъ эпическихъ пѣсенъ, относящихся къ сѣдой древности. Конечно, всѣ европейскія націи когда-то обладали такими же богатствами народной литературы; но значительная часть ихъ богатства была утрачена ранѣе, чѣмъ научные изслѣдователи поняли ихъ цѣнность и начали собирать ихъ. Въ Россіи эта драгоцѣнность осталась сохраненной въ отдаленныхъ, незатронутыхъ еще цивилизаціей, деревушкахъ, особенно въ области, расположенной вокругъ Онежскаго озера; и когда фольклористы, въ концѣ XVIII-го и въ XIX-омъ вѣкѣ обратили на нее вниманіе, они застали еще въ сѣверной Россіи и въ Малороссіи сказителей и пѣвцовъ, ходившихъ по деревнямъ со своими первобытными струнными инструментами, распѣ-

вая былины, происхожденіе которыхъ терялось въ глубокой древности.

Кромѣ того значительное количество очень старыхъ пѣсенъ поется до сихъ поръ въ русскихъ деревняхъ. Каждый крупный годовой праздникъ,—Рождество, Пасха, день на Ивана Купала,—имѣетъ свой собственный кругъ пѣсенъ, которыхъ слова и напѣвы относятся еще ко временамъ язычества. При свадьбахъ, сопровождаемыхъ очень сложнымъ обиходомъ, и при похоронахъ, женщины-крестьянки поютъ также весьма древнія пѣсни. Многія изъ этихъ пѣсенъ, конечно, подверглись съ теченіе вѣковъ значительнымъ искаженіямъ; отъ нѣкоторыхъ уцѣлѣли лишь отрывки; но, памятуя народную пословицу, что „изъ пѣсни слова не выкинешь", женщины во многихъ мѣстностяхъ Россіи продолжаютъ пѣть эти древнія пѣсни, хотя смыслъ многихъ словъ уже недоступенъ ихъ пониманію.

Помимо пѣсенъ имѣются также сказки. Многія изъ нихъ обще-арійскаго происхожденія; параллельныя сказки можно найти въ собраніяхъ сказокъ братьевъ Гриммовъ; но нѣкоторыя имѣютъ монгольское и тюркское происхожденіе *); нѣкоторыя же, по основѣ своей — чисто русскія. Вслѣдъ затѣмъ идутъ пѣсни, распѣваемыя странствующими пѣвцами, каликами-перехожими; пѣсни эти также очень древняго происхожденія. Они почти цѣликомъ заимствованы съ востока, и героями и героинями ихъ являются представители другихъ народностей, какъ, напримѣръ „Акибъ, ассирійскій царь", „Прекрасная Елена", „Александръ Великій", „Рустемъ Персидскій" и т. п. Понятно, какой интересъ представляютъ эти русскія версіи восточныхъ легендъ для всякаго изслѣдователя въ области фольклора и сравнительной миѳологіи.

Наконецъ, крупное мѣсто въ русской народной словесности занимаютъ эпическія пѣсни, былины, которыя соотвѣтствуютъ исландскимъ сагамъ. Даже и въ настоящее время ихъ можно иногда услышать въ деревняхъ сѣверной Россіи, гдѣ ихъ

*) Нашъ „Кощей" оказался египетскимъ царемъ Коучеемъ; текстъ, почти параллельный русской сказкѣ, оказался въ папирусахъ.

(Примѣчаніе переводчика).

поютъ такъ-называемые „сказители“, аккомпанируя себѣ на спеціальномъ инструментѣ, также имѣющемъ очень древнее происхожденіе. Старикъ-сказитель произноситъ речитативомъ одну или двѣ фразы, аккомпанируя себѣ на инструментѣ; вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ мелодія, въ которую каждый пѣвецъ влагаетъ собственныя модуляціи, и затѣмъ снова начинается спокойный речитативъ эпическаго разсказа. Къ сожалѣнію, эти старые барды быстро вымираютъ; но около 35 лѣтъ тому назадъ нѣкоторые изъ нихъ были еще живы въ Олонецкой губерніи, и мнѣ удалось услышать одного изъ нихъ, привезеннаго въ Петербургъ А. Гильфердингомъ; старый пѣвецъ пѣлъ свои удивительныя былины въ Собраніи Русскаго Географическаго Общества. Собираніе эпическихъ пѣсенъ, къ счастію, было начато заблаговременно,—еще въ XVIII вѣкѣ этому дѣлу посвятило себя нѣсколько спеціалистовъ,—и въ настоящее время Россія обладаетъ едва-ли ни самымъ богатымъ собраніемъ подобнаго рода пѣсенъ (около четырехъ сотъ), спасенныхъ отъ забвенія.

Героями русскихъ эпическихъ пѣсенъ являются богатыри, которыхъ народное преданіе объединяетъ вокругъ стола кіевскаго князя, Владимира Краснаго-Солнышка. Одаренные сверхъестественной физической силой, эти богатыри—Илья-Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Микула Селяниновичъ, Алеша Поповичъ и т. д., изображаются путешествующими по Россіи, очищая страну отъ великановъ, или отъ монголовъ и турокъ. Или же они отправляются въ отдаленныя страны, для добыванія невѣсты своему князю, Владимиру, или самимъ себѣ; на пути они встрѣчаются, конечно, со всякаго рода приключеніями, въ которыхъ волшебство играетъ немалую роль. Каждый изъ героевъ этихъ былинъ носитъ индивидуальный характеръ. Такъ, напримѣръ, Илья, крестьянскій сынъ, не гонится за золотомъ и богатствами; онъ сражается лишь съ цѣлью очистить родную землю отъ великановъ и иноземцевъ. Микула Селяниновичъ является олицетвореніемъ силы, которой одаренъ крестьянинъ, обрабатывающій землю: никто не можетъ выдернуть изъ земли его тяжелаго плуга, въ то время какъ онъ самъ поднимаетъ его одной рукой и бросаетъ за облака. Добрыня имѣетъ тѣ же черты борца съ драконами, которыя присущи святому Георгію. Садко

олицетворяетъ богатаго купца, а Чурило Пленковичъ—изысканнаго красиваго горожанина, въ котораго влюбляются женщины.

Въ то же время, въ каждомъ изъ этихъ героевъ есть черты несомнѣнно миѳологическаго характера. Вслѣдствіе этого, ранніе русскіе изслѣдователи былиннаго эпоса, находившіеся подъ вліяніемъ Гримма, пытались разсматривать былины, какъ отрывочныя отраженія старой славянской миѳологіи, въ которой силы природы олицетворялись героями. Въ Ильѣ они видѣли черты бога-громоносца. Добрыня олицетворялъ, по ихъ мнѣнію, солнце въ его пассивномъ состояніи,—активныя боевыя качества солнца оставлялись Ильѣ. Садко былъ олицетвореніемъ мореходства и морской богъ, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, былъ своего рода Нептунъ. Чурило разсматривался, какъ представитель демоническаго элемента и т. д. Такъ, по крайней мѣрѣ, пытались объяснить былины ранніе изслѣдователи.

В. В. Стасовъ, въ своемъ трудѣ о происхожденіи русскихъ былинъ, совершенно разрушилъ эту теорію. Путемъ очень богатой аргументаціи онъ доказалъ, что русскія эпическія пѣсни вовсе не были отраженіями славянской миѳологіи, но представляютъ заимствованія изъ восточныхъ сказаній. Такимъ образомъ оказывалось, что Илья былъ Русгемомъ иранскихъ легендъ, помѣщенный въ русскую обстановку; Добрыня являлся Кришной индійскаго фольклора; Садко — купецъ восточныхъ и норманскихъ сказаній. Всѣ русскіе эпическіе герои имѣли восточное происхожденіе. Другіе изслѣдователи пошли даже дальше Стасова. Они увидѣли въ герояхъ русской эпики малозначительныхъ мѣстныхъ дѣятелей, жившихъ въ XIV и XV вѣкѣ (Илья Муромецъ, дѣйствительно, упоминается, какъ историческое лицо, въ одной изъ скандинавскихъ хроникъ), которымъ были приписаны подвиги восточныхъ героевъ, заимствованные изъ легендъ востока. Согласно этой теоріи, герои былинъ не имѣютъ ничего общаго съ эпохой князя Владимира, и еще менѣе съ древней славянской миѳологіей.

Постепенная эволюція и переходъ миѳовъ изъ одной страны въ другую, при чемъ эти миѳы съ успѣхомъ сливались, по мѣрѣ того, какъ они проникали въ новыя страны,

съ преданіями о мѣстныхъ герояхъ, могутъ послужить нѣкоторымъ объясненіемъ этихъ противорѣчій. Нельзя отрицать миѳологическихъ чертъ въ герояхъ русской эпики; но дѣло въ томъ, что эта миѳологія носитъ не спеціально-славянскій, а обще-арійскій характеръ. Изъ этихъ миѳологическихъ олицетвореній силъ природы постепенно выросли на Востокѣ ихъ человѣческія олицетворенія въ формѣ героевъ.

Въ болѣе позднюю эпоху, когда эти восточныя легенды начали проникать въ Россію, дѣянія ихъ героевъ были приписаны русскимъ богатырямъ, и восточнымъ героямъ была дана русская обстановка. Русскій фольклоръ ассимилировалъ ихъ; но, сохраняя ихъ наиболѣе глубокія, полу-миѳологическія черты и основныя особенности ихъ характеровъ, русскій народъ, въ то же самое время, придалъ иранскому Рустему, индійскому побѣдителю драконовъ, восточному купцу и т. д., новыя, чисто-русскія черты. Онъ, такъ сказать, обнажилъ ихъ отъ тѣхъ одѣяній, которыя были наброшены на Востокѣ на ихъ мистическую сущность, когда они впервые были очеловѣчены иранцами и индійцами, и надѣлъ на нихъ русскую одежду,—совершенно также какъ въ сказкахъ объ Александрѣ Великомъ, которыя мнѣ пришлось слышать въ Забайкальѣ, греческому герою были приписаны бурятскія черты, а мѣстомъ дѣйствія оказывалась такая-то „сопка“ изъ забайкальскихъ горъ. Но все же русскій фольклоръ не ограничился простымъ переодѣваньемъ персидскаго принца Рустема въ русскаго крестьянина Илью. Русскія былины, по ихъ стилю, поэтическимъ образамъ и отчасти по характеристикѣ героевъ, являются самостоятельными созданіями народнаго творчества. Ихъ герои носятъ отличительныя черты русскаго характера. Такъ, напримѣръ, они не прибѣгаютъ къ кровавой мести, какъ это бываетъ въ скандинавскихъ сагахъ; ихъ дѣйствія, особенно у „старшихъ богатырей“, не являются результатомъ преслѣдованія личныхъ цѣлей, но проникнуты общиннымъ духомъ, представляющимъ характерную особенность русской народной жизни. Словомъ, они—настолько же русскіе, насколько Рустемъ былъ персомъ. Относительно времени возникновенія этихъ былинъ предполагается, что онѣ получили начало между десятымъ

и двѣнадцатымъ вѣкомъ и приняли ту форму, въ которой они дошли до насъ, въ XIV-мъ столѣтіи. Съ того времени онѣ подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ.

Въ этихъ былинахъ Россія обладаетъ драгоцѣннымъ національнымъ наслѣдіемъ рѣдкой поэтической красоты, которое нашло достодолжную оцѣнку въ Англіи со стороны Рольстона и во Франціи со стороны извѣстнаго историка Рамбо.

„Слово о полку Игоревѣ".

Несмотря на богатство своего эпоса, Россія не имѣетъ собственной Иліады. Не нашлось въ тѣ времена поэта, который вдохновился бы героическими дѣяніями Ильи, Добрыни, Садко, Чурилы и т. д., и создалъ бы изъ нихъ эпическую поэму, подобную поэмѣ Гомера или „Калевалѣ" финновъ. Это было сдѣлано лишь по отношенію къ одному только циклу преданій,—въ поэмѣ „Слово о полку Игоревѣ".

Созданіе поэмы относится къ концу XII-го вѣка или началу XIII-го (рукопись ея, погибшая во время московскаго пожара въ 1812 году, носила слѣды XIV-го или XV-го столѣтія). Поэма, несомнѣнно, является единоличнымъ трудомъ одного автора, и, по красотѣ и поэтичности, можетъ быть поставлена на ряду съ „Пѣсней о Нибелунгахъ" или съ „Пѣсней о Роландѣ". Въ ней излагается дѣйствительное событіе, случившееся въ 1185 году. Игорь, князь кіевскій, выступаетъ съ своей дружиной противъ половцевъ, которые занимали степи юго-западной Россіи, и постоянно нападали на русскія поселенія. На пути черезъ степи, князя встрѣчаютъ мрачныя предвѣщанія: солнце омрачается и бросаетъ тѣнь на княжескую дружину; звѣри предостерегаютъ его, но Игорь не обращаетъ на это вниманія,—походъ продолжается. Наконецъ его дружина встрѣчаетъ половцевъ, и начинается великая битва.

Описаніе битвы, въ которой вся природа принимаетъ участіе—орлы, и волки, и лисицы, которыя лаютъ на красные щиты русскихъ воиновъ—поистинѣ замѣчательно. Войско Игоря разбито.

„Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы

каленыя, звучатъ сабли о шеломы, трещатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, среди земли половецкой. Черная земля подъ копытами костьми была посѣяна, а кровію полита: возрасла на ней бѣда для земли русской. Что мнѣ шумитъ, что мнѣ звенитъ рано передъ зарею? Игорь полки поворачиваетъ: жаль бо ему милаго брата Всеволода. Билися день, билися другой: на третій день къ полудню пали знамены Игоревы. Тутъ разлучилися братья на берегѣ быстрой Каялы. Не достало тутъ вина кроваваго; тутъ и кончили пиръ храбрые Русичи: сватовъ попоили, да и сами легли за землю русскую. Поникла трава отъ жалости, и дерево къ землѣ преклонилось отъ печали". (Переводъ Бѣлинскаго. Сочиненія, изданіе Венгерова, томъ VI).

Вслѣдъ затѣмъ идетъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ древней русской поэзіи—плачъ Ярославны, жены Игоря, которая ожидаетъ его возвращенія въ Путивлѣ. (Передаю его въ томъ же переводѣ Бѣлинскаго).

„Ярославнинъ голосъ раздается рано по-утру:

„Полечу я по Дунаю зегзицею, омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ, отру князю кровавыя раны на жестокомъ тѣлѣ его!

„Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ:

„О вѣтеръ, о вѣтеръ! зачѣмъ, господине, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моей лады? Или мало для тебя горъ, чтобы вѣять подъ облаками, лелѣючи корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господине, развѣялъ ты мое веселіе по ковыль-травѣ?

„Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ:

„О Днѣпръ пресловутый! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ ладьи Святославовы до стану кобякова: взлелѣй же, господине, мою ладу ко мнѣ, чтобы не слала я къ нему по-утрамъ слезъ моихъ на море.

„Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ:

„Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ и красно и тепло ты: зачѣмъ, господине, простеръ горячій лучъ свой на воиновъ моей лады, въ безводномъ полѣ жаждою луки имъ сопрягъ, печалію имъ колчаны затянулъ?"

Этотъ небольшой отрывокъ можетъ дать нѣкоторое понятіе объ общемъ характерѣ и поэтическихъ красотахъ „Слова о полку Игоревѣ“ *).

Несомнѣнно, эта поэма не была единственной, и, помимо нея, въ тѣ времена, вѣроятно, составлялись и распѣвались многія подобныя же поэмы героическаго характера. Въ введеніи къ поэмѣ дѣйствительно упоминается о бардахъ, особенно объ одномъ изъ нихъ, Баянѣ, пѣсни котораго сравниваются съ вѣтромъ, несущимся по вершинамъ деревьевъ. Много такихъ Баяновъ, вѣроятно, ходили по русской землѣ и пѣли подобныя „Слова“ во время пировъ князей и ихъ дружинъ. Къ несчастію, лишь одна изъ этихъ поэмъ дошла до насъ. Русская церковь безжалостно запрещала—особенно въ XV-мъ, XVI и XVII столѣтіяхъ, — пѣніе эпическихъ пѣсенъ, имѣвшихъ распространеніе въ народныхъ массахъ; она считала ихъ „языческими“ и налагала суровыя наказанія на бардовъ и вообще всѣхъ, поющихъ старыя пѣсни. Вслѣдствіе этого до насъ дошли лишь небольшіе отрывки этой ранней народной поэзіи.

Но даже эти немногіе остатки прошлаго оказали сильное вліяніе на русскую литературу, съ тѣхъ поръ, какъ она получила возможность заниматься другими сюжетами, кромѣ чисто-религіозныхъ. Если русская версификація приняла ритмическую форму, вмѣсто силлабической, это объясняется тѣмъ, что на русскихъ поэтовъ оказала вліяніе ритмическая форма народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, вплоть до недавняго времени, народныя пѣсни являлись такой важной чертой русской деревенской жизни,—какъ въ домахъ помѣщиковъ, такъ и въ избахъ крестьянъ,—что онѣ неизбѣжно должны были оказать глубокое вліяніе на русскихъ поэтовъ; и первый великій поэтъ Россіи, Пушкинъ, началъ свою

*) Англійскіе читатели найдутъ полный переводъ этой поэмы въ работѣ профессора Л. Винера „Anthology of Russian Literature from tse Earliest Period to tse Present Time“, изданной въ 2-хъ томахъ въ 1902 году фирмой Putuam & Sons въ Нью Іоркѣ. Профессоръ Винеръ превосходно знакомъ съ русской литературой и сдѣлалъ очень удачную выборку наиболѣе характерныхъ мѣстъ изъ произведеній русскихъ писателей, начиная съ древнѣйшаго періода (911 г.) и кончая нашими современниками,— Горькимъ и Мережковскимъ.

карьеру пересказомъ въ стихахъ сказокъ своей старой няни, которыя онъ любилъ слушать въ долгіе зимніе вечера. Благодаря нашему почти невѣроятному богатству чрезвычайно музыкальныхъ народныхъ пѣсенъ, возможно было также появленіе въ Россіи, уже въ 1835 году, оперы „Аскольдова Могила“, Верстовскаго, чисто-русскія мелодіи которой запоминаются даже наименѣе музыкальными изъ русскихъ слушателей; благодаря тѣмъ-же причинамъ, оперы Даргомыжскаго и нашихъ молодыхъ композиторовъ имѣютъ теперь такой успѣхъ въ русской деревнѣ, при чемъ хоры въ нихъ выполняются мѣстными пѣвцами изъ крестьянъ.

Такимъ образомъ народная поэзія и народныя пѣсни оказали Россіи громадную услугу. Онѣ сохранили извѣстное единство между языкомъ литературы и языкомъ народныхъ массъ, между музыкой Глинки, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Бородина и т. д., и музыкой крестьянскихъ хоровъ,— сдѣлавъ такимъ образомъ поэта и композитора доступными крестьянину.

Лѣтописи.

Говоря о ранней русской литературѣ необходимо упомянуть, также, хотя бы вкратцѣ, о лѣтописяхъ.

Ни одна страна не можетъ похвалиться болѣе богатымъ собраніемъ лѣтописей. Въ X—XII вѣкѣ, главными центрами развитія были: Кіевъ, Новгородъ, Псковъ, Земля Волынская, Суздальская (Владиміръ, Москва), Рязанская и т. д., являвшіяся въ то время своего рода независимыми республиками, объединенными между собою единствомъ языка и религіи, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ онѣ выбирали своихъ князей, выполнявшихъ роль военныхъ вождей и судей, изъ дома Рюрика. Каждый изъ этихъ центровъ имѣлъ собственныя лѣтописи, носившія отпечатокъ мѣстной жизни и мѣстныхъ особенностей. Южно-русскія и Волынскія лѣтописи,—изъ которыхъ такъ-называемая лѣтопись Нестора отличается наибольшей полностью и пользуется наибольшей извѣстностью,—не были лишь сухимъ сводомъ фактическихъ данныхъ; мѣстами въ нихъ замѣтна работа воображенія и

поэтическаго вдохновенія. Лѣтописи новгородскія носятъ отпечатокъ жизни города богатыхъ купцовъ: онѣ имѣютъ строго фактическій характеръ, и лѣтописецъ воодушевляется лишь при описаніи побѣдъ Новгородской республики надъ суздальской землей. Лѣтописи сосѣдней Псковской республики, напротивъ, проникнуты демократическимъ духомъ и съ демократической симпатіей, въ чрезвычайно живописной формѣ, разсказываютъ о борьбѣ между бѣдняками и богачами Пскова. Вообще, несомнѣнно, что лѣтописи не были трудомъ монаховъ, какъ это предполагалось ранѣе; онѣ составлялись, для различныхъ республикъ, людьми, вполнѣ ознакомленными съ ихъ политической жизнью, договорами съ другими республиками, внутренними и внѣшними столкновеніями и т. д.

Болѣе того, лѣтописи, въ особенности Кіевскія,—а между ними Несторова лѣтопись,—были болѣе, чѣмъ простыя отмѣтки событій; это были, какъ можно судить по самому названію послѣдней („Откуда и какъ пошла Русская Земля"), попытки написать исторію страны, подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ подобнаго рода. Рукописи, дошедшія до насъ—въ особенности Кіевскихъ лѣтописей—имѣютъ сложное построеніе, и историки различаютъ въ нихъ нѣсколько „наслоеній", относящихся къ различнымъ періодамъ. Старыя преданія; отрывки историческихъ свѣдѣній, вѣроятно, заимствованныхъ у византійскихъ историковъ; старые договоры; поэмы, въ которыхъ разсказывается о различныхъ эпизодахъ, подобныхъ походу Игоря, и мѣстныя лѣтописи различныхъ періодовъ —являются ихъ составными частями. Историческіе факты, относящіеся къ очень раннему періоду и вполнѣ подтверждаемые свидѣтельствами Константинопольскихъ лѣтописцевъ и историковъ, смѣшиваются съ чисто-миѳическими преданіями. Но именно эта особенность и придаетъ особенно высокую литературную цѣнность русскимъ лѣтописямъ, особливо южнымъ и юго-западнымъ, въ которыхъ чаще всего встрѣчаются наиболѣе драгоцѣнные отрывки ранней литературы.

Таковы, въ общемъ, были литературныя сокровища, которыми обладала Россія въ началѣ XIII-го вѣка.

Средневѣковая литература.

Монгольское нашествіе, случившееся въ 1223 г., разрушило всю эту молодую цивилизацію и повело Россію по совершенно иному пути. Главные города южной и средней Россіи были разрушены. Кіевъ, бывшій многолюднымъ городомъ и центромъ тогдашней образованности, былъ низведенъ до степени незначительнаго поселенія, съ трудомъ борющагося за существованіе, и въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій онъ совершенно исчезаетъ изъ исторіи. Цѣлыя населенія большихъ городовъ уводились въ плѣнъ монголами, или безпощадно истреблялись, въ случаѣ сопротивленія. Какъ-бы въ довершеніе несчастій, постигнувшихъ Россію, вслѣдъ за монголами послѣдовали турки, напавшіе на Балканскій полуостровъ, и къ концу XV-го вѣка двѣ страны, Сербія и Болгарія, при посредствѣ которыхъ проникла въ Россію образованность, попали подъ иго Османовъ. Вся жизнь Россіи подверглась глубокимъ измѣненіямъ.

До монгольскаго нашествія, вся страна была покрыта независимыми республиками, подобными средневѣковымъ городамъ-республикамъ Западной Европы. Теперь, при сильной поддержкѣ церкви, постепенно начало образовываться въ Москвѣ военное государство, которое, съ помощью монгольскихъ хановъ, подчинило себѣ окружавшія его независимыя области. Главныя усилія государственныхъ людей, и наиболѣе активныхъ представителей русской церкви, были направлены теперь къ созиданію могущественнаго княжества, которое обладало бы достаточными силами, чтобы сбросить монгольское иго. Прежніе идеалы мѣстной независимости и федераціи замѣнились идеалами централизованнаго государства. Церковь, въ ея усиліяхъ создать христіанскую національность, свободную отъ всякаго умственнаго или нравственнаго вліянія ненавидимыхъ язычниковъ - монголовъ, превратилась въ суровую централистическую силу, безжалостно преслѣдовавшую всякіе остатки языческаго прошлаго. Въ то же время церковь неутомимо работала надъ созданіемъ, по византійскому образцу, неограниченной власти московскихъ князей. Съ цѣлью усиленія военной мощи

государства было введено крѣпостное состоянiе. Вся независимая мѣстная жизнь была задавлена. Идея о томъ, что Москва является центромъ церковной и государственной жизни—усиленно поддерживалась церковью, которая проповѣдывала, что Москва представляетъ наслѣдницу Константинополя—„третiй Римъ“, единственную мѣстность, въ которой сохранилось истинное христiанство. Въ болѣе позднюю эпоху, когда монгольское иго было уже свергнуто, работа консолидацiи Московской монархiи усердно продолжалась царями и церковью, боровшимися противъ проникновенiя западно-европейскихъ влiянiй, съ цѣлью предохранить русскую церковь отъ происковъ „латынской“ церкви.

Эти новыя условiя неизбѣжнымъ образомъ оказали глубокое влiянiе на дальнѣйшее развитiе литературы. Свѣжесть и энергическая юность ранней эпической поэзiи исчезли навсегда. Меланхолическая грусть и духъ покорности становятся съ этого времени характерными чертами русской народной поэзiи. Постоянные набѣги татаръ, которые уводили цѣлыя деревни плѣнниками въ южно-русскiя степи; страданiя этихъ плѣнниковъ въ рабствѣ; наѣзды баскаковъ, налагавшихъ тяжелыя дани и издѣвавшихся всяческимъ образомъ надъ покоренными; тяжести, налагаемыя на народъ ростомъ военнаго государства,—все это отразилось въ народныхъ пѣсняхъ, окрасивъ ихъ глубокой печалью, отъ которой онѣ не освободились и до сихъ поръ. Въ то же самое время веселыя свадебныя пѣсни древности и эпическiя пѣсни странствующихъ пѣвцовъ подвергались запрещенiю, и люди,—осмѣливавшiеся распѣвать ихъ,—жестоко преслѣдовались церковью, которая видѣла въ этихъ пѣсняхъ не только пережитокъ языческаго прошлаго, но и нѣчто, могущее дать поводъ къ сближенiю населенiя съ язычниками татарами.

Тогдашняя образованность мало-по-малу сосредоточилась въ монастыряхъ, изъ которыхъ каждый являлся своего рода крѣпостью, въ которой спасалось населенiе при нашествiи татаръ, и эта образованность, по вышеуказаннымъ причинамъ, замыкалась въ тѣсномъ кругѣ христiанской литературы. Изученiе природы разсматривалось, какъ ересь, близкая къ „волхованiю“. Аскетизмъ превозносился, какъ высшая христiанская добродѣтель, и его восхваленiе является отличи-

тельной чертой тогдашней письменности. Наибольшимъ распространеніемъ пользовались всякаго рода легенды о святыхъ, заучивавшіяся наизусть, при чемъ этого рода литература не уравновѣшивалась даже той наукой, которая развивалась въ средневѣковыхъ университетахъ Западной Европы. Стремленіе къ познанію природы осуждалось церковью, какъ проявленіе горделиваго ума. На поэзію смотрѣли, какъ на грѣхъ. Лѣтописи потеряли свой прежній воодушевленный характеръ и превратились въ сухой перечень успѣховъ возрастающаго государства, или же наполнялись мелочами, относящимися къ дѣятельности мѣстныхъ епископовъ и архимандритовъ монастырей.

Въ теченіе XII-го вѣка, въ сѣверныхъ республикахъ, Новгородской и Псковской, образовалось довольно сильное теченіе религіозной мысли, склонявшееся, съ одной стороны— къ протестантскому раціонализму и съ другой—къ развитію христіанства на основѣ раннихъ христіанскихъ братствъ. Апокрифическія евангелія, книги стараго завѣта и всякія книги, въ которыхъ разсматривался вопросъ объ истинномъ христіанствѣ, усердно переписывались и пользовались широкимъ распространеніемъ. Но теперь главы церкви въ средней Россіи усиленно боролись противъ всякаго рода тенденцій, принимавшихъ характеръ реформированнаго христіанства. Отъ паствы требовалась строгая приверженность къ буквѣ ученія византійской церкви. Попытки объясненія евангелій разсматривались, какъ ересь. Всякое проявленіе умственной жизни въ сферѣ религіи, равно какъ и критическое отношеніе къ духовнымъ властямъ московской церкви, считались чрезвычайно опасными, и люди, виновные въ подобной дерзости, вынуждены бывали бѣжать изъ Москвы, ища убѣжища въ глухихъ монастыряхъ дальняго Сѣвера. Великая эпоха Возрожденія, влившая новую жизнь въ Западную Европу, прошла безслѣдно для Россіи: церковь свирѣпо истребляла все, выходившее изъ рамокъ обрядности и сожигала на кострахъ, или замучивала подъ пыткой всѣхъ, проявлявшихъ признаки независимой или критической мысли.

Я не буду останавливаться на этомъ періодѣ, охватывающемъ почти пять столѣтій, такъ какъ онъ представляетъ очень мало интереса для изслѣдователя русской литературы

и ограничусь лишь упоминаніемъ о двухъ или трехъ трудахъ, заслуживающихъ вниманія.

Однимъ изъ такихъ литературныхъ трудовъ является переписка между царемъ Іоанномъ Грознымъ и однимъ изъ его вассаловъ, княземъ Курбскимъ, бѣжавшимъ изъ Москвы въ Литву. Изъ-за литовскаго рубежа, Курбскій писалъ своему жестокому, полу-безумному, бывшему властелину длинныя письма, полныя укоризнъ, на которыя Іоаннъ отвѣчалъ, развивая въ своихъ отвѣтахъ теорію божественнаго происхожденія царской власти. Эта переписка очень интересна, какъ для характеристики политическихъ идей того времени, такъ и для опредѣленія круга познаній той эпохи.

Послѣ смерти Іоанна Грознаго (занимавшаго въ русской исторіи то же мѣсто, какое занималъ во Франціи Людовикъ XI, такъ какъ онъ уничтожилъ огнемъ и мечомъ—но съ чисто татарской жестокостью—власть феодальныхъ князей), въ Россіи наступаютъ, какъ извѣстно, времена великихъ смутъ. Появляется изъ Польши загадочный Димитрій, объявившій себя сыномъ Іоанна, и овладѣваетъ Московскимъ престоломъ. Въ Россію вступаютъ поляки, которые вскорѣ овладѣваютъ Москвой, Смоленскомъ и всѣми западными городами. Вслѣдъ за сверженіемъ Димитрія, послѣдовавшимъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его коронаціи, вспыхиваетъ крестьянское возстаніе, и вся центральная Россія наводняется казацкими шайками, при чемъ выступаетъ нѣсколько новыхъ претендентовъ на престолъ. Эти годы—„Лихолѣтье“ должны были оставить слѣды въ народныхъ пѣсняхъ, но пѣсни того времени были забыты потомъ, когда наступилъ мрачный періодъ послѣдовавшаго затѣмъ крѣпостного права, и мы знаемъ нѣкоторыя изъ нихъ, лишь благодаря англичанину Ричарду Джемсу, который былъ въ Россіи въ 1619 году и записалъ нѣкоторыя пѣсни, относящіяся къ этому періоду. То же должно сказать и о той народной литературѣ, которая, несомнѣнно, должна была сложиться во второй половинѣ XVII-го вѣка. Она совершенно погибла. Окончательное введеніе крѣпостного права при первомъ Романовѣ (Михаилъ, 1612—1640); слѣдовавшіе затѣмъ повсемѣстные крестьянскіе бунты, закончившіеся грознымъ возстаніемъ Степана Разина, который сдѣлался съ тѣхъ поръ любимымъ

героемъ угнетенныхъ крестьянъ; и, наконецъ, суровое безчеловѣчное преслѣдованіе раскольниковъ, ихъ переселеніе на востокъ въ дебри Урала,—всѣ эти событія, несомнѣнно, нашли выраженіе въ народныхъ пѣсняхъ; но государство и церковь съ такой жестокостью душили все, носившее малѣйшіе слѣды „мятежнаго“ духа, что до насъ не дошло никакихъ памятниковъ народнаго творчества этой эпохи. Лишь нѣсколько сочиненій полемическаго характера и замѣчательная автобіографія ссыльнаго священника Аввакума, сохранились въ рукописной литературѣ раскольниковъ.

Церковный расколъ.—Автобіографія Аввакума.

Первая русская библія была напечатана въ Польшѣ въ 1580 году. Нѣсколькими годами позднѣе была устроена типографія въ Москвѣ, и властямъ русской церкви пришлось теперь рѣшать,—какой изъ писанныхъ текстовъ, бывшихъ въ обращеніи, слѣдуетъ принять за оригиналъ при печатаніи священныхъ книгъ. Списки этихъ книгъ, бывшіе тогда въ обращеніи, были полны описокъ и ошибокъ, и было ясно, что раньше, чѣмъ печатать, они должны были подвергнуться пересмотру, путемъ сравненія съ греческими текстами. Исправленіе церковныхъ книгъ было предпринято въ Москвѣ съ помощью учёныхъ, отчасти вызванныхъ изъ Греціи, отчасти же учениковъ греко-латинской академіи въ Кіевѣ; но, вслѣдствіе цѣлаго ряда сложныхъ причинъ, это исправленіе послужило началомъ широко разлившагося недовольства среди вѣрующихъ, и въ половинѣ XVII-го вѣка въ православной церкви произошелъ серьезный расколъ. Очевидно, этотъ расколъ коренился не только въ богословскихъ разногласіяхъ, или въ греческихъ и славянскихъ разночтеніяхъ. Семнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ, когда московская церковь пріобрѣла громадную силу въ государствѣ. Глава ея, патріархъ Никонъ, былъ очень честолюбивый человѣкъ, пытавшійся играть на Востокѣ ту роль, которую на Западѣ играетъ папа; съ этою цѣлью онъ старался поражать народъ царскимъ великолѣпіемъ и царскою роскошью своей обстановки; а это, конечно, тяжело отзывалось на крѣпостныхъ крестьянахъ, принадлежавшихъ церкви,

и на низшемъ духовенствѣ, съ котораго взыскивались тяжелые поборы. Вслѣдствіе этого, и крестьяне и низшіе слои духовенства относились къ патріарху Никону съ ненавистью, и его вскорѣ обвинили въ склонности къ „латынству“; такъ что расколъ между народомъ и духовенствомъ — въ особенности высшимъ, — принялъ характеръ отдѣленія народа отъ іерархическаго православія.

Большинство раскольничьихъ писаній этого времени носитъ чисто-схоластическій характеръ и не представляетъ литературнаго интереса. Но автобіографія раскольничьяго протопопа Аввакума (умеръ въ 1682 г.), сосланнаго въ Сибирь и совершившаго это путешествіе пѣшкомъ, сопровождая партію казаковъ вплоть до береговъ Амура, заслуживаетъ упоминанія. По своей простотѣ, искренности, и отсутствію сенсаціонности, житіе Аввакума до сихъ поръ остается однимъ изъ перловъ русской литературы этого рода и прототипомъ русскихъ біографій. Привожу, для образчика, отрывокъ изъ этого замѣчательнаго „житія“.

Аввакумъ былъ отправленъ въ Даурію съ отрядомъ воеводы Пашкова („суровъ человѣкъ, — говорилъ о немъ Аввакумъ,—безпрестанно людей жжетъ и мучитъ и бьетъ“). Вскорѣ у Пашкова начались столкновенія съ непримиримымъ Аввакумомъ. Пашковъ началъ гнать протопопа съ дощаника, говоря, что изъ-за его еретичества суда плохо идутъ по рѣкѣ, и требуя, чтобы онъ шелъ берегомъ, по горамъ: „О, горе стало! — разсказываетъ Аввакумъ.—Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ и поглядѣть—заломя голову“. Аввакумъ „обличалъ“ Пашкова, отправивъ воеводѣ „малое писанейце“: — „Человѣче!“ — писалъ протопопъ жестокому воеводѣ: — „убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающа въ бездны, Его же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобства показуешь“.—Это „писанейце“ еще болѣе ожесточило воеводу и онъ послалъ казаковъ усмирить мятежнаго протопопа:

„А се бѣгутъ“, — вспоминалъ онъ въ своемъ „житіи“— „человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощаникъ и помчали къ нему—версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ: и они, бѣдные, и ѣдятъ, и дро-

жатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощаникъ; взяли меня палачи, привели предъ него: онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ. Началъ мнѣ говорить: попъ ли ты или распопъ? И азъ отвѣчалъ: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори, что тебѣ дѣло до меня? Онъ же рыкнулъ, яко дивій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ семдьесятъ два удара кнутомъ. А я говорю: Господи Іусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ! Да то же, да то же безпрестанно говорю. Такъ горько ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорилъ. Да посреди побой вскричалъ я къ нему: полно бить-то! Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? вѣдаешь ли? И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенный дощаникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть (поперечную скрѣпу въ баркѣ) кинули. Осень была: дождь на меня шелъ, всю нощь подъ капелію лежалъ".

Позднѣе, когда Аввакума послали на Амуръ и когда ему съ женой пришлось зимой идти вдоль по льду замерзшей рѣки, протопопица часто падала отъ изнеможенія. „Я пришелъ"—пишетъ Аввакумъ,—„на меня бѣдная пеняетъ, говоря: долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ?" И я говорю: „Марковна, до самыя смерти". Она же, вздохня, отвѣчала: „добро, Петровичъ, ино еще побредемъ". Никакія страданія не могли побѣдить этого крупнаго человѣка. Съ Амура его опять вызвали въ Москву, и ему снова пришлось совершить все путешествіе пѣшкомъ. Изъ Москвы его сослали въ Пустозерскъ, гдѣ онъ пробылъ 14 лѣтъ и, наконецъ, за „дерзкое" письмо къ царю, 14-го апрѣля 1682 года, онъ былъ сожженъ на кострѣ.

XVIII-й вѣкъ.

Бурныя реформы Петра I, создавшія военное европейское государство изъ того полу-византійскаго и полу-татарскаго царства, какимъ Россія была при его предшественникахъ,

дали новый поворотъ литературѣ. Здѣсь было бы неумѣстно оцѣнивать историческое значенiе реформъ Петра I, но слѣдуетъ упомянуть, что въ русской литературѣ имѣется, по крайней мѣрѣ два его предшественника въ смыслѣ оцѣнки тогдашней русской жизни и необходимости реформъ.

Однимъ изъ нихъ былъ Котошихинъ (1630—1667). Онъ убѣжалъ изъ Москвы въ Швецiю и написалъ тамъ, за 50 лѣтъ до воцаренiя Петра, очеркъ тогдашняго русскаго быта, въ которомъ онъ очень критически отнесся къ господствующему въ Москвѣ невѣжеству. Его рукопись оставалась неизвѣстной въ Россiи вплоть до XIX-го столѣтiя, когда она была открыта въ Упсалѣ. Другимъ писателемъ, ратовавшимъ за необходимость реформъ былъ, юго-славянинъ Крыжаничъ, вызванный въ Москву въ 1651 году, съ цѣлью исправленiя священныхъ книгъ; ему принадлежитъ замѣчательный трудъ, въ которомъ онъ настаивалъ на необходимости широкихъ реформъ. Спустя два года, онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ.

Петръ I, который вполнѣ понималъ значенiе литературы и усиленно стремился привить европейскую образованность своимъ подданнымъ, понималъ, что старо-славянскiй языкъ, бывшiй въ употребленiи среди русскихъ писателей того времени, но отличный отъ разговорнаго языка народа, могъ лишь затруднять развитiе литературы и образованности. Его форма, фразеологiя и грамматика были чужды русскимъ. Его можно было употреблять въ произведенiяхъ религiознаго характера, но сочиненiе по геометрiи, или алгебрѣ, или военному искусству, написанное на библейскомъ старо-славянскомъ языкѣ, было бы просто смѣшнымъ. Петръ устранилъ это затрудненiе со свойственной ему рѣшительностью. Онъ ввелъ новый алфавитъ, съ цѣлью помочь введенiю въ литературу разговорнаго языка, и этотъ алфавитъ, заимствованный изъ старославянскаго, но значительно упрощенный, употребляется вплоть до настоящаго времени.

Литература, въ собственномъ смыслѣ этого слова, мало интересовала Петра I: онъ смотрѣлъ на произведенiя печатнаго станка исключительно съ точки зрѣнiя полезности; поэтому, главной его задачей являлось ознакомленiе русскихъ съ начальными элементами точныхъ знанiй, а равнымъ

образомъ съ искусствомъ мореплаванія, военнымъ дѣломъ, и фортификаціей. Вслѣдствіе этого писатели его времени представляютъ очень мало интереса съ литературной точки зрѣнія, и мнѣ придется упомянуть лишь объ очень немногихъ изъ нихъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ, пожалуй, былъ Прокоповичъ, — епископъ, совершенно свободный отъ религіознаго фанатизма, большой почитатель западно-европейской науки, основавшій греко-славянскую академію. Заслуживаетъ упоминанія также Кантемиръ (1709—1744), сынъ молдавскаго господаря, переселившагося съ нѣкоторыми изъ своихъ подданныхъ въ Россію. Ему принадлежитъ рядъ сатиръ, въ которыхъ онъ выражалъ свои мнѣнія со свободой, вызывающей удивленіе, если мы примемъ во вниманіе нравы той эпохи *). Третьяковскій (1703—1769) и его біографія не лишены нѣкотораго меланхолическаго интереса. Онъ былъ сыномъ священника и въ юности убѣжалъ отъ отца, съ цѣлью учиться, въ Москву. Оттуда онъ отправился въ Амстердамъ и Парижъ, совершивъ большую часть путешествія пѣшкомъ. Онъ слушалъ лекціи въ парижскомъ университетѣ и заинтересовался западно-европейскими просвѣтительными теченіями той эпохи, идеями, которыя и пытался впослѣдствіи выражать въ чрезвычайно неуклюжихъ стихахъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ провелъ всю свою послѣдующую жизнь въ страшной бѣдности и заброшенности, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ сарказмами за попытки реформировать русскую версификацію. Онъ былъ лишенъ малѣйшаго признака поэтическаго таланта, а между тѣмъ, несмотря на это, оказалъ большую услугу русской поэзіи. Въ то время въ Россіи писали лишь силлабическими стихами; но Третьяковскій понялъ, что силлабическое стихосложеніе не соотвѣтствуетъ духу русскаго языка и онъ посвятилъ всю свою жизнь, чтобы доказать, что къ русскимъ стихамъ должны быть приложены законы тонической версификаціи. Если бы у него была хотя бы искра таланта, предпринятая имъ задача не представила бы особеннаго затрудненія; но, при всемъ своемъ трудолюбіи,

*) Въ 1730—38 годахъ онъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ.

онъ былъ человѣкъ совершенно бездарный и для доказательства своего тезиса онъ прибѣгалъ къ самымъ смѣшнымъ ухищреніямъ. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній представляютъ совершенно безсвязный наборъ словъ и написаны съ единственной цѣлью—указать различные способы какъ можно писать русскіе стихи съ размѣромъ и риѳмою. Изнемогая въ погонѣ за риѳмой, Третьяковскій не останавливался передъ тѣмъ, чтобы въ концѣ строки разрубить слово пополамъ, помѣщая конецъ его въ началѣ другой строки. Несмотря на подобныя нелѣпости, онъ успѣлъ однако убѣдить русскихъ поэтовъ въ необходимости тоническаго стиха, который съ тѣхъ поръ и вошелъ въ общее употребленіе. На дѣлѣ, такого рода стихъ представляетъ лишь естественное развитіе русской народной пѣсни.

Изъ современниковъ Петра необходимо также упомянуть историка Татищева (1686—1750), написавшаго исторію Россіи и начавшаго обширный трудъ по географіи Россійской имперіи; это былъ чрезвычайно трудолюбивый человѣкъ, занимавшійся изученіемъ многихъ отраслей науки, интересовавшійся также богословіемъ и оставившій, кромѣ исторіи, нѣсколько работъ политическаго характера. Онъ первый оцѣнилъ значеніе лѣтописей, которыя собиралъ и систематизировалъ, подготовивъ, такимъ образомъ, матеріалы для будущихъ историковъ; но, вообще говоря, онъ не оставилъ послѣ себя замѣтнаго слѣда въ литературѣ. Въ дѣйствительности, лишь одинъ писатель этого періода заслуживаетъ болѣе чѣмъ бѣглаго вниманія. Это—Ломоносовъ (1712—1765). Онъ родился въ деревнѣ Холмсгоры, вблизи Бѣлаго моря, возлѣ Архангельска, въ семьѣ рыбака. Онъ также, подобно Третьяковскому, бѣжалъ отъ своихъ родныхъ и пришелъ пѣшкомъ въ Москву, гдѣ поступилъ въ монастырскую школу, живя въ неописуемой бѣдности. Позднѣе, также пѣшкомъ, онъ отправился въ Кіевъ и едва не сдѣлался священникомъ. Но, какъ разъ въ это время, петербургская Академія Наукъ обратилась въ московскую духовную академію, прося назначить двѣнадцать лучшихъ студентовъ, которые могли бы быть посланы для обученія за границу. Ломоносовъ оказался однимъ изъ этихъ избранниковъ. Его послали въ Германію, гдѣ онъ изучалъ естественныя науки

подъ руководствомъ Христіана Вольфа и другихъ извѣстныхъ ученыхъ того времени, при чемъ все это время ему приходилось бороться съ ужасающей бѣдностью. Въ 1741 году онъ возвратился въ Россію и былъ назначенъ членомъ петербургской Академіи Наукъ.

Академія находилась тогда въ рукахъ кучки нѣмецкихъ ученыхъ, смотрѣвшихъ на русскихъ ученыхъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и потому встрѣтившихъ Ломоносова далеко не ласково. Ему не помогло даже то обстоятельство, что великій математикъ Эйлеръ писалъ съ величайшей похвалой о работахъ Ломоносова въ области физики и химіи, говоря, что работы эти принадлежатъ геніальному человѣку, и что Академія должна быть счастлива, имѣя его своимъ членомъ. Вскорѣ началась жестокая борьба между нѣмецкими членами Академіи и русскимъ ученымъ, который, кстати сказать, обладалъ очень буйнымъ характеромъ, въ особенности когда былъ въ нетрезвомъ состояніи. Бѣдность—его академическое жалованье постоянно конфисковали; въ видѣ наказанія—арестъ при полиціи; исключенія изъ числа членовъ академическаго сената и наконецъ, немилость Двора, такова была судьба Ломоносова, примкнувшаго къ партіи Елизаветы и потому третируемаго, какъ врагъ, послѣ восшествія Екатерины II-й на престолъ. Только въ XIX-мъ вѣкѣ Ломоносовъ получилъ достодолжную оцѣнку.

„Ломоносовъ самъ былъ университетомъ“ — замѣтилъ однажды Пушкинъ, и это замѣчаніе было вполнѣ справедливо, такъ какъ работы Ломоносова отличались удивительнымъ разнообразіемъ. Онъ не только дѣлалъ замѣчательныя изслѣдованія въ области физики, химіи, физической географіи и минералогіи; онъ положилъ также основаніе грамматикѣ русскаго языка, которую онъ понималъ, какъ часть общей грамматики всѣхъ языковъ, разсматриваемыхъ въ ихъ естественномъ развитіи. Онъ также занимался изслѣдованіемъ различныхъ формъ русскаго стихосложенія и, наконецъ, онъ создалъ новый литературный языкъ, о которомъ онъ могъ сказать, что „сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство—не теряютъ своего достоинства на россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя

естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра, и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи". Справедливость этого утвержденія онъ доказалъ своими стихотвореніями, научными сочиненіями, своими „рѣчами", въ которыхъ онъ соединялъ готовность Гексли защищать науку противъ слѣпой вѣры съ поэтическимъ воспріятіемъ природы, проявленнымъ Гумбольдтомъ.

Правда, его оды написаны въ томъ высокопарномъ стилѣ, который былъ свойственъ господствующему тогда въ литературѣ ложно-классицизму; онъ сохранялъ старо-славянскія выраженія, говоря о „высокихъ предметахъ", но въ его научныхъ и другихъ работахъ онъ съ большимъ блескомъ и силой пользовался обычнымъ разговорнымъ языкомъ. Благодаря большому разнообразію наукъ, которыя ему пришлось акклиматизировать въ Россіи, у него не было времени для обширныхъ самостоятельныхъ изысканій; но когда ему приходилось выступать на защиту идей Коперника, Ньютона или Гюйгенса противъ богословскихъ нападокъ, въ немъ проявлялся истинный философъ на научной основѣ, въ совершенномъ значеніи этого слова. Въ раннемъ дѣтствѣ ему приходилось сопровождать отца—энергичнаго сѣвернаго рыбака—во время поѣздокъ на рыбный промыселъ, и съ тѣхъ поръ въ немъ развилась та любовь къ природѣ и та тонкая наблюдательность, благодаря которымъ его работы объ арктической природѣ до сихъ поръ не потеряли своей цѣнности. Слѣдуетъ упомянуть также, что въ этомъ послѣднемъ изслѣдованіи Ломоносовъ говоритъ о механической теоріи теплоты въ такихъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ ясно, что онъ уже въ то время, т. е. болѣе ста лѣтъ тому назадъ, совершилъ это великое открытіе нашего времени; на это, кстати сказать, до сихъ поръ не обратили вниманія даже въ Россіи.

Упомяну въ заключеніе объ одномъ современникѣ Ломоносова, Сумароковѣ (1717—1777), котораго въ ту пору называли „русскимъ Расиномъ". Онъ принадлежалъ къ высшему дворянству и получилъ чисто-французское образованіе. Его драмы, которыхъ онъ написалъ не малое количество, являются подражаніемъ образцамъ французской псевдо-класси-

ческой школы; но, какъ читатели увидятъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, онъ въ значительной степени повліялъ на развитіе русскаго театра. Сумароковъ писалъ также лирическія стихотворенія, элегіи и сатиры. Всѣ эти произведенія не представляютъ значительной литературной цѣнности; но слѣдуетъ упомянуть съ особой похвалой о прекрасномъ языкѣ его писемъ, совершенно свободномъ отъ славянскихъ архаизмовъ, бывшихъ тогда во всеобщемъ употребленіи.

Времена Екатерины II.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II-й (царствовавшей съ 1752 по 1796 г.) начинается новая эра русской литературы. Литература оживляется, и хотя русскіе писатели все еще продолжаютъ подражать французскимъ,—главнымъ образомъ ложно-классическимъ образцамъ, — въ ихъ произведеніяхъ начинаютъ, однако, отражаться результаты непосредственнаго наблюденія надъ русской жизнью. Литературныя произведенія, относящіяся къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II, были полны юношескаго задора. Сама императрица была въ ту пору еще подъ вліяніемъ прогрессивныхъ идей, явившихся результатомъ ея сношеній съ французскими философами; она составляла, подъ вліяніемъ Монтескье, свой замѣчательный „Наказъ", писала комедіи, въ которыхъ осмѣивала старомодныхъ представителей русскаго дворянства, и издавала ежемѣсячный журналъ, въ которомъ входила въ пререканія, какъ съ консерваторами той эпохи, такъ и съ молодыми реформаторами. Въ эту пору она основала также литературную Академію, и назначила президентомъ Академіи княгиню Воронцову-Дашкову (1743—1819 г.), которая помогала Екатеринѣ II въ ея государственномъ переворотѣ противъ Петра III и въ возведеніи ея на престолъ. Воронцова-Дашкова съ большимъ усердіемъ помогала Академіи въ составленіи словаря русскаго языка и издавала журналъ, оставившій слѣдъ въ русской литературѣ; ея воспоминанія, написанныя по-французски (Mon Histoire), имѣютъ значительную цѣнность, хотя, какъ историческій документъ, не всегда отличаются

безпристрастіемъ *). Вообще къ этому времени относится начало крупнаго литературнаго движенія, результатами котораго явились: замѣчательный поэтъ Державинъ (1743—1816 г.); авторъ комедій Фонвизинъ (1745—1792 г.); первый русскій философъ Новиковъ (1742—1818 г.) и политическій писатель Радищевъ (1749—1802 г.).

Поэзія Державина, конечно, не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ. Онъ былъ поэтомъ-лауреатомъ Екатерины и воспѣвалъ въ напыщенныхъ одахъ добродѣтели императрицы и побѣды ея полководцевъ и фаворитовъ. Россія въ то время начала укрѣпляться на берегахъ Чернаго моря и играть серьезную роль въ европейской политикѣ, такъ что патріотическіе восторги Державина имѣли нѣкоторое реальное основаніе. Но, помимо этого, Державинъ обладалъ истиннымъ поэтическимъ дарованіемъ: онъ чувствовалъ красоту природы и умѣлъ выразить это чувство въ красивыхъ и звучныхъ стихахъ (ода „Богъ", „Водопадъ"). Такія истинно поэтическія произведенія, стоящія рядомъ съ тяжелыми, напыщенными, лишенными всякаго вкуса стихами подражательнаго, ложно-классическаго направленія, настолько ярко подчеркивали ненатуральность и безвкусіе послѣднихъ, что послужили нагляднымъ урокомъ для слѣдовавшаго за Державинымъ поколѣнія русскихъ поэтовъ, и навѣрное помогли имъ освободиться отъ манерности. Пушкинъ, въ юности восхищавшійся Державинымъ, очень скоро почувствовалъ всю ненужность напыщенности, свойственной Екатерининскому поэту и, владѣя съ необыкновеннымъ искусствомъ роднымъ языкомъ, онъ очень скоро послѣ своего выступленія на литературное поприще, освободился отъ искусственнаго стиля, считавшагося прежде „поэтическимъ",—и началъ употреблять въ своихъ произведеніяхъ обычный разговорный русскій языкъ.

Комедіи Фонвизина были настоящимъ откровеніемъ для его современниковъ. Его первая комедія „Бригадиръ", написанная имъ въ 22-лѣтнемъ возрастѣ, произвела сильное впечатлѣніе и до сихъ поръ не потеряла интереса;

*) Въ 1775—1782 г. она прожила нѣсколько лѣтъ въ Эдинбургѣ, занимаясь воспитаніемъ своего сына.

вторая же комедія, „Недоросль“ (1782 г.) явилась событіемъ въ русской литературѣ, и отъ времени до времени она и теперь еще появляется на сценѣ. Обѣ комедіи разрабатываютъ чисто-русскіе сюжеты, взятые изъ тогдашней русской жизни, и хотя Фонвизинъ не стѣснялся заимствованіями изъ иностранныхъ литературъ (такъ, напр., „Бригадиръ“ заимствованъ изъ датской комедіи Гольберга „Jean de France“), главныя дѣйствующія лица его комедій принимаютъ однако вполнѣ русскій характеръ. Въ этомъ отношеніи онъ явился творцомъ русской національной драмы и первый ввелъ въ нашу литературу тѣ реалистическія тенденціи, которыя потомъ нашли такое могущественное выраженіе въ лицѣ Пушкина, Гоголя и ихъ школы. Въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ Фонвизинъ остался вѣренъ тѣмъ прогрессивнымъ идеямъ, которымъ Екатерина II покровительствовала въ первые годы своего царствованія; будучи секретаремъ графа Панина, Фонвизинъ смѣло указывалъ на главныя язвы тогдашней русской жизни: крѣпостничество, фаворитизмъ и невѣжество.

Я прохожу молчаніемъ нѣсколькихъ писателей этой эпохи, какъ, напр., Богдановича (1743—1803 г.), автора поэмы „Душенька“; Хемницера (1745—1784 г.), талантливаго баснописца, бывшаго предшественникомъ Крылова; Капниста (1757—1829), писавшаго довольно поверхностныя сатиры хорошими стихами; князя Щербатова (1733—1790 г.), который началъ собирать лѣтописи и произведенія народнаго творчества и предпринялъ составленіе исторіи Россіи, въ которой впервые отнесся съ научной критикою къ лѣтописямъ и другимъ источникамъ. Но мы не можемъ обойти молчаніемъ масонское движеніе, начавшееся въ концѣ XVIII-го вѣка.

Масоны: Первыя проявленія политической мысли.

Распущенность нравовъ, характеризовавшая русское высшее общество въ XVIII вѣкѣ, отсутствіе высшихъ стремленій, низкопоклонство дворянства и ужасы крѣпостного права— неизбѣжнымъ образомъ вызвали реакцію среди лучшихъ людей Россіи, и эта реакція воплотилась отчасти въ широко-

распространившемся масонскомъ движеніи, а отчасти въ христіанскомъ мистицизмѣ, корни котораго лежали въ мистическихъ ученіяхъ, пользовавшихся тогда большой популярностью въ Германіи. Масоны и ихъ „Общество Друзей" предприняли серьезную попытку поднятія нравственнаго уровня массы, при чемъ они нашли въ Новиковѣ (1744—1818) истиннаго апостола этого обновленія. Онъ началъ свою литературную карьеру очень рано, въ одномъ изъ тѣхъ сатирическихъ журналовъ, которые были обязаны своимъ появленіемъ инціативѣ самой Екатерины въ началѣ ея царствованія; но даже въ то время Новиковъ, въ одномъ дружелюбномъ литературномъ спорѣ съ „бабушкой" (Екатериной II), показалъ, что онъ не сможетъ удовлетвориться одной лишь поверхностной сатирой во вкусѣ императрицы, и что, вопреки ея желаніямъ, онъ будетъ добираться до корня тогдашняго зла, указывая на рабство и его глубоко деморализирующее вліяніе на широкіе круги общества. Новиковъ былъ не только хорошо образованнымъ человѣкомъ: онъ соединялъ глубокія нравственныя убѣжденія идеалиста съ талантами организатора и дѣлового человѣка; и хотя его журналъ (чистый доходъ съ котораго Новиковъ употреблялъ на филантропическія и общеобразовательныя цѣли) былъ вскорѣ запрещенъ „бабушкой", это не помѣшало ему основать въ Москвѣ, съ большимъ успѣхомъ, крупную типографію и книжный магазинъ, съ цѣлью изданія и распространенія книгъ нравственно-философскаго характера. Его книжное предпріятіе, (соединенное съ госпиталемъ для рабочихъ и аптекой, изъ которой выдавались безплатно лѣкарства бѣднякамъ Москвы), вскорѣ вошло въ дѣловыя сношенія съ книгопродавцами по всей Россіи и разрослось до громадныхъ размѣровъ. Въ то же время его вліяніе на образованное общество росло съ каждымъ днемъ и приносило самые благопріятные результаты. Въ 1787 году, во время голода, онъ организовалъ помощь голодающимъ крестьянамъ, при чемъ одинъ изъ его учениковъ пожертвовалъ для этой цѣли громадную сумму денегъ. Конечно, и церковь и правительство относились съ большимъ подозрѣніемъ къ распространенію христіанства въ той формѣ, въ какой его понимали масоны; и, несмотря на то, что московскій митро-

политъ аттестовалъ Новикова въ качествѣ „лучшаго христіанина какого ему приходилось встрѣчать", Новикова, тѣмъ не менѣе, обвинили въ политическомъ заговорѣ.

Онъ былъ арестованъ, и, по личному желанію Екатерины, къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, былъ въ 1792 году приговоренъ къ смерти. Его однако не казнили, но осудили къ 15 лѣтнему заключенію въ страшной Шлиссельбургской крѣпости, при чемъ онъ былъ посаженъ въ ту самую секретную камеру, гдѣ томился когда-то Іоаннъ Антоновичъ. Другъ Новикова, масонъ д-ръ Багрянскій, изъявилъ желаніе раздѣлить съ нимъ его заключеніе. Новиковъ оставался въ крѣпости вплоть до смерти Екатерины. Только Павелъ I освободилъ его, въ 1796 году, въ первый же день своего царствованія; но Новиковъ вышелъ изъ крѣпости разбитымъ человѣкомъ и впалъ въ глубокій мистицизмъ, наклонность къ которому уже въ то время проявлялась въ нѣкоторыхъ масонскихъ ложахъ.

Христіанскіе мистики не были счастливѣе масоновъ. Одинъ изъ нихъ, Лабзинъ (1766—1825), пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ обществѣ, благодаря литературнымъ трудамъ, въ которыхъ онъ боролся съ безнравственностью, окончилъ дни свои въ ссылкѣ. Впрочемъ, несмотря на правительственныя преслѣдованія, и мистическіе христіане и масоны (нѣкоторыя ложи которыхъ слѣдовали ученію Розенкрейцеровъ) оказали глубокое вліяніе на умственную жизнь Россіи. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I, масоны получили возможность болѣе свободной проповѣди своихъ идей; выроставшее въ обществѣ убѣжденіе въ необходимости уничтоженія крѣпостного права, а также судебной и административной реформы, несомнѣнно, въ значительной степени было результатомъ проповѣди масоновъ. Кромѣ того, довольно большое количество замѣчательныхъ людей получили образованіе въ московскомъ институтѣ „друзей", основанномъ Новиковымъ; между ними можно указать на историка Карамзина, на братьевъ Александра Ивановича и Николая Ивановича Тургеневыхъ, (дальнихъ родственниковъ великаго романиста), и нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей.

Судьба Радищева (1749—1802), политическаго писа-

теля той же эпохи, носитъ еще болѣе трагическій характеръ. Онъ получилъ образованіе въ пажескомъ корпусѣ и былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ русское правительство послало въ 1766 году въ Германію для окончанія образованія. Онъ слушалъ лекціи Геллерта и Платтнера въ Лейпцигѣ, а также изучалъ французскихъ философовъ. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1790 году, онъ издалъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", идея котораго, кажется, была внушена ему „Сантиментальнымъ путешествіемъ" Стерна. Въ этой книгѣ онъ очень искусно сочеталъ свои впечатлѣнія отъ путешествія съ различными нравственно-философскими разсужденіями о русской дѣйствительности, и далъ хорошія правдивыя изображенія тогдашней русской жизни.

Съ особенной силой онъ указывалъ на ужасы крѣпостного права, а также на скверную организацію администраціи, продажность судовъ и т. д., подтверждая эти осужденія общаго характера конкретными фактами, почерпнутыми изъ дѣйствительной жизни. Екатерина, которая уже до начала революціи во Франціи, и въ особенности со времени событій 1789 года, начала относиться враждебно къ либеральнымъ идеямъ своей юности, пришла въ ужасъ отъ книги Радищева. По ея повелѣнію она была конфискована и подвергнута уничтоженію. Императрица сама писала обвиненіе противъ этой книги и описывала автора, какъ революціонера „хуже Пугачева". Еще-бы! онъ осмѣливался „говорить съ одобреніемъ о Франклинѣ" и былъ зараженъ французскими идеями! Вслѣдствіе этого Екатерина сама написала рѣзкій разборъ книги, послужившій руководствомъ при возбужденіи преслѣдованія противъ автора. Радищевъ былъ арестованъ, заключенъ въ крѣпость и позднѣе высланъ въ одну изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей Восточной Сибири, въ Илимскъ. Онъ былъ освобожденъ изъ ссылки лишь при Александрѣ I, въ 1801 году. Годъ спустя, убѣдившись что даже восшествіе на престолъ Александра I, не ведетъ къ крупнымъ реформамъ, онъ покончилъ съ собою. Что же касается его книги, то она до послѣдняго времени оставалось запрещенной въ Россіи. Новое ея изданіе, сдѣланное въ 1872 году, было конфисковано и сожжено, и лишь въ 1888 г. было разрѣшено

одному издателю выпустить эту книгу въ количествѣ всего лишь ста экземпляровъ, доступныхъ лишь небольшому числу ученыхъ и высокопоставленныхъ чиновниковъ *).

Первые годы XIX столѣтія.

Таковы были, стало быть, элементы, изъ которыхъ могла развиваться русская литература въ XIX-мъ вѣкѣ. Медленная работа предыдущихъ пяти вѣковъ уже подготовила то великолѣпное, гибкое орудіе—литературный языкъ, который вскорѣ послужилъ Пушкину для созданія его мелодическихъ стиховъ и Тургеневу для его не менѣе мелодической прозы.

Уже изъ автобіографіи раскольничьяго мученика Аввакума можно было убѣдиться въ значеніи разговорнаго русскаго языка, какъ орудія литературы. Третьяковскій, своими нескладными стихами, и въ особенности Ломоносовъ и Державинъ своими одами, окончательно изгнали изъ литературы силлабическій стихъ, проникшій къ намъ вслѣдствіе французскихъ и польскихъ вліяній, и установили ритмическую форму, давно подсказываемую народными пѣснями. Ломоносовъ создалъ популярный научный языкъ; онъ ввелъ извѣстное количество новыхъ словъ и доказалъ, что латинская и старо-славянская конструкціи противны духу русскаго языка и совершенно ненужны. Въ эпоху Екатерины II въ литературѣ получили права гражданства формы обыденнаго разговорнаго языка, не исключая даже языка крестьянскаго населенія. Наконецъ, Новиковъ создалъ русскій философскій языкъ—все еще тяжелый, благодаря мистической подкладкѣ, но въ общемъ превосходно приспособленный, какъ оказалось нѣсколькими десятилѣтіями позже, для абстрактныхъ метафизическихъ разсужденій. Такимъ образомъ основные элементы для созданія великой и оригинальной литературы были уже на-лицо. Требовался лишь геніальный творецъ, который воспользовался бы этими элементами для болѣе высокихъ цѣлей. Такимъ геніемъ былъ Пушкинъ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ

*) За-границей книга была издана дважды: Герценомъ (въ 1858 году) и въ Лейпцигѣ (въ 1876 году).

нему, необходимо остановиться на историкѣ и беллетристѣ Карамзинѣ, а также на поэтѣ Жуковскомъ, которые являются соединительнымъ звеномъ между двумя эпохами.

Карамзинъ (1766—1826), своимъ монументальнымъ трудомъ, „Исторія Государства Россійскаго", далъ нашей литературѣ такой же толчокъ, какой великая война 1812 года дала національной жизни. Онъ пробудилъ національное самосознаніе и создалъ прочный интересъ къ такимъ вопросамъ, какъ исторія націи, созиданіе русскаго государства и выработка національнаго характера и учрежденій. Но „Исторія" Карамзина была реакціонна по направленію: онъ былъ историкомъ русскаго государства, а не русскаго народа; онъ былъ поэтомъ, воспѣвавшимъ добродѣтели монархіи и мудрость ея правителей, но онъ забывалъ о многовѣковой созидательной работѣ, совершенной невѣдомыми массами народа. Онъ совершенно не понялъ также тѣ федеральные принципы, которые господствовали въ Россіи вплоть до XV столѣтія; и еще менѣе того ему были понятны обыденныя, мірскія начала, благодаря которымъ русскій народъ могъ занять и колонизовать огромный материкъ. Для него исторія Россіи являлась въ формѣ правильнаго, органическаго развитія монархіи, начиная отъ перваго появленія скандинавскихъ князей, вплоть до настоящаго времени, и онъ занимался, главнымъ образомъ, описаніемъ дѣяній монарховъ, ихъ побѣдъ и ихъ усилій въ дѣлѣ созиданія государства; но, какъ часто бываетъ съ русскими писателями, примѣчанія къ его „Исторіи" были сами по себѣ историческимъ трудомъ. Они являлись богатымъ рудникомъ, въ которомъ были заключены свѣдѣнія относительно источниковъ русской исторіи и они внушали заурядному читателю мысль, что раннія столѣтія средневѣковой Россіи съ ея независимыми городами-республиками были гораздо болѣе интересны въ дѣйствительности, чѣмъ они были представлены въ книгѣ Карамзина *). Вообще,

*) Въ настоящее время обнаружено, что почти вся подготовительная работа, давшая возможность появленія исторіи Карамзина, была сдѣлана Шлецеромъ, Миллеромъ и Штритеромъ, а также вышеупомянутымъ историкомъ, Щербатовымъ, взглядамъ котораго Карамзинъ слѣдовалъ въ своей работѣ.

Карамзинъ не былъ основателемъ исторической школы, но онъ успѣлъ показать русскимъ читателямъ, что Россія обладаетъ прошлымъ, достойнымъ изученія. Кромѣ того, его трудъ былъ произведеніемъ литературнаго искусства и, благодаря блестящему стилю, онъ пріучилъ публику къ чтенію историческихъ работъ. Первое изданіе восьми-томной „Исторіи" (3000 экз.) было распродано въ 25 дней.

Нужно замѣтить, что вліяніе Карамзина не ограничивается его „Исторіей". Его повѣсти и „Письма русскаго путешественника" оказали на русскую литературную мысль гораздо болѣе значительное вліяніе. Въ своихъ „Письмахъ" онъ старался ознакомить широкій кругъ русскихъ читателей съ продуктами европейской мысли, философіи и политической жизни; онъ распространялъ гуманитарные взгляды, особенно цѣнные для Россіи именно въ то время, чтобы дѣйствовать, какъ противовѣсъ печальнымъ явленіямъ политической и общественной жизни; наконецъ, онъ установилъ живую связь между умственною жизнью нашей страны и Европы. Что касается до повѣстей Карамзина, то въ нихъ онъ является истиннымъ послѣдователемъ сантиментальнаго романтизма; но надо помнить — что это литературное направленіе отвѣчало тогда потребностямъ времени, какъ реакція противъ ложно-классической школы. Въ одной изъ своихъ повѣстей,—„Бѣдная Лиза" (1792),—Карамзинъ описывалъ бѣдствія крестьянской дѣвушки, которая влюбилась въ дворянина, была брошена имъ и, съ горя, утопилась въ прудѣ. Крестьянская дѣвушка, изображенная Карамзинымъ, конечно, не отвѣчаетъ нашимъ теперешнимъ реалистическимъ требованіямъ. Она говоритъ высокимъ слогомъ и вообще меньше всего похожа на крестьянку; но вся читающая Россія проливала слезы надъ страданіями „бѣдной Лизы" и прудъ, въ которомъ авторъ утопилъ свою героиню, усердно посѣщался сантиментальными московскими юношами и дѣвицами. Однимъ изъ источниковъ одушевленнаго протеста противъ крѣпостного права, который мы найдемъ позднѣе въ русской литературѣ, является, такимъ образомъ, между прочимъ и сантиментализмъ Карамзина.

Жуковскій (1783—1852) былъ романтическимъ поэтомъ въ самомъ истинномъ значеніи этого слова; онъ бла-

гоговѣйно поклонялся поэзіи и вполнѣ понималъ ея облагораживающую силу. Его перу принадлежитъ не много оригинальныхъ произведеній, и онъ замѣчателенъ, главнымъ образомъ, какъ переводчикъ, возсоздавшій чудными стихами поэмы Шиллера, Уланда, Гердера, Байрона, Томаса Мура и др., а равнымъ образомъ—Одиссею, индусскую поэму „Наль и Дамаянти" и пѣсни западныхъ славянъ. Красота этихъ переводовъ такова, что я сомнѣваюсь, существуетъ ли въ другихъ литературахъ, включая даже особенно богатую хорошими переводами нѣмецкую, равно-прекрасныя воспроизведенія иностранныхъ поэтовъ. При этомъ Жуковскій не былъ переводчикомъ-ремесленникомъ: онъ бралъ изъ другихъ поэтовъ лишь то, что находило отзвукъ въ его собственной природѣ и что онъ самъ хотѣлъ бы воспроизвести въ поэтической формѣ. Печальныя размышленія о невѣдомомъ, порывы вдаль, страданія любви и скорбь разлуки,— всѣ эти ощущенія, пережитыя самимъ поэтомъ, являются отличительными чертами его поэзіи и отражаютъ его собственную душевную жизнь. Намъ можетъ теперь не нравиться его ультра-романтизмъ, но не должно забывать, что въ то время это литературное направленіе было, въ сущности, призывомъ къ пробужденію широкихъ гуманитарныхъ чувствъ, и съ этой точки зрѣнія было явленіемъ прогрессивнымъ. Поэзія Жуковскаго находила отзывъ главнымъ образомъ въ женскомъ чувствѣ, и когда намъ придется говорить о той роли, которую русскія женщины, полувѣкомъ позже, сыграли въ общемъ развитіи страны, мы увидимъ, что поэтическіе призывы Жуковскаго не остались безъ вліянія. Вообще Жуковскій стремился пробудить лучшія стороны человѣческой натуры. Лишь одна нота совершенно отсутствуетъ въ его поэзіи: вы не найдете въ ней призывовъ къ свободѣ, обращенія къ гражданскому чувству. Такой призывъ былъ сдѣланъ поэтомъ „декабристовъ"—Рылѣевымъ.

Декабристы.

Императоръ Александръ I прошелъ черезъ тѣ-же измѣненія мнѣній, что и его бабушка, Екатерина II. Онъ получилъ образованіе подъ руководствомъ республиканца Лагарпа

и въ началѣ царствованія выступилъ, какъ либеральный монархъ, готовый дать Россіи конституцію. Онъ, дѣйствительно, далъ конституцію Польшѣ и Финляндіи и сдѣлалъ первые шаги въ этомъ направленіи по отношенію къ Россіи. Но онъ не осмѣлился затронуть крѣпостное право. Затѣмъ онъ понемногу подпалъ подъ вліяніе нѣмецкихъ мистиковъ, началъ пугаться либеральныхъ идей и передалъ управленіе страной въ руки реакціонеровъ самаго худшаго типа. Въ теченіе послѣднихъ десяти слишкомъ лѣтъ его царствованія, Россіей фактически правилъ Аракчеевъ — жестокій маніакъ милитаризма, поддерживавшій свое вліяніе у царя путемъ самой беззастѣнчивой лести и лицемѣрной набожности.

Условія, созданныя подобнымъ положеніемъ дѣлъ, несомнѣнно должны были вызвать отпоръ, тѣмъ болѣе, что наполеоновскія войны привели значительное количество русскихъ въ соприкосновеніе съ Западной Европой. Кампаніи, сдѣланныя въ Германіи, и занятіе Парижа русскими войсками, ознакомили многихъ офицеровъ съ идеями свободы, все еще господствовавшими въ французской столицѣ, въ то время, какъ на родинѣ начала приносить плоды работа Новикова и усилія масоновъ. Когда Александръ I, подпавъ подъ вліяніе госпожи Крюднеръ, и другихъ германскихъ мистиковъ, заключилъ въ 1815 году Священный Союзъ съ Германіей и Австріей, съ цѣлью подавленія всѣхъ либеральныхъ идей, въ Россіи начали формироваться тайныя общества,— главнымъ образомъ среди офицеровъ,—имѣвшія своей задачей распространеніе либеральныхъ идей, уничтоженіе крѣпостного права, и равенство всѣхъ передъ закономъ, какъ первые необходимые шаги въ дѣлѣ освобожденія страны отъ ига абсолютизма. Каждый, кому приходилось читать „Войну и Миръ“ Толстого, вѣроятно, вспомнитъ „Пьера“ и впечатлѣніе, произведенное на этого молодого человѣка его первой встрѣчей съ однимъ старымъ масономъ. „Пьеръ“ является вѣрнымъ изображеніемъ того типа многихъ молодыхъ людей, которые позднѣе сдѣлались извѣстными подъ именемъ „Декабристовъ“. Подобно „Пьеру“ они были проникнуты гуманитарными идеями; многіе изъ нихъ ненавидѣли крѣпостное право и стремились къ введенію конституціонныхъ гарантій; немногіе въ ихъ средѣ (Пестель, Рылѣевъ),

отчаявшись въ монархіи, шли даже дальше, говоря о необходимости возвратиться къ республиканскому федерализму древней Россіи. Результатомъ этихъ либеральныхъ теченій было возникновеніе серьезныхъ тайныхъ обществъ.

Извѣстно, какъ закончился этотъ заговоръ. Послѣ внезапной смерти Александра I на югѣ Россіи, въ Петербургѣ была принесена присяга его брату Константину, который былъ объявленъ императоромъ. Но когда, нѣсколькими днями позднѣе, въ столицѣ сдѣлалось извѣстно, что Константинъ отказался отъ престола и что императоромъ будетъ его братъ, Николай, при чемъ о дѣятельности тайнаго общества уже сдѣланъ былъ доносъ полиціи, заговорщики рѣшили выступить открыто, на площади, въ бой—хотя бы и неравный. Это произошло 14 (26) декабря 1825 года, на Сенатской площади въ С.-Петербургѣ. На призывъ заговорщиковъ откликнулось лишь нѣсколько сотъ солдатъ изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ; они скоро были разбиты и разогнаны картечью. Пять человѣкъ изъ главныхъ революціонеровъ были повѣшены Николаемъ 1-мъ, а остальные, т. е. около сотни молодыхъ людей, составлявшихъ цвѣтъ русской интеллигенціи, были сосланы на каторгу въ Сибирь, гдѣ они и оставались до 1856-го года. Не трудно себѣ представить все значеніе этой гибели столькихъ представителей интеллигенціи,—при томъ въ странѣ, которая не отличалась богатствомъ интеллектуальныхъ силъ. Даже въ болѣе цивилизованныхъ странахъ Западной Европы, внезапное исчезновеніе столькихъ людей, способныхъ не только мыслить, но и дѣйствовать, явилось бы серьезною задержкою въ дѣлѣ прогресса страны. Въ Россіи-же, исчезновеніе „декабристовъ" со сцены активной дѣятельности было просто гибельно, тѣмъ болѣе, что царствованіе Николая I-го продолжалось цѣлыхъ тридцать лѣтъ, и за всѣ эти годы каждая искра свободной мысли тушилась при первомъ ея появленіи.

Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ литературныхъ представителей декабристовъ былъ Рылѣевъ (1795—1826), принадлежавшій къ числу пяти повѣшенныхъ Николаемъ I-мъ. Онъ получилъ хорошее образованіе и въ 1814 году былъ уже офицеромъ; такимъ образомъ онъ былъ лишь нѣсколькими годами старше Пушкина. Рылѣевъ дважды посѣтилъ Францію,

въ 1814 и 1815-мъ году, и по заключеніи мира былъ судьей въ Петербургѣ. Его раннія литературныя произведенія—рядъ „думъ“ или балладъ, въ которыхъ воспѣвались различные дѣятели русской исторіи—отличались патріотическимъ характеромъ, но и въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ уже можно было подмѣтить свободолюбивыя тенденціи поэта. Цензура не пропустила этихъ „Думъ“, но онѣ ходили по всей Россіи въ рукописяхъ. Ихъ поэтическая цѣнность не велика; но уже слѣдующая поэма Рылѣева, „Войнаровскій“, и въ особенности нѣкоторые отрывки его неоконченныхъ поэмъ („Наливайко“) обнаруживаютъ въ немъ незаурядное поэтическое дарованіе, которое и было признано близкимъ другомъ Рылѣева, Пушкинымъ. Къ сожалѣнію, поэма „Войнаровскій“ была до сихъ поръ не извѣстна въ Западной Европѣ. Въ ней рисуется борьба Украйны, стремившейся при Петрѣ I-мъ возвратить свою независимость. Когда русскій царь былъ занятъ упорной борьбой съ великимъ сѣвернымъ полководцемъ, Карломъ XII-мъ, украинскій гетманъ Мазепа рѣшилъ соединиться съ Карломъ противъ Петра, съ цѣлью освободить свою родину отъ русскаго ига. Карлъ XII, какъ извѣстно, былъ разбитъ подъ Полтавой и вмѣстѣ съ Мазепой бѣжалъ въ Турцію. Войнаровскій, молодой украинскій патріотъ, другъ Мазепы, былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Сибирь. Тамъ, въ Якутскѣ, его посѣтилъ историкъ Миллеръ, и Рылѣевъ, воспользовавшись этимъ историческимъ обстоятельствомъ, заставляетъ Войнаровскаго разсказать исторію своей жизни нѣмецкому изслѣдователю. Картины сибирской природы въ Якутскѣ, которыми начинается поэма; подготовленія къ войнѣ въ Малороссіи и самая война; бѣгство Карла XII и Мазепы; наконецъ, страданія Войнаровскаго въ Якутскѣ, когда его молодая жена прибыла въ эту страну изгнанія и скоро угасла тамъ—всѣ эти сцены изображены сильно и ярко, при чемъ нѣкоторые стихи, по простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ красотѣ образовъ, вызывали восхищеніе даже такого цѣнителя, какимъ былъ Пушкинъ. Въ каждомъ новомъ поколѣніи русскихъ читателей эта поэма продолжаетъ вызывать все ту же любовь къ свободѣ и ненависть къ угнетенію.

ГЛАВА II.

ПУШКИНЪ — ЛЕРМОНТОВЪ.

Пушкинъ: Красота формы — Пушкинъ и Шиллеръ. — Его юность; изгнаніе; позднѣйшая дѣятельность и смерть. — Волшебныя сказки; „Русланъ и Людмила." — Лирика. — „Байронизмъ". — Драматическія произведенія. — „Евгеній Онѣгинъ". — **Лермонтовъ:** Пушкинъ или Лермонтовъ? — Его жизнь: Кавказъ; поэзія природы. — Вліяніе Шелли. — „Демонъ". — „Мцыри". — Любовь къ свободѣ. — Смерть. — Пушкинъ и Лермонтовъ, какъ прозаики. — Другіе поэты и романисты той же эпохи.

Англійскіе читатели до нѣкоторой степени были когда-то знакомы съ Пушкинымъ. Просматривая цѣнную коллекцію журнальныхъ статей, относящихся къ русскимъ писателямъ, которая была предоставлена въ мое распоряженіе проф. Кулиджемъ (Кэмбриджскаго университета, въ штатѣ Массачузетсъ), я нашелъ, что въ 1832 году, и позднѣе, въ 1845 году, о Пушкинѣ упоминалось какъ о писателѣ болѣе или менѣе извѣстномъ въ Англіи, при чемъ въ журналахъ давались даже переводы нѣкоторыхъ изъ его лирическихъ произведеній. Позднѣе о Пушкинѣ до извѣстной степени позабыли въ самой Россіи, а тѣмъ болѣе за-границей, и вплоть до настоящаго времени въ англійской литературѣ не имѣется перевода его произведеній, достойнаго великаго поэта.. Во Франціи, напротивъ,—благодаря Тургеневу и Просперу Меримэ, который видѣлъ въ Пушкинѣ одного изъ великихъ міровыхъ поэтовъ,—а равнымъ образомъ и въ Германіи, всѣ главныя произведенія русскаго поэта знакомы литературно-

образованнымъ людямъ, въ хорошихъ переводахъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ отличаются не только точностью, но и поэтической красотой. Должно замѣтить, впрочемъ, что въ массѣ читающей публики русскій поэтъ, за исключеніемъ его родной страны, очень мало извѣстенъ.

Легко понять, почему Пушкинъ не успѣлъ сдѣлаться любимцемъ западно-европейскихъ читателей. Его лирическія произведенія—неподражаемы: они могли быть написаны лишь великимъ поэтомъ. Его самое крупное произведеніе въ стихахъ, „Евгеній Онѣгинъ" отличается такимъ блескомъ и легкостью стиля, такимъ разнообразіемъ и живописностью образовъ, что его можно разсматривать, какъ единственное въ своемъ родѣ произведеніе въ европейской литературѣ. Его пересказы въ стихахъ русскихъ народныхъ сказокъ вызываютъ восхищеніе читателя. Но,—за исключеніемъ его позднихъ произведеній въ драматическомъ стилѣ, въ поэзіи Пушкина нѣтъ тѣхъ глубокихъ и возвышенныхъ идей, которыя такъ характерны для Гёте, Шиллера, Шелли, Байрона, Броунинга или Виктора Гюго. Необыкновенное изящество, простота и выразительность образовъ, необычайное умѣнье владѣть формой,—короче говоря, красота формы, а не красота идей,—отличаютъ поэзію Пушкина. Но люди ищутъ въ поэзіи болѣе всего высокихъ вдохновеній, благородныхъ идей, которыя дѣлали бы ихъ лучшими. А этого у Пушкина мало. При чтеніи Пушкинскихъ стиховъ, русскому читателю постоянно приходится восклицать: „Какъ чудно это сказано! Нельзя, невозможно подыскать другого болѣе красиваго или болѣе точнаго выраженія". По красотѣ формы Пушкинъ, дѣйствительно, стоитъ не ниже самыхъ величайшихъ поэтовъ. Онъ является, несомнѣнно, великимъ поэтомъ въ его способѣ описанія самыхъ незначительныхъ мелочей повседневной жизни, въ разнообразіи человѣческихъ чувствъ, нашедшихъ мѣсто въ его поэзіи, въ изящномъ выраженіи различныхъ оттѣнковъ любви и, наконецъ, въ яркой индивидуальности всѣхъ его произведеній.

Чрезвычайно интересно —сравнить лирику Пушкина и Шиллера. Оставляя въ сторонѣ величіе и разнообразіе сюжетовъ, которыхъ касался Щиллеръ, и сравнивая лишь тѣ поэтическія произведенія обоихъ поэтовъ въ которыхъ

оба говорятъ о самихъ себѣ, читатель, уже при чтенiи этихъ произведенiй, приходитъ въ заключенiе, что Шиллеръ, какъ личность, по глубинѣ мысли и философскому мiропониманiю, стоитъ несравненно выше, чѣмъ блестящiй, до извѣстной степени избалованный и поверхностный ребенокъ, какимъ былъ Пушкинъ. Но въ то же самое время индивидуальность Пушкина болѣе глубоко отразилась на его произведенiяхъ. Пушкинъ былъ полонъ жизненной энергiи, и его личность отражалась на всемъ, что онъ писалъ; въ каждой строкѣ его стиховъ вы чувствуете напряженное бiенiе горячо чувствующаго сердца. Сердце Пушкина менѣе симпатично, чѣмъ сердце Шиллера, но зато читателю удается заглянуть въ него глубже. Даже въ своихъ лучшихъ произведенiяхъ Шиллеръ не превосходитъ нашего поэта выраженiемъ чувствъ или большимъ разнообразiемъ формы. Въ этомъ отношенiи несомнѣнно Пушкина можно поставить на ряду съ Гёте.

Пушкинъ родился въ аристократической семьѣ, въ Москвѣ. Съ материнской стороны въ его жилахъ текла африканская кровь: его мать, прекрасная креолка, была внучкой абиссинскаго негра, состоявшаго на службѣ у Петра Великаго. Его отецъ былъ типическимъ представителемъ дворянства того времени: растративши крупное состоянiе, онъ жилъ „спустя рукава“, устраивая балы и пикники, при чемъ въ его домѣ даже не во всѣхъ комнатахъ была мебель. Большой любитель полу-философскихъ споровъ, основанiемъ которыхъ служили свѣдѣнiя, только-что почерпнутыя изъ кого нибудь изъ французскихъ энциклопедистовъ, отецъ Пушкина любилъ также сводить въ своемъ домѣ всевозможныя тогдашнiя литературныя знаменитости, русскiя и французскiя, которымъ случалось быть проѣздомъ въ Москвѣ.

Бабушка Пушкина и его старуха-няня были во время дѣтства будущаго поэта его лучшими друзьями. Имъ онъ обязанъ удивительнымъ мастерствомъ русскаго языка; отъ своей няни, съ которой позже онъ засиживался до поздней ночи во время подневольнаго пребыванiя, по приказу полицiи, въ наслѣдственной псковской деревушкѣ, онъ унаслѣдовалъ то поразительное знакомство съ русской народной поэзiею и тотъ чисто-русскiй способъ выраженiя, которыя придали его стихамъ и прозѣ глубоко-нацiональный характеръ.

Такимъ образомъ, косвеннымъ путемъ, мы обязаны этимъ двумъ женщинамъ созданіемъ того легкаго гибкаго литературнаго языка, который былъ введенъ Пушкинымъ въ нашу литературу.

Молодой поэтъ получилъ образованіе въ Царскосельскомъ лицеѣ, и еще до выхода изъ школы онъ уже пользовался репутаціей замѣчательнаго стихотворца, въ которомъ Державинъ признавалъ болѣе чѣмъ послѣдователя и которому Жуковскій подарилъ свой портретъ съ надписью: „ученику,— отъ побѣжденнаго учителя". Къ несчастью, страстная натура увлекла поэта отъ литературныхъ кружковъ и политическихъ теченій, съ которыми были связаны его лучшіе друзья,—декабристы Пущинъ и Кюхельбекеръ, — въ омутъ лѣнивой, безсмысленной жизни, которую вели тогдашніе аристократы, и онъ безплодно растрачивалъ свою жизненную энергію въ оргіяхъ. Изображеніе нѣкоторыхъ только сторонъ этой пустой мелкой жизни можно найти въ нѣкоторыхъ главахъ „Евгенія Онѣгина".

Будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ тѣми, которые нѣсколькими годами позднѣе выступили врагами самодержавія и крѣпостного права на Сенатской площади въ Петербургѣ, Пушкинъ написалъ „Оду на свободу" и нѣсколько мелкихъ поэтическихъ произведеній, дышащихъ ярко-революціоннымъ духомъ, а также рядъ эпиграммъ, направленныхъ противъ тогдашнихъ властителей Россіи. Вслѣдствіе этого, въ 1820 году, когда Пушкину было всего двадцать лѣтъ, его отправили въ ссылку въ Кишиневъ, захолустный тогда городокъ недавно присоединенной Бессарабіи, гдѣ поэтъ велъ разгульную жизнь и однажды даже странствовалъ съ цыганскимъ таборомъ. Къ счастью, ему было разрѣшено выѣхать изъ этого пыльнаго и скучнаго городка, и сдѣлать, въ обществѣ привлекательной и образованной семьи Раевскихъ, путешествіе по Крыму и Кавказу; результатомъ этого путешествія явились нѣкоторыя изъ лучшихъ лирическихъ произведеній Пушкина.

Въ 1824 году, когда поэтъ своимъ поведеніемъ сдѣлалъ дальнѣйшее пребываніе въ Одессѣ невозможнымъ (а можетъ быть и потому что боялись его побѣга въ Грецію, къ Байрону), ему было приказано возвратиться во внутреннюю

Россію и поселиться въ его маленькомъ имѣніи, Михайловскомъ, въ Псковской губерніи,—гдѣ имъ и были написаны его лучшія произведенія. Въ этой деревушкѣ онъ былъ 14-го декабря 1825 года, когда въ Петербургѣ вспыхнуло возстаніе, и только благодаря этому онъ не попалъ въ Сибирь. Подобно многимъ изъ своихъ друзей, декабристовъ, онъ успѣлъ сжечь свои бумаги, прежде чѣмъ онѣ попали въ руки тайной полиціи.

Вскорѣ послѣ этого Пушкину было разрѣшено возвратиться въ Петербургъ: Николай I взялъ на себя самого цензуру его произведеній и позднѣе сдѣлалъ его камеръ-юнкеромъ. Бѣдному Пушкину, такимъ образомъ, приходилось вести жизнь мелкаго чиновника при Зимнемъ дворцѣ, и онъ отъ всей души ненавидѣлъ эту жизнь. Придворная знать и бюрократія никогда не могли простить ему того обстоятельства, что онъ, не принадлежа къ ихъ кругу, считался такимъ великимъ человѣкомъ въ Россіи; жизнь Пушкина постоянно отравлялась мелочными уколами, наносимыми завистливой придворной чернью. Въ довершеніе, онъ имѣлъ несчастье жениться на красавицѣ, которая совершенно не въ состояніи была оцѣнить его геній. Въ 1837 году онъ дрался на дуэли изъ-за красавицы жены, и былъ убитъ тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Пушкина, написаннымъ почти немедленно по выходѣ изъ лицея, была поэма „Русланъ и Людмила",—волшебная сказка, написанная прекрасными стихами. Дѣйствіе поэмы происходитъ въ той волшебной странѣ, гдѣ „У лукоморья дубъ зеленый; златая цѣпь на дубѣ томъ: и днемъ и ночью котъ ученый все ходитъ по цѣпи кругомъ; идетъ направо — пѣснь заводитъ, налѣво — сказку говоритъ"... Поэма открывается описаніемъ свадьбы героини, Людмилы; долгій свадебный пиръ, наконецъ, законченъ и Людмила удаляется со своимъ молодымъ супругомъ; но внезапно наступаетъ меракъ, слышны громовые раскаты, и во время этой бури Людмила исчезаетъ. Она унесена страшнымъ волшебникомъ, Черноморомъ, который представляетъ въ народной поэзіи отголосокъ воспоминаній о набѣгахъ дикихъ кочевниковъ изъ черноморскихъ степей. Злосчастный мужъ, а также трое другихъ молодыхъ людей, добивавшихся раньше руки Людмилы, сѣдлаютъ коней

и отправляются въ поиски за исчезнувшей красавицей. Ихъ приключенія и составляютъ содержаніе поэмы, въ которой трогательный элементъ все время переплетается съ забавнымъ. Послѣ многихъ приключеній, Русланъ, наконецъ, находитъ свою Людмилу и все оканчивается къ общему удовольствію, какъ это всегда бываетъ въ народныхъ сказкахъ *).

Таково несложное содержаніе поэмы. Это было вполнѣ юношеское произведеніе, а между тѣмъ оно оказало огромное вліяніе на всю тогдашнюю литературу. Господствовавшій до того времени ложно-классицизмъ получилъ ударъ, отъ котораго никогда уже не оправился. Поэма читалась нарасхватъ: изъ нея заучивали цѣлыя страницы, и съ этою волшебною сказкою создавалась наша современная русская литература,— полная простоты, реальная въ своихъ описаніяхъ, скромная въ фабулѣ, сдержанная въ образахъ, глубоко искренняя и съ легкимъ оттѣнкомъ юмора. Трудно себѣ представить бóльшую простоту стиха чѣмъ та, которой Пушкинъ достигъ уже въ этой поэмѣ. Достаточно сказать, что стихи этой поэмы отличаются чарующей музыкальностью и въ то же время вся поэма написана самымъ простымъ разговорнымъ языкомъ, въ которомъ вовсе нѣтъ устарѣлыхъ, или мало употребительныхъ словъ, къ сожалѣнію слишкомъ часто еще встрѣчающихся въ англійской поэзіи.

Появленіе „Руслана и Людмилы“ вызвало громы изъ лагеря псевдо-классиковъ. Нужно только вспомнить обо всѣхъ этихъ „Дафнисахъ“ и „Хлояхъ“ наполнявшихъ тогдашнюю поэзію, о напыщенныхъ жреческихъ позахъ, въ которыя становились тогдашніе поэты при обращеніи къ публикѣ,— чтобы понять, какъ была оскорблена вся ложно-классическая школа. Тутъ вдругъ явился поэтъ, который пренебрегалъ всѣми ея завѣтами!.. Онъ выражалъ свои мысли въ прекрасныхъ образахъ, не прибѣгая къ излюбленнымъ псевдо-классическимъ украшеніямъ; онъ вводилъ въ поэзію самый обычный

*) Великій русскій композиторъ Глинка воспользовался поэмой Пушкина для созданія своей оперы („Русланъ и Людмила“), въ которой для характеристики различныхъ героевъ употреблены русскіе, финскіе, турецкіе и восточные мотивы.

разговорный языкъ, и осмѣливался выступить въ литературѣ съ какой-то сказкой, годной лишь для дѣтей! Пушкинъ однимъ ударомъ разсѣкалъ путы ложно-классицизма, которыми была скована до тѣхъ поръ литература.

Сказки, которыхъ Пушкинъ наслушался отъ старушки-няни, послужили матеріаломъ не только для его первой поэмы, но и для цѣлаго ряда народныхъ сказокъ, стихи которыхъ отличаются такой удивительной простотой и безыскусственностью, что какъ только вы произнесете изъ нихъ два или три слова, вы чувствуете, что остальныя сами напрашиваются на языкъ. Иныхъ словъ употребить — невозможно; иначе разсказать—нельзя.—„Вѣдь именно такъ надо разсказывать сказки!“ восклицали восхищенные читатели, и битва съ ложно классицизмомъ была выиграна разъ на всегда.

Та же простота и искренность выраженія характеризуютъ и всѣ позднѣйшія произведенія Пушкина. Онъ не отступалъ отъ нея даже тогда, когда касался такъ - называемыхъ возвышенныхъ предметовъ; онъ остался вѣренъ ей и въ самыхъ страстныхъ и въ философскихъ монологахъ своихъ позднѣйшихъ драмъ. Это дѣлаетъ Пушкина особенно труднымъ для перевода на англійскій языкъ, такъ какъ въ англійской литературѣ XIX-го вѣка, Вордсвортъ является единственнымъ поэтомъ, отличающимся той же простотой. Но, въ то время, какъ Вордсвортъ проявлялъ эту простоту главнымъ образомъ въ описаніяхъ изящныхъ и спокойныхъ англійскихъ ландшафтовъ, или сельской жизни, Пушкинъ говорилъ съ той же простотой о человѣческой жизни вообще, и его стихи текутъ такъ же легко, какъ проза; они свободны отъ искусственныхъ украшеній, даже тогда, когда онъ описываетъ самыя бурныя человѣческія страсти. Въ его презрѣніи ко всякому преувеличенію и ко всему театральному, ходульному; въ его рѣшимости не имѣть ничего общаго съ „разрумяненнымъ трагическимъ актеромъ, махающимъ мечомъ картоннымъ“,—онъ былъ истинно-русскимъ, и онъ помогъ, въ сильной степени, русской литературѣ и русской сценѣ развить тотъ вкусъ къ простотѣ и искренности въ выраженіи чувствъ, образцы которыхъ мы встрѣтимъ такъ часто на страницахъ этой книги.

Главная сила Пушкина была въ его лирической поэзіи, а основной нотой этой поэзіи была у него любовь. Тяжелыя противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью, отъ которыхъ страдали люди болѣе глубокіе, въ родѣ Гёте, Байрона или Гейне, были незнакомы Пушкину. Онъ отличался болѣе поверхностной натурой. Надо, впрочемъ, сказать, что вообще западно-европейскій поэтъ обладалъ такимъ наслѣдствомъ, какого у русскаго тогда еще не было. Каждая страна Западной Европы прошла черезъ періоды великой народной борьбы, во время которыхъ затрагивались въ глубокой формѣ самые важные вопросы человѣческаго развитія. Великія политическія столкновенія вызывали яркія и глубокія страсти; они создавали трагическія положенія; они побуждали къ творчеству въ высокомъ, возвышенномъ направленіи. Въ Россіи же крупныя политическія и религіозныя движенія, имѣвшія мѣсто въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ, какъ, напримѣръ, Пугачевщина, были возстаніями крестьянъ, въ которыхъ образованные классы не принимали участія. Вслѣдствіе всего этого, интеллектуальный горизонтъ русскаго поэта неизбѣжно суженъ. Есть, однако, въ человѣческой природѣ нѣчто такое, что всегда живетъ и всегда находитъ откликъ въ человѣческомъ сердцѣ. Это — любовь; и Пушкинъ, въ своей лирической поэзіи, изображалъ любовь въ такихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, въ такихъ, истинно-прекрасныхъ формахъ и съ такимъ разнообразіемъ оттѣнковъ, что въ этой области нѣтъ поэта равнаго ему. Кромѣ того, онъ часто выказывалъ такое утонченное высокое отношеніе къ любви, что это отношеніе оставило такой же глубокій слѣдъ въ позднѣйшей русской литературѣ, какой изящные типы женщинъ Гёте оставили въ міровой словесности. Послѣ ноты, взятой Пушкинымъ, для русскаго поэта становилось невозможнымъ относиться къ любви менѣе серьезно.

Въ Россіи Пушкина часто называли русскимъ Байрономъ. Но это сравненіе едва-ли справедливо. Онъ несомнѣнно подражалъ Байрону въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ; но это подражаніе,—по крайней мѣрѣ въ „Евгеніи Онѣгинѣ"—вылилось въ блестящее оригинальное произведеніе. На Пушкина, несомнѣнно, произвелъ глубокое впечат-

лѣніе горячій протестъ Байрона противъ „накрахмаленной добродѣтели“ Европы, и было время, когда Пушкинъ, если бы ему удалось вырваться изъ Россіи, вѣроятно, присоединился бы къ Байрону въ Греціи.

Но вслѣдствіе поверхностности характера, Пушкинъ не могъ понять, а тѣмъ менѣе раздѣлять, той глубокой ненависти и презрѣнія къ послѣ-революціонной Европѣ, которая сжигала сердце Байрона. Пушкинскій „байронизмъ“ былъ поверхностнымъ и хотя русскій поэтъ всегда былъ готовъ бравировать „порядочное“ общество, ему не была знакома ни та тоска по свободѣ, ни та ненависть къ лицемѣрію, которыя воодушевляли Байрона.

Вообще, сила Пушкина лежала не въ возвышенномъ или свободолюбивомъ поэтическомъ призывѣ. Его эпикурейство, его воспитаніе, полученное отъ французскихъ эмигрантовъ, и его жизнь среди распущеннаго высшаго петербургскаго общества—были причиной того, что великіе вопросы, назрѣвавшіе тогда въ тогдашней русской жизни, оставались въ значительной мѣрѣ чужды его сердцу. Вслѣдствіе этого, къ концу своей недолгой жизни, онъ уже расходился съ тѣми изъ своихъ читателей, которые считали недостойнымъ поэта восхищаться военной силой Россіи, послѣ того какъ войска Николая I раздавили Польшу,—и находили, что описывать прелести зимняго сезона скучающихъ баръ въ Петербургѣ—еще не значитъ описывать русскую жизнь, въ которой ужасы крѣпостного права и абсолютизма съ каждымъ годомъ становились невыносимѣе.

Главная заслуга Пушкина была въ томъ, что онъ въ нѣсколько лѣтъ сумѣлъ создать русскій литературный языкъ и освободить литературу отъ того театральнаго напыщеннаго стиля, который раньше считался необходимой оболочкой всякаго литературнаго произведенія. Пушкинъ былъ великъ въ области поэтическаго творчества: онъ обладалъ геніальной способностью описывать самыя обыденныя вещи и эпизоды повседневной жизни, или самыя простыя чувства обыденныхъ людей такимъ образомъ, что читатель, въ свою очередь, снова переживалъ ихъ. Въ то же время, при помощи самыхъ скудныхъ матеріаловъ, онъ могъ воссоздавать минувшую жизнь, воскрешать цѣлыя историческія

эпохи, и въ этомъ отношенiи лишь Левъ Толстой можетъ быть поставленъ наравнѣ съ нимъ. Затѣмъ, сила Пушкина была въ его глубокомъ реализмѣ—томъ реализмѣ, понимаемомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, котораго онъ былъ родоначальникомъ, и который, какъ мы увидимъ позже, сдѣлался впослѣдствiи отличительной чертой всей русской литературы. Наконецъ, сила его—въ широкихъ гуманитарныхъ взглядахъ, которыми проникнуты его лучшiя произведенiя, въ его жизнерадостности и въ его уваженiи къ женщинѣ. Что же касается красоты формы, то его стихи отличаются такой „легкостью", что прочтенные два-три раза они тотчасъ запечатлѣваются въ памяти читателя. Теперь, когда они проникли въ глушь русскихъ деревень, этими стихами наслаждаются уже миллiоны крестьянскихъ дѣтей,—послѣ того какъ ими восхищались такiе утонченные философскiе поэты, какъ Тургеневъ.

Пушкинъ пробовалъ также свои силы въ драмѣ и, насколько можно судить по его послѣднимъ произведенiямъ („Каменный гость" и „Скупой рыцарь"), онъ, вѣроятно, достигъ бы крупныхъ результатовъ и въ этой области поэтическаго творчества, если бы его жизнь не пресѣклась такъ рано. Его „Русалка", къ сожалѣнiю, оказалась незаконченной, но о драматическихъ ея качествахъ можно судить по той потрясающей драмѣ, которую она представляетъ въ оперѣ Даргомыжскаго. Историческая драма Пушкина, „Борисъ Годуновъ", дѣйствiе которой происходитъ во времена Димитрiя Самозванца, заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ сценъ, выдающихся — однѣ, по юмору, а другiя—по тонкому анализу чувствъ; но въ общемъ, это произведенiе вѣрнѣе назвать драматической хроникой, чѣмъ драмой. Что же касается „Скупого рыцаря", то это произведенiе указываетъ на замѣчательную силу уже созрѣвшаго таланта; нѣкоторыя мѣста этихъ драматическихъ сценъ достойны пера Шекспира. „Каменный гость", въ которомъ удивительно воспроизведенъ духъ Испанiи, даетъ читателю лучшее понятiе о типѣ Донъ Жуана, чѣмъ какое либо изображенiе того же типа въ другихъ литературахъ; въ общемъ, это произведенiе имѣетъ всѣ качества первоклассной драмы, и въ немъ есть дѣйствительно проблески генiальности.

Къ концу короткой жизни поэта въ его произведеніяхъ начинаютъ появляться признаки болѣе глубокаго жизнепониманія. Пустота жизни высшихъ классовъ, очевидно, пріѣлась ему, и когда онъ началъ писать исторію великаго крестьянскаго возстанія, поднятаго Пугачевымъ во время царствованія Екатерины II-й, онъ началъ понимать и сочувственно относиться къ внутренней жизни русскаго крестьянства. Онъ началъ смотрѣть шире и глубже на народную жизнь. Но эта пора развитія его генія была внезапно прервана преждевременной смертью. Онъ, какъ мы сказали раньше, былъ убитъ на дуэли, человѣкомъ, принадлежавшимъ къ тогдашнему „высшему обществу" Петербурга.

Наиболѣе популярнымъ изъ произведеній Пушкина остался его романъ въ стихахъ, „Евгеній Онѣгинъ". По формѣ онъ очень напоминаетъ „Чайльдъ Гарольда" Байрона, но содержаніе его чисто-русское, и въ немъ мы имѣемъ едва-ли не лучшее описаніе русской жизни въ столицахъ и въ маленькихъ дворянскихъ помѣстьяхъ. Композиторъ Чайковскій воспользовался сюжетомъ и текстомъ „Евгенія Онѣгина" для оперы того же названія, пользующейся большимъ успѣхомъ на русской сценѣ. Герой романа, Онѣгинъ, является типическимъ представителемъ общества той эпохи. Онъ получилъ самое поверхностное образованіе отъ французскаго учителя, — бывшаго эмигранта, — и отъ гувернера нѣмца; вообще, онъ учился „чему нибудь и какъ нибудь". Девятнадцати лѣтъ онъ дѣлается собственникомъ крупнаго состоянія, — т. е. владыкой крѣпостныхъ крестьянъ, о которыхъ онъ ничуть не заботится, — и какъ, подобаетъ, погружается въ жизнь тогдашняго петербургскаго „свѣта". Его день начинается очень поздно чтеніемъ массы приглашеній на обѣды и ужины, балы и маскарады. Онъ, конечно, постоянный посѣтитель театра, въ которомъ балетъ предпочитаетъ неуклюжимъ драматическимъ произведеніямъ тогдашнихъ русскихъ драматуровъ; значительную часть дня онъ проводитъ въ модныхъ ресторанахъ, а ночи — на балахъ, гдѣ онъ играетъ роль разочарованнаго молодого человѣка, утомленнаго жизнью и вообще старается покрасивѣе завернуться въ плащъ байронизма. Вслѣдствіе различныхъ причинъ, ему приходится провести лѣто въ собственномъ имѣніи, гдѣ въ близкомъ

сосѣдствѣ живетъ молодой поэтъ, Ленскій, получившій образованіе въ Германіи и полный германскаго романтизма. Они дѣлаются большими друзьями и заводятъ знакомство съ семьей помѣщика, живущей по сосѣдству. Глава этой семьи,— старуха мать,—превосходно изображена Пушкинымъ. Ея двѣ дочери, Татьяна и Ольга, не сходны по характерамъ: Ольга— безыскусственная, жизнерадостная дѣвушка, не задумывающаяся надъ какими бы то ни было вопросами, и молодой поэтъ влюбляется въ нее; любовь эта должна закончиться бракомъ. Татьяна же – поэтическая дѣвушка и Пушкинъ положилъ всю силу своего таланта, чтобы изобразить ее, какъ идеальную женщину: интеллигентную, мыслящую и воодушевленную неясными стремленіями къ чему-то лучшему, чѣмъ та прозаическая жизнь, которую ей приходится влачить. Онѣгинъ производитъ на нее съ первыхъ же дней знакомства глубокое впечатлѣніе: она влюбляется въ него; но Онѣгинъ, одержавшій столько побѣдъ въ высшихъ кругахъ столицы и носящій теперь маску разочарованія, не обращаетъ никакого вниманія на наивную любовь бѣдной деревенской дѣвушки. Она пишетъ ему, и въ письмѣ съ большой откровенностью и въ самыхъ патетическихъ выраженіяхъ говоритъ ему о своей любви; но молодой хлыщъ не находитъ ничего лучшаго, какъ прочесть ей нотацію о ея необдуманности и, кажется, находитъ великое удовольствіе, поворачивая ножъ въ нанесенной имъ ранѣ. Въ то же самое время на одномъ изъ деревенскихъ баловъ, Онѣгинъ, поджигаемый какимъ то бѣсомъ, начинаетъ ухаживать самымъ вызывающимъ образомъ за другой сестрой, Ольгой. Молодая дѣвушка восхищена вниманіемъ мрачнаго героя, и въ результатѣ Ленскій вызываетъ Онѣгина на дуэль. Отставной офицеръ, старый дуэлистъ, замѣшивается въ дѣло, и Онѣгинъ,—который, несмотря на высказываемое имъ яко-бы презрѣніе къ общественному мнѣнію, очень дорожитъ мнѣніемъ даже мѣстнаго деревенскаго общества,—принимаетъ вызовъ. Онъ убиваетъ своего друга-поэта на дуэли и принужденъ уѣхать изъ своего имѣнія. Проходятъ нѣсколько лѣтъ. Татьяна, оправившись отъ болѣзни, отправляется однажды въ деревенскій домъ Онѣгина и вступаетъ въ дружбу со старушкой ключницей; она проводитъ затѣмъ цѣлые мѣсяцы въ чтеніи книгъ

изъ библіотеки Онѣгина. Но жизнь потеряла для нея свою прежнюю прелесть; уступая уговорамъ матери, она уѣзжаетъ въ Москву и тамъ выходитъ замужъ за старика-генерала. Замужество приводитъ ее въ Петербургъ, гдѣ она играетъ выдающуюся роль въ придворныхъ кружкахъ, и въ этой новой обстановкѣ она опять встрѣчается съ Онѣгинымъ, который едва узнаетъ свою деревенскую Таню, ставшую теперь блестящею свѣтскою дамою, и безумно влюбляется въ нее. Она не обращаетъ на него вниманія и оставляетъ его письма безъ отвѣта. Наконецъ, онъ является въ ея домъ, улучивъ удобный часъ, и застаетъ Татьяну за чтеніемъ его писемъ, при чемъ глаза ея полны слезами. Онѣгинъ произноситъ пламенное признаніе въ любви, и на это признаніе Татьяна произноситъ монологъ, отличающійся удивительной красотой. Цѣлое поколѣніе русскихъ женщинъ плакало надъ этимъ монологомъ, читая извѣстныя строки: „Онѣгинъ, я тогда моложе, я лучше, кажется, была и я любила васъ“... Но любовь деревенской дѣвушки не представляла ничего привлекательнаго для Онѣгина.

„. . . . . Чтожъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна,
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ,
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?“

Татьяна продолжаетъ:

„А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта —
Придворной жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
— Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,

За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ...
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

Она проситъ Онѣгина оставить ее:

„Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана—
Я буду вѣкъ ему вѣрна".

Сколько тысячъ молодыхъ русскихъ женщинъ позднѣе повторяли эти стихи и говорили самимъ себѣ: „О, какъ охотно мы бы отдали всѣ эти наряды, весь маскарадъ роскошной жизни за полку книгъ, за жизнь въ деревнѣ среди крестьянъ, вблизи могилы старухи-няни въ нашей деревнѣ!" И сколько изъ нихъ ушло въ деревню!.. Позднѣе мы встрѣтимъ тотъ же типъ русской дѣвушки въ ея дальнѣйшемъ развитіи въ романахъ Тургенева и въ русской жизни. Предугадавши это явленіе Пушкинъ, дѣйствительно, былъ великимъ поэтомъ.

Лермонтовъ.

Разсказываютъ, что когда Тургеневъ встрѣчался со своимъ близкимъ другомъ, Кавелинымъ,—симпатичнымъ философомъ и выдающимся писателемъ по историко-юридическимъ и общественнымъ вопросамъ, — они часто начинали споръ: „Пушкинъ или Лермонтовъ?" Тургеневъ, какъ извѣстно, считалъ Пушкина не только однимъ изъ величайшихъ поэтовъ, но и однимъ изъ величайшихъ художниковъ, въ то время какъ Кавелинъ утверждалъ, что Лермонтовъ, въ его лучшихъ произведеніяхъ, стоитъ, какъ художникъ, немногимъ ниже Пушкина, но что въ то же время его вдохновеніе имѣетъ болѣе высокій полетъ. Если прибавить, что литературная карьера Лермонтова продолжалась всего восемь лѣтъ,—онъ былъ убитъ на дуэли, когда ему было всего двадцать шесть лѣтъ, — громадный талантъ юнаго поэта и лежавшая предъ нимъ блестящая будущность очевидны для всякаго.

Въ жилахъ Лермонтова текла шотландская кровь. Основателемъ фамилiи былъ шотландецъ, Джорджъ Лермонтъ (George Learmonth), который, съ шестьюдесятью шотландцами и ирландцами, вступилъ на службу, сначала Польши, а потомъ (въ 1613 году) Россiи. Жизнь поэта остается до сихъ поръ, въ сущности, мало изслѣдованной. Несомнѣнно, что его дѣтство и юношескiе годы не были счастливы. Его мать любила поэзiю и, кажется, сама писала стихи; но онъ потерялъ ее, когда ему было всего три года, а ей двадцать одинъ. Его бабушка съ материнской стороны, аристократка, отняла его отъ отца, бѣднаго армейскаго офицера, котораго ребенокъ обожалъ, и дала ему образованiе, тщательно охраняя его отъ какихъ-либо сношенiй съ отцомъ. Ребенокъ былъ очень талантливъ и уже въ четырнадцати лѣтнемъ возрастѣ началъ писать стихи и поэмы—сначала по-французски (подобно Пушкину), а позднѣе—по-русски. Шиллеръ и Шекспиръ, а съ шестнадцати лѣтъ — Байронъ и Шелли, были его любимыми поэтами. Шестнадцати лѣтъ Лермонтовъ поступилъ въ московскiй университетъ, оттуда, впрочемъ, въ слѣдующемъ году былъ исключенъ за участiе въ демонстрацiи противъ одного скучнаго профессора. Тогда онъ поступилъ въ военную школу въ Петербургѣ, откуда восемнадцати лѣтъ вышелъ въ офицеры.

Молодымъ человѣкомъ, двадцати двухъ лѣтъ, Лермонтовъ внезапно получилъ широкую извѣстность, благодаря своему стихотворенiю „На смерть Пушкина“ (1837). Великiй поэтъ, поклонникъ свободы и врагъ притѣсненiя, сразу обнаружился въ этомъ полномъ страстнаго гнѣва произведенiи молодого писателя; въ немъ особенно могущественны заключительные стихи:

„А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшiе обломки
Игрою счастiя обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящiе у трона,
Свободы, генiя и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнiю закона:
Предъ вами судъ и правда --все молчи!
Но есть и Божiй судъ, наперсники разврата;
Есть грозный судiя, Онъ ждетъ;

Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!"

Спустя нѣсколько дней, весь Петербургъ, а вскорѣ и вся культурная Россія,—знали эти стихи наизусть; они расходились въ тысячахъ рукописныхъ копій.

За этотъ страстный крикъ оскорбленнаго сердца, Лермонтовъ немедленно поплатился ссылкой. Только благодаря вмѣшательству могущественныхъ друзей, онъ не попалъ въ Сибирь. Его перевели изъ гвардейскаго полка, въ которомъ онъ служилъ, въ армейскій полкъ на Кавказъ.

Лермонтовъ уже раньше былъ знакомъ съ Кавказомъ: онъ посѣтилъ его десятилѣтнимъ ребенкомъ, и это первое посѣщеніе оставило въ его душѣ неизгладимые слѣды. Попавъ туда снова, онъ еще болѣе былъ пораженъ величіемъ кавказской природы. Надо сказать, что Кавказъ—одна изъ самыхъ красивыхъ областей земного шара. Отъ моря до моря проходитъ цѣпь горъ, болѣе высокихъ, чѣмъ Альпы, и ихъ склоны покрыты и окружены безконечными лѣсами, садами и степями, при чемъ теплый южный климатъ, а также сухость и прозрачность воздуха—въ значительной степени усиливаютъ природную красоту горъ. Покрытые снѣгомъ гиганты видны за многіе десятки верстъ, и грандіозность горной цѣпи производитъ такое впечатлѣніе, какого невозможно получить гдѣ бы то ни было въ другихъ частяхъ Европы. Значительно усиливаетъ красоту хребта полутропическая растительность, одѣвающая горные склоны, на которыхъ гнѣздятся деревушки съ ихъ каменными башнями, придающими туземнымъ поселеніямъ воинственный видъ; все это купается въ блистающихъ солнечныхъ лучахъ Востока и населено расой, принадлежащей къ красивѣйшимъ въ Европѣ. Наконецъ, въ то время, когда Лермонтовъ попалъ на Кавказъ, горцы съ поразительной храбростью боролись противъ русскаго вторженія, грудью защищая каждую долину въ родныхъ горахъ.

Вся красота природы Кавказа отразилась въ поэзіи

Лермонтова, при томъ въ такой формѣ, что ни въ одной другой литературѣ не найдется описаній природы болѣе прекрасныхъ, производящихъ такое же глубокое впечатлѣніе на читателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ вѣрныхъ дѣйствительности. Боденштедтъ, нѣмецкій переводчикъ и личный другъ Лермонтова, хорошо знакомый съ Кавказомъ, былъ вполнѣ правъ, когда замѣтилъ, что картины Лермонтова могутъ замѣнить цѣлые томы географическихъ описаній. Дѣйствительно, можно прочесть много томовъ, посвященныхъ описанію Кавказа, и все-таки они не смогутъ придать новыхъ конкретныхъ чертъ къ тѣмъ чертамъ, которыя запечатлѣваются въ умѣ послѣ чтенія поэмъ Лермонтова. Тургеневъ, говоря о Пушкинѣ, приводитъ сдѣланное Шекспиромъ (въ „Королѣ Лирѣ") описаніе моря со скалъ Дувра, указывая на это описаніе какъ на высшій образецъ природо-описательной поэзіи. Я долженъ, однако, сказать, что, на меня, это описаніе не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Пріемъ состоящій въ томъ чтобы сосредоточить вниманіе на мелкихъ деталяхъ—не удовлетворяетъ меня, такъ какъ картина Шекспира вовсе не передаетъ ни безбрежности моря, открывающейся съ высоты Дуврскихъ скалъ, ни—еще менѣе того—поразительнаго богатства цвѣтовъ, переливающихся на далекихъ волнахъ въ солнечный день. Понятіе о высотѣ скалъ—дано, но моря нѣтъ въ этой картинѣ. Изображенія природы въ произведеніяхъ Лермонтова свободны отъ всякаго подобнаго упрека. Боденштедтъ совершенно справедливо замѣтилъ, что Лермонтовъ, своими картинами природы Кавказа, удовлетворяетъ въ одинаковой степени, какъ натуралиста, такъ и художника. Описываетъ ли онъ гигантскую цѣпь горъ, гдѣ взглядъ теряется здѣсь—въ снѣжныхъ облакахъ, тамъ — въ неизмѣримыхъ пропастяхъ узкихъ разсѣлинъ; упоминаетъ ли онъ о какой нибудь детали,—напримѣръ, о горномъ потокѣ, о безконечныхъ лѣсахъ, о веселыхъ, покрытыхъ цвѣтами, долинахъ Грузіи, или же о группахъ легкихъ облаковъ, гонимыхъ сухимъ вѣтромъ сѣвернаго Кавказа,—описаніе его всегда настолько вѣрно природѣ, что передъ читателемъ возникаетъ картина, полная живыхъ красокъ и въ то же время она окружена поэтической атмосферой, благодаря которой чувствуется свѣжесть этихъ горъ,

ароматъ ихъ лѣсовъ и луговъ, чистота горнаго воздуха. И все это сказано въ стихахъ, отличающихся поразительной музыкальностью. Стихи Лермонтова, если и не отличаются „легкостью“ стиховъ Пушкина, часто бываютъ болѣе музыкальны: они звучатъ, какъ чудная мелодія. Русскій языкъ вообще мелодиченъ, но въ стихахъ Лермонтова онъ достигаетъ мелодичности итальянскаго языка.

Въ интеллектуальномъ отношеніи Лермонтовъ, пожалуй, стоитъ ближе всего къ Шелли. Авторъ „Скованнаго Прометея“ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе; но, тѣмъ не менѣе, Лермонтовъ не пытался подражать Шелли. Въ самыхъ раннихъ своихъ произведеніяхъ онъ подражалъ Пушкину и Пушкинскому байронизму, но онъ вскорѣ уже вышелъ на собственную дорогу. Можно только сказать, что умъ Лермонтова, какъ и умъ Шелли, занимали великія проблемы Добра и Зла, борющихся между собою и въ сердцѣ человѣка и во вселенной. Подобно Шелли среди поэтовъ и Шопенгауэру среди философовъ, Лермонтовъ чувствовалъ необходимость пересмотра современныхъ началъ нравственности, которая такъ настоятельно сказывается въ настоящее время. Эта сторона его поэзіи нашла выраженіе въ двухъ поэмахъ— „Демонъ“ и „Мцыри“, пополняющихъ одна другую. Въ первой изъ нихъ изображается пламенная душа, порвавшая съ землей и съ небомъ и смотрящая съ презрѣніемъ на всѣхъ поглощенныхъ мелкими страстями. Изгнанникъ изъ рая, Демонъ ненавидитъ человѣческія добродѣтели. Онъ знаетъ, какъ мелки страсти людей и глубоко презираетъ ихъ. Любовь этого Демона къ грузинской дѣвушкѣ, которая скрывается въ монастырь и умираетъ тамъ—можно ли было выбрать болѣе фантастическій сюжетъ, ничего не имѣющій общаго съ реальной жизнью? А между тѣмъ, при чтеніи поэмы, постоянно поражаешься невѣроятнымъ богатствомъ чисто-реальныхъ конкретныхъ описаній, всегда одинаково прекрасныхъ—какъ въ отдѣльныхъ сценахъ, такъ и въ анализѣ многоразличныхъ оттѣнковъ человѣческихъ чувствъ. Танецъ дѣвушки въ ея грузинскомъ замкѣ передъ вѣнчаніемъ; встрѣча ея жениха съ разбойниками и его смерть; быстрый бѣгъ его вѣрнаго коня; страданія невѣсты въ монастырѣ, и даже любовь Демона и каждое его движеніе,—описаны съ истиннымъ

реализмомъ, въ высшемъ значенiи этого слова; съ тѣмъ реализмомъ, который Пушкинъ навсегда утвердилъ въ русской литературѣ.

„Мцыри", это—вопль юной души, стремящейся къ свободѣ. Мальчикъ, взятый изъ горной черкесской деревушки, воспитанъ въ маленькомъ русскомъ монастырѣ. Монахи думаютъ, что они успѣли убить въ немъ всѣ человѣческiя чувства и стремленiя; но мечтой мальчика остается, — хотя бы разъ, хотя бы на одинъ только мигъ, — повидать снова родныя горы, гдѣ его сестры пѣли вокругъ его колыбели; прижать свою пылающую грудь къ сердцу человѣка, который бы не былъ для него чужимъ. Однажды ночью, когда реветъ страшная буря, и монахи, въ страхѣ молятся, собравшись въ церкви, ему удается убѣжать изъ монастыря, и онъ въ теченiе трехъ дней блуждаетъ по лѣсамъ. Наконецъ-то, въ первый разъ въ своей жизни, онъ наслаждается нѣсколькими моментами свободы и чувствуетъ въ себѣ всю энергiю и всю силу юности. Онъ говоритъ впослѣдствiи:— „О, я какъ братъ, обняться съ бурей былъ бы радъ! Глазами тучи я слѣдилъ, руками молнiи ловилъ"... Но, будучи экзотическимъ цвѣткомъ, ослабленный воспитанiемъ, онъ не можетъ найти пути въ родную страну. Онъ заблудился въ лѣсахъ, простирающихся на сотни верстъ кругомъ, и черезъ нѣсколько дней его, полумертваго, находятъ недалеко отъ монастыря. Онъ умираетъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему во время борьбы съ барсомъ.

Онъ говоритъ старику-монаху, ухаживающему за нимъ:

„Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,

Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ—я также могъ бы жить!"

И онъ разсказываетъ о красотѣ природы, которую онъ видѣлъ во время своего побѣга, о своемъ безумномъ восторгѣ при чувствѣ свободы, о борьбѣ съ барсомъ:

„Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней—
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей"...

Демонизмъ или пессимизмъ Лермонтова не былъ пессимизмомъ отчаянія. Это былъ могущественный протестъ противъ всего низменнаго въ жизни, и въ этомъ отношеніи его поэзія оставила глубокіе слѣды на всей послѣдующей русской литературѣ. Его пессимизмъ былъ раздраженіемъ сильнаго человѣка, видящаго вокругъ себя лишь слабыхъ и низкихъ людей. Одаренный врожденнымъ чувствомъ красоты, не могущей существовать внѣ Правды и Добра, и въ то же время окруженный—особенно въ свѣтскомъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался и на Кавказѣ—людьми, которые не могли или не смѣли понять его, онъ легко могъ бы прійти къ пессимистическому міровоззрѣнію и къ человѣконенавистничеству; но онъ всегда сохранялъ вѣру въ человѣка. Вполнѣ естественно, что въ своей юности,—въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, бывшихъ эпохой всеобщей реакціи,—Лермонтовъ могъ выразить свое недовольство міромъ въ такой абстрактной по замыслу поэмѣ, какъ „Демонъ". Нѣчто подобное есть и въ исторіи поэтическаго развитія Шиллера. Но постепенно пессимизмъ Лермонтова принималъ болѣе конкретныя формы. Онъ начиналъ уже ненавидѣть не человѣчество вообще, а тѣмъ менѣе небо и землю, и въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ онъ уже относился съ презрѣніемъ къ отрицательнымъ свойствамъ

людей своего поколѣнія. Въ своемъ романѣ, „Герой нашего времени“, въ „Думѣ“, онъ уже проводитъ высшіе идеалы и въ 1840 году, т. е. за годъ передъ смертью, онъ, повидимому, готовился выступить съ новыми созданіями, въ которыхъ его могущественный творческій и критическій умъ направился бы къ указанію реальныхъ золъ дѣйствительной жизни и реальнаго, положительнаго Добра, къ которому поэтъ, очевидно, стремился. Но, какъ разъ въ это время, онъ, подобно Пушкину, былъ убитъ на дуэли.

Лермонтовъ прежде всего былъ „гуманистомъ“,—глубоко гуманитарнымъ поэтомъ. Будучи всего 23-хъ лѣтъ онъ написалъ поэму „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“, дѣйствіе которой происходитъ во время Іоанна Грознаго и которая, по справедливости, считается одной изъ драгоцѣнностей русской литературы по артистической законченности, силѣ выраженія и удивительно выдержанному эпическому стилю. Эта поэма, произведшая большое впечатлѣніе въ Германіи (въ превосходномъ переводѣ Боденштедта), дышетъ чувствомъ могучаго негодованія противъ звѣрствъ грознаго царя и его опричниковъ.

Лермонтовъ глубоко любилъ Россію, но конечно не Россію офиціальную; онъ не восхищался военной силой отечества, которая дорога такъ-называемымъ патріотамъ, но писалъ:

„Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья –
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья“.

Онъ любилъ въ Россіи ея природу, ея деревенскую жизнь, ея крестьянъ. Въ то же время онъ горячо любилъ туземцевъ Кавказа, которые вели ожесточенную борьбу съ русскими, отстаивая свою свободу. Несмотря на то, что онъ самъ былъ русскимъ и участвовалъ въ двухъ походахъ противъ черкесовъ, его сердце было полно симпатіи къ этому храброму, пылкому народу и къ его борьбѣ за независимость. Одна изъ его поэмъ, „Измаилъ-бей“, является апоѳеозомъ этой борьбы; въ другой, одной изъ лучшихъ, изображенъ

черкесъ, бѣгущій съ поля битвы въ родную деревню, гдѣ его мать отталкиваетъ его, какъ трусливаго предателя. Другая жемчужина его поэзіи, небольшая поэма „Валерикъ", людьми, побывавшими въ сраженіяхъ, считается лучшимъ и наиболѣе точнымъ описаніемъ битвы, какое существуетъ въ поэзіи. А между тѣмъ Лермонтовъ не любилъ войны; онъ заканчиваетъ одно изъ превосходныхъ описаній битвы слѣдующими стихами:

„Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Лермонтовъ умеръ на двадцать седьмомъ году. Высланный вторично на Кавказъ (за дуэль, которую онъ имѣлъ въ Петербургѣ съ Баррантомъ, сыномъ французскаго посла), онъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ, бывшій въ то время сборнымъ пунктомъ пустого свѣтскаго общества, обыкновенно посѣщающаго курорты. Его насмѣшки и эпиграммы по адресу офицера Мартынова, любившаго драпироваться въ Байроновскій плащъ для облегченія побѣдъ надъ дамскими сердцами, повели къ дуэли. Лермонтовъ, какъ и во время первой дуэли, нарочно выстрѣлилъ въ сторону, но Мартыновъ,—цѣлившійся такъ долго, что вызвалъ протесты секундантовъ,—убилъ Лермонтова наповалъ.

Пушкинъ и Лермонтовъ—какъ прозаики.

Въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ предпочтительно писалъ прозой. Онъ началъ обширную исторію Пугачевскаго бунта и сдѣлалъ путешествіе по восточной Россіи, съ цѣлью собиранія матеріаловъ для задуманной имъ работы,—при чемъ, не довольствуясь архивными документами, онъ записывалъ воспоминанія и народныя преданія о великой смутѣ. Въ то же время онъ написалъ повѣсть, „Капитанская дочка", дѣйствіе которой происходитъ во время Пугачевщины. Эта повѣсть не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Пушкина. Правда, что и Пугачевъ, и старый

слуга, и, равнымъ образомъ, жизнь въ маленькой крѣпости на восточной окраинѣ Россіи--изображены съ большимъ реализмомъ въ рядѣ художественныхъ картинъ; но въ общемъ построеніи повѣсти Пушкинъ отдалъ дань господствовавшему тогда сантиментализму. Несмотря на указанный недостатокъ, „Капитанская дочка" и въ особенности нѣкоторыя другія повѣсти Пушкина въ прозѣ—сыграли свою роль въ исторіи русской литературы. Путемъ этихъ повѣстей Пушкинъ создалъ въ Россіи реалистическую школу, задолго до Бальзака во Франціи, и съ тѣхъ поръ эта школа сдѣлалась господствующей въ Россіи. При этомъ, я, конечно, не имѣю въ виду реализма въ смыслѣ изображенія, главнымъ образомъ, самыхъ низменныхъ инстинктовъ человѣка (такъ, по крайней мѣрѣ, понимался онъ группой французскихъ писателей недавняго времени); я разумѣю его въ смыслѣ правдиваго изображенія, какъ высшихъ такъ и низшихъ проявленій человѣческой натуры, въ ихъ дѣйствительномъ соотношеніи, и къ такому реализму стремился Пушкинъ. Кромѣ того, *простота* его повѣстей, какъ въ ихъ фабулѣ, такъ и въ способѣ изложенія, поистинѣ, удивительна и въ этомъ отношеніи онѣ указали путь, по которому совершалось съ тѣхъ поръ развитіе русской повѣсти. Повѣсти и романы Лермонтова, Герцена („Кто виноватъ?"), Тургенева и Толстого являются, по моему мнѣнію, скорѣе принадлежащими къ школѣ Пушкина, чѣмъ Гоголя.

Лермонтовъ также написалъ одну повѣсть въ прозѣ, „Герой нашего времени", дѣйствующее лицо которой, Печоринъ, является, до извѣстной степени, дѣйствительнымъ представителемъ части образованнаго общества въ ту пору романтизма. Нѣкоторые критики видѣли въ немъ портретъ самого автора и его знакомыхъ;—но, какъ самъ Лермонтовъ говоритъ въ предисловіи ко второму изданію своей повѣсти, „Герой нашего времени" — точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи.

Печоринъ — смѣлый, умный, предпріимчивый человѣкъ, относящійся съ холоднымъ презрѣніемъ ко всему окружающему. Онъ, несомнѣнно, не заурядный человѣкъ и стоитъ выше Пушкинскаго Онѣгина; но онъ прежде всего—эгоистъ,

расточающій свои блестящія способности во всякаго рода безумныхъ приключеніяхъ, всегда такъ или иначе имѣющихъ подкладкой любовь. Онъ влюбляется въ черкесскую дѣвушку, которую увидѣлъ на туземномъ праздникѣ. Дѣвушка также увлекается красотой и мрачнымъ видомъ Печорина. Онъ не можетъ жениться на ней; такъ какъ родные-мусульмане не согласятся отдать дочь за русскаго. Тогда Печоринъ, при помощи брата дѣвушки, смѣлымъ образомъ похищаетъ ее, и черкешенка попадаетъ въ русскую крѣпость, гдѣ Печоринъ служитъ офицеромъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль она только плачетъ и не хочетъ слова сказать съ похитителемъ; но мало-по-малу она начинаетъ любить его. Тутъ-то и начинается трагедія. Печорину скоро надоѣдаетъ красавица черкешенка: онъ все чаще и чаще начинаетъ уходить отъ нея на охоту, и во время одной изъ такихъ отлучекъ ее похищаетъ изъ крѣпости черкесъ, влюбленный въ нее. За ними бросается погоня; видя, что онъ не сможетъ увезти красавицу, черкесъ убиваетъ ее ударомъ кинжала. Для Печорина такое рѣшеніе является почти желаннымъ исходомъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Печоринъ появляется среди русскаго общества въ одномъ изъ кавказскихъ курортовъ. Здѣсь онъ встрѣчается съ княжной Мэри, за которой ухаживаетъ молодой человѣкъ, Грушницкій, — нѣчто въ родѣ кавказской карикатуры на Байрона, стремящійся изобразить своей персоной презрѣніе къ человѣчеству, но въ дѣйствительности очень пустой человѣкъ. Печоринъ, въ сущности мало заинтересованный княжной Мэри, находитъ тѣмъ не менѣе злобное удовольствіе дѣлать Грушницкаго смѣшнымъ въ глазахъ княжны, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы влюбить ее въ себя. Разъ это достигнуто, онъ теряетъ всякій интересъ къ своей жертвѣ. Онъ потѣшается надъ Грушницкимъ, и когда послѣдній вызываетъ его на дуэль, Печоринъ принимаетъ вызовъ и убиваетъ его. Таковы были герои того времени, и мы должны признать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ карикатурой. Въ обществѣ, свободномъ отъ матеріальныхъ заботъ (въ эпоху Николая I-го, при крѣпостномъ правѣ) и не принимающимъ никакого участія въ политической жизни страны, талантли-

вые люди, не находя исхода своимъ силамъ, часто бросались въ омутъ приключеній, подобно Печорину.

Нечего и говорить, что повѣсть превосходно написана. Характеры дѣйствующихъ лицъ блестяще обрисованы и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, старый капитанъ Максимъ Максимычъ, навсегда останутся живыми типами однихъ изъ самыхъ симпатичныхъ представителей человѣческаго рода. Благодаря этимъ качествамъ, „Герой нашего времени“, подобно „Евгенію Онѣгину“, послужилъ образцомъ для цѣлаго ряда позднѣйшихъ повѣстей.

Другіе поэты и романисты той же эпохи.

Крыловъ.

Баснописецъ **Крыловъ** (1768—1844) принадлежитъ къ числу русскихъ писателей наиболѣе широко извѣстныхъ за-границей. Англійскіе читатели знакомы съ нимъ по превосходнымъ переводамъ его произведеній и по статьѣ о немъ такого знатока русской литературы и языка, какимъ былъ Рольстонъ; такъ что, въ сущности, мало приходится прибавить къ тому, что уже было сказано Рольстономъ объ этомъ замѣчательно оригинальномъ писателѣ.

Онъ стоитъ на границѣ между двумя столѣтіями, вслѣдствіе чего въ его произведеніяхъ отразился конецъ восемнадцатаго вѣка и начало девятнадцатаго. Вплоть до 1807 г. онъ писалъ комедіи, которыя, даже еще болѣе чѣмъ комедіи другихъ его современниковъ, были подражаніями французскимъ образцамъ. Только въ 1807—1809 годахъ Крыловъ нашелъ свое истинное призваніе; онъ началъ писать басни, и въ этой области онъ вскорѣ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, не только въ русской словесности, но и среди современныхъ баснописцевъ всѣхъ другихъ странъ. Многія изъ его басенъ— по крайней мѣрѣ большинство наиболѣе извѣстныхъ заимствованы у Лафонтена; но, несмотря на это, басни Крылова являются вполнѣ оригинальными произведеніями. Какъ ни удивительно умны и тонки басни Лафонтена, но его звѣри— академически образованные французы „хорошаго“ общества. Даже крестьяне его басенъ носятъ слѣды версальской пудры.

Ничего подобнаго нѣтъ въ басняхъ Крылова. Каждый звѣрь въ нихъ носитъ свой опредѣленный характеръ и изображенъ съ удивительной вѣрностью природѣ. Болѣе того, каждому звѣрю соотвѣтствуетъ особенный размѣръ стиха: тяжеловѣсный, простодушный медвѣдь, умная и хитрая лисица, неусидчивая обезьяна—всѣ они говорятъ у Крылова своимъ языкомъ. Крыловъ зналъ каждаго изъ изображаемыхъ звѣрей въ совершенствѣ; онъ изучилъ каждое ихъ движеніе. Прежде чѣмъ онъ началъ писать басни, выводя въ нихъ животныхъ, онъ долженъ былъ съ любовью присматриваться къ жизни обитателей лѣсовъ и полей, къ нравамъ безсловесныхъ друзей человѣка, и съ тихимъ юморомъ подмѣчалъ, должно быть, ихъ комическія особенности. Вслѣдствіе этого, Крылова можно разсматривать, какъ лучшаго баснописца, не только въ Россіи,—гдѣ у него былъ талантливый соперникъ въ лицѣ Дмитріева (1760—1837),—но и во всемірной литературѣ новѣйшаго времени. Правда, басни Крылова не отличаются глубиной, и въ нихъ нѣтъ ядовитой рѣжущей ироніи. Въ нихъ преобладаетъ добродушная, легкая насмѣшка, которая такъ гармонировала съ тѣлесной массивностью Крылова, его поразительной лѣнью и склонностью къ тихому размышленію. Но въ сущности, не это ли представляетъ истинное отличіе басни,—которую не слѣдуетъ смѣшивать съ сатирой.

При этомъ, въ русской литературѣ нѣтъ другого писателя, который лучше понималъ бы сущность дѣйствительно-народнаго языка, и лучше владѣлъ имъ, чѣмъ Крыловъ. Еще въ то время, когда русскіе литераторы колебались въ выборѣ между элегантнымъ европеизированнымъ стилемъ Карамзина и неуклюжимъ полуславянскимъ языкомъ старой школы, Крыловъ,—даже въ своихъ первыхъ басняхъ, написанныхъ въ 1807 году—создавалъ уже чисто-народный языкъ, благодаря которому онъ занялъ единственное въ своемъ родѣ положеніе въ русской литературѣ и который до сихъ поръ не превзойденъ, даже такими мастерами народнаго русскаго языка, какими были Островскій и нѣкоторые писатели-народники позднѣйшей эпохи. Въ изяществѣ, выразительности и пониманіи истиннаго духа разговорнаго русскаго языка, Крыловъ не имѣетъ соперниковъ.

Менѣе значительные поэты.

Нѣсколько второстепенныхъ поэтовъ, современниковъ Пушкина и Лермонтова, должны быть упомянуты въ этой главѣ. Вліяніе Пушкина было настолько велико, что оно очевидно должно было вызвать школу писателей, пытавшихся слѣдовать по его пути. Правда, что ни одинъ изъ нихъ не достигъ значенія міроваго поэта, но все же, каждый, тѣмъ или другимъ способомъ, содѣйствовалъ развитію русской поэзіи и имѣлъ гуманизирующее, облагораживающее вліяніе на русское общество.

Въ поэзіи Козлова (1779—1840) отразилась его личная, чрезвычайно печальная, судьба. Въ возрастѣ около сорока лѣтъ онъ былъ разбитъ параличемъ и лишился сначала употребленія обѣихъ ногъ, а вслѣдъ затѣмъ и зрѣнія; но болѣзнь не коснулась его поэтическаго таланта, и онъ диктовалъ стихи своей дочери,—въ томъ числѣ нѣсколько самыхъ скорбныхъ элегій, какими обладаетъ русская литература, а также и цѣлый рядъ превосходныхъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ. Его „Чернецъ" вызывалъ слезы у читающей Россіи и заслужилъ горячую похвалу Пушкина Одаренный удивительной памятью,—онъ зналъ наизусть всего Байрона, всѣ поэмы Вальтеръ-Скотта, всего Расина, Тассо и Данте,—Козловъ, подобно Жуковскому, съ которымъ у него было много общаго, много переводилъ съ различныхъ языковъ, преимущественно изъ англійскихъ поэтовъ-идеалистовъ, а нѣкоторые изъ его переводовъ съ польскаго, какъ напр., „Крымскіе Сонеты" Мицкевича, являются истинными произведеніями искусства.

Дельвигъ (1798—1831), товарищъ Пушкина по лицею, былъ его близкимъ другомъ. Онъ представлялъ въ русской литературѣ стремленіе къ возрожденію древне-греческихъ формъ поэзіи, но въ то же время онъ очень удачно подражалъ стилю русскихъ народныхъ пѣсенъ, и его лирическія произведенія въ этой формѣ пользовались тогда большой популярностью. Нѣкоторые изъ его романсовъ до сихъ поръ не вышли изъ обращенія.

Баратынскій (1800 — 1844) тоже принадлежалъ къ группѣ друзей Пушкина. Подъ вліяніемъ дикой природы

Финляндіи, поэзія Баратынскаго приняла романтическій характеръ; она проникнута любовью къ природѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокою меланхоліей. Онъ очень интересовался философскими вопросами, но не могъ найти имъ разрѣшенія, и вслѣдствіе этого у него нѣтъ цѣльнаго міросозерцанія. Впрочемъ, все написанное имъ облечено въ прекрасную форму изящныхъ и выразительныхъ стиховъ.

Языковъ (1803 — 1846) принадлежитъ къ тому же кружку. Онъ былъ близокъ съ Пушкинымъ, который восхищался его стихами. Необходимо, впрочемъ, сказать, что поэзія Языкова имѣла главнымъ образомъ историческое значеніе, въ смыслѣ усовершенствованія формъ поэтическаго выраженія. Къ несчастью, отчасти вслѣдствіе тяжкой и продолжительной болѣзни, отчасти же вслѣдствіе реакціоннаго вліянія славянофиловъ, талантъ Языкова угасъ, и онъ не далъ русской литературѣ того, чего можно было ожидать отъ него, судя по блестящему выступленію на литературное поприще.

Веневитиновъ (1805—1827) умеръ въ гораздо болѣе молодыхъ лѣтахъ, но безъ преувеличенія можно сказать, что въ немъ Россія могла ожидать великаго поэта, одареннаго той же глубиной философской концепціи, которая отличала Гёте, и способнаго достигнуть такой же красоты поэтическаго выраженія. Нѣсколько стихотвореній, написанныхъ имъ въ послѣдній годъ жизни, обнаруживаютъ внезапно появившуюся зрѣлость великаго поэтическаго таланта и могутъ быть безъ ущерба сравниваемы со стихами великихъ поэтовъ.

Князь Александръ Одоевскій (1803—1839) и Полежаевъ (1806 — 1838) также умерли очень молодыми, при чемъ жизнь обоихъ была сломлена политическими преслѣдованіями. Одоевскій былъ однимъ изъ друзей декабристовъ. Послѣ 14-го декабря 1825 года онъ былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, и вслѣдъ за тѣмъ осужденъ на каторжныя работы въ Сибирь, гдѣ онъ пробылъ двѣнадцать лѣтъ и, наконецъ, былъ посланъ солдатомъ на Кавказъ. Здѣсь онъ сблизился съ Лермонтовымъ, у котораго однимъ изъ самыхъ прочувствованныхъ стихотвореній была элегія „На смерть Одоевскаго“.

Стихотворенія Одоевскаго (которыя не были напечатаны при его жизни) страдаютъ незаконченностью формы, но все же онъ былъ истиннымъ поэтомъ. При этомъ онъ горячо любилъ свою родину, какъ это видно изъ его „Видѣнія поэта“ и его исторической поэмы „Василько“.

Судьба Полежаева была еще болѣе трагична. Блестящій студентъ Московскаго университета, Полежаевъ, когда ему было всего двадцать лѣтъ, написалъ автобіографическую поэму „Сашка“, въ которой картины тогдашней студенческой жизни были перемѣшаны съ рѣзкими выходками противъ общества и властей. Эта поэма была показана Николаю I, который приказалъ отдать поэта въ солдаты. Солдатская служба продолжалась тогда двадцать пять лѣтъ, и положеніе Полежаева было совершенно безвыходно. Болѣе того; за самовольную отлучку изъ полка (Полежаевъ отправился въ Москву съ цѣлью подать царю прошеніе объ освобожденіи его отъ военной службы), онъ былъ присужденъ къ наказанію тысячью ударовъ шпицрутенами, и лишь благодаря счастливой случайности избѣжалъ наказанія. Поэтъ не могъ примириться со своей судьбой и въ страшной солдатской обстановкѣ того времени онъ по-прежнему оставался ученикомъ Байрона, Ламартина и Макферсона. Стихи его, написанные слезами и кровью, являются горячимъ протестомъ противъ тираніи. Когда онъ умиралъ отъ чахотки въ военномъ госпиталѣ, въ Москвѣ, Николай I „помиловалъ“ его и, когда поэтъ былъ уже мертвъ, получился, наконецъ, приказъ о производствѣ его въ офицеры.

Подобная же судьба выпала на долю малорусскаго поэта Шевченко (1814—1861), который за свободолюбивые стихи былъ отданъ въ солдаты и посланъ въ 1847 году служить въ восточной Россіи. Его эпическія поэмы изъ казацкой жизни старыхъ временъ, его раздирающія сердце изображенія крестьянской жизни при крѣпостномъ правѣ, и его лирическія стихотворенія—всѣ написанныя на малорусскомъ языкѣ, отличаются красотой формы и глубиной содержанія, будучи въ то же самое время глубоко-народными. Произведенія Шевченко могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями всемірной поэзіи.

Изъ прозаиковъ этой эпохи лишь немногіе заслуживаютъ

упоминанія, какъ напр., Александръ Бестужевъ (1797—1837), писавшій подъ псевдонимомъ Марлинскаго—одинъ изъ декабристовъ, сосланный въ Сибирь и позже переведенный на Кавказъ солдатомъ. Его повѣсти пользовались въ свое время очень широкой популярностью. Подобно Пушкину и Лермонтову, онъ находился подъ вліяніемъ Байрона и описывалъ „титаническія страсти“ въ Байроновскомъ стилѣ, а также различныя отчаянныя приключенія въ стилѣ французскихъ писателей романтической школы. Нужно отмѣтить, что въ его повѣстяхъ изъ русской жизни впервые были затронуты соціальные вопросы.

Изъ другихъ популярныхъ писателей той же эпохи слѣдуетъ упомянуть: Загоскина (1789—1852), автора пользовавшихся необыкновенной популярностью историческихъ романовъ „Юрій Милославскій“, „Рославлевъ“ и другихъ, написанныхъ въ сантиментально-патріотическомъ стилѣ; Нарѣжнаго (1780—1825), котораго нѣкоторые русскіе критики считаютъ предшественникомъ Гоголя, такъ какъ онъ началъ писать въ реалистическомъ стилѣ, касаясь, подобно Гоголю, мрачныхъ сторонъ русской жизни, и Лажечникова (1792—1868), автора многихъ очень популярныхъ историческихъ романовъ изъ русской жизни.

ГЛАВА III.

ГОГОЛЬ.

Малороссія. — „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" и „Миргородъ".—Деревенская жизнь и юморъ.—„Какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ".—Историческая повѣсть „Тарасъ Бульба".—„Шинель".—Комедія „Ревизоръ".—Его вліяніе.—„Мертвыя души": главные типы.—Реализмъ въ русской повѣсти.

Съ Гоголя начинается новый періодъ русской литературы, которому русскіе литературные критики даютъ наименованіе „Гоголевскаго" періода и который продолжается до настоящаго времени. Гоголь не былъ великороссомъ. Онъ родился въ 1809 году въ семьѣ малорусскаго, или украинскаго дворянина. Его отецъ выказывалъ нѣкоторый литературный талантъ и написалъ нѣсколько комедій на малорусскомъ языкѣ; но Гоголь лишился отца въ раннемъ возрастѣ. Мальчикъ получилъ образованіе въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, и уже девятнадцати лѣтъ попалъ въ Петербургъ. Въ то время онъ мечталъ сдѣлаться актеромъ, но завѣдующій петербургскими императорскими театрами не принялъ его, и Гоголю пришлось искать другой сферы дѣятельности. Ему удалось поступить на службу; но должность маленькаго чиновника не давала ему удовлетворенія, и онъ вскорѣ выступилъ на литературное поприще.

Онъ дебютировалъ въ 1829 году небольшими разсказами, изображавшими деревенскую жизнь Малороссіи. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", за которыми вскорѣ послѣдовала другая серія разсказовъ, озаглавленная „Мир-

городъ", создали ему литературную извѣстность и ввели его въ кружокъ Жуковскаго и Пушкина. Оба поэта признали геній Гоголя и приняли его съ распростертыми объятіями.

Малороссія значительно разнится отъ центральныхъ частей имперіи, т. е. отъ губерній, лежащихъ вокругъ Москвы, и извѣстныхъ подъ именемъ Великороссіи. Малороссія лежитъ южнѣе, а все южное всегда имѣетъ особую привлекательность для сѣверянъ. Селенія Малороссіи не расположены улицами, какъ въ Великороссіи, а ихъ выбѣленныя хаты разбросаны, какъ въ Западной Европѣ, и окружены живописными садиками. Болѣе мягкій климатъ, теплыя ночи, музыкальный языкъ, красота населенія, которое вѣроятно представляетъ помѣсь южно-славянской съ турецкой и польской кровью, живописная одежда и лирическія пѣсни,— все это дѣлаетъ Малороссію чрезвычайно привлекательной въ глазахъ великороссовъ. Кромѣ того, жизнь въ малорусскихъ селеніяхъ носитъ характеръ болѣе поэтическій, чѣмъ въ великорусскихъ деревняхъ. Въ Малороссіи существуетъ большая свобода въ отношеніяхъ между молодыми людьми обоихъ половъ: дѣвушки и юноши могутъ свободно встрѣчаться до замужества; затворничество женщинъ, явившееся результатомъ византійскихъ вліяній на Москву, не существовало въ Малороссіи, въ которой преобладало вліяніе Польши. Малороссы сохранили при этомъ многочисленныя преданія, эпическія поэмы и пѣсни, относящіяся къ тому времени, когда они были вольными казаками, сражаясь съ поляками на сѣверѣ и турками на югѣ. Имъ приходилось защищать православіе отъ этихъ двухъ враговъ, и до сихъ поръ они глубоко привязаны къ православной церкви; но въ малорусскихъ деревняхъ нѣтъ той страсти къ богословскимъ спорамъ по поводу буквы писанія, а не духа, которая такъ характерна для великорусскихъ раскольниковъ. Религія малороссовъ также имѣетъ болѣе поэтическій характеръ.

Малорусскій языкъ, по сравненію съ великорусскимъ, болѣе мелодиченъ, и въ настоящее время наблюдается серьезное движеніе, имѣющее цѣлью литературное развитіе этого языка; но все же онъ находится въ эволюціонной

стадіи даже теперь, а потому Гоголь поступилъ очень разумно, начавши писать на великорусскомъ, т. е. примкнувъ къ языку Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ Гоголѣ родъ звена, соединяющаго обѣ національности.

Дать понятіе о юморѣ и остроуміи разсказовъ Гоголя изъ малорусской жизни, — не приводя изъ нихъ цѣлыхъ страницъ, было бы совершенно невозможно. Это—добросердечный смѣхъ человѣка молодого, наслаждающагося полнотой жизни, который самъ не можетъ удержаться отъ смѣха, глядя на комическія положенія, въ которыя онъ ставитъ своихъ героевъ: деревенскаго дьячка, богатаго крестьянина, деревенскую кокетку, или кузнеца. Онъ переполненъ счастьемъ; ни одно облачко еще не омрачаетъ его жизнерадостности. Но нужно замѣтить, что комизмъ рисуемыхъ имъ типовъ не является результатомъ его поэтическаго каприза: напротивъ, Гоголь — скрупулезный реалистъ. Каждый крестьянинъ, каждый дьячокъ его повѣстей — взяты изъ живой дѣйствительности и въ этомъ отношеніи реализмъ Гоголя носитъ почти этнографическій характеръ,— что не мѣшаетъ ему въ то же время имѣть яркую поэтическую окраску. Всѣ суевѣрія деревенской жизни въ ночь подъ Рождество или въ Иванову ночь, когда шаловливые духи имѣютъ свободу вплоть до крика пѣтуховъ, — проходятъ предъ читателемъ, и все это переполнено тѣмъ заразительнымъ остроуміемъ, которое присуще малороссу. Лишь позднѣе склонность Гоголя къ комизму кристаллизовалась въ то, что можно по справедливости назвать „юморомъ“, т. е. контрастомъ между комической обстановкой и печальной сущностью жизни, о которомъ самъ Гоголь сказалъ, что ему дано „сквозь видимый смѣхъ источать невидимыя, незримыя міру, слезы“.

Не всѣ малорусскіе разсказы Гоголя имѣютъ, впрочемъ, содержаніемъ эпизоды изъ крестьянской жизни. Нѣкоторые посвящены описанію высшихъ классовъ населенія маленькихъ городковъ, и одинъ изъ этихъ разсказовъ, „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, является однимъ изъ наиболѣе юмористическихъ разсказовъ во всемірной литературѣ. Иванъ Ивано-

вичъ и Иванъ Никифоровичъ были сосѣдями и жили въ прекрасныхъ отношеніяхъ; но неизбѣжность ихъ ссоры чувствуется уже съ первыхъ строкъ повѣсти. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ тонкаго поведенія; онъ никогда не предлагалъ табакерки незнакомому, не сказавъ: „Смѣю-ли просить, государь мой, не имѣю чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?“ Онъ отличался большой аккуратностью. Если онъ съѣдалъ дыню, то собиралъ ея сѣмена въ бумажку и надписывалъ на ней: „сія дыня съѣдена такого-то числа“. Если же при этомъ былъ какой нибудь гость, то онъ прибавлялъ; „участвовалъ такой-то“. Но, въ сущности, Иванъ Ивановичъ былъ скупецъ, очень цѣнившій комфортъ, но не любившій дѣлиться имъ съ другими. Его сосѣдъ, Иванъ Никифоровичъ, являлся его противоположностью. Онъ былъ очень толстъ и любилъ крѣпкія выраженія. Въ горячій лѣтній день онъ любилъ снимать съ себя всѣ одежды и сидѣть въ такомъ видѣ въ саду, грѣя спину. Угощая кого-нибудь табакомъ, онъ просто протягивалъ табакерку со словами: „одолжайтесь“. Онъ не отличался утонченностью манеръ сосѣда и любилъ громко высказывать свои мнѣнія. Сосѣди, столь различные по натурѣ и отдѣленные другъ отъ друга лишь низенькимъ заборомъ, неизбѣжно должны были въ одинъ прекрасный день поссориться.

Иванъ Никифоровичъ, увидѣвъ, что его пріятель обладаетъ старымъ, совершенно ему ненужнымъ ружьемъ, возгорѣлся желаніемъ получить это ружье въ собственность. Онъ не имѣлъ ни малѣйшей надобности въ немъ, но, можетъ быть, именно поэтому ему такъ хотѣлось завладѣть ружьемъ; нежеланіе Ивана Ивановича удовлетворить эту прихоть повело къ ссорѣ, длившейся цѣлые годы. Иванъ Ивановичъ очень резонно замѣтилъ сосѣду что послѣднему совершенно не нужно ружье. Сосѣдъ, обиженный этимъ замѣчаніемъ, отвѣтилъ, что ружье—именно та самая вещь, въ которой онъ особенно нуждается, и предложилъ ему, если онъ ужъ не хочетъ подарить ружья, обмѣнять его—на свинью... Тутъ Иванъ Ивановичъ, въ свою очередь, обидѣлся: „Вы бы сами посудили хорошенько“,—говоритъ онъ,—„это-таки ружье, вещь извѣстная; а то—чортъ знаетъ, что такое: свинья!“ Мало-по-малу разгорѣлась ссора, во время которой Иванъ

Никифоровичъ обозвалъ Ивана Ивановича гусакомъ... Это повело къ смертельной враждѣ сосѣдей, полной комическихъ эпизодовъ. Ихъ друзья всячески старались возстановить миръ и однажды почти успѣли въ этомъ, сведя двухъ враговъ и подталкивая ихъ другъ къ другу. Иванъ Ивановичъ уже полѣзъ было за табакеркой, чтобы предложить врагу „одолжиться“, когда послѣдній, къ несчастью, замѣтилъ: „позвольте вамъ сказать по-дружески, Иванъ Ивановичъ! вы обидѣлись чортъ знаетъ за что такое: за то, что я васъ назвалъ гусакомъ“... Всѣ усилія друзей были разрушены этой безтактностью Ивана Никифоровича. Вражда разгорѣлась съ новой силой, а такъ какъ трагедія часто переплетается въ жизни съ комедіей, то эта смѣшная ссора повела къ тому, что бывшіе друзья, таскаясь по судамъ, просудили на старости лѣтъ все свое состояніе.

„Тарасъ Бульба“—„Шинель“.

Перломъ среди повѣстей Гоголя изъ малорусской жизни является историческая повѣсть, „Тарасъ Бульба“, воспроизводящая одинъ изъ наиболѣе интересныхъ періодовъ исторіи Малороссіи,—пятнадцатый вѣкъ. Константинополь попалъ тогда въ руки турокъ и, несмотря на выросшее на Западѣ могущественное Польско-Литовское государство, турки являлись постоянной угрозой для восточной и средней Европы. Тогда на защиту Россіи и Европы выступили Украинцы. Они жили вольными казацкими общинами, надъ которыми поляки начинали устанавливать нѣчто въ родѣ феодальной власти. Въ мирныя времена эти казаки занимались земледѣліемъ въ степяхъ, и рыболовствомъ въ обширныхъ рѣкахъ юго-западной Россіи, доходя по временамъ до Чернаго моря; каждый изъ казаковъ былъ вооруженъ, и вся страна была раздѣлена на полки. По первому знаку это мирное населеніе поднималось и грудью встрѣчало нашествіе турокъ или набѣгъ татаръ, возвращаясь опять къ своимъ полямъ и рыбнымъ ловлямъ, какъ только прекращалась война.

Такимъ образомъ, вся нація была готова сопротивляться нашествіямъ мусульманъ; но для той же цѣли имѣлся спеціальный казацкій передовой отрядъ, расположенный на ниж-

немъ теченіи Днѣпра, „за порогами", на островѣ, вскорѣ сдѣлавшемся знаменитымъ подъ именемъ „Запорожской Сѣчи". Люди всѣхъ званій и положеній, включая бѣглыхъ крѣпостныхъ и не поладившихъ съ закономъ, а также всякаго рода искатели приключеній, могли приходить и селиться въ Сѣчи. Ихъ спрашивали только: ходятъ-ли они въ церковь? и послѣ утвердительнаго отвѣта, кошевой говорилъ новоприбывшему: „перекрестись". Пришедшій крестился. „Ну, хорошо"—говорилъ кошевой,—„ступай-же въ который самъ знаешь курень". Сѣчь была раздѣлена на 60 куреней, которые напоминали независимыя республики или, вѣрнѣе, общежитія беззаботной молодежи. Никто изъ нихъ не обладалъ какимъ-либо имуществомъ, за исключеніемъ оружія. Женщинъ въ Сѣчь не допускали, и въ ней господствовалъ ярко-демократическій духъ.

Героемъ повѣсти Гоголя является старый казакъ, Тарасъ Бульба, который, пробывши много лѣтъ въ Сѣчи, мирно проводилъ теперь старость на хуторѣ. Двое его сыновей, учившіеся въ Кіевской академіи, возвращаются домой послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія. Ихъ первая встрѣча съ отцомъ очень характерна. Когда отецъ начинаетъ насмѣхаться надъ ихъ длинной одеждой, не пригожей, по его мнѣнію, для казака, старшій сынъ, Остапъ, вызываетъ отца драться на кулаки. Отецъ восхищенъ этимъ вызовомъ, и они надѣляютъ другъ друга тумаками; старикъ, еле переводя дыханіе, восклицаетъ: „да онъ славно бьется! ей Богу, хорошо! такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну здорово, сынку! Почеломкаемся!" На слѣдующій же день послѣ ихъ прибытія, не давши матери наглядѣться на сыновей, Тарасъ отправляется съ ними въ Сѣчь, которая, какъ часто бывало въ тѣ времена, и начинаетъ вскорѣ готовиться къ войнѣ, вызванной притѣсненіями польскихъ помѣщиковъ надъ крестьянами-малороссами.

Жизнь вольныхъ казаковъ въ республикѣ „за порогами" и ихъ способъ веденія войны превосходно описаны въ повѣсти; но, платя дать тогдашнему романтизму, Гоголь дѣлаетъ изъ младшаго сына Тараса, Андрея, сантиментальнаго героя, влюбляющагося въ аристократку-польку и передающагося врагамъ, въ то время, какъ отецъ и старшій сынъ, продолжаютъ сражаться съ поляками. Война тянется почти цѣлый

годъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, при чемъ, во время одной изъ вылазокъ осажденныхъ поляковъ, младшаго сына Тараса, Андрея, казаки берутъ въ плѣнъ, и старикъ-отецъ собственноручно убиваетъ измѣнника-сына. Старшаго сына захватываютъ въ плѣнъ поляки и отвозятъ въ Варшаву, гдѣ онъ умираетъ подъ пытками, а Тарасъ, возвратясь въ Малороссію, собираетъ большой отрядъ войскъ и производитъ одинъ изъ тѣхъ набѣговъ на Польшу, которыми полна была исторія этихъ сосѣднихъ народовъ въ теченіе двухъ столѣтій. Взятый въ плѣнъ, Тарасъ умираетъ, сожженный на кострѣ, выказывая при этомъ то презрѣніе къ жизни и страданіямъ, которое было присуще этой могучей боевой расѣ. Таковъ, вкратцѣ, сюжетъ повѣсти, отдѣльныя сцены которой отличаются поразительной красотой.

„Тарасъ Бульба“, конечно, не отвѣчаетъ требованіямъ современнаго реализма: на немъ ярко отразилось вліяніе романтической школы. Младшій сынъ Тараса вовсе не живое лицо; польская аристократка цѣликомъ выдумана Гоголемъ, потому что она нужна была ему по плану повѣсти: видно, что Гоголь никогда не знавалъ женщинъ этого типа. Но старый казакъ и его старшій сынъ, а равно изображеніе казацкаго военнаго быта—отличаются высокимъ реализмомъ; эти изображенія производятъ иллюзію дѣйствительной жизни. Читатель невольно проникается симпатіей къ старому Тарасу, въ то время, какъ этнографъ чувствуетъ, что въ данной повѣсти онъ имѣетъ предъ собою удивительную комбинацію хорошаго этнографическаго документа съ поэтическимъ воспроизведеніемъ далекой и высоко-интересной эпохи,—при чемъ вѣрность этнографическаго документа не ослаблена, а усилена поэтическимъ пониманіемъ эпохи.

Вслѣдъ за повѣстями изъ малорусской жизни Гоголь началъ писать повѣсти и разсказы изъ великорусской жизни. Два изъ этихъ мелкихъ разсказовъ, — „Записки Сумасшедшаго“ и „Шинель“ — заслуживаютъ особаго упоминанія. Въ „Шинели“ особенно ярко сказалась та особенность таланта Гоголя, которая облекала смѣхомъ „невидимыя слезы“ автора. Скудная жизнь маленькаго чиновника, который къ своему ужасу открываетъ, что его шинель износилась до такой степени, что ее невозможно больше чинить; его ко-

лебанія, прежде, чѣмъ онъ рѣшается заказать новую; его нервное возбужденіе, когда новая шинель готова, и онъ примѣриваетъ ее въ первый разъ; и, наконецъ, его отчаяніе, среди общаго равнодушія, когда ночные грабители снимаютъ съ него шинель,—каждая строка этого произведенія носитъ на себѣ печать великаго литературнаго генія. Достаточно сказать, что „Шинель" Гоголя въ той или иной формѣ повліяла, какъ на современныхъ Гоголю, такъ и на послѣдовавшихъ за нимъ русскихъ писателей.

„Ревизоръ".

Если повѣсти и разсказы Гоголя явились поворотнымъ пунктомъ въ исторіи развитія русской повѣсти, то его комедія, „Ревизоръ", въ свою очередь, явилась поворотнымъ пунктомъ въ исторіи развитія русской драмы; она послужила образцомъ для каждаго изъ драматическихъ писателей, слѣдовавшихъ за Гоголемъ. „Ревизоромъ" въ Россіи называютъ обыкновенно какого-нибудь важнаго чиновника, посылаемаго министерствомъ въ провинціальный городъ, съ цѣлью провѣрки дѣйствій мѣстной администраціи, и дѣйствіе комедіи Гоголя происходитъ въ маленькомъ городкѣ, откуда „хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь". Этотъ городокъ, — какъ узнаютъ зрители при поднятіи занавѣса,—ожидаетъ прибытія ревизора. Мѣстный начальникъ полиціи (въ тѣ времена начальникъ полиціи былъ также и начальникомъ города)—городничій—созвалъ главныхъ чиновниковъ, своихъ сослуживцевъ, съ цѣлью сообщить имъ важную новость. Городничему приснился скверный сонъ: двѣ необыкновенныя крысы пришли, понюхали и пошли прочь. Онъ связываетъ этотъ дурной сонъ съ полученіемъ изъ Петербурга письма, отъ пріятеля, который сообщаетъ, что въ городокъ ѣдетъ ревизоръ и — что, пожалуй, еще хуже, — ревизоръ ѣдетъ инкогнито! Почтенный городничій совѣтуетъ чиновникамъ привести подвѣдомственныя имъ учрежденія въ порядокъ. Больные въ госпиталѣ ходятъ въ такомъ грязномъ бѣльѣ, что ихъ можно принять за трубочистовъ. Судья, страстный охотникъ, вѣшаетъ свой арапникъ въ камерѣ суда, а сторожа завели въ передней

суда домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами. Вообще, все надо привести въ порядокъ. Городничій полонъ безпокойства. Онъ обѣими руками бралъ взятки съ купцовъ, прикарманилъ деньги, ассигнованныя на постройку церкви, и всего двѣ недѣли тому назадъ высѣкъ унтеръ-офицерскую вдову, хотя не имѣлъ на это ни малѣйшаго права,—и вотъ, какъ снѣгъ на голову, является ревизоръ! Городничій проситъ почтмейстера „для общей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ въ почтовую контору, этакъ немножко распечатать и прочитать... Если на случай попадется жалоба или донесеніе, то безъ всякихъ разсужденій задерживать". Почтмейстеръ, — большой любитель изучать человѣческіе характеры,—и безъ просьбы городничаго давно занимается чтеніемъ интересныхъ писемъ и поэтому, конечно, съ удовольствіемъ соглашается на такое предложеніе.

Въ это время являются Петръ Ивановичъ Добчинскій и Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Всѣ мы знаемъ ихъ: вы, навѣрное, знакомы съ ними; это—люди, замѣняющіе мѣстную газету. Они шатаются цѣлый день по городу и, узнавъ что-либо интересное, немедленно оба бѣгутъ сообщить новость другимъ, перебивая другъ друга, и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же бѣгутъ дальше, чтобы быть первыми вѣстовщиками. Они только что побывали въ единственной городской гостиницѣ, гдѣ видѣли очень подозрительное лицо: молодого человѣка недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ и въ лицѣ этакое разсужденіе... Онъ живетъ въ гостиницѣ уже двѣ недѣли, не платя ни копейки и не собирается ѣхать дальше. „Съ какой стати сидѣть ему здѣсь?" Кромѣ того, когда они завтракали, онъ съ чрезвычайной наблюдательностью осмотрѣлъ ихъ тарелки—все это, очевидно, не безъ причины. Городничій и всѣ присутствующіе рѣшаютъ, что этотъ молодой человѣкъ—никто иной, какъ ревизоръ, живущій въ городкѣ инкогнито... Городничій спѣшитъ въ гостиницу, чтобы разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Его жена и дочь впадаютъ въ чрезвычайную ажитацію.

Взволновавшій городокъ незнакомецъ — молодой человѣкъ, Хлестаковъ, ѣдущій къ своему отцу. На какой-то почтовой станціи онъ встрѣтилъ капитана, который „уди-

вительно срѣзывалъ штоссы", и въ результатѣ молодой человѣкъ проигралъ талантливому капитану всѣ деньги. Ему не на что ѣхать дальше; у него даже нѣтъ денегъ, чтобы заплатить содержателю гостиницы, который отказывается отпускать ему обѣды въ долгъ. Молодой человѣкъ чувствуетъ приступы звѣрскаго голода, — немудрено, что онъ съ такимъ вниманіемъ осматривалъ тарелки Бобчинскаго и Добчинскаго,—и пускается на всякаго рода ухищренія, чтобы склонить трактирщика—дать ему хотя какой-нибудь обѣдъ. Когда Хлестаковъ доѣдаетъ кусокъ твердѣйшей говядины, является городничій, и тутъ разыгрывается самая комическая сцена: молодой человѣкъ думаетъ, что городничій пришелъ заарестовать его, а городничій, въ свою очередь, предполагаетъ, что онъ говоритъ съ ревизоромъ, не желающимъ раскрыть свое incognito. Городничій предлагаетъ молодому человѣку переѣхать на другую, болѣе удобную, квартиру. — „Нѣтъ, не хочу",—отвѣчаетъ Хлестаковъ.—„Я знаю, что значитъ: на другую квартиру,—т. е. въ тюрьму"... Но городничему удается уговорить предполагаемаго ревизора—поселиться у него на квартирѣ, и, вмѣсто голодовки въ гостиницѣ, Хлестаковъ начинаетъ вести самую пріятную жизнь. Всѣ чиновники поочередно являются къ нему — представляться, и каждый изъ нихъ старается всучить ему взятку. Купцы приходятъ съ жалобой на городничаго; жалуется на него и унтеръ-офицерская вдова... Въ то же время молодой человѣкъ начинаетъ ухаживать и за женой и за дочерью городничаго и, захваченный въ патетическій моментъ, когда онъ стоитъ на колѣняхъ передъ матерью, онъ безъ дальнихъ размышленій проситъ руку и сердце дочери. Но, зайдя такъ далеко, Хлестаковъ, снабженный теперь въ достаточной мѣрѣ деньгами, спѣшитъ уѣхать изъ города, подъ предлогомъ необходимости повидаться съ дядей, увѣряя, что онъ возвратится черезъ нѣсколько дней...

Легко вообразить—въ какомъ восторгѣ находится городничій. Его превосходительство, ревизоръ, женится на его дочери! И онъ, и жена сочиняютъ всякаго рода планы. Они переѣдутъ въ Петербургъ, гдѣ городничаго вскорѣ сдѣлаютъ генераломъ! Счастливая новость быстро распространяется по городу, и всѣ чиновники, а также представители и пред-

ставительницы мѣстнаго общества являются съ поздравленіями. Въ домѣ городничаго собирается масса народа и счастливый хозяинъ свысока принимаетъ поздравленія... Какъ вдругъ появляется почтмейстеръ. Онъ послѣдовалъ совѣту городничаго и распечаталъ письмо, которое предполагаемый ревизоръ писалъ какому-то другу, Тряпичкину, въ Петербургъ. Онъ принесъ теперь письмо съ собою, и изъ него видно, что молодой человѣкъ вовсе не ревизоръ, при чемъ онъ описываетъ своему пріятелю-журналисту, свои приключенія въ городкѣ, не щадя красокъ.

Письмо это, какъ и слѣдовало ожидать, производитъ убійственный эффектъ. Друзья городничаго радуются, что онъ и его семья попали въ такую кашу. Всѣ начинаютъ обвинять другъ друга и наконецъ нападаютъ на Добчинскаго и Бобчинскаго,—но въ это время появляется жандармъ, заявляющій громкимъ голосомъ: „Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ". Занавѣсъ опускается надъ живой картиной, для которой Гоголь—въ руководство актерамъ—самъ сдѣлалъ чрезвычайно интересный набросокъ карандашомъ, обыкновенно прилагаемый къ его сочиненіямъ; изъ этого наброска видно, между прочимъ, какъ ярко и съ какимъ артистическимъ пониманіемъ представлялъ себѣ Гоголь дѣйствующихъ лицъ своей безсмертной комедіи.

„Ревизоръ" *) отмѣчаетъ собой новую эру въ развитіи драматическаго искусства въ Россіи. Комедіи и драмы, появлявшіяся въ то время на русской сценѣ, (за исключеніемъ, конечно, „Горя отъ ума", которое, впрочемъ, не было дозволено къ представленію), имѣли настолько несовершенный и несерьезный характеръ, что ихъ едва ли можно было бы причислить къ области драматической литературы. „Ревизоръ", напротивъ, во время своего появленія (1835), былъ бы замѣчательнымъ явленіемъ въ любой литературѣ. Его сценичность, которая приведетъ въ восторгъ всякаго хорошаго актера; здоровый и сердечный юморъ;

---

*) На англійскомъ языкѣ имѣется довольно точный переводъ драмъ Гоголя.

натуральность комическихъ сценъ, вытекающихъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, а не изъ случайной прихоти автора; соблюденное вездѣ чувство мѣры—всѣ эти качества дѣлаютъ эту комедію Гоголя одною изъ лучшихъ въ міровой литературѣ. Если бы условія жизни, которыя изображены въ комедіи, не носили столь исключительно-русскаго характера, и если бы изображаемое событіе не относилось къ сравнительно отдаленному времени, полузабытому даже въ Россіи, она игралась бы съ успѣхомъ на всѣхъ сценахъ. Дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда „Ревизоръ" былъ поставленъ на нѣмецкой сценѣ, въ исполненіи актеровъ, хорошо понимавшихъ русскую жизнь, комедія эта пользовалась громаднымъ успѣхомъ *).

„Ревизоръ" вызвалъ такое неудовольствіе въ реакціонныхъ слояхъ Россіи, что не могло быть и рѣчи о постановкѣ на сценѣ новой, начатой Гоголемъ комедіи, въ которой онъ хотѣлъ изобразить жизнь петербургскихъ чиновниковъ („Владиміръ 3-й степени), и Гоголь напечаталъ лишь нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ изъ этой комедіи („Утро дѣлового человѣка", „Тяжба" и др.). Другая его комедія, „Женитьба", въ которой изображаются колебанія закоренѣлаго холостяка передъ женитьбой, отъ которой онъ и спасается, выпрыгивая изъ окна за нѣсколько минутъ передъ вѣнчаньемъ, до сихъ поръ не потеряла интереса. Она полна такихъ комическихъ положеній, которыя высоко цѣнятся талантливыми артистами, и до сихъ поръ является одной изъ лучшихъ въ репертуарѣ русской сцены.

„Мертвыя души".

Главнымъ произведеніемъ Гоголя является повѣсть, или „поэма", какъ онъ самъ ее назвалъ, „Мертвыя души". Эта повѣсть не имѣетъ сюжета, или, точнѣе сказать, ея сюжетъ отличается необычайной простотой. Подобно сюжету „Ревизора",—онъ былъ внушенъ Гоголю Пушкинымъ. Во время расцвѣта крѣпостного права въ Россіи, стремленіемъ каждаго дворянина было—сдѣлаться обладателемъ, по крайней мѣрѣ

*) Ее поставили недавно (1906) и въ Лондонѣ; но здѣсь изъ нея вышелъ простой прескучный балаганъ.

одной или двухъ сотенъ крѣпостныхъ душъ: крѣпостныхъ тогда покупали и продавали, какъ рабовъ, — ихъ можно было покупать и въ одиночку. Пронырливый дворянинъ Чичиковъ задумалъ, вслѣдствіе этого, хитроумный планъ. Въ виду того, что перепись населенія, или „ревизія" производилась лишь каждые десять или двадцать лѣтъ,—причемъ помѣщикамъ, въ промежуткѣ между двумя ревизіями, приходилось платить подати за каждую мужскую душу, которая была въ ихъ владѣніи во время послѣдней переписи, хотя бы эти „души" и не были уже въ живыхъ,—Чичиковъ рѣшилъ воспользоваться этой аномаліей. Онъ будетъ покупать „мертвыя души", онъ купитъ гдѣ-нибудь въ южныхъ степяхъ дешевый кусокъ земли, переселитъ на бумагѣ „мертвыя души" на эту землю, засвидѣтельствуетъ, опять-таки на бумагѣ, ихъ переселеніе, и вслѣдъ затѣмъ заложитъ это своеобразное „имѣніе" въ Опекунскомъ Совѣтѣ (поземельномъ банкѣ того времени). Такимъ образомъ онъ сможетъ положить начало своему состоянію. Съ этимъ планомъ Чичиковъ пріѣзжаетъ въ провинціальный городъ и начинаетъ свои операціи. Прежде всего онъ дѣлаетъ необходимые визиты.

„Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и, поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю; потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полиціймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору, и потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай: дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы; полиціймейстеру сказалъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза ваше превосходительство,

что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку; прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

„О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностью, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначущій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились; что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятностей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать наконецъ мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ".

...... „Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ—и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою—онъ показалъ, что ему не безызвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о билліардной игрѣ—и въ билліардной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; о выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто-бы самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица".

Нерѣдко утверждаютъ, что Чичиковъ Гоголя—чисто-русскій типъ. Но такъ ли это? Развѣ не встрѣчалъ каждый изъ насъ Чичикова въ Западной Европѣ? Человѣка среднихъ лѣтъ, ни толстаго, ни тонкаго, двигающагося съ легкостью почти военнаго человѣка?.. Какъ бы ни сложенъ былъ предметъ разговора, который онъ заведетъ съ вами, западный Чичиковъ тоже знаетъ, какъ подойти къ вопросу и заинтересовать собесѣдника. Разговаривая, напримѣръ, со старымъ генераломъ, западно-европейскій Чичиковъ искуснымъ образомъ коснется „величія родины" и ея „военной славы".

Онъ—не джинго *)—совсѣмъ напротивъ,—но онъ имѣетъ ровно столько сочувствія къ войнѣ и побѣдамъ своей родины, сколько можно ожидать отъ человѣка съ патріотическимъ оттѣнкомъ мыслей. Если западный Чичиковъ встрѣчается съ сантиментальнымъ реформаторомъ, онъ самъ немедленно дѣлается сантиментальнымъ и выказываетъ стремленіе къ благороднымъ реформамъ, и т. д. Словомъ, онъ всегда имѣетъ предъ собой какую-нибудь личную цѣль и всячески постарается снискать вашу симпатію и заинтересовать васъ въ томъ, чтó представляетъ интересъ для него самого въ данную минуту. Чичиковъ можетъ покупать мертвыя души, или желѣзнодорожныя акціи, онъ можетъ собирать пожертвованія для благотворительныхъ учрежденій, или старается пролѣзть въ директоры банка... Это—безразлично. Онъ остается безсмертнымъ международнымъ типомъ; вы встрѣчаетесь съ нимъ вездѣ; онъ принадлежитъ всѣмъ странамъ и всѣмъ временамъ; онъ только принимаетъ различныя формы, сообразно условіямъ мѣста и времени.

Однимъ изъ первыхъ помѣщиковъ, съ которымъ Чичиковъ заговорилъ о продажѣ мертвыхъ душъ, былъ Маниловъ—также универсальный типъ, съ прибавленіемъ тѣхъ спеціально-русскихъ черточекъ, какія могла придать этому характеру спокойная жизнь крѣпостного помѣщика. „На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный“ — говоритъ Гоголь,— „черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезъ-чуръ было передано сахару... Въ первую минуту разговора съ нимъ, не можешь не сказать: „Какой пріятный и добрый человѣкъ!“. Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь; въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ и отойдешь подальше; если-жъ не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную“. Вы не услышите отъ него живого или одушевленнаго слова. Каждый человѣкъ проявляетъ интересъ или энтузіазмъ къ чему-нибудь, но Маниловъ лишенъ этого качества. Онъ всегда находится въ пріятномъ спокойномъ настроеніи духа. Кажется, что

*) Въ Англіи, въ особенности во время войны съ бурами, а въ Америкѣ во время кубанской войны и при президентѣ Макъ-Кинлеѣ развился этотъ типъ воинствующихъ патріотовъ и ненавистниковъ всего юга, которыхъ называли jingo,—джинго.

онъ постоянно размышляетъ, но предметъ его размышленій остается тайной. „Иногда, — говоритъ Гоголь, — глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провели подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выраженіе". Но даже менѣе сложные проекты Манилову было лѣнь привести къ концу. „Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольскою шелковою матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма недешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянутые просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: „Не садитесь на эти кресла: они еще не готовы". Не менѣе характерны были и семейныя отношенія Манилова. „Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: „Разинь, душенька, свой ротикъ: я тебѣ положу этотъ кусочекъ". Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы—какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая—работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится, счастливы".

Само собой разумѣется, что несмотря на любовь къ размышленіямъ, Маниловъ меньше всего размышлялъ о судьбѣ своихъ крестьянъ и о состояніи своего имѣнія. Онъ сдалъ всѣ дѣла подобнаго рода въ руки очень ловкаго управляю-

щаго, который прижималъ крѣпостныхъ Манилова, хуже самаго жестокаго помѣщика. Тысячи подобныхъ Маниловыхъ населяли Россію лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и я думаю, что если мы внимательно оглянемся кругомъ, то найдемъ подобныхъ, якобы „сантиментальныхъ" людей подъ любою широтой и долготой.

Легко себѣ представить, какую галлерею портретовъ собралъ Гоголь, слѣдуя за Чичиковымъ въ его странствованіяхъ отъ одного помѣщика къ другому, когда его герой старался купить какъ можно больше мертвыхъ душъ. Каждый изъ помѣщиковъ, описанныхъ въ „Мертвыхъ душахъ"—сантиментальный Маниловъ, неуклюжій и хитрый Собакевичъ, отчаянный враль и мошенникъ Ноздревъ, заматорѣвшая допотопная Коробочка, и скупой Плюшкинъ—всѣ они вошли въ Россіи въ пословицы; при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, Плюшкинъ, изображены съ такой психологической глубиной, что задаешь себѣ невольно вопросъ: можно ли найти въ какой нибудь другой литературѣ лучшее и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе реальное изображеніе скупого?

Къ концу своей жизни, Гоголь, страдавшій отъ нервнаго разстройства, подпалъ подъ вліяніе „піэтистовъ"—особенно г-жи О. А. Смирновой (урожденной Россеттъ) — и началъ смотрѣть на свои сочиненія, какъ на нѣчто грѣховное. Дважды, въ пароксизмѣ религіознаго самообличенія, онъ сжегъ рукопись второго тома „Мертвыхъ Душъ," отъ которой сохранились лишь нѣсколько главъ, ходившихъ при его жизни въ спискахъ. Послѣдніе десять лѣтъ жизни писателя были полны всякихъ страданій. Онъ раскаивался въ своей литературной дѣятельности и издалъ полную нездороваго піэтизма книгу („Переписка съ друзьями"), въ которой, подъ маской христіанскаго смиренія, онъ чрезвычайно заносчиво отнесся ко всей литературѣ, включая, впрочемъ, и собственныя произведенія. Гоголь умеръ въ Москвѣ въ 1852 г.

Едва ли нужно говорить, что правительство Николая I считало произведенія Гоголя чрезвычайно опасными. Гоголю и его друзьямъ пришлось преодолѣвать чрезвычайныя затрудненія, чтобы добиться разрѣшенія постановки „Ревизора" на сценѣ, и это разрѣшеніе было получено лишь при дѣятельной помощи Жуковскаго. „Ревизоръ" былъ поставленъ

по желанію самого царя. Тѣ же затрудненія встрѣтилъ Гоголь при печатаніи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“; причемъ, когда первое изданіе разошлось, второе изданіе не было разрѣшено Николаемъ I. Когда Гоголь умеръ и Тургеневъ напечаталъ въ одной изъ московскихъ газетъ краткую некрологическую замѣтку о немъ, не заключавшую въ себѣ ничего особеннаго (Тургеневъ самъ говоритъ объ этой замѣткѣ: „о ней тогда же кто-то весьма справедливо сказалъ, что нѣтъ богатаго купца, о смерти котораго журналы не отозвались бы съ большимъ жаромъ“), молодой писатель тѣмъ не менѣе былъ арестованъ, и только благодаря хлопотамъ высокопоставленныхъ друзей, наказаніе, наложенное Николаемъ I на Тургенева, за безобидную замѣтку о Гоголѣ, ограничилось высылкой изъ Петербурга и ссылкой на житье въ собственное имѣніе. Если бы не хлопоты друзей, Тургеневу, можетъ быть, пришлось бы, подобно Пушкину и Лермонтову, отправиться въ ссылку на Кавказъ или, подобно Герцену и Салтыкову,—посѣтить сѣверныя губерніи.

Полиція Николая I была недалека отъ истины, приписывая Гоголю громадное вліяніе на умственное развитіе страны. Его произведенія ходили по Россіи въ громадномъ количествѣ рукописей. Въ дѣтствѣ мы переписывали второй томъ „Мертвыхъ Душъ“—всю книгу отъ начала до конца, а также и часть перваго тома. Это произведеніе Гоголя разсматривалось всѣми, какъ одно изъ самыхъ могущественныхъ обличеній крѣпостного права; да такъ и было въ дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи Гоголь былъ предшественникомъ того литературнаго движенія противъ рабства, которое началось въ Россіи нѣсколькими годами позже, во время Крымской войны и въ особенности послѣ нея. Гоголь избѣгалъ выражать свое личное мнѣніе о крѣпостномъ правѣ, но портреты помѣщиковъ въ его произведеніяхъ, изображеніе отношеній помѣщиковъ къ крѣпостнымъ—въ особенности изображеніе массы безплодно затрачиваемаго ими крестьянскаго труда—являлись болѣе сильными обличеніями, чѣмъ если бы Гоголь сообщалъ дѣйствительные факты жестокаго отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ. Невозможно читать „Мертвыя Души“ и не придти къ заключенію, что крѣпостное право было учрежденіемъ, которое само подгото-

вляло свое собственное паденіе. Пьянство, обжорство, затрата крѣпостного труда на содержаніе массы безполезной челяди, или на созиданіе вещей столь же безполезныхъ, какъ мосты сантиментальнаго Манилова—таковы были отличительныя черты тогдашняго помѣщичества; когда Гоголь пожелалъ изобразить хотя бы одного помѣщика, который разжился не отъ крѣпостного труда, ему пришлось выбрать помѣщика съ сильной примѣсью не-русской крови; да это и понятно,— среди тогдашнихъ русскихъ помѣщиковъ подобный человѣкъ былъ бы поразительнымъ явленіемъ.

Литературное вліяніе Гоголя было колоссально, и оно продолжается вплоть до настоящаго времени. Правда что Гоголь не былъ глубокимъ мыслителемъ, но онъ былъ великимъ художникомъ. Въ основѣ его искусства лежалъ чистый реализмъ, но все оно было проникнуто стремленіемъ привить человѣчеству нѣчто истинно-доброе и великое. Созидая самые комическіе образы, Гоголь не руководился при этомъ однимъ желаніемъ посмѣяться надъ человѣческими слабостями,—онъ всегда стремился пробудить въ читателѣ желаніе чего-то лучшаго, болѣе возвышеннаго, и онъ всегда достигалъ своей цѣли. Искусство, въ пониманіи Гоголя, является свѣточемъ, озаряющимъ путь къ высшему идеалу. Несомнѣнно, что именно это высокое пониманіе задачъ искусства и заставляло Гоголя тратить такую невѣроятную массу времени на выработку плановъ своихъ произведеній, и съ такимъ добросовѣстнымъ вниманіемъ относиться къ каждой написанной имъ строкѣ.

Несомнѣнно, что поколѣніе декабристовъ ввело бы соціальныя и политическія идеи въ область такой повѣсти, какъ „Мертвыя души". Но поколѣніе это погибло, и на долю Гоголя выпало внесеніе соціальнаго элемента въ русскую литературу и отведеніе этому элементу въ ней крупнаго, преобладающаго мѣста, въ пору самой отчаянной реакціи. Хотя до сихъ поръ остается открытымъ вопросъ— кто былъ родоначальникомъ русской реальной повѣсти,— Пушкинъ или Гоголь (Тургеневъ и Толстой разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ пользу Пушкина),—но тотъ фактъ, что произведенія Гоголя ввели въ русскую литературу соціальный элементъ и соціальную критику, основанную на ана-

лизѣ тогдашняго положенія вещей въ Россіи, можно считать внѣ сомнѣнія. Крестьянскія повѣсти Григоровича, Тургеневскія „Записки охотника“ и первыя произведенія Достоевскаго—являются прямымъ результатомъ инидіативы Гоголя.

Вопросъ о реализмѣ въ искусствѣ недавно вызывалъ большіе споры, въ связи, главнымъ образомъ, съ первыми произведеніями Золя, но мы, русскіе, обладающіе произведеніями Гоголя и знакомые, поэтому, съ реализмомъ въ его наисовершеннѣйшей формѣ, не можетъ смотрѣть на искусство глазами французскихъ „реалистовъ“. Въ произведеніяхъ Золя мы видимъ громадное вліяніе того самаго романтизма, съ которымъ этотъ писатель столь яростно сражался; болѣе того, въ его реализмѣ, насколько онъ проявился въ его произведеніяхъ перваго періода, мы видимъ шагъ назадъ, по сравненію съ реализмомъ Бальзака. Согласно нашему пониманію, реализмъ не можетъ ограничиваться одной анатоміей общества; онъ долженъ покоиться на болѣе высокомъ основаніи: реалистическія описанія должны быть подчинены идеалистической цѣли. Еще менѣе понятенъ для насъ реализмъ, какъ изображеніе лишь наиболѣе низменныхъ сторонъ человѣческаго существованія, потому что писатель, добровольно суживающій такимъ образомъ кругъ своихъ наблюденій, съ нашей точки зрѣнія, *вовсе не будетъ реалистомъ*. Въ дѣйствительной жизни, на ряду съ самыми низменными инстинктами уживаются самыя высокія проявленія человѣческой природы. Вырожденіе вовсе не является единственной или преобладающей чертой современнаго общества, разсматриваемаго въ его цѣломъ. Рядомъ съ вырожденіемъ идетъ возрожденіе. Вслѣдствіе этого, художникъ, останавливающійся лишь на низменномъ и вырождающемся (если при этомъ онъ не отмежевалъ себѣ какую-нибудь опредѣленную, спеціальную область, въ виду спеціальной цѣли и не даетъ намъ понять сразу, что онъ изображаетъ особый, маленькій уголокъ дѣйствительной жизни), такой художникъ вовсе не понимаетъ жизни, *какъ она есть*, во всей ея цѣлости. Онъ знакомъ только съ одной ея стороной, и при томъ далеко не самой интересной.

Реализмъ во Франціи являлся необходимымъ протестомъ,

отчасти—противъ необузданнаго романтизма, но главнымъ образомъ противъ „элегантнаго“ искусства, скользившаго по поверхности и отказывавшагося раскрывать далеко не элегантные мотивы элегантныхъ поступковъ,—противъ искусства, которое преднамѣренно закрывало глаза на нерѣдко ужасныя послѣдствія элегантной жизни такъ-называемаго „порядочнаго“ общества. Для Россіи протестъ подобнаго рода былъ излишенъ. Со времени Гоголя русское искусство не ограничивалось какимъ-нибудь отдѣльнымъ классомъ общества. Оно захватывало въ своихъ изображеніяхъ всѣ классы, изображало ихъ реалистически и проникало вглубь, подъ наружные покровы соціальныхъ отношеній. Такимъ образомъ, для русскаго искусства оказались излишними тѣ преувеличенія, которыя во Франціи были необходимой и здоровой реакціей. У насъ не было никакой надобности впадать въ преувеличенія, съ цѣлью освободить искусство отъ скучной морализаціи. Нашъ великій реалистъ, Гоголь, далъ своимъ ученикамъ, позднѣйшимъ повѣствователямъ, незабываемый урокъ — пользоваться реализмомъ для высшихъ цѣлей, сохраняя въ то же время его аналитическія качества, и удерживая свойственную ему правдивость въ изображеніи жизни.

ГЛАВА IV.

ТУРГЕНЕВЪ.—ТОЛСТОЙ.

Тургеневъ: Главныя черты его искусства. — „Записки охотника". — Пессимизмъ его раннихъ повѣстей.— Рядъ повѣстей, изображающихъ руководящіе типы русскаго общества; — Рудинъ; — Лаврецкій; — Елена и Инсаровъ; — Базаровъ. — Почему „Отцы и дѣти" не были поняты? — „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ" — „Новь": хожденіе въ народъ. — „Стихотворенія въ прозѣ".— **Толстой:** „Дѣтство" и „Отрочество". — Во время и послѣ Крымской войны. — „Юношество": въ поискахъ за идеаломъ. — Разсказы. — „Казаки". — Педагогическія работы, — „Война и Миръ"; — „Анна Каренина";— Религіозный кризисъ. — Христіанское ученіе въ изложеніи Толстого. — Главные пункты христіанской этики.—Послѣднія художественныя произведенія:— „Крейцерова Соната"; — „Воскресенье".

Тургеневъ.

Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были дѣйствительными созидателями русской литературы; но они остались почти неизвѣстными въ Западной Европѣ. Только Тургеневъ и Толстой — два величайшіе беллетриста Россіи, а можетъ быть и цѣлаго столѣтія—и отчасти Достоевскій—преодолѣли затрудненіе, которымъ являлся русскій языкъ, дѣлавшій недоступными для Западной Европы произведенія русскихъ писателей. Эти трое сдѣлали русскую литературу извѣстной и популярной внѣ предѣловъ Россіи; они оказали, и до сихъ поръ оказываютъ, нѣкоторое вліяніе на развитіе мысли и искусства въ Западной Европѣ, и, благодаря имъ, мы можемъ быть увѣрены, что впредь лучшія произведенія рус-

скаго ума будутъ становиться частью общаго умственнаго достоянія цивилизованнаго человѣчества.

Тургеневъ, по художественной конструкціи, законченности и красотѣ его повѣстей, является едва ли не величайшимъ романистомъ девятнадцатаго столѣтія. Но главная характеристика его поэтическаго генія заключается не въ одномъ чувствѣ прекраснаго, которымъ онъ обладалъ въ такой высокой степени, а также и въ высоко-интеллектуальной содержательности его твореній. Его повѣсти—не случайныя изображенія того или другого типа людей, или какого-нибудь исключительнаго теченія, или эпизода, почему-нибудь обратившихъ на себя вниманіе автора. Онѣ тѣсно связаны между собой и даютъ послѣдовательныя изображенія руководящихъ интеллектуальныхъ типовъ Россіи, которые такъ или иначе наложили свой отпечатокъ на смѣнявшія одно другого поколѣнія. Повѣсти Тургенева, изъ которыхъ первая появилась въ 1845 году, охватываютъ періодъ болѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ, и въ теченіе этихъ трехъ десятилѣтій русскому обществу пришлось пережить одно изъ наиболѣе глубокихъ и быстрыхъ измѣненій, какія когда либо наблюдались въ европейской исторіи. Руководящіе типы образованныхъ классовъ пережили рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, съ быстротой, возможной лишь въ обществѣ, внезапно пробудившимся отъ долгой спячки, разрушившимъ учрежденіе, на которомъ покоились всѣ его основы—крѣпостное право — и устремившимся навстрѣчу новой жизни. И этотъ рядъ „созидающихъ исторію“ типовъ былъ изображенъ Тургеневымъ съ такой глубиной, съ такой полнотой философскаго и гуманитарнаго пониманія и съ такой художественной вдумчивостью, доходящей иногда до предвидѣнія, какихъ вы не найдете ни у одного изъ современныхъ писателей въ той же степени и въ такомъ удачномъ сочетаніи.

Не то, чтобы Тургеневъ руководился въ своемъ творчествѣ предвзятою мыслью. Всѣ эти разсужденія о безсознательномъ и сознательномъ творчествѣ, о предвзятыхъ идеяхъ и тенденціяхъ—казались ему лишь „общими мѣстами“, ходячей и ложной риторической монетой. „Талантъ настоящій,—говоритъ Тургеневъ, — никогда не слу-

житъ постороннимъ цѣлямъ и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе—онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ; но онъ также мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль... Въ концѣ-концовъ—это ниже его. Подчиниться заданной темѣ или проводить программу—могутъ только тѣ, которые другого, лучшаго не умѣютъ". Но какъ только въ русской жизни появлялся среди образованныхъ классовъ новый, выдающійся, типъ мужчины или женщины, онъ немедленно овладѣвалъ вниманіемъ Тургенева. Новый типъ преслѣдовалъ его, пока онъ не воплощалъ его въ художественномъ образѣ; съ Тургеневымъ въ такихъ случаяхъ повторялось то, что было съ Мурильо, котораго долгіе годы преслѣдовалъ образъ Дѣвы Маріи въ экстазѣ чистѣйшей любви, пока онъ наконецъ не воплотилъ этотъ образъ въ той высшей степени совершенства, которая была ему доступна.

Когда какая нибудь жизненная задача овладѣвала, такимъ образомъ, умомъ Тургенева, онъ, очевидно, не могъ трактовать ее, пользуясь формой холоднаго логическаго разсужденія, какъ это сдѣлалъ бы публицистъ; онъ мыслилъ о своей задачѣ въ формѣ образовъ и сценъ. Даже въ разговорѣ, если онъ желалъ дать вамъ идею о чемъ либо, занимавшемъ въ данное время его умъ, онъ дѣлалъ это путемъ образовъ, настолько живыхъ, что они навсегда запечатлѣвались въ вашей памяти. Эта же особенность является характерной чертой и его произведеній. Его повѣсти—это послѣдовательный рядъ сценъ,—нѣкоторыя изъ нихъ поразительной красоты, — изъ которыхъ каждая служитъ автору чтобы прибавить еще новый штрихъ въ характеристикѣ его героевъ. Вслѣдствіе этого, всѣ его повѣсти отличаются краткостью и не нуждаются въ замысловатости сюжета для поддержанія вниманія читателя. Люди, испортившіе себѣ вкусъ чтеніемъ сенсаціонныхъ романовъ, будутъ, конечно, разочарованы при чтеніи романовъ Тургенева: въ нихъ нѣтъ сенсаціонныхъ эпизодовъ, но всякій неглупый читатель чувствуетъ съ первыхъ же страницъ, что предъ нимъ движутся реально существующіе люди, и при томъ люди интересные, въ которыхъ бьются человѣ-

ческія сердца, и онъ не можетъ разстаться съ книгой прежде, чѣмъ дочитаетъ ее до конца и пойметъ во всей цѣлости характеры дѣйствующихъ лицъ. Необычайная простота средствъ для достиженія широко задуманныхъ цѣлей—эта главная черта истиннаго искусства, — чувствуется во всемъ, что писалъ Тургеневъ.

Георгъ Брандесъ, въ его прекрасномъ этюдѣ о Тургеневѣ (въ „Moderne geister"); лучшемъ, наиболѣе глубокомъ и поэтическомъ изо всего, что было написано о нашемъ великомъ романистѣ, дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе:

„Довольно затруднительно опредѣлить, что собственно дѣлаетъ Тургенева первокласснымъ художникомъ... Способность, отличающая истинныхъ поэтовъ, которой Тургеневъ обладалъ въ высшей степени, а именно—воспроизводить въ образахъ живыя человѣческія личности, не является наиболѣе поразительной чертой его таланта. Художественное превосходство Тургенева болѣе всего чувствуется въ согласіи собственныхъ впечатлѣній читателя съ тѣмъ интересомъ и съ тѣми сужденіями о дѣйствующихъ лицахъ, которыя высказываетъ самъ авторъ; такъ какъ именно въ этомъ пунктѣ — въ отношеніи художника къ своимъ собственнымъ созданіямъ—чаще всего чувствуется слабость человѣка или художника".

Читатель тотчасъ замѣчаетъ подобную ошибку и помнитъ о ней, несмотря на всѣ усилія автора загладить впечатлѣніе.

„Какому читателю Бальзака, или Диккенса, или Ауэрбаха—если говорить лишь о великихъ покойникахъ—не приходилось испытывать этого чувства!"—продолжаетъ Брандесъ.—„Когда Бальзакъ расплывается въ подогрѣтомъ возбужденіи, или когда Диккенсъ становится ребячески-трогательнымъ, или Ауэрбахъ—преднамѣренно-наивнымъ, читатель тотчасъ чувствуетъ нѣчто неправдивое и непріятное. Въ произведеніяхъ Тургенева вы никогда не найдете ничего отталкивающаго въ художественномъ отношеніи.

Это замѣчаніе Брандеса совершенно справедливо и намъ остается прибавить къ нему лишь нѣсколько словъ по поводу удивительной архитектуры всѣхъ Тургеневскихъ повѣстей. Будетъ ли это небольшой разсказъ, или крупная повѣсть, соразмѣрность частей всегда бываетъ удивительно соблюдена; нѣтъ никакого эпизода „этнографическаго" характера, который нарушалъ бы или замедлялъ развитіе внутренней жизненной драмы; ни одна черта, а тѣмъ болѣе, ни одна сцена, не можетъ быть опущена безъ ущерба впечатлѣ-

нію цѣлаго; а заключительный аккордъ, который вѣнчаетъ общее впечатлѣніе,—обыкновенно трогательное,—всегда бываетъ обработанъ съ удивительной законченностью *).

А затѣмъ—красота главныхъ сценъ! Каждая изъ нихъ могла бы послужить сюжетомъ для высоко-художественной, захватывающей картины. Возьмите, напримѣръ, заключительныя сцены пребыванія Елены и Инсарова въ Венеціи: посѣщеніе ими картинной галлереи, заставляющее надсмотрщика воскликнуть, глядя на нихъ: poverelle (бѣдняжки)! Или же сцену въ театрѣ, гдѣ, въ отвѣтъ на искусственный кашель актрисы (играющей Віолетту въ „Травіатѣ“), раздается глубокій кашель дѣйствительно умирающаго Инсарова. Сама актриса, бѣдно одѣтая, съ костлявыми плечами,—которая тѣмъ не менѣе овладѣваетъ слушателями вслѣдствіе теплоты и реальности ея игры, и предсмертнымъ крикомъ радости, вырвавшимся у нея при возвращеніи Альфреда,—вызываетъ въ театрѣ бурю энтузіазма; мало того, я готовъ сказать, что темный заливъ, надъ которымъ чайка падаетъ изъ розоваго свѣта въ густой мракъ,—каждая изъ этихъ сценъ просится на полотно. Въ лекціи о „Гамлетѣ“ и „Донъ-Кихотѣ“,—гдѣ, между прочимъ, Тургеневъ указываетъ, что Шекспиръ и Сервантесъ были современниками и утверждаетъ, что романъ Сервантеса былъ переведенъ на англійскій языкъ еще при жизни Шекспира, такъ что великій драматуръ могъ читать его,—Тургеневъ по этому поводу восклицаетъ: „картина, достойная кисти живописца-мыслителя: Шекспиръ, читающій Донъ-Кихота!“ Въ этихъ строкахъ онъ обнаружилъ секретъ удивительной красоты—изобразительной красоты — которою отличается множество сценъ въ его романахъ. Онѣ должны были рисоваться въ его воображеніи, не только обвитыя той музыкой чувства, которая звучитъ въ нихъ, но и какъ картины, полныя глубокаго психологическаго значенія, въ которыхъ вся обстановка главныхъ дѣйствующихъ лицъ — русскій березовый лѣсъ, нѣмецкій городъ на Рейнѣ, или же пристань въ Венеціи—находятся въ гармоніи съ изображаемыми чувствами.

*) Единственнымъ исключеніемъ, пожалуй, является вводный эпизодъ о Ѳомушкѣ и Ѳимушкѣ въ „Нови“, совершенно лишній и неумѣстный въ романѣ. Введеніе этого эпизода можно объяснить лишь литературнымъ капризомъ автора.

Тургеневъ глубоко изучилъ человѣческое сердце, въ особенности сердце молодой, вполнѣ честной и мыслящей дѣвушки въ моментъ пробужденія въ ней высшихъ чувствъ и идеаловъ, при чемъ, безсознательно для нея самой, это пробужденіе облекается въ форму любви. Въ описаніи этой полосы жизни Тургеневъ не имѣетъ соперниковъ. Вообще, любовь является главнымъ мотивомъ во всѣхъ его повѣстяхъ; и моментъ ея полнаго развитія бываетъ моментомъ, когда герой—будетъ ли онъ политическій агитаторъ или же скромный помѣщикъ — обрисовывается въ полномъ свѣтѣ. Великій поэтъ зналъ, что человѣческій типъ не характеризуется повседневной работой, которой занятъ человѣкъ, какъ бы ни была эта работа важна, а еще менѣе—его рѣчами. Вслѣдствіе этого, когда онъ рисуетъ, напримѣръ, агитатора въ Дмитріѣ Рудинѣ, онъ не приводитъ его пламенныхъ рѣчей, по той простой причинѣ, что эти рѣчи не характеризовали бы его. Многіе другіе, раньше Рудина, взывали къ равенству и свободѣ, и многіе другіе будутъ взывать послѣ него. Но тотъ спеціальный типъ апостола равенства и свободы — „человѣка словъ, а не дѣла", котораго поэтъ намѣревался изобразить въ Рудинѣ, характеризуется отношеніями героя къ различнымъ лицамъ, а всего болѣе—его любовью къ Наташѣ, ибо въ любви вполнѣ обнаруживается человѣкъ, со всѣми его личными особенностями. Тысячи людей занимались „пропагандой", употребляя при этомъ, вѣроятно, одни и тѣ же выраженія, но каждый изъ нихъ любилъ на свой манеръ. Маццини и Лассаль были оба агитаторы, — но какъ различно они любили! Развѣ можно знать Лассаля, не зная его отношеній къ графинѣ Гатцфельдъ!

Подобно всѣмъ великимъ писателямъ, Тургеневъ соединялъ въ себѣ пессимизмъ съ любовью къ человѣчеству.

„Въ душѣ Тургенева проходитъ глубокая и широкая черта меланхоліи",—замѣчаетъ Брандесъ—а потому она проходитъ черезъ всѣ его произведенія. Какъ бы ни были объективны и безличны его описанія, и хотя онъ избѣгаетъ вводить въ свои повѣсти лирическую поэзію, тѣмъ не менѣе онѣ, въ цѣломъ, производятъ впечатлѣніе лирики. Въ нихъ заключено такъ много Тургеневской личности, и эта личность всегда одержима печалью,—особенной печалью, безъ малѣйшей примѣси сантиментальности. Тургеневъ никогда не позволяетъ себѣ вполнѣ отдаться своимъ чувствамъ: онъ производитъ впечатлѣніе сдержанностью;

но ни въ одномъ западно-европейскомъ романистѣ не встрѣчается такой печали. Великіе меланхолики латинской расы, какъ Леопарди и Флоберъ, выражаютъ свою печаль въ крѣпкихъ и рѣзкихъ очертаніяхъ; нѣмецкая печаль носитъ отпечатокъ рѣжущаго юмора, или же она патетична, или сантиментальна; но Тургеневская грусть является, въ сущности, грустью славянскихъ расъ, съ ихъ слабостью и трагическимъ въ жизни; она происходитъ по прямой линіи отъ грусти народныхъ славянскихъ пѣсенъ... Если Гоголь грустить, то его грусть беретъ свое начало въ отчаяніи. Достоевскій грустить потому, что его сердце полно симпатіи къ униженнымъ, и въ особенности къ великимъ грѣшникамъ. Грусть Толстого имѣетъ свое основаніе въ его религіозномъ фатализмѣ. Одинъ Тургеневъ, въ данномъ случаѣ, является философомъ... Онъ любитъ людей, даже несмотря на то, что имѣетъ о нихъ не особенно высокое мнѣніе и мало имъ довѣряетъ".

Талантъ Тургенева высказался въ полной силѣ уже въ его раннихъ произведеніяхъ—въ родѣ короткихъ разсказовъ изъ деревенской жизни, которымъ, съ цѣлью избѣжать придирокъ цензуры, было дано вводящее въ заблужденіе заглавіе „Записокъ охотника". Несмотря на простоту содержанія и полное отсутствіе сатирическаго элемента, эти разсказы нанесли сильный ударъ крѣпостному праву. Тургеневъ не изображалъ въ нихъ такихъ ужасовъ рабства, которое можно было бы представлять, какъ исключеніе; онъ не идеализировалъ русскихъ крестьянъ; но, давая взятыя изъ жизни изображенія чувствующихъ, размышляющихъ и любящихъ существъ, изнывающихъ подъ ярмомъ рабства, и рисуя въ то же время, параллельно этимъ изображеніямъ, пустоту и низость жизни даже лучшихъ изъ рабовладѣльцевъ, Тургеневъ пробуждалъ сознаніе зла, причиняемаго системой крѣпостного права. Общественное значеніе этихъ разсказовъ было очень велико. Что же касается художественныхъ достоинствъ, то достаточно сказать, что въ каждомъ изъ этихъ разсказовъ, на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ, мы находимъ живыя изображенія самыхъ разнообразныхъ человѣческихъ характеровъ, при чемъ изображенія эти вставлены въ рамки поразительныхъ по красотѣ картинъ природы. Презрѣніе, восхищеніе, симпатія,—по волѣ молодого автора поочередно овладѣваютъ читателемъ, при чемъ всякій разъ совершенство формы и живость сценъ таковы, что каждый изъ этихъ маленькихъ разсказовъ стоитъ хорошей повѣсти.

Въ другомъ сборникѣ небольшихъ повѣстей: „Затишье", „Переписка", „Яковъ Пасынковъ", „Фаустъ" и „Ася", геній Тургенева развернулся вполнѣ; въ нихъ уже вполнѣ выступаютъ его манера, его міросозерцаніе, вся сила таланта. Повѣсти эти проникнуты глубокою печалью. Въ нихъ слышится почти отчаяніе въ образованномъ русскомъ интеллигентѣ, который даже въ любви оказывается неспособнымъ проявить сильное чувство, которое снесло бы преграды, лежащія на его пути; даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ можетъ принести любящей его женщинѣ только печаль и отчаяніе. Нижеслѣдующія строки, взятыя изъ „Переписки", лучше всего могутъ охарактеризовать руководящую идею этихъ трехъ повѣстей („Затишье", „Переписка" и „Ася"). Это пишетъ двадцатишестилѣтняя дѣвушка другу своего дѣтства:

„Я опять-таки скажу, что говорю не о такой дѣвушкѣ, которой тягостно и скучно мыслить... Она оглядывается, ждетъ, когда же придетъ тотъ, о комъ ея душа тоскуетъ... Наконецъ онъ является: она увлечена; она въ рукахъ его, какъ мягкій воскъ. Все — и счастье, и любовь, и мысль — все, вмѣстѣ съ нимъ, нахлынуло разомъ; всѣ ея тревоги успокоены, всѣ сомнѣнія разрѣшены имъ; устами его, кажется, говоритъ сама истина; она благоговѣетъ передъ нимъ, стыдится своего счастья, учится, любитъ. Велика его власть въ это время надъ нею!.. Если-бъ онъ былъ героемъ, онъ бы воспламенилъ ее, онъ бы научилъ ее жертвовать собою, и легки были бы ей всѣ жертвы! Но героевъ въ наше время нѣтъ... Все же онъ направляетъ ее, куда ему угодно; она предается тому, что его занимаетъ; каждое слово его западаетъ ей въ душу: она еще не знаетъ тогда, какъ ничтожно, и пусто, и ложно можетъ быть слово; какъ мало стоитъ оно тому, кто его произноситъ, и какъ мало заслуживаетъ вѣры! За этими первыми мгновеніями блаженства и надеждъ обыкновенно слѣдуетъ — по обстоятельствамъ (обстоятельства всегда виновны) — слѣдуетъ разлука. Говорятъ, бывали примѣры, что двѣ родныя души, узнавъ другъ друга, тотчасъ соединялись неразрывно; слышала я также, что отъ этого имъ не всегда становилось легко... Но чего я не видала сама, о томъ не говорю—а что разсчетъ самый мелкій, осторожность самая жалкая могутъ жить въ молодомъ сердцѣ рядомъ съ самой страстной восторженностью—это я, къ сожалѣнію, испытала на опытѣ. Итакъ, наступаетъ разлука... Счастлива та дѣвушка, которая узнаетъ тотчасъ, что всему конецъ, которая не тѣшитъ себя ожиданіемъ! Но вы, храбрые справедливые мужчины, большею частью не имѣете ни духа, ни даже желанія, сказать намъ истину... вамъ спокойнѣе обмануть насъ... Впрочемъ, я готова вѣрить, что вы сами себя обманываете вмѣстѣ съ нами"...

Полное отчаяніе въ способности образованныхъ русскихъ людей къ дѣйствію проходитъ сквозь всѣ Тургеневскія повѣсти этого періода. Тѣ немногіе, которые кажутся исключеніемъ, — обладающіе энергіей, или могущіе напустить ее на себя на короткое время, обыкновенно заканчиваютъ свое существованіе въ билліардной комнатѣ трактира, или портятъ свою жизнь какимъ-либо другимъ способомъ. 1854-й и 1855-й годы, во время которыхъ были написаны эти повѣсти, вполнѣ объясняютъ пессимизмъ Тургенева. Въ Россіи они были, пожалуй, самыми мрачными годами мрачнаго періода русской исторіи — царствованія Николая I; да и въ Западной Европѣ эти годы слѣдовали за государственнымъ переворотомъ Наполеона III-го и были годами всеобщей реакціи послѣ великихъ неосуществившихся надеждъ революціи 1848-го года.

Тургеневъ, которому въ 1852 году угрожала ссылка въ сѣверныя губерніи, за напечатаніе въ Москвѣ невиннаго некролога Гоголя, послѣ того, какъ этотъ некрологъ былъ запрещенъ петербургскою цензурою, былъ вынужденъ теперь жить въ своемъ имѣніи, наблюдая вокругъ себя рабское подчиненіе всѣхъ тѣхъ, кто раньше высказывалъ нѣкоторые признаки недовольства. Видя вокругъ себя торжество защитниковъ крѣпостничества и деспотизма, онъ легко могъ впасть въ отчаяніе. Но печаль, проникающая повѣсти этого періода, не была крикомъ отчаянія; она также не имѣла сатирическаго оттѣнка; это была сочувственная скорбь любящаго друга, и въ этомъ заключается главная прелесть этихъ повѣстей. Съ художественной точки зрѣнія „Ася“ и „Переписка“, можетъ быть, являются самыми прекрасными литературными перлами, какими мы обязаны Тургеневу.

Чтобы правильно судить о значеніи Тургенева, необходимо прочесть въ послѣдовательномъ порядкѣ — какъ онъ самъ того желалъ — слѣдующія шесть его повѣстей: „Рудинъ“, „Дворянское Гнѣздо“, „Наканунѣ“, „Отцы и Дѣти“, „Дымъ“ и „Новь“. Въ этихъ повѣстяхъ, не только талантъ Тургенева проявляется во всей своей силѣ, но онѣ воспроизводятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовательные фазисы развитія русской интеллигенціи за тридцать лѣтъ, съ 1848 года

по 1876-й, при чемъ читатель можетъ также уяснить себѣ отношеніе поэта къ лучшимъ представителямъ передовой мысли въ Россіи въ наиболѣе интересный періодъ ея развитія. Уже въ раннихъ своихъ разсказахъ Тургеневъ коснулся русскаго гамлетизма. Въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“ и въ „Дневникѣ лишняго человѣка“ онъ въ общихъ чертахъ превосходно изобразилъ людей этого сорта. Но только въ „Рудинѣ“ (1855) достигъ онъ полнаго художественнаго воспроизведенія этого типа, получившаго широкое распространеніе на русской почвѣ, въ ту пору, когда наши лучшіе люди были осуждены на бездѣятельность и словоизліяніе. Тургеневъ не проявилъ особой нѣжности къ людямъ этого типа и изобразилъ ихъ худшія стороны, также какъ и ихъ лучшія качества, но, въ общемъ, онъ отнесся къ нимъ съ дружескою нѣжностью. Онъ любилъ Рудина, со всѣми его недостатками, и эту любовь раздѣляли съ нимъ люди его поколѣнія, а также отчасти и нашего.

Рудинъ былъ человѣкомъ „сороковыхъ годовъ“, выросшій на Гегелевской философіи и развившійся при условіяхъ, которыя господствовали въ эпоху Николая I, когда для мыслящаго человѣка не было возможности приложить къ чему-нибудь свои силы, если онъ не желалъ сдѣлаться однимъ изъ винтовъ сложной бюрократической машины самодержавнаго, рабовладѣльческаго, государства. Дѣйствіе романа происходитъ въ одномъ изъ помѣстій средней Россіи, въ семьѣ одной барыни, которая выказываетъ поверхностный интересъ ко всякаго рода новинкамъ, читаетъ книги, запрещенныя тогдашней цензурой, какъ, напримѣръ, „Демократія въ Америкѣ“ Токвилля, и любитъ собирать вокругъ себя—въ своемъ петербургскомъ салонѣ или въ своемъ имѣніи — всякаго рода „выдающихся людей“. Въ романѣ, Рудинъ появляется впервые въ ея гостиной. Въ нѣсколько минутъ онъ овладѣваетъ разговоромъ, и, своими мѣткими замѣчаніями, вызываетъ восхищеніе барыни и восторгъ представителей молодого поколѣнія. Послѣднее представлено въ лицѣ дочери помѣщицы и молодого студента, учителя ея сыновей. Оба плѣнены Рудинымъ. Когда, позднѣе вечеромъ, Рудинъ говоритъ о своихъ студенческихъ годахъ и касается такихъ вопросовъ, какъ свобода, раз-

витіе свободной мысли и освободительная борьба на Западѣ, его слова полны такого огня, такой поэзіи и такого жара, что молодые люди внимаютъ ему съ восторгомъ, доходящимъ до поклоненія. Результатъ ясенъ: дочь помѣщицы, Наташа, влюбляется въ Рудина. Рудинъ — гораздо старше Наташи: въ его волосахъ уже показалась сѣдина, и онъ говоритъ о любви, какъ о чемъ-то, относящемся къ далекому прошлому. „Замѣтили-ли вы,—говоритъ Рудинъ,— что на дубѣ старые листья только тогда отпадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться". Наташа понимаетъ эту фразу Рудина въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ забыть старую любовь лишь тогда, когда новая овладѣетъ имъ,—и она даетъ Рудину свою любовь. Разрывая со всѣми преданіями корректнаго помѣщичьяго дома, она идетъ на свиданіе съ Рудинымъ, раннимъ утромъ, возлѣ берега заброшеннаго пруда. Она готова слѣдовать за нимъ всюду, не ставя съ своей стороны никакихъ условій; но Рудинъ, любящій больше головой, чѣмъ сердцемъ, не находитъ что сказать ей и начинаетъ говорить о невозможности добиться дозволенія матери Наташи на ихъ бракъ. Наташа едва прислушивается къ его словамъ: она готова идти за нимъ, не спрашивая позволенія матери... Наконецъ Наташа задаетъ вопросъ: „что-же намъ дѣлать?" — „Покориться", — отвѣчаетъ Рудинъ.

Герой, говорившій такъ красиво о борьбѣ со всевозможными препятствіями, самъ пугается перваго же препятствія, встрѣтившагося на пути. Слова, одни слова — и полное отсутствіе дѣйствій,—такова дѣйствительная характеристика людей, представлявшихъ въ сороковыхъ годахъ лучшій мыслящій элементъ русскаго общества.

Позднѣе, мы еще разъ встрѣчаемся съ Рудинымъ. Онъ не нашелъ для себя занятія и не примирился съ условіями жизни той эпохи. Онъ остался бѣднякомъ, высылаемымъ изъ одного города въ другой, и скитается по Россіи, пока, наконецъ, онъ не попадаетъ за границу, и во время іюньскаго возстанія 1848 года падаетъ, убитый на баррикадѣ. Въ романѣ Тургенева имѣется эпилогъ, отличающійся такой красотой, что я привожу небольшую выдержку изъ него, а именно слова Лежнева, прежняго врага Рудина:

— „Я знаю его хорошо, — продолжалъ Лежневъ: — недостатки его мнѣ хорошо извѣстны. Они тѣмъ болѣе выступаютъ наружу, что самъ онъ не мелкій человѣкъ.

— „Рудинъ—геніальная натура!—подхватилъ Басистовъ.

— „Геніальность въ немъ, пожалуй, есть,—возразилъ Лежневъ;— а натура... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло. Я хочу говорить о томъ, что въ немъ есть хорошаго, рѣдкаго. Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ! Пора! Помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобой о немъ и упрекалъ его въ холодности. Я былъ и правъ, и не правъ тогда. Холодность эта у него въ крови—это не его вина,—а не въ головѣ. Онъ не актеръ, какъ я называлъ его, не надувало, не плутъ; онъ живетъ на чужой счетъ не какъ проныра, а какъ ребенокъ... Да, онъ, дѣйствительно, умретъ гдѣ-нибудь въ нищетѣ и въ бѣдности; но неужели жъ и за это пускать въ него камнемъ? Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего, именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ; но кто въ правѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять собственные замыслы? Да я самъ, я первый, все это испыталъ на себѣ... Саша знаетъ, чѣмъ былъ для меня въ молодости Рудинъ. Я, помнится, также утверждалъ, что слова Рудина не могутъ дѣйствовать на людей; но я говорилъ тогда о людяхъ, подобныхъ мнѣ, въ теперешніе мои годы, о людяхъ уже поживишихъ и поломанныхъ жизнью. Одинъ фальшивый звукъ въ рѣчи — и вся ея гармонія для насъ исчезла; а въ молодомъ человѣкѣ, къ счастью, слухъ еще не такъ развитъ, не такъ избалованъ. Если сущность того, что онъ слышитъ, ему кажется прекрасной, что ему за дѣло до тона! Тонъ онъ самъ въ себѣ найдетъ.

— „Браво! браво!—воскликнулъ Басистовъ:—какъ это справедливо сказано! А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!“

Однако, съ такими героями, какъ Рудинъ, дальнѣйшій прогрессъ Россіи былъ бы невозможенъ: необходимо было появленіе новыхъ людей. И они появились: мы находимъ ихъ въ слѣдующихъ повѣстяхъ Тургенева,—но сколько трудностей имъ пришлось преодолѣвать, какія муки довелось испытать! Мы можемъ видѣть это на Лаврецкомъ и Лизѣ (въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“), принадлежащихъ къ переходному періоду. Лаврецкій не можетъ довольствоваться Рудинской ролью странствующаго апостола; онъ пытается заняться практической дѣятельностью; но онъ также не можетъ

найти своего пути среди новыхъ теченій жизни. Онъ обладаетъ тѣмъ же художественнымъ и философскимъ развитіемъ, какъ и Рудинъ; у него имѣется необходимая воля, но его способность къ дѣйствію парализована, на этотъ разъ не саморазъѣдающимъ анализомъ, а мелочностью обстановки и его несчастнымъ бракомъ. Въ концѣ концовъ, Лаврецкій падаетъ надломленный.

„Дворянское Гнѣздо“ имѣло громадный успѣхъ. Нерѣдко утверждаютъ, что вмѣстѣ съ автобіографическою повѣстью, „Первая Любовь“—это самое художественное произведеніе Тургенева. Быть можетъ это такъ. „Дворянское Гнѣздо“ обязано также своимъ успѣхомъ тому громадному кругу читателей, которымъ повѣсть говорила на знакомомъ языкѣ. Лаврецкій женился очень неудачно, на женщинѣ, которая вскорѣ превращается въ парижскую львицу низшаго разбора. Супруги расходятся. Вслѣдъ за тѣмъ Лаврецкій встрѣчается съ дѣвушкой, Лизой, въ которой Тургеневъ далъ вѣрное и высоко-художественное изображеніе средней, хорошей и честной дѣвушки того времени. Она и Лаврецкій начинаютъ любить другъ друга. Есть минута, когда оба думаютъ, что жена Лаврецкаго умерла—о ея смерти было напечатано въ фельетонѣ одной парижской газеты, но внезапно эта госпожа появляется, окруженная присущей ей атмосферой, и Лиза уходитъ въ монастырь. Въ отличіе отъ Рудина и Базарова, всѣ дѣйствующія лица этой драмы, какъ и самая драма, вполнѣ понятны среднему читателю и уже по одному этому повѣсть нашла чрезвычайно широкій кругъ симпатизирующихъ читателей. Но, при всемъ томъ, художественность, мѣстами—глубина, и вездѣ—тонкость отдѣлки какъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и отдѣльныхъ сценъ романа, доведены до совершенства, и художественный талантъ Тургенева проявился во всей силѣ въ изображеніи такихъ типовъ, какъ Лиза, жена Лаврецкаго, старая тетка Лизы, старикъ Леммъ и самъ Лаврецкій. Дуновеніе поэзіи и печали, проникающее всю повѣсть, неотразимо овладѣваетъ читателемъ. Слѣдовавшая затѣмъ повѣсть „Наканунѣ“ превосходитъ предшествовавшую и по глубинѣ замысла, и едва ли во многомъ уступаетъ ей по красотѣ выполненія. Уже въ Наташѣ Тургеневъ далъ вполнѣ живое изображеніе русской дѣвушки,

выросшей въ затишьи деревни, но въ сердцѣ, умѣ и волѣ которой были зародыши тѣхъ чувствъ, которыя двигаютъ людей къ поступкамъ высшаго характера. Воодушевленныя слова Рудина, его призывы къ высокому и достойному жертвы— воспламенили ее. Она готова слѣдовать за нимъ, она готова поддерживать его въ той великой работѣ, которой онъ такъ жадно и такъ безплодно ищетъ, но Рудинъ оказывается ниже ея. Такимъ образомъ, уже въ 1855 году, Тургеневъ предвидѣлъ появленіе того типа женщины, который сыгралъ такую выдающуюся роль въ возрожденіи молодой Россіи. Четыре года спустя, въ „Наканунѣ", онъ далъ въ лицѣ Елены дальнѣйшее, болѣе полное развитіе того же женскаго типа. Елена не довольствуется пустой скучной жизнью ея собственной семьи и рвется къ болѣе широкой дѣятельности.—„Быть доброю—этого мало; дѣлать добро... да; это главное въ жизни",—пишетъ она въ своемъ дневникѣ. Но кто ее окружаетъ? Шубинъ, талантливый ваятель, избалованный ребенокъ, „мотылекъ, любующійся самимъ собою"; Берсеневъ, будущій профессоръ, чисто-русская натура—превосходный человѣкъ, чрезвычайно скромный и чуждый какого либо эгоизма, но лишенный вдохновенія, страдающій отсутствіемъ энергіи и почина. Эти два поклонника Елены принадлежатъ къ лучшимъ людямъ окружающаго ее общества. Однажды Шубинъ, во время прогулки лѣтнею ночью говоритъ своему другу, Берсеневу: „Я люблю Елену, но она любитъ тебя... Пой, если умѣешь, пой еще громче; если не умѣешь—сними шляпу, закинь голову и улыбайся звѣздамъ. Онѣ всѣ на тебя смотрятъ, на одного тебя: звѣзды только и дѣлаютъ, что смотрятъ на влюбленныхъ людей". Но Берсеневъ возвращается въ свою маленькую комнатку и раскрываетъ „Исторію Гогенштауфеновъ" Румера на той самой страницѣ, на которой прервалъ чтеніе...

Но вотъ появляется Инсаровъ, болгарскій патріотъ, поглощенный одной идеей—мыслью объ освобожденіи своей родной страны; человѣкъ, выкованный изъ стали, грубоватый, разставшійся со всѣми меланхолическими философскими мечтаніями и идущій прямо впередъ, по направленію къ единственной цѣли своей жизни,—и выборъ Елены сдѣланъ. Страницы романа, изображающія пробужденіе и развитіе ея

любви, принадлежатъ къ лучшимъ, когда либо написаннымъ Тургеневымъ. Когда Инсаровъ внезапно замѣчаетъ пробудившуюся въ немъ любовь къ Еленѣ, онъ сначала рѣшаетъ уѣхать изъ подмосковной дачи, на которой происходитъ дѣйствіе, и даже совсѣмъ оставить Россію. Онъ отправляется въ домъ родителей Елены, чтобы сообщить о своемъ отъѣздѣ. Елена хочетъ взять съ него обѣщаніе повидаться съ ней завтра, до отъѣзда, но онъ такого обѣщанія не даетъ. Тогда Елена ждетъ его до полудня и, не дождавшись, идетъ сама къ нему. На пути ее захватываетъ гроза, и она заходитъ въ старую придорожную часовню. Тамъ она встрѣчается съ Инсаровымъ, и въ часовнѣ происходитъ объясненіе между застѣнчивой скромной дѣвушкой, подозрѣвающей, что Инсаровъ любитъ ее, и патріотомъ, открывающемъ въ ней силу, которая не только не помѣшаетъ ему, но удвоитъ его энергію. Объясненіе заканчивается восклицаніемъ Инсарова:—„Такъ здравствуй же, моя жена передъ людьми и передъ Богомъ“.

Въ Еленѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, типъ той русской женщины, которая, нѣсколько позже, отдавала себя вполнѣ всѣмъ освободительнымъ движеніямъ въ Россіи; женщины, которая завоевала себѣ право на образованіе, реформировала все воспитаніе дѣтей на болѣе разумныхъ началахъ, возставала ради освобожденія крестьянъ и рабочихъ, переносила, не поступясь ничѣмъ изъ своихъ убѣжденій, каторгу и ссылку въ Сибири, умирала, если нужно, на эшафотѣ и по сію пору ведетъ все также смѣло ту же борьбу. О высокомъ художественномъ достоинствѣ этой повѣсти я уже упоминалъ. Ей можно сдѣлать, въ этомъ отношеніи, только одинъ упрекъ: Инсаровъ, человѣкъ дѣйствія—не достаточно живое лицо. Но, по стройности архитектуры повѣсти и по красотѣ ея отдѣльныхъ сценъ, начиная съ первой и кончая послѣдней, „Наканунѣ“ стоитъ въ ряду лучшихъ беллетристическихъ произведеній всемірной литературы.

Слѣдующимъ произведеніемъ Тургенева была повѣсть „Отцы и Дѣти“. Она была написана въ 1859 году, когда на смѣну сантименталистамъ и „эстетикамъ“ прежняго времени, въ образованной части русскаго общества появился совершенно новый типъ—типъ нигилиста. Люди, незнакомые съ Тургеневскими произведеніями, склонны смѣшивать „ниги-

листовъ“ съ террористами, или народовольцами, принимавшими участіе въ борьбѣ съ самодержавіемъ въ 1879—1881 годахъ; но такое смѣшеніе—грубая ошибка. „Нигилизмъ“ и „терроризмъ“—два совершенно различныхъ явленія: при чемъ типъ нигилиста неизмѣримо глубже и шире террориста. Чтобы понять это, необходимо прочесть Тургеневскіе „Отцы и Дѣти“. Представителемъ этого типа является молодой докторъ, Базаровъ—„человѣкъ, который не склоняется ни предъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ не былъ окруженъ этотъ принципъ“. Вслѣдствіе этого, онъ отрицательно относится ко всѣмъ учрежденіямъ настоящаго времени и выбрасываетъ за бортъ всѣ условности и мелочныя притворства жизни обыденнаго общества. Онъ ѣдетъ навѣстить своихъ стариковъ, отца и мать, и по пути останавливается погостить въ помѣстьи своего молодого друга Аркадія, отецъ и дядя котораго оказываются типическими представителями стараго поколѣнія. Это обстоятельство даетъ Тургеневу случай, въ рядѣ мастерскихъ сценъ, иллюстрировать столкновеніе между двумя поколѣніями—между „отцами“ и „дѣтьми“. Этого рода столкновенія, отличавшіяся большой горечью, происходили въ то время по всей Россіи.

Одинъ изъ двухъ братьевъ, Николай Петровичъ,—добродушный, слегка восторженный мечтатель, увлекавшійся въ юности Шиллеромъ и Пушкинымъ, но никогда не проявлявшій особеннаго интереса къ практической дѣятельности, —живетъ въ собственномъ имѣніи лѣнивою жизнью помѣщика. Но все-же онъ не прочь показать молодымъ людямъ, что можетъ въ значительной степени сочувствовать ихъ стремленіямъ: онъ пытается читать книги матеріалистическаго содержанія, которыя читаютъ его сынъ и Базаровъ; онъ пытается даже говорить ихъ языкомъ; но все его воспитаніе, все прошлое—становятся на пути къ истинно „реалистическому“ пониманію дѣйствительнаго положенія вещей.

Старшій братъ, Павелъ Петровичъ, напротивъ, является прямымъ потомкомъ Лермонтовскаго Печорина; короче говоря, это—совершенный, хорошо воспитанный эгоистъ. Проведя юность въ высшихъ слояхъ общества, онъ даже теперь, въ глуши маленькаго имѣнія, считаетъ своей „обязанностью“

одѣваться съ чрезвычайной корректностью, какъ подобаетъ „истинному джентльмэну“, строго выполнять всѣ предписанія „общества“, защищать церковь и государство, и никогда не терять чрезвычайной сдержанности,—которая, впрочемъ, измѣняетъ ему всякій разъ, когда онъ вступаетъ съ Базаровымъ въ споръ по поводу „принсиповъ“. „Нигилистъ“ внушаетъ ему просто ненависть.

Нигилистъ, очевидно, представляетъ собою полнѣйшее отрицаніе всѣхъ „принсиповъ“ Павла Петровича. Онъ не вѣритъ въ установленныя начала церкви и государства, и съ нескрываемымъ презрѣніемъ относится ко всѣмъ установленнымъ формамъ жизни такъ называемаго „общества“. Онъ не видитъ „выполненія обязанности“ въ ношеніи чистаго воротничка и изысканнаго галстука; а когда онъ говоритъ, то совершенно откровенно высказываетъ свои мысли. Полнѣйшая искренность—не только во всемъ, что онъ говоритъ, но и въ отношеніи къ самому себѣ, — рѣшеніе вопросовъ съ точки зрѣнія здраваго смысла, безъ всякой примѣси старыхъ предразсудковъ,—таковы главныя черты его характера. Это ведетъ, само собой, къ нѣкоторой умышленно усиленной рѣзкости выраженій и столкновеніе между двумя поколѣніями по необходимости должно принять трагическій оттѣнокъ. Такъ было тогда повсемѣстно, во всей Россіи, и повѣсть Тургенева выразила тогда дѣйствительное, характерное направленіе того времени, подчеркнула его и тѣмъ самымъ, какъ было замѣчено талантливымъ русскимъ критикомъ, С. Венгеровымъ,—повѣсть и дѣйствительность взаимно воздѣйствовали другъ на друга.

„Отцы и Дѣти“ произвели громадное впечатлѣніе. На Тургенева напали со всѣхъ сторонъ: старое поколѣніе упрекало его самого въ „нигилизмѣ“; молодежь была недовольна своимъ изображеніемъ въ лицѣ Базарова. Правду сказать, за немногими исключеніями, въ числѣ которыхъ былъ великій критикъ Писаревъ, мы не поняли должнымъ образомъ Базарова. Тургеневъ такъ пріучилъ насъ къ поэтическому ореолу, которымъ онъ окружалъ своихъ героевъ, и къ нѣжной любви, которую онъ къ нимъ проявлялъ, даже когда осуждалъ ихъ, что, не найдя подобнаго отношенія съ его стороны къ Базарову, мы приняли это какъ выраженіе рѣшитель-

ной враждебности автора къ его герою. Кромѣ того, нѣкоторыя черты въ характерѣ Базарова положительно не нравились намъ. Почему такой сильный человѣкъ, какъ Базаровъ, долженъ съ такой рѣзкостью относиться къ своимъ старикамъ-родителямъ: любящей матери и отцу—бѣдному деревенскому врачу, до старости сохранившему вѣру въ науку? Почему Базаровъ долженъ влюбиться въ совершенно неинтересную, полную самообожанія, госпожу Одинцову и не можетъ заслужить даже ея любви? Затѣмъ,—въ то время какъ среди молодого поколѣнія уже начинали созрѣвать начатки великаго движенія, направленнаго вскорѣ къ освобожденію массъ, — зачѣмъ авторъ заставляетъ Базарова сказать, что онъ готовъ работать для мужика, но что если кто-нибудь скажетъ ему, что онъ „долженъ“ это дѣлать, то онъ возненавидитъ этого мужика? При чемъ Базаровъ еще прибавляетъ: „Ну, будетъ мужикъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ; — ну, а дальше?“ Мы не понимали такого отношенія Тургеневскаго нигилиста и только когда перечитали „Отцовъ и Дѣтей“, гораздо позднѣе, мы замѣтили въ словахъ Базарова, такъ не нравившихся намъ, зачатки новой реалистической философіи нравственности, которая только теперь начинаетъ складываться въ болѣе или менѣе опредѣленныя формы. Въ 1860 году, мы, молодое поколѣніе, смотрѣли на эти слова, какъ на камень, брошенный Тургеневымъ въ новый типъ, которому онъ не сочувствовалъ.

А между тѣмъ Базаровъ, какъ это сразу понялъ Писаревъ, былъ представителемъ молодого поколѣнія. Тургеневъ, какъ онъ писалъ позднѣе, только не хотѣлъ „разсыропливать“ своего героя.

„Базаровъ“—говорилъ Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — „все-таки подавляетъ всѣ остальныя лица романа. Приданныя ему качества не случайны. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое— тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до конца ногтей. А вы не находите въ немъ хорошихъ сторонъ... Дуэль съ П. П. (Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ) именно введена для нагляднаго доказательства пустоты элегантно-дворянскаго рыцарства, выставленнаго почти преувеличенно-комически; и какъ-бы онъ отказался отъ нея: вѣдь П. П. его побилъ-бы.—Базаровъ, по моему, постоянно разбиваетъ П. П., а не наоборотъ, и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать: революціонеромъ... Представить съ одной стороны взя-

точниковъ, а съ другой идеальнаго юношу — эту картинку пускай рисуютъ другіе... Я хотѣлъ бо̀льшаго... Оканчиваю слѣдующимъ замѣчаніемъ; если читатель не полюбитъ Базарова со всею его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью — если онъ его не полюбитъ, повторяю я — я виноватъ, и не достигъ своей цѣли. Но разсыропиться, говоря его словами, я не хотѣлъ,—хотя черезъ это я-бы, вѣроятно, тотчасъ имѣлъ молодыхъ людей на моей сторонѣ".

Истиннымъ ключомъ къ пониманію „Отцовъ и Дѣтей" или, вѣрнѣе сказать, къ пониманію всего, написаннаго Тургеневымъ, является, по моему мнѣнію, его превосходная лекція о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ (1860 г.). Я разъ уже упоминалъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ (въ „Запискахъ"), но повторяю здѣсь снова, такъ какъ, на мой взглядъ, эта лекція, въ болѣе значительной степени, чѣмъ какое либо другое изъ его произведеній, раскрываетъ передъ нами истинную философію великаго романиста. Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, говоритъ Тургеневъ, являются олицетвореніемъ двухъ коренныхъ противоположныхъ особенностей человѣческой природы; всѣ люди принадлежатъ болѣе или менѣе къ одному изъ этихъ двухъ типовъ. И съ удивительной силой анализа, Тургеневъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ этихъ двухъ героевъ:

„Донъ-Кихотъ,—бѣдный, почти нищій человѣкъ, безъ всякихъ средствъ и связей, старый, одинокій,—беретъ на себя исправлять зло и защищать притѣсненныхъ (совершенно ему чужихъ) на всемъ земномъ шарѣ. Что̀ нужды, что первая же его попытка освобожденія невинности отъ притѣснителя рушится двойною бѣдою на голову самой невинности... Что̀ нужды, что, думая имѣть дѣло съ вредными великанами, Донъ-Кихотъ нападаетъ на полезныя вѣтряныя мельницы... Съ Гамлетомъ ничего подобнаго случиться не можетъ: ему ли, съ его проницательнымъ, тонкимъ, скептическимъ умомъ, ему ли впасть въ такую грубую ошибку! Нѣтъ, онъ не будетъ сражаться съ вѣтряными мельницами; онъ не вѣритъ въ великановъ... но онъ бы и не напалъ на нихъ, если бы они точно существовали... Отрицаніе Гамлета сомнѣвается въ добрѣ, но во злѣ оно не сомнѣвается и вступаетъ съ нимъ въ ожесточенный бой. Въ добрѣ оно сомнѣвается, то-есть, оно заподозрѣваетъ его истину и искренность и нападаетъ на него, не какъ на добро, а какъ на поддѣльное добро, подъ личиной котораго опять-таки скрываются зло и ложь, его исконные враги... Скептицизмъ Гамлета не есть также индифферентизмъ... Но въ отрицаніи, какъ въ огнѣ, есть истребляющая сила— и какъ удержать эту силу въ границахъ, какъ указать ей, гдѣ ей именно остановиться, когда то, что она должна истребить, и то, что ей слѣдуетъ пощадить, часто слито и связано неразрывно? Вотъ гдѣ является

намъ столь часто замѣченная трагическая сторона человѣческой жизни: для дѣла нужна мысль; но мысль и воля разъединились и съ каждымъ днемъ разъединяются болѣе...

And thus the native hue of resolution
Js sicklied o'er by the pale cast of thought... *)

говоритъ намъ Шекспиръ устами Гамлета"...

Эта лекція, какъ мнѣ кажется, вполнѣ объясняетъ отношеніе Тургенева къ Базарову. Въ немъ самомъ въ значительной степени преобладали черты гамлетовскаго типа. Къ тому же типу принадлежали и его лучшіе друзья. Онъ любилъ Гамлета и въ то же время восхищался Донъ-Кихотомъ—человѣкомъ дѣйствія. Онъ чувствовалъ его превосходство; но, описывая людей этого типа, онъ никогда не могъ окружить ихъ той поэтической нѣжностью, той любовью къ больному другу, которая является такой неотразимо-привлекательной чертой всѣхъ его повѣстей, изображающихъ ту или иную разновидность гамлетовскаго типа. Онъ восхищался Базаровымъ — его рѣзкостью и его силой; Базаровъ покорилъ его, но онъ не могъ питать къ нему тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, какія имѣлъ къ людямъ своего собственнаго поколѣнія, обладавшимъ утонченнымъ изяществомъ. Да и мудрено было бы Тургеневу питать подобныя чувства къ Базарову: Базаровъ самъ былъ врагомъ „нѣжностей".

Всего этого мы не замѣтили въ то время, а потому не поняли намѣренія Тургенева — изобразить трагическое положеніе Базарова въ окружавшей его средѣ. „Я вполнѣ раздѣляю всѣ идеи Базарова, за исключеніемъ его отрицанія искусства",—писалъ онъ позднѣе. „Я любилъ Базарова: я могу доказать это вамъ моимъ дневникомъ",—сказалъ онъ мнѣ однажды въ Парижѣ. Несомнѣнно, онъ любилъ его, но лишь интеллектуальной любовью восхищающагося человѣка, совершенно отличной отъ той, полной состраданія любви, которую онъ питалъ къ Рудину и Лаврецкому. Эта разница ускользнула отъ насъ, и это было

*) Прирожденный румянецъ воли
Блекнетъ и болѣетъ, покрываясь блѣдностью мысли...
(Переводъ Тургенева).

главной причиной тѣхъ недоразумѣній, которыя принесли столько огорченій великому поэту.

Мы не будемъ останавливаться на слѣдующей повѣсти Тургенева, „Дымъ" (1867). Въ ней Тургеневъ задался, между прочимъ, цѣлью изобразить хищный типъ русской „львицы" изъ высшаго общества; этотъ типъ преслѣдовалъ его цѣлые годы, и онъ возвращался къ нему нѣсколько разъ, пока, наконецъ, не нашелъ полнаго и чрезвычайно художественнаго выраженія въ героинѣ „Вешнихъ водъ". Другой задачей „Дыма" было изображеніе въ дѣйствительномъ свѣтѣ пустоты, или, даже болѣе того,—глупости высокопоставленныхъ бюрократовъ, въ руки которыхъ попала Россія послѣ движенія шестидесятыхъ годовъ. Въ этой повѣсти звучитъ глубокое отчаяніе въ будущности Россіи послѣ гибели великаго реформаціоннаго движенія, разрушившаго крѣпостное право. Приписывать это отчаяніе, вполнѣ или даже главнымъ образомъ, тому враждебному пріему, съ какимъ были встрѣчены русской молодежью „Отцы и Дѣти"—совершенно нелѣпо; корень этого отчаянія надо искать въ разрушеніи тѣхъ надеждъ, которыя Тургеневъ и его лучшіе друзья возлагали на представителей реформаціоннаго движенія въ 1859—1863 годахъ. То же отчаяніе побудило Тургенева написать „Довольно" (1865) и фантастическій очеркъ „Призраки" (1867). Онъ освободился отъ этого тягостнаго чувства лишь тогда, когда увидѣлъ нарожденіе въ Россіи новаго движенія — „въ народъ"—начавшагося среди молодежи въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Это движеніе онъ изобразилъ въ послѣдней повѣсти, принадлежащей къ упомянутой серіи, „Новь" (1876). Несомнѣнно, что онъ ему вполнѣ сочувствовалъ; но, на вопросъ: даетъ ли его повѣсть правильное понятіе о движеніи?—придется отвѣтить до извѣстной степени отрицательно, несмотря на то что Тургеневъ, съ обычнымъ удивительнымъ чутьемъ, подмѣтилъ наиболѣе выдающіяся черты движенія. Повѣсть была закончена въ 1876 году (мы читали ее въ корректурѣ, въ домѣ П. Л. Лаврова, въ Лондонѣ, осенью того-же года), т. е. за два года до большого процесса, въ которомъ судились сто девяносто три участника

и участницы этого движенія. А въ 1876 году никто не могъ хорошо знать молодежь нашихъ кружковъ, не будучи самъ членомъ этихъ кружковъ. Вслѣдствіе этого, изображенное въ „Нови“ можетъ относиться лишь къ раннимъ фазамъ движенія. Многое въ повѣсти подмѣчено вѣрно, но ея общее впечатлѣніе далеко не точно передаетъ характеръ движенія, и вѣроятно самъ Тургеневъ, если бы онъ былъ лучше знакомъ съ русскимъ юношествомъ той эпохи, далъ бы повѣсти другую окраску.

Несмотря на весь свой громадный талантъ, Тургеневъ не могъ замѣнить догадкою фактическаго знакомства съ описываемымъ. Но онъ понялъ двѣ характерныя черты самой ранней фазы этого движенія, а именно: непониманіе агитаторами крестьянства, вѣрнѣе—характерную неспособность большинства раннихъ дѣятелей движенія понять русскаго мужика, вслѣдствіе особенностей ихъ фальшиваго литературнаго, историческаго и соціальнаго воспитанія,—и, съ другой стороны,—ихъ гамлетизмъ, отсутствіе рѣшительности, или, вѣрнѣе, „волю, блекнущую и болѣющую, покрываясь блѣдностью мысли“, которая дѣйствительно характеризовала начало движенія семидесятыхъ годовъ. Если бы Тургеневъ писалъ эту повѣсть нѣсколькими годами позже, онъ, навѣрное, отмѣтилъ бы появленіе новаго типа людей дѣйствія, т. е. новое видоизмѣненіе Базаровскаго и Инсаровскаго типа, возраставшаго по мѣрѣ того, какъ движеніе росло въ ширину и въ глубину. Онъ уже успѣлъ угадать этотъ типъ даже сквозь сухіе офиціальные отчеты о процессѣ ста-девяносто-трехъ, и въ 1878 году онъ просилъ меня разсказать ему все, что я зналъ о Мышкинѣ, который былъ одной изъ наиболѣе могучихъ личностей этого процесса.

Тургеневу не удалось воплотить въ поэтическіе образы этихъ новыхъ дѣятелей. Болѣзнь, которой никто не понималъ и которую ошибочно опредѣляли какъ подагру, тогда, какъ, въ дѣйствительности, это былъ ракъ спинного мозга, мучила Тургенева послѣдніе годы его жизни, приковывая его къ постели или къ кушеткѣ. Отъ этого періода его жизни остались только письма, блистающія умомъ, въ которыхъ переплетаются печаль и юморъ; онъ обдумывалъ нѣсколько новыхъ повѣстей, которыя остались неоконченными или же

были только планами... Онъ умеръ въ Парижѣ, 65 лѣтъ, въ 1883 году, диктуя, за нѣсколько часовъ до смерти, госпожѣ Віардо (по французски) повѣсть „Конокрадъ“.

Необходимо въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о его „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“ или „Senilia“ (1882). Это—бѣглыя замѣтки, мысли, образы, которые онъ набрасывалъ на бумагу, начиная съ 1878 года, подъ впечатлѣніемъ случайныхъ фактовъ или мелькнувшихъ воспоминаній. Хотя и написанныя въ прозѣ, эти лирическія „стихотворенія“ — образцы совершенной поэзіи; нѣкоторыя изъ нихъ—перлы высокой красоты и производятъ такое же впечатлѣніе какъ и лучшіе стихи величайшихъ поэтовъ („Старуха“, „Нищій“, „Маша“, Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“); другія изъ нихъ („Природа“, „Собака“) лучше всѣхъ другихъ художественныхъ произведеній Тургенева выражаютъ его философскіе взгляды. Наконецъ, въ одномъ изъ нихъ („На порогѣ“), написаннымъ не задолго передъ смертью, онъ выразилъ въ высоко-поэтической формѣ свое восхищеніе тѣми русскими женщинами, которыя отдали свою жизнь революціонному движенію и шли на эшафотъ, неоцѣненныя и непонимаемыя въ то время, даже тѣми, за которыхъ они отдали свою жизнь.

Толстой.

„Дѣтство“ и „Отрочество“.

Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ (1852-й годъ), какъ первая повѣсть Толстого, „Дѣтство“, за которой вскорѣ послѣдовала другая, „Отрочество“, появились въ ежемѣсячномъ журналѣ „Современникъ“, за скромною подписью „Л. Н. Т.“ Эта небольшая повѣсть имѣла громадный успѣхъ. Она отличалась такой свѣжестью, такъ свободна была отъ обычной литературной манерности, дышала такой своеобразной прелестью, что неизвѣстный авторъ сразу сдѣлался любимцемъ публики, и ему немедленно было отведено мѣсто на ряду съ Тургеневымъ и Гончаровымъ.

Во всѣхъ литературахъ имѣются прекрасныя повѣсти и разсказы, сюжетомъ которыхъ служатъ дѣтскіе годы. Дѣт-

ство — такая пора жизни, которая лучше всего удавалась многимъ авторамъ; но никому, быть можетъ, не удавалось такъ хорошо, какъ Толстому — описать внутреннюю, душевную жизнь дѣтей, съ ихъ собственной точки зрѣнія. Въ „Дѣтствѣ“, ребенокъ самъ выражаетъ свои дѣтскія чувствованія, при чемъ невольно заставляетъ читателя судить о поступкахъ взрослыхъ съ точки зрѣнія ребенка. Реализмъ „Дѣтства“ и „Отрочества“, — т. е. богатство фактовъ, являющихся результатомъ наблюденія дѣйствительной жизни — таковъ, что критикъ Писаревъ могъ развить цѣлую теорію воспитанія, основываясь, главнымъ образомъ, на данныхъ, заключающихся въ двухъ вышеупомянутыхъ повѣстяхъ Толстого.

Говорятъ, что однажды, во время прогулки, Тургеневъ и Толстой наткнулись на старую клячу, доживавшую свои дни на заброшенномъ полѣ. Толстой сразу поставилъ себя на мѣсто этой лошади и такъ живо сталъ разсказывать ея печальныя размышленія, что Тургеневъ, намекая на бывшую тогда вновѣ теорію Дарвина, невольно воскликнулъ: „Я увѣренъ, что въ числѣ вашихъ предковъ непремѣнно была лошадь!“ Въ этой способности,— совершенно отождествлять себя съ чувствами и мыслями существъ, о которыхъ онъ говоритъ, Толстой мало имѣетъ соперниковъ; но въ разсказахъ, посвященныхъ изображенію дѣтской жизни, эта его способность достигаетъ высшей степени размѣровъ: разъ онъ говоритъ о дѣтяхъ, Толстой самъ становится ребенкомъ.

„Дѣтство“ и „Отрочество“, какъ теперь извѣстно, являются, въ сущности, автобіографіей, въ которой измѣнены лишь незначительныя детали, и въ мальчикѣ Иртеньевѣ мы до извѣстной степени можемъ изучать самого Л. Н. Толстого въ дѣтскіе годы. Онъ родился въ 1828 году, въ имѣніи Ясная Поляна, пользующемся теперь всемірной извѣстностью, и въ продолженіе первыхъ пятнадцати лѣтъ жизни, онъ почти безъ перерывовъ жилъ въ деревнѣ. Его отецъ и дѣдъ, какъ указываетъ С. А. Венгеровъ, изображены въ „Войнѣ и Мирѣ“, какъ Николай Ростовъ и старый графъ Ростовъ, а его мать, рожденная княжна Волконская, изображена тамъ же, въ лицѣ Маріи Болконской. Левъ Толстой потерялъ мать, когда ему было всего два года и отца въ девяти-

лѣтнемъ возрастѣ, и его воспитаніемъ занялась въ Ясной Полянѣ дальняя родственница, Т. А. Ергольская, а послѣ 1840 года онъ переѣхалъ въ Казань, къ теткѣ, П. И. Юшковой, домъ которой, по словамъ того же критика, напоминалъ домъ Ростовыхъ, описанный въ „Войнѣ и Мирѣ“.

Льву Толстому было всего пятнадцать лѣтъ, когда онъ поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ онъ провелъ два года на факультетѣ восточныхъ языковъ и два года на юридическомъ факультетѣ. Составъ профессоровъ обоихъ факультетовъ былъ въ то время настолько неудаченъ, что лишь одинъ изъ нихъ могъ пробудить въ юношѣ нѣкоторый интересъ къ преподаваемому имъ предмету. Четыре года спустя, т. е. въ 1847 году, когда Льву Толстому было всего 19 лѣтъ, онъ оставилъ университетъ и поселился на время въ Ясной Полянѣ, занимаясь неудачными попытками улучшить бытъ своихъ крѣпостныхъ. Объ этихъ попыткахъ онъ впослѣдствіи разсказалъ съ поразительной искренностью въ повѣсти „Утро помѣщика“.

Слѣдующіе четыре года своей жизни Толстой провелъ разгульно, подобно большинству молодыхъ людей аристократическаго круга, при чемъ все время внутренно мучился сознаніемъ пустоты этой жизни. Нѣкоторое представленіе о немъ въ этотъ періодъ (конечно, въ слегка преувеличенномъ и драматизированномъ изображеніи) можно получить изъ повѣсти „Записки маркера“. Къ счастью, онъ не могъ примириться съ низменностью окружавшей его среды и въ 1851 году онъ простился съ жизнью ничѣмъ не занятого аристократическаго юнца и, по примѣру своего брата Николая, отправился на Кавказъ, съ цѣлью поступить въ военную службу. Здѣсь онъ попалъ сначала въ Пятигорскъ—городъ, полный воспоминаніями о Лермонтовѣ,--и, выдержавъ соотвѣтствующій экзаменъ, поступилъ юнкеромъ въ артиллерійскую бригаду, при чемъ одно время ему пришлось жить въ казачьей деревнѣ на берегу Терека.

Его впечатлѣнія и размышленія, вызванныя новой обстановкой, и его любовь къ дѣвушкѣ-казачкѣ, извѣстны намъ по его повѣсти „Казаки“. На Кавказѣ, на лонѣ чудной природы, такъ могущественно вдохновлявшей Пушкина и Лермонтова, Толстой нашелъ свое истинное призваніе. Онъ

послалъ въ „Современникъ“ свой первый литературный опытъ „Дѣтство“, и этотъ опытъ, какъ Толстой вскорѣ узналъ, по письму поэта Некрасова, бывшаго редакторомъ журнала, и по критическимъ отзывамъ Григорьева, Анненкова, Дружинина и Чернышевскаго (принадлежавшихъ къ четыремъ различнымъ эстетическимъ школамъ), оказался превосходнымъ литературнымъ произведеніемъ.

Во время и послѣ Крымской войны.

Къ концу слѣдующаго (1853) года началась великая Крымская война, и Л. Н. Толстой не пожелалъ оставаться бездѣятельнымъ въ Кавказской арміи. Онъ перевелся въ Дунайскую армію, принялъ участіе въ осадѣ Силистріи, и позже — въ битвѣ при Балаклавѣ; а съ ноября 1854 года до августа 1855-го находился въ осажденномъ Севастополѣ,—нѣкоторое время на страшномъ Четвертомъ бастіонѣ, гдѣ ему пришлось пережить всѣ ужасы геройской защиты крѣпости. Толстой имѣетъ, поэтому, право говорить о войнѣ: онъ знаетъ, о чемъ говоритъ. Онъ знакомъ съ ней, и притомъ въ такихъ, наиболѣе привлекательныхъ и многозначительныхъ, ея проявленіяхъ, какъ защита этихъ фортовъ и бастіоновъ, выроставшихъ подъ ядрами враговъ. Во время этой осады онъ рѣшительно отказался отъ перевода въ штабъ и оставался при своей батареѣ, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ.

Я очень живо вспоминаю, хотя мнѣ въ то время было не болѣе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, то глубокое впечатлѣніе, которое его очеркъ, „Севастополь въ декабрѣ 1854 года“ и позднѣйшихъ два очерка, появившихся послѣ паденія крѣпости, произвели въ Россіи. Самый характеръ этихъ очерковъ отличался оригинальностью. Это не были листки изъ дневника, а вмѣстѣ съ тѣмъ они отличались всей реальностью подобнаго дневника; фактически, они были даже болѣе вѣрны, такъ какъ изображали не одинъ какой-либо уголокъ реальной жизни, случайно попавшій подъ наблюденіе автора, а всю жизнь, весь образъ мыслей и привычекъ, господствующихъ въ осажденной крѣпости. Они являлись — и это характерно для всѣхъ послѣдующихъ по-

этическихъ произведеній Толстого—сплетеніемъ Dichtung и Wahrheit, поэзіи и правды, правды и поэзіи, при чемъ заключали въ себѣ болѣе правды чѣмъ обыкновенно находится въ повѣсти, и болѣе поэзіи, болѣе поэтическаго творчества, чѣмъ въ большинствѣ работъ, создаваемыхъ исключительно воображеніемъ.

Толстой, кажется, никогда не писалъ стихами; но, во время осады Севастополя, онъ написалъ, обычнымъ размѣромъ и языкомъ солдатскихъ пѣсенъ, сатирическую пѣсню, въ которой осмѣивалъ ошибки командировъ, поведшія къ разгрому подъ Балаклавой. Пѣсня, написанная въ народномъ стилѣ, не могла, конечно, быть напечатана, но она разошлась по Россіи въ тысячахъ списковъ, и ее распѣвали вездѣ, какъ во время самой кампаніи, такъ и послѣ нея. Имя автора вскорѣ тоже сдѣлалось извѣстно; не знали только, былъ ли это авторъ севастопольскихъ очерковъ, или какой нибудь другой Толстой.

По возвращеніи изъ Севастополя и по заключеніи мира (1856), Толстой жилъ временами въ Петербургѣ и временами въ Ясной Полянѣ. Въ столицѣ онъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями всѣми классами общества, и литературнаго и свѣтскаго, какъ севастопольскій герой и будущій великій писатель. О жизни, какую онъ велъ въ то время, Толстой не можетъ теперь говорить безъ отвращенія: это была обычная жизнь молодыхъ людей изъ „общества"— гвардейскихъ офицеровъ и jeunesse dorée, — проводимая въ ресторанахъ и кафе-шантанахъ русской столицы, среди игроковъ, спортсмэновъ, цыганскихъ хоровъ и французскихъ авантюристокъ. Одно время онъ сблизился съ Тургеневымъ и часто видался съ нимъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Ясной Полянѣ (имѣнія обоихъ великихъ писателей были расположены недалеко одно отъ другого); но хотя его другъ, Тургеневъ, принималъ въ то время дѣятельное участіе въ издававшейся Герценомъ знаменитой революціонной газетѣ „Колоколъ" (см. гл. VIII), Толстой, не только не интересовался этимъ, но даже относился свысока къ этой дѣятельности Тургенева. Будучи хорошо знакомъ съ редакторами знаменитаго тогда журнала „Современникъ", ведшаго блистательную кампанію противъ крѣпостного права

и за свободу вообще, Толстой, по той или иной причинѣ, никогда не вошелъ въ дружескія сношенія съ радикальными вождями этого журнала—Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Михайловымъ и ихъ друзьями.

Вообще, великое интеллектуальное и реформаціонное движеніе, которое шло тогда въ Россіи, не увлекло Толстого за собой. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ партіи реформъ. Еще менѣе того былъ онъ склоненъ присоединиться къ тѣмъ молодымъ нигилистамъ, которыхъ Тургеневъ изображалъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ", или, позднѣе, въ 70-хъ годахъ, къ юношеству, котораго девизомъ было „сліяніе съ народомъ" и съ которымъ у Толстого столько общаго въ настоящее время *). Трудно опредѣлить причины этого отчужденія. Была ли главной причиной та глубокая пропасть, которая отдѣляла молодого эпикурейца-аристократа, влюбленнаго въ „Comme il faut", отъ ультра-демократическихъ писателей, подобныхъ Добролюбову, работавшихъ надъ распространеніемъ соціалистическихъ и демократическихъ идей въ Россіи, и еще болѣе отъ людей, подобныхъ Рахметову, въ романѣ Чернышевскаго „Что дѣлать?", жившихъ жизнью крестьянина и такимъ образомъ практиковавшихъ въ дѣйствительности то, что Толстой началъ проповѣдывать двадцатью годами позднѣе? Или причиной этого была разница между двумя поколѣніями: тридцатилѣтнимъ человѣкомъ, какимъ былъ Толстой, и юношами, исполненными горделивой нетерпимостью юности, мѣшавшею имъ сойтись? Не слѣдуетъ ли также прибавить ко всему этому и теоретическія разногласія? А именно, фундаментальную разницу въ убѣжденіяхъ передовыхъ русскихъ радикаловъ, являвшихся въ то время въ большинствѣ случаевъ поклонниками правительственнаго якобинства,—и убѣжденіяхъ народника, относившагося отрицательно къ правительству,—народника, какимъ Толстой, вѣроятно, былъ уже въ то время, судя по его отрицательному отношенію къ западно-европейской цивилизаціи и его педагогическимъ работамъ, начатымъ въ 1861 году въ Ясно-Полянской школѣ?

Повѣсти, напечатанныя Толстымъ въ эти годы (1856—

*) Писано было въ 1900-мъ году.

1862), не характеризуютъ его тогдашняго умственнаго состоянія, такъ какъ, несмотря на ихъ автобіографическій характеръ, онѣ, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ болѣе раннему періоду его жизни. Къ этому же времени относятся два другихъ военныхъ очерка изъ севастопольской эпохи. Вся сила его наблюдательности, удивительное знаніе психологіи войны, его глубокое пониманіе русскаго солдата,— въ особенности скромнаго простого героя, который на дѣлѣ выигрываетъ сраженія—и полное уразумѣніе того внутренняго духа арміи, отъ котораго зависитъ успѣхъ или пораженіе,—словомъ, всѣ тѣ качества, которыя развились въ такую красоту и правдивость картинъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, проявились уже и въ этихъ очеркахъ, которые несомнѣнно являются огромнымъ шагомъ впередъ во всемірной военной литературѣ.

„Юность“: Въ поискахъ за идеаломъ.

„Юность“, „Утро помѣщика“ и „Люцернъ“ появились въ продолженіе тѣхъ же лѣтъ, но они произвели какъ на насъ, читателей, такъ и на литературныхъ критиковъ, странное и скорѣе неблагопріятное впечатлѣніе. Чувствовалось, что предъ нами—великій писатель; видно было, что талантъ его растетъ; задачи жизни, которыхъ онъ касался въ своихъ произведеніяхъ, несомнѣнно расширялись и углублялись; но герои, выражавшіе мысли самого автора, не могли завоевать нашихъ симпатій. Въ „Дѣтствѣ“ и „Отрочествѣ“ передъ нами былъ мальчикъ Иртеньевъ. Теперь, въ „Юности“, Иртеньевъ знакомится съ княземъ Нехлюдовымъ. Между ними завязывается тѣсная дружба и они даютъ обѣщаніе сообщать другъ другу, не скрывая ничего, о своихъ дурныхъ поступкахъ. Конечно, они не всегда въ силахъ сдержать обѣщаніе; но оно ведетъ ихъ къ постоянному самоанализу, къ быстро забываемому раскаянію и къ неизбѣжной двойственности ума, имѣющей самое разрушающее вліяніе на характеръ обоихъ молодыхъ людей. Толстой не скрылъ, впрочемъ, въ своей повѣсти, печальныхъ результатовъ этихъ моральныхъ потугъ. Онъ нарисовалъ ихъ съ полною искренностью, а между тѣмъ онъ, повидимому, выставлялъ такого

рода безплодныя усилія, какъ нѣчто желательное. Съ этимъ мы, конечно, не могли согласиться.

Юность, несомнѣнно, является тѣмъ возрастомъ, когда въ умѣ начинаютъ пробуждаться стремленія къ высшимъ идеаламъ; это—годы, когда человѣкъ стремится освободиться отъ недостатковъ отроческаго возраста; но достигнуть этой цѣли нельзя, если слѣдовать путямъ, рекомендуемымъ въ монастыряхъ и въ іезуитскихъ школахъ. Единственный правильный путь, это—открыть передъ юнымъ умомъ новые, широкіе горизонты; освободить его отъ предразсудковъ и ложныхъ страховъ; указать мѣсто человѣка въ природѣ и человѣчествѣ, и, въ особенности, отождествить себя съ какимъ нибудь великимъ дѣломъ, и развивать свои силы, имѣя въ виду борьбу за это великое дѣло. Идеализмъ—т. е., способность почувствовать поэтическую любовь къ чему нибудь великому и готовиться къ нему—единственная охрана отъ всего того, что подтачиваетъ жизненныя силы человѣка отъ порока, разврата и т. д. Такое вдохновеніе, такую любовь къ идеалу, русское юношество обыкновенно находило въ студенческихъ кружкахъ, которые такъ горячо отстаивалъ Тургеневъ. Иртеньевъ же и Нехлюдовъ, продолжая оставаться во время университетскихъ лѣтъ въ своей блестящей аристократической изолированности, не могутъ создать себѣ высшаго идеала жизни, и тратятъ свои силы въ безплодныхъ попыткахъ полу-религіознаго нравственнаго самосовершенствованія, состоящаго въ скоропроходящемъ самоупреканіи и скорозабываемомъ самоуниженіи, и вообще построеннаго по плану, который, можетъ быть, и увѣнчается успѣхомъ въ монастырскомъ уединеніи, но совершенно невыполнимъ среди соблазновъ, окружающихъ молодого человѣка изъ общества. Надо сказать, что Толстой разсказываетъ о неудачахъ, постигшихъ молодыхъ людей, по обыкновенію, съ полной искренностью,

„Утро помѣщика“ также произвело въ свое время странное впечатлѣніе. Въ повѣсти разсказывается о неудачныхъ филантропическихъ попыткахъ помѣщика, который пытается сдѣлать своихъ крѣпостныхъ богаче и счастливѣе, не задумываясь, однако, надъ тѣмъ, что первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно бы быть освобожденіе крѣпостныхъ. Въ

тѣ года освобожденія крестьянъ и восторженныхъ надеждъ, подобная повѣсть явилась анахронизмомъ, тѣмъ болѣе, что во время ея появленія читающей публикѣ не было извѣстно, что это—лишь страничка изъ ранней автобіографіи Толстого, относящаяся къ 1847 году, когда онъ, оставивъ университетъ, поселился въ Ясной Полянѣ и когда очень немногіе думали объ освобожденіи крестьянъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ очерковъ, о которыхъ Брандесъ такъ справедливо замѣтилъ, что въ нихъ Толстой „думаетъ вслухъ" о какой нибудь страницѣ собственной жизни. Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, повѣсть произвела какое то неопредѣленное впечатлѣніе. И все же въ ней нельзя было не любоваться тѣмъ же великимъ объективнымъ талантомъ, который проявился уже съ такой силой въ „Дѣтствѣ" и „Севастопольскихъ разсказахъ". Разсказывая о крестьянахъ, съ большимъ подозрѣніемъ относившихся къ благодѣяніямъ, которыми собирался осыпать ихъ помѣщикъ, было бы легко и вполнѣ естественно для образованнаго человѣка объяснить невѣжествомъ крестьянъ ихъ нежеланіе принять вѣялку (которая, кстати сказать, не работала), или отказъ одного крестьянина, принять въ видѣ подарка каменный домъ (находящійся вдалекѣ отъ деревни)... Но въ повѣсти Толстого нѣтъ и тѣни подобнаго оправданія помѣщика, и мыслящій читатель можетъ только похвалить здравый смыслъ крестьянъ.

Вслѣдъ за тѣмъ появился разсказъ „Люцернъ". Въ немъ мы узнаемъ, какъ тотъ же Нехлюдовъ,—глубоко огорченный безсердечіемъ группы англійскихъ туристовъ, которые сидѣли на балконѣ богатаго швейцарскаго отеля и отказали бросить нѣсколько копеекъ бѣдному уличному пѣвцу, къ пѣснямъ котораго они прислушивались съ видимымъ удовольствіемъ,—приводитъ этого пѣвца въ отель, приглашаетъ его въ обѣденное зало, къ великому скандалу посѣтителей-англичанъ, и угощаетъ его тамъ шампанскимъ. Чувства Нехлюдова вполнѣ справедливы, но, читая повѣсть, страдаешь за бѣднаго музыканта и испытываешь чувство негодованія противъ русскаго дворянина, который пользуется музыкантомъ въ качествѣ розги для наказанія туристовъ,—совершенно не замѣчая при этомъ, какъ страдаетъ бѣдный музыкантъ во время этого нагляднаго урока морали. Хуже всего, что самъ

авторъ, повидимому, не замѣчаетъ фальши, сквозящей въ поведеніи Нехлюдова и не хочетъ понять, что дѣйствительно добрый человѣкъ, на мѣстѣ Нехлюдова, пригласилъ бы музыканта въ какой нибудь маленькій кабачекъ, и тамъ поговорилъ бы съ нимъ по душѣ за бутылкой простого вина. И все же громадный талантъ Толстого блеститъ и въ этой повѣсти. Онъ съ такой честностью, такъ правдиво описываетъ неловкость пѣвца во время всей сцены, что читатель невольно приходитъ къ заключенію, что если молодой аристократъ и правъ, протестуя противъ сердечной огрубѣлости туристовъ, его поведеніе, въ данномъ случаѣ, вызываетъ такъ же мало симпатій, какъ и поведеніе самодовольныхъ англичанъ въ отелѣ. Художественная мощь Толстого попираетъ его собственныя теоріи.

То же замѣчаніе относится и къ другимъ произведеніямъ Толстого. Его оцѣнка того или другого дѣйствія его героевъ можетъ быть ложной; исповѣдываемая имъ „философія“ можетъ вызывать возраженія; но сила его описательнаго таланта и его литературная честность настолько велики, что чувства и дѣйствія его героевъ часто говорятъ вопреки намѣреніямъ ихъ творца и доказываютъ нѣчто совершенно противоположное тому, что онъ хотѣлъ доказать *). Вѣроятно, вслѣдствіе этого Тургеневъ и, по всѣмъ видимостямъ, другіе литературные друзья Толстого, говорили ему: „не впутывай ты своей „философіи“ въ искусство. Довѣряйся своему художественному чутью, и ты создашь великія произведенія“. Дѣйствительно, несмотря на недовѣріе Толстого къ наукѣ, я долженъ сказать, что при чтеніи его произведеній, всегда чувствую, что онъ обладаетъ наиболѣе **научнымъ** взглядомъ на вещи, какой мнѣ приходилось встрѣчать среди художниковъ. Онъ можетъ ошибаться въ заключеніяхъ, но онъ всегда безошибоченъ въ изложеніи данныхъ. Истинную науку и

---

*) Это замѣтило большинство русскихъ критиковъ. Говоря о „Войнѣ и Мирѣ“, Писаревъ (Сочиненія, томъ VI, стр. 420) уже замѣтилъ, что созданные Толстымъ образы живутъ независимо отъ намѣреній автора; они вступаютъ въ прямыя сношенія съ читателями, говорятъ сами за себя, и неизбѣжно приводятъ читателя къ такимъ мыслямъ и взглядамъ, какихъ авторъ никогда не имѣлъ въ виду и съ которыми, по всей вѣроятности, не согласился бы.

истинное искусство нельзя противополагать другъ другу: они всегда находятся въ согласіи.

Мелкіе разсказы.—„Казаки“.

Нѣсколько разсказовъ и повѣстей Толстого появились въ промежуткѣ 1857—1862 г.г. („Мятель“, „Два гусара“, „Три смерти“, „Казаки“), и каждый изъ нихъ вызывалъ новое восхищеніе его талантомъ. Первый изъ указанныхъ нами разсказовъ, несмотря на незначительность содержанія, является перломъ искусства: въ немъ разсказывается о блужданіяхъ путника, застигнутаго мятелью. То же можно сказать по справедливости о „Двухъ гусарахъ“; въ этомъ разсказѣ, на пространствѣ немногихъ страницъ, съ удивительной точностью очерчены два поколѣнія. Что же касается до глубоко пантеистическаго разсказа „Три смерти“, въ которомъ изображены смерть богатой помѣщицы, смерть бѣднаго ямщика и смерть березы, то это—поэма въ прозѣ, заслуживающая быть поставленной на ряду съ лучшими образцами пантеистической поэзіи Гёте. Въ то же время, по своему соціальному значенію, этотъ разсказъ является предшественникомъ произведеній Толстого позднѣйшей эпохи.

„Казаки“ —автобіографическая повѣсть и относится ко времени, о которомъ мы упоминали выше, когда 24-хлѣтній Толстой, убѣгая отъ пустоты жизни, которую онъ велъ въ Петербургѣ, попалъ въ Пятигорскъ, а потомъ въ заброшенную казачью станицу на берегу Терека, охотился тамъ въ компаніи со старымъ казакомъ Ерошкой и съ молодымъ Лукашкой и гдѣ, среди поэтическаго наслажденія чудной природой, среди простоты жизни этихъ дѣтей природы и нѣмого обожанія молодой казачки, пробудился его удивительный литературный геній.

Появленіе этой повѣсти, въ которой каждый чувствуетъ слѣды геніальнаго таланта, вызвало ожесточенные споры. Повѣсть была начата въ 1852 году, но напечатана лишь въ 1860 году, когда вся Россія съ нетерпѣніемъ ожидала результатовъ работы комитетовъ по освобожденію крестьянъ, предвидя, что съ паденіемъ крѣпостного права, начнется полное разрушеніе всѣхъ другихъ, сгнившихъ, устарѣвшихъ,

варварскихъ учрежденій прошлаго. Россія искала тогда въ западной цивилизаціи вдохновенія и примѣра для великой реформаціонной работы. И въ это время появляется молодой писатель, который, вслѣдъ за Руссо, возмущается противъ цивилизаціи, проповѣдуетъ возвращеніе къ природѣ, и зоветъ насъ сбросить съ себя искусственный покровъ, который мы зовемъ цивилизованной жизнью, но который является плохой замѣной счастья, даваемаго свободнымъ трудомъ на лонѣ свободной природы. Всѣмъ извѣстна основная идея „Казаковъ": контрастъ между естественной жизнью этихъ сыновъ степей и искусственной жизнью молодого офицера, случайно попавшаго въ ихъ среду.

Толстой рисуетъ здѣсь сильныхъ людей, похожихъ на американскихъ скваттеровъ, которые развились въ степяхъ, у подножія Кавказскихъ горъ, и жизнь которыхъ полна опасностей, — при чемъ въ этой жизни физическая сила, выносливость и холодное мужество являются необходимостью. Въ ихъ среду попадаетъ одинъ изъ болѣзненныхъ продуктовъ нашей полуинтеллектуальной городской жизни, при чемъ ему, на каждомъ шагу, приходится чувствовать превосходство надъ нимъ казака Лукашки. Онъ хочетъ совершить что нибудь великое, но для этого у него не хватаетъ ни умственныхъ, ни физическихъ силъ. Даже его любовь не имѣетъ ничего общаго съ здоровой сильной любовью человѣка, выросшаго въ степяхъ; это—просто лишь слабое возбужденіе нервовъ, которое, очевидно, не можетъ продолжаться долго и которое вызываетъ только родъ безпокойства въ дѣвушкѣ-казачкѣ, но лично не можетъ увлечь ея. И когда онъ говоритъ ей о любви, въ силу которой онъ, впрочемъ, и самъ не вѣритъ, она отталкиваетъ его со словами: „отстань ты отъ меня, постылый".

Нѣкоторые увидѣли въ этой замѣчательной повѣсти такое же „восхваленіе полудикаго образа жизни", въ какомъ обвиняли (нелѣпо обвиняли) писателей XVIII-го вѣка и въ особенности Руссо. Въ дѣйствительности Толстой далекъ отъ такого восхваленія, какъ, впрочемъ, далекъ былъ отъ него и Руссо. Но Толстой видѣлъ въ жизни казаковъ обиліе жизненности, энергіи и силы, какихъ онъ не находилъ въ жизни его благорожденнаго героя,—и онъ разсказалъ

объ этомъ въ прекрасной, производящей впечатлѣніе, формѣ. Его герой,—а такихъ найдется безчисленное множество,—не обладаетъ ни тѣми силами, которыя даетъ физическій трудъ въ борьбѣ съ природой, ни тѣми силами, которыя могла бы дать ему наука и истинная образованность. Дѣйствительная умственная сила не спрашиваетъ себя каждую минуту: „правъ я или нѣтъ?“. Такая сила чувствуетъ, что у нея есть извѣстныя начала, въ которыхъ она не можетъ быть неправою. То же, по справедливости, можно сказать и о нравственной силѣ: она знаетъ, что до такой-то степени она можетъ довѣрять самой себѣ. Но, подобно тысячамъ людей, принадлежащимъ къ такъ называемымъ образованнымъ классамъ, Нехлюдовъ не обладаетъ ни одною изъ этихъ силъ. Онъ слабосильное существо, и Толстой указалъ на его умственную и нравственную хрупкость съ такой ясностью, что она должна была произвести глубокое впечатлѣніе.

Педагогическіе труды.

Въ 1859—1862 годахъ по всей Россіи шла ожесточенная борьба между „отцами“ и „дѣтьми“, вызывая нападки противъ молодого поколѣнія даже со стороны такихъ „объективныхъ“ писателей, какъ Гончаровъ, не говоря уже о Писемскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Но намъ неизвѣстно, на чьей сторонѣ лежали въ данномъ случаѣ симпатіи Толстого. Надо, впрочемъ, сказать, что часть этого времени онъ провелъ за границей со старшимъ братомъ Николаемъ, умершимъ на югѣ Франціи *). Намъ извѣстно, что неспособность западно-европейской цивилизаціи дать благосостояніе и равенство народнымъ массамъ, произвела на Толстого глубокое впечатлѣніе. По словамъ Венгерова, во время своего путешествія за границей, Толстой посѣтилъ лишь Ауэрбаха, автора Шварцвальдскихъ разсказовъ изъ крестьянской жизни, издававшаго въ то время

*) Толстой уѣхалъ съ братомъ Николаемъ въ іюлѣ 1860 года, а Николай умеръ въ сентябрѣ того же года. Возвратился Левъ Толстой весной 1861 года. Подробнѣе объ этомъ періодѣ жизни смотри у Фета, „Воспоминанія“ (т. I стр. 328—369). *Прим. пер.*

календари для народа, и Прудона, жившаго тогда въ изгнанiи въ Брюсселѣ. Толстой возвратился въ Россiю тотчасъ послѣ освобожденiя крестьянъ, принялъ мѣсто мирового посредника, и, поселившись въ Ясной Полянѣ, занялся вопросомъ школьнаго образованiя крестьянскихъ дѣтей. Къ вопросу этому онъ подошелъ совершенно независимымъ путемъ, руководясь чисто-анархическими принципами, вполнѣ свободными отъ тѣхъ искусственныхъ методовъ образованiя, которые были выработаны нѣмецкими педагогами и вызывали тогда общее восхищенiе въ Россiи. Въ его школѣ вовсе не было такъ называемой дисциплины. Вмѣсто выработки программъ для обученiя дѣтей, учитель, по мнѣнiю Толстого, долженъ узнать отъ самихъ дѣтей чему они хотятъ учиться, и долженъ сообразовать свое преподаванiе съ индивидуальными вкусами и способностями каждаго ребенка. Такая метода прилагалась въ школѣ Толстого и принесла замѣчательные результаты. Но на нее, къ сожалѣнiю, до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманiя, и лишь одинъ великiй писатель—другой поэтъ, Вилльямъ Моррисъ—защищалъ въ „Новости неизвѣстно откуда" (Newstrom Nowhere) такую же свободу въ образованiи. Но мы увѣрены, что когда-нибудь статьи Толстого о Ясно-Полянской школѣ, изученныя какимъ-либо талантливымъ педагогомъ, такъ же, какъ „Эмиль" Руссо изучался Фребелемъ, послужатъ исходнымъ пунктомъ для реформы въ образованiи, болѣе глубокой, чѣмъ реформы Песталоцци и Фребеля.

Въ настоящее время извѣстно, что педагогическiе опыты Толстого были прiостановлены насильственнымъ путемъ русскимъ правительствомъ. Во время отсутствiя Толстого изъ имѣнiя, въ его домѣ былъ произведенъ жандармами обыскъ, при чемъ жандармы не только перепугали на-смерть старую тетку Толстого (тяжело заболѣвшую послѣ этого), но обшарили каждый уголокъ въ домѣ и читали вслухъ, съ циническими замѣчанiями, интимный дневникъ, который великiй писатель велъ съ юности. Ему угрожали другимъ обыскомъ, такъ что Толстой намѣревался эмигрировать навсегда въ Лондонъ и предупредилъ Александра II чрезъ графиню А. А. Толстую, что онъ держитъ при себѣ заряженный револьверъ и застрѣлитъ перваго же полицейскаго чиновника, ко-

торый осмѣлится войти въ его домъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, Ясно-Полянскую школу пришлось закрыть.

„Война и Миръ“.

Въ 1862 году Толстой женился на дочери московскаго врача Берса и, живя почти безвыѣздно въ своемъ Тульскомъ имѣніи въ теченіе пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, создалъ въ это время два своихъ великихъ произведенія: „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“. Сначала онъ хотѣлъ написать (пользуясь нѣкоторыми семейными преданіями и документами) большой историческій романъ, „Декабристы“, и закончилъ въ 1863 году первыя главы этого романа (см. томъ III его сочиненій, по-русски; Москва. 10-ое изданіе). Но пытаясь возсоздать типъ декабристовъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ обратить вниманіе на великую войну 1812 года. О ней было столько семейныхъ преданій въ семьяхъ Толстыхъ и Волконскихъ, и эта кампанія имѣла столько общаго съ Крымской войной, извѣстной Толстому по личному опыту, что его мысли все болѣе и болѣе были заняты этимъ сюжетомъ, и онъ, наконецъ, создалъ великую эпопею, „Война и Миръ“, не имѣющую равной себѣ во всемірной литературѣ.

Цѣлая эпоха, съ 1805 по 1812 годъ, возсоздана въ этой эпопеѣ, при чемъ она разсматривается не съ условной исторической точки зрѣнія, а такъ, какъ она понималась людьми, жившими и дѣйствовавшими въ то время. Все общество того времени проходитъ предъ читателемъ, начиная съ его высшихъ сферъ, съ ихъ возмутительнымъ легкомысліемъ, рутиннымъ образомъ мышленія и поверхностностью, и кончая простымъ солдатомъ арміи, перенесшимъ тягость этого страшнаго столкновенія, какъ нѣчто въ родѣ испытанія, ниспосланнаго высшими силами на русскихъ, и забывавшимъ о себѣ и своихъ страданіяхъ ради страданій всего народа. Модная петербургская гостиная — салонъ дамы, состоящей членомъ интимнаго кружка вдовствующей императрицы; русскіе дипломаты въ Австріи и австрійскій дворъ; безпечальная жизнь семьи Ростовыхъ въ Москвѣ и въ имѣніи; суровый домъ стараго генерала, князя

Болконскаго; вслѣдъ за тѣмъ лагерная жизнь русскаго генеральнаго штаба и Наполеона съ одной стороны, а съ другой — внутренняя жизнь простого гусарскаго полка или полевой батареи; картины такихъ міровыхъ битвъ, какъ Шёнграбенъ; пораженіе подъ Аустерлицемъ, Смоленскъ и Бородино; оставленіе и пожаръ Москвы; жизнь русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время пожара и казнимыхъ кучками; и, наконецъ, ужасы отступленія Наполеона изъ Москвы и партизанской войны — все это огромное разнообразіе сценъ, великихъ и малыхъ эпизодовъ, переплетенныхъ между собою романомъ глубочайшаго интереса, раскрывается предъ нами на страницахъ этой эпопеи великаго столкновенія Россіи съ Западной Европой.

Мы знакомимся болѣе чѣмъ съ сотнею различныхъ лицъ, и каждое изъ нихъ такъ хорошо обрисовано, человѣческая физіономія каждаго изъ нихъ такъ опредѣленна, что каждое носитъ черты собственной индивидуальности, выдѣляющей его среди десятковъ другихъ дѣятелей той же великой драмы. Читателю трудно забыть даже наименѣе значительныя изъ этихъ фигуръ, будетъ ли это министръ Александра I-го, или денщикъ кавалерійскаго офицера. Болѣе того, даже безъименные солдаты различныхъ родовъ оружія — пѣхотинецъ, гусаръ или артиллеристъ — обладаютъ собственными физіономіями; даже различныя лошади Ростова или Денисова выступаютъ со своими индивидуальными чертами. Когда вы вспомните о массѣ человѣческихъ характеровъ, проходящихъ предъ вами на этихъ страницахъ, у васъ остается впечатлѣніе огромной толпы, историческихъ событій, которыя вы сами пережили, вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ, пробужденнымъ несчастіемъ. При этомъ, впечатлѣніе, оставшееся въ васъ отъ человѣческихъ существъ, изображенныхъ въ романѣ, которыхъ вы успѣли полюбить, страданіямъ которыхъ вы сочувствовали, или которыя сами причиняли страданія другимъ (какъ, напримѣръ, старая графиня Ростова въ ея отношеніяхъ къ Соничкѣ) — впечатлѣніе, оставленное въ васъ этими лицами, когда они выступаютъ въ вашей памяти изъ толпы лицъ романа, окрашиваетъ эту толпу той же иллюзіей дѣйствительности, какую мелкія детали даютъ личности отдѣльнаго героя.

Главною трудностью въ исторической повѣсти является не столько изображеніе второстепенныхъ фигуръ, какъ обрисовка крупныхъ историческихъ лицъ, — главныхъ актеровъ исторической драмы; ихъ такъ трудно обрисовать такъ, чтобы они являлись дѣйствительно живыми существами. Но именно здѣсь литературный геній Толстого выказался съ особенной яркостью. Его Багратіонъ, его Александръ I, его Наполеонъ и Кутузовъ — живые люди, изображенные столь реально, что читатель видитъ ихъ передъ собою и подвергается искушенію взять кисть и писать ихъ, или же подражать ихъ движеніямъ и манерѣ разговора.

„Философія войны", которую Толстой развилъ въ „Войнѣ и Мирѣ", вызвала, какъ извѣстно, ожесточенные споры и не менѣе ожесточенную критику, а между тѣмъ нельзя не признать справедливости его взглядовъ. Въ сущности, они признаются всѣми тѣми, кто самъ знакомъ съ внутренней стороной войны, или кому пришлось вообще наблюдать дѣятельность массъ. Конечно, люди, знакомые съ войной лишь по газетнымъ отчетамъ, въ особенности такіе офицеры, которые любятъ „составленные" отчеты о битвахъ, изображающіе битву такъ, какъ имъ бы хотѣлось, при чемъ имъ, конечно, отводится видная роль, — такіе „знатоки" военнаго дѣла не могутъ примириться со взглядами Толстого на дѣятельность „героевъ"; но достаточно прочесть хотя бы частныя письма Мольтке и Бисмарка во время войны 1870—1871 года, или простое честное описаніе какого-либо историческаго событія, изрѣдка встрѣчающееся въ литературѣ, чтобы понять взгляды Толстого на войну и согласиться съ его воззрѣніемъ на незначительность той роли, которую играютъ „герои" въ историческихъ событіяхъ. Толстой вовсе не выдумалъ артиллерійскаго офицера Тимохина, забытаго начальствомъ въ центрѣ Шёнграбенской позиціи, при чемъ, разумно и энергично распоряжаясь въ теченіе цѣлаго дня своими четырьмя орудіями, онъ успѣваетъ предупредить разгромъ русскаго арьергарда. Толстой встрѣчалъ такихъ Тимохиныхъ въ Севастополѣ. Они являются дѣйствительной жизненной силой каждой арміи, и успѣхъ арміи въ несравненно бо̀льшей степени зависитъ отъ количества Тимохиныхъ, находящихся въ ея рядахъ, чѣмъ отъ генія ея глав-

нокомандующихъ. Въ этомъ согласны Толстой и Мольтке, и въ этомъ они расходятся съ „военными корреспондентами“ и господами историками изъ генеральныхъ штабовъ всѣхъ армій.

Писателю, не обладающему геніемъ Толстого, едва-ли удалось бы представить подобный тезисъ убѣдительно для читателя; но читая „Войну и Миръ“, невольно приходишь къ подобному заключенію. Кутузовъ Толстого рисуется такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, т. е. обыкновеннымъ человѣкомъ; но онъ великъ уже потому, что предвидя, какъ неизбѣжно и почти фатально складываются обстоятельства, онъ не пытается „управлять“ ими, а употребляетъ всѣ усилія на то, чтобы утилизировать жизненныя силы арміи, съ тѣмъ, чтобы избѣжать еще болѣе тяжелыхъ и непоправимыхъ потерь и разгрома.

Едва-ли нужно напоминать, что „Война и Миръ“ является могучимъ протестомъ противъ войны. Вліяніе, оказанное великимъ писателемъ въ этомъ отношеніи на его современниковъ, можно было уже наблюдать въ Россіи. Во время русско-турецкой войны 1877—78 годовъ, въ Россіи уже нельзя было найти корреспондента, который описывалъ бы событія въ прежнемъ кроваво-патріотическомъ стилѣ. Фразы въ родѣ того, что „враги узнали силу нашихъ штыковъ“, или „мы перестрѣляли ихъ какъ зайцевъ“, до сихъ поръ остающіяся въ ходу въ Англіи, вышли у насъ изъ употребленія. Если бы въ письмѣ какого нибудь военнаго корреспондента нашлись подобные пережитки дикости, ни одна уважающая себя русская газета не рѣшилась бы напечатать подобныхъ фразъ. Общій характеръ писемъ русскихъ военныхъ корреспондентовъ совершенно измѣнился; во время той же войны выдвинулись такіе беллетристы какъ Гаршинъ и такіе художники какъ Верещагинъ,—оба храбрые подъ пулями, но сражавшіеся съ войной, какъ съ величайшимъ общественнымъ зломъ.

Всякому, кто читалъ „Войну и Миръ“—памятны тяжкія испытанія Пьера и его дружба съ солдатомъ Каратаевымъ, При этомъ чувствуется, что Толстой полонъ восхищенія передъ спокойной философіей этого человѣка изъ народа—типическаго представителя обычнаго умнаго русскаго крестья-

нина. Нѣкоторые литературные критики пришли, поэтому, къ заключенію, что Толстой, въ лицѣ Каратаева, проповѣдываетъ нѣчто въ родѣ восточнаго фатализма. По моему мнѣнію, это заключеніе критиковъ совершенно ошибочно. Каратаевъ, будучи послѣдовательнымъ пантеистомъ, прекрасно знаетъ, что бываютъ такія естественныя несчастія, съ которыми невозможно бороться; онъ знаетъ также, что несчастія, которыя выпадутъ на его долю—его личныя страданія, а также казнь арестованныхъ въ Москвѣ якобы поджигателей, при чемъ онъ каждый день можетъ попасть въ число казнимыхъ—являются неизбѣжными послѣдствіями гораздо болѣе великаго событія, т. е. вооруженнаго столкновенія народовъ, которое, разъ начавшись, должно развиваться со всѣми возмутительными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно неизбѣжными своими послѣдствіями. Каратаевъ поступаетъ такъ, какъ одна изъ коровъ, (на склонѣ Альпійской горы), упоминаемыхъ философомъ Гюйо; чувствуя, что она начинаетъ скользить внизъ по крутому скату, она сперва дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы удержаться, но когда она видитъ, что ея усилія безполезны, она повидимому успокоивается и скользитъ въ пропасть, которой уже не можетъ избѣжать. Каратаевъ принимаетъ неизбѣжное, но онъ вовсе не фаталистъ. Если бы онъ чувствовалъ, что его усилія могутъ предупредить войну, онъ проявилъ бы эти усилія. Въ концѣ романа, когда Пьеръ говоритъ своей женѣ, Наташѣ, что онъ намѣревается присоединиться къ тайному обществу, изъ котораго впослѣдствіи вышли декабристы (объ этомъ намѣреніи Пьера въ романѣ говорится нѣсколько туманно, въ виду цензуры, но русскіе читатели понимали этотъ намекъ), и Наташа спрашиваетъ его:—„одобрилъ ли бы это Платонъ Каратаевъ?“—Пьеръ, послѣ минутнаго размышленія, отвѣчаетъ вполнѣ утвердительно.

Я не знаю, что испытываетъ французъ, англичанинъ или нѣмецъ при чтеніи „Войны и Мира“: образованные англичане говорили мнѣ, что они находятъ романъ скучнымъ, но я знаю, что для образованнаго русскаго почти каждая сцена является источникомъ громаднаго эстетическаго наслажденія. Подобно большинству русскихъ читателей, перечитавши это произведеніе много разъ, я не могъ бы,

если бы меня спросили, указать какія сцены нравятся мнѣ болѣе другихъ: любовные ли романы между дѣтьми, массовые-ли эффекты въ военныхъ сценахъ, полковая жизнь, неподражаемыя картины изъ жизни двора и аристократіи, или же мелкія подробности, характеризующія Наполеона, или Кутузова, или жизнь Ростовыхъ—обѣдъ, охота, выѣздъ изъ Москвы и т. д., и т. д.

При чтеніи этой эпопеи многіе чувствовали себя обиженными, видя своего героя, Наполеона, низведеннымъ до такихъ маленькихъ размѣровъ и даже изображеннымъ въ нѣсколько комическомъ свѣтѣ. Но Наполеонъ, когда онъ вступилъ въ Россію, не былъ уже тѣмъ человѣкомъ, который воодушевлялъ арміи санкюлотовъ въ ихъ первыхъ шагахъ на Востокъ, куда они несли уничтоженіе крѣпостного ига и конецъ инквизиціи. Всѣ занимающіе высокое положеніе являются въ значительной мѣрѣ актерами, — Толстой отлично показываетъ это во многихъ мѣстахъ своего великаго произведенія,—и, конечно, въ Наполеонѣ было не мало этого актерства. Къ тому же времени, когда онъ пошелъ походомъ на Россію,—будучи уже императоромъ, испорченный какъ лестью придворныхъ всей Европы, такъ и поклоненіемъ массъ, которыя видѣли въ немъ полу-бога, такъ какъ приписывали ему то, что было результатомъ великаго броженія умовъ, произведеннаго Французскою революціею,—ко времени его появленія въ Россіи, актеръ взялъ верхъ въ немъ надъ человѣкомъ, въ которомъ прежде воплощалась юношеская энергія внезапно пробужденной французской націи,—надъ человѣкомъ, въ которомъ это пробужденіе нашло свое выраженіе и съ помощью котораго оно далѣе развивало свои силы. Этимъ объясняется обаяніе, которое производило имя Наполеона на его современниковъ. Подъ Смоленскомъ, во время отступленія французской арміи, самъ Кутузовъ долженъ былъ почувствовать это обаяніе, когда, вмѣсто того чтобы вынудить льва съ рѣшительной битвѣ, онъ открылъ ему путь для свободнаго отступленія.

„Анна Каренина“.

Изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній Толстого „Анна Каренина“ обладаетъ наиболѣе широкимъ кругомъ

читателей на всѣхъ языкахъ. Какъ произведенiе искусства, оно стоитъ очень высоко. Съ перваго же появленiя героини вы чувствуете что жизнь ея непремѣнно должна закончиться драмой; ея трагическiй конецъ такъ же неизбѣженъ, какъ въ драмахъ Шекспира. Въ этомъ смыслѣ романъ вполнѣ вѣрно воспроизводитъ жизнь: предъ нами картина дѣйствительной жизни, написанная рукой великаго мастера. Вообще, изображенiе женщинъ, за исключенiемъ очень молоденькихъ дѣвушекъ, — слабая сторона таланта Толстого: онъ мало знаетъ женщинъ—и намъ кажется, что Анна Каренина могла бы быть изображена съ бо̀льшей глубиной, полнотой психологiи и жизненностью; но болѣе обыденная женщина, Долли, стоитъ предъ вами, какъ живая. Что же касается различныхъ сценъ романа—балъ, офицерскiя скачки, семейная жизнь Долли, деревенскiя сцены въ имѣнiи Левина, смерть его брата и т. д. то всѣ онѣ нарисованы такъ, что по художественнымъ достоинствамъ „Анна Каренина“ стоитъ на первомъ мѣстѣ, даже среди многихъ превосходныхъ произведенiй, написанныхъ Толстымъ.

И все-же, несмотря на все вышесказанное, романъ произвелъ въ Россiи рѣшительно неблагопрiятное впечатлѣнiе; онъ вызвалъ поздравленiя Толстому изъ реакцiоннаго лагеря и очень холодный прiемъ со стороны прогрессивной части общества. Дѣло въ томъ, что вопросъ о бракѣ и о возможномъ расхожденiи между мужемъ и женой—очень серьезно обсуждался въ Россiи, нашими лучшими людьми, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Само собою разумѣется, что такое безразлично-легкомысленное отношенiе къ браку, какое мы такъ часто видѣли за послѣднее время въ Англiи, въ бракоразводныхъ процессахъ высшаго „общества“, сурово и безповоротно осуждалось; точно также всякая форма обмана, который является сюжетомъ безчисленныхъ французскихъ повѣстей и драмъ, совершенно исключалась при всякомъ честномъ обсужденiи вопроса. Но, исключивши изъ обсужденiя и сурово осудивши легкомыслiе однихъ и обманъ другихъ, приходилось тѣмъ серьезнѣе обсуждать права новой любви, серьезной и глубокой, появляющейся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливой супружеской жизни. Повѣсть Чернышевскаго „Что дѣлать?“ можно раз-

сматривать, какъ наилучшее выраженіе мнѣній о бракѣ, господствовавшихъ тогда среди лучшей части молодого поколѣнія. Разъ вы вступили въ бракъ,—говорили представители этого поколѣнія,—не относитесь легкомысленно къ любовнымъ приключеніямъ и ко всякаго рода флирту. Не всякое проявленіе страсти заслуживаетъ еще названіе новой любви, и то, что описывается какъ любовь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ—не что иное, какъ лишь временная похоть. Даже въ случаяхъ дѣйствительной любви, прежде чѣмъ она выростетъ въ реальное и глубокое чувство, въ большинствѣ случаевъ имѣется періодъ, когда есть еще время подумать о послѣдствіяхъ, какія эта любовь можетъ вызвать, если она выростетъ до размѣровъ истинной глубокой страсти. Но все же, обязательно признать, что бываютъ случаи, когда людей охватываетъ новая любовь; имѣются случаи, когда она является, и должна явиться, благодаря цѣлому ряду обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, когда дѣвушка вышла замужъ почти противъ воли, лишь вслѣдствіе настойчивыхъ моленій влюбленнаго въ нее человѣка, или когда люди вступили въ бракъ, не понимая другъ друга, или, наконецъ, когда одинъ изъ двухъ продолжаетъ развиваться въ смыслѣ высшаго идеала, въ то время какъ другой, или другая, уставши носить маску притворнаго идеализма, погружается въ филистерское счастье, облеченное въ теплый халатъ. Въ подобныхъ случаяхъ расхожденіе не только неизбѣжно, но часто необходимо въ интересѣ обѣихъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ лучше перенести страданія, вызываемыя расхожденіемъ (честныя натуры лишь очищаются такимъ страданіемъ), чѣмъ совершенно изуродовать дальнѣйшую жизнь одного—а въ большинствѣ случаевъ обоихъ—и знать при этомъ, что дальнѣйшая совмѣстная жизнь при подобныхъ условіяхъ фатально отразится на ни въ чемъ неповинныхъ дѣтяхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, относится къ этому вопросу русская литература и лучшая часть русскаго мыслящаго общества.

И вотъ является Толстой съ „Анной Карениной", во главѣ которой поставленъ угрожающій библейскій эпиграфъ: „Мнѣ отмщеніе" и Азъ воздамъ", и въ которой это библейское отмщеніе падаетъ на несчастную Каренину, которая

кладетъ конецъ своимъ страданіямъ, послѣ расхожденія съ мужемъ, покончивъ съ собою самоубійствомъ. Русскіе критики, конечно, разошлись въ данномъ случаѣ со взглядами Толстого: любовь, овладѣвшая Карениной, менѣе всего вызывала „отмщеніе". Она, молодой дѣвушкой, вышла замужъ за пожилаго и непривлекательнаго человѣка. Въ то время она не сознавала всей серьезности этого шага, и никто не попытался объяснить ей этого. Она не знала любви и узнала ее, лишь встрѣтясь съ Вронскимъ. Вслѣдствіе глубокой честности ея натуры, самая мысль объ обманѣ была ей противна; продолжая жить съ мужемъ, она не сдѣлала бы этимъ ни мужа, ни ребенка—счастливѣе. Въ такихъ условіяхъ расхожденіе съ мужемъ и новая жизнь съ Вронскимъ, который серьезно любилъ ее, была единственнымъ выходомъ въ ея положеніи. Во всякомъ случаѣ, если исторія Анны Карениной заканчивается трагедіей, эта трагедія вовсе не является результатомъ „высшей справедливости". Какъ и въ другихъ случаяхъ, честный художественный геній Толстого разошелся съ его теоретическимъ разумомъ и указалъ на другія, дѣйствительныя, причины, а именно на непослѣдовательность Вронскаго и Карениной. Разойдясь съ мужемъ и отнесясь съ презрѣніемъ къ „общественному мнѣнію",—т. е. къ мнѣнію женщинъ, которыя, какъ показываетъ самъ Толстой, сами не обладали достаточной честностью, чтобы имѣть право рѣшать вопросъ подобнаго рода—ни Каренина, ни Вронскій не оказались достаточно смѣлыми, чтобы порвать съ этимъ „обществомъ", пустоту котораго Толстой знаетъ и описываетъ такъ блестяще. Вмѣсто этого, когда Анна возвращается съ Вронскимъ въ Петербургъ, они оба заняты одной мыслью: какъ Бетси и другія, подобныя ей, встрѣтятъ Анну, когда она появится среди нихъ? Такимъ образомъ, мнѣніе различныхъ Бетси, а вовсе не „Высшая Справедливость", приводитъ Каренину къ самоубійству.

Религіозный кризисъ.

Всѣмъ извѣстно, какимъ глубокимъ измѣненіямъ подверглись взгляды Л. Н. Толстого на сущность жизни въ 1875—1878 годахъ, когда онъ достигъ приблизительно пя-

тидесяти-лѣтняго возраста. Я думаю, что никто не имѣетъ права обсуждать публично сокровенныя душевныя движенія другого человѣка; но самъ разсказавши о своей внутренней драмѣ и о борьбѣ, которую онъ пережилъ, великій писатель, такъ сказать, пригласилъ насъ провѣрить правильность его умозаключеній, а потому, ограничиваясь тѣмъ психологическимъ матеріаломъ, который онъ самъ далъ намъ, мы можемъ обсуждать пережитую имъ борьбу, безъ грубаго вторженія въ область чужихъ мыслей и поступковъ.

Перечитывая теперь раннія произведенія Толстого, мы постоянно наталкиваемся въ нихъ на зачатки тѣхъ самыхъ идей, которыя онъ проповѣдуетъ въ настоящее время. Философскіе вопросы и вопросы о нравственныхъ началахъ жизни интересовали его съ ранней юности. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ уже любилъ читать философскія произведенія; въ университетскіе годы и даже въ „бурные дни страстей“ вопросы о томъ, какъ мы должны жить — вставали передъ нимъ съ глубокой серьезностью. Его автобіографическія повѣсти, въ особенности „Юность“, носятъ глубокіе слѣды этой скрытой умственной работы, хотя, какъ онъ говоритъ въ „Исповѣди“, онъ никогда не высказывался вполнѣ по этимъ вопросамъ. Болѣе того; очевидно, что хотя онъ опредѣляетъ себя въ тѣ годы, какъ „философскаго нигилиста“, онъ, въ дѣйствительности, никогда не разставался съ вѣрой своего дѣтства *). При томъ онъ всегда былъ поклонникомъ и послѣдователемъ Руссо, а въ его статьяхъ о воспитаніи (собранныхъ въ IV томѣ московскаго, десятаго изданія его сочиненій) можно найти очень радикальные взгляды на большинство жгучихъ соціальныхъ вопросовъ, которые онъ обсуждалъ позднѣе. Эти вопросы настолько мучили его, что уже тогда, когда онъ производилъ педагогическіе опыты въ Ясно-Полянской шко-

*) Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, запрещенныхъ русской цензурой. Т. I (Исповѣдь). Изд. Горшкова, 1901 г., стр. 13. — Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, вышла біографія Л. Н. Толстого, написанная Бирюковымъ и содержащая рядъ весьма интересныхъ автобіографическихъ замѣтокъ и писемъ Л. Н—ча. Изъ нихъ видно, что Л. Н—чъ никогда не былъ философскимъ нигилистомъ въ точномъ смыслѣ слова. Онъ продолжалъ вѣрить и молиться.

лѣ и былъ мировымъ посредникомъ, т. е. въ 1861—62 годахъ, онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ неизбѣжной двойственности своего положенія въ роли благодѣтельнаго помѣщика, что, по его словамъ, „онъ бы тогда, можетъ быть, пришелъ къ тому отчаянію, къ которому пришелъ черезъ пятнадцать лѣтъ, если бы у него не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще имъ и обѣщавшей ему спасеніе, а именно, семейная жизнь". Другими словами, Толстой еще тогда былъ близокъ къ отрицанію взгляда привилегированныхъ классовъ на собственность и трудъ, и могъ бы присоединиться къ великому народническому движенію, которое тогда начиналось въ Россіи. Возможно, что онъ и примкнулъ бы къ нему, если бы новый міръ любви, семейной жизни и семейныхъ интересовъ, которымъ онъ отдался съ обычной горячностью своей страстной натуры, не укрѣпилъ снова его связи съ привилегированнымъ классомъ, къ которому онъ принадлежалъ.

Искусство, несомнѣнно, также отвлекло его вниманіе отъ соціальныхъ задачъ или, по крайней мѣрѣ, отъ экономической ихъ стороны. Въ „Войнѣ и Мирѣ" онъ развилъ философію массъ, противопоставивъ ее философіи героевъ,—т. е. философію, которая въ то время могла найти всего нѣсколькихъ послѣдователей среди всѣхъ образованныхъ людей Европы. Было ли это внушеніемъ поэтическаго генія, открывшаго Толстому роль массъ въ великой войнѣ 1812 года и научившаго его тому, что именно массы, а не герои, были главными двигателями исторіи? Или же это было просто дальнѣйшее развитіе идей, намѣченныхъ уже Руссо, Мишле, Прудономъ, вдохновлявшихъ Толстого въ Ясно-Полянской школѣ и находившихся въ противорѣчіи со всѣми педагогическими теоріями, созданными церковью и государствомъ въ интересахъ привилегированныхъ классовъ? Во всякомъ случаѣ, „Война и Миръ" ставила предъ нимъ задачу, разрѣшеніе которой заняло цѣлые годы, и, созидая этотъ капитальный трудъ, въ которомъ онъ стремился провести новый взглядъ на историческія событія, Толстой долженъ былъ чувствовать себя удовлетвореннымъ, сознавая полезность своей работы. Что-же касается „Анны Карениной", въ которой онъ не задавался

реформаторскими или философскими цѣлями, то работа надъ этимъ романомъ дала Толстому возможность пережить снова, со всѣмъ напряженіемъ поэтическаго возсозданія, различныя фазы пустой жизни зажиточныхъ классовъ и противопоставить эту жизнь трудовой жизни крестьянства. Именно: заканчивая этотъ романъ, онъ началъ вполнѣ сознавать — насколько его собственная жизнь противорѣчитъ идеаламъ его юности.

Въ душѣ великаго писателя должна была происходить страшная борьба. Коммунистическія тенденціи, заставившія его напечатать курсивомъ мораль эпизода съ пѣвцомъ въ „Люцернѣ" и разразиться горячимъ обвиненіемъ противъ цивилизаціи имущихъ классовъ; направленіе мыслей, продиктовавшее суровую критику частной собственности въ „Холстомѣрѣ"; анархическія идеи, приведшія его, въ Ясно-Полянскихъ статьяхъ объ образованіи, къ отрицанію цивилизаціи, основанной на капитализмѣ и государственности; а съ другой стороны — его личные взгляды на свою частную собственность, которые онъ пытался согласовать съ своими коммунистическими склонностями (см. разговоръ двухъ братьевъ Левиныхъ въ „Аннѣ Карениной" *); отсутствіе симпатіи къ партіямъ, находившимся въ оппозиціи къ русскому правительству и, въ то же, время его глубоко-коренящееся отвращеніе къ этому правительству; его поклоненіе аристократизму **) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіе къ крестьянскому труду, — всѣ эти порывы должны были вести непримиримую борьбу въ умѣ великаго писателя, со всею напряженностью, свойственной его геніальному таланту. Его постоянныя противорѣчія были настолько очевидны, что въ то самое время, когда менѣе проницательные изъ русскихъ критиковъ и крѣпостническія „Московскія Вѣдомости" зачисляли Толстого въ реакціонный лагерь, талантливый русскій критикъ Н. М. Михайловскій напечаталъ въ 1875 году замѣчательныя статьи подъ заглавіемъ: „Десница и шуйца графа Толстого", въ которыхъ онъ указалъ, что въ великомъ писа-

*) Подобные разговоры, какъ видно изъ біографіи Бирюкова, Л. Н—чъ дѣйствительно велъ со своимъ братомъ.

**) См. ту-же біографію.

тѣлѣ ведутъ постоянную борьбу два различныхъ человѣка. Въ этихъ статьяхъ молодой критикъ, большой поклонникъ Толстого, анализировалъ прогрессивныя идеи, высказанныя послѣднимъ въ его педагогическихъ статьяхъ, на которыя до того времени никто почти не обращалъ вниманія, и сопоставилъ ихъ съ странными консервативными взглядами послѣдующихъ произведеній Толстого. Въ заключеніе, Михайловскій предсказывалъ кризисъ, къ которому великій писатель неизбѣжно приближался.

„Я не намѣренъ трактовать объ „Аннѣ Карениной",—писалъ онъ,—во-первыхъ потому, что она еще не кончена, во-вторыхъ потому, что объ ней надо или много говорить, или ничего не говорить. Скажу только, что въ этомъ романѣ несравненно поверхностнѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ гр. Толстого, но, можетъ быть, именно вслѣдствіе этой поверхностности яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, отразились слѣды совершающейся въ душѣ автора драмы. Спрашивается, какъ быть такому человѣку, какъ ему жить, какъ избѣжать той отравы сознанія, которая ежеминутно вторгается въ наслажденіе удовлетворенной потребности? Безъ сомнѣнія, онъ, хотя бы инстинктивно, долженъ изыскивать средства покончить внутреннюю душевную драму, спустить занавѣсъ, но какъ это сдѣлать? Я думаю, что если бы въ такомъ положеніи могъ очутиться человѣкъ дюжинный, онъ покончилъ бы самоубійствомъ. Человѣкъ недюжинный будетъ, разумѣется, искать другихъ выходовъ, и такихъ представляется не одинъ". (Отечеств. Записки, іюнь, 1875; также „Сочиненія" томъ III, столбцы 491—492).

Однимъ изъ такихъ выходовъ,—по мнѣнію Михайловскаго,—было бы созданіе литературныхъ произведеній, предназначаемыхъ для народа. Конечно, немногіе настолько счастливы, что обладаютъ необходимыми для этой цѣли талантами и способностями.

„Но разъ онъ (Л. Н. Толстой) увѣренъ, что нація состоитъ изъ двухъ половинъ, и что даже невинныя, „не предосудительныя" наслажденія одной изъ нихъ клонятся къ невыгодѣ другой,—что можетъ мѣшать ему посвятить свои громадныя силы этой темѣ? Трудно даже себѣ представить, чтобы какія-нибудь иныя темы могли занимать писателя, носящаго въ душѣ такую страшную драму, какую носитъ въ своей гр. Толстой: такъ она глубока и серьезна, такъ она захватываетъ самый корень литературной дѣятельности, такъ она, казапось-бы, должна глушить всякіе другіе интересы, какъ глушитъ другія растенія цѣпкая павилика. И развѣ это недостаточно высокая цѣль жизни: напоминать „обществу", что его радости и забавы отнюдь не составляютъ радостей и вабавъ общечеловѣческихъ; разъяснить „обществу" истин-

ный смыслъ „явленій прогресса"; будить, хоть въ нѣкоторыхъ, болѣе воспріимчивыхъ натурахъ, сознаніе и чувство справедливости? И развѣ на этомъ обширномъ полѣ негдѣ разгуляться поэтическому творчеству?"...

„Драма, совершающаяся въ душѣ гр. Толстого, есть тоже моя гипотеза, но гипотеза законная, потому что безъ нея нѣтъ никакой возможности свести концы его литературной дѣятельности съ концами". („Сочиненія", т. III, 493—494, 496).

Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что догадка Михайловскаго оказалась, въ сущности, пророчествомъ. Въ 1875—76 гг., когда Толстой заканчивалъ „Анну Каренину", онъ началъ вполнѣ сознавать пустоту и двойственность жизни—которую онъ до тѣхъ поръ велъ. „Со мною, — говоритъ онъ, — стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты—сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать..." „Зачѣмъ?... Ну, а потомъ?" начали возникать передъ нимъ постоянно вопросы. „Ну, хорошо",—говорилъ онъ себѣ, — „у тебя будетъ 6.000 десятинъ въ Самарской губерніи — 300 головъ лошадей, а потомъ?.. И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше". Литературная слава потеряла для него привлекательность послѣ того какъ онъ достигъ ея вершинъ по выходѣ въ свѣтъ „Войны и Мира". Филистерское семейное счастье, картинку котораго онъ далъ въ повѣсти, „Семейное счастье", написанной незадолго до брака, было испытано имъ и не удовлетворяло его больше. Эпикурейская жизнь, которую онъ велъ до сихъ поръ, потеряла для него всякій смыслъ. „Я почувствовалъ, — говоритъ онъ въ „Исповѣди", — что то, на чемъ я стоялъ, подломилось; что мнѣ стоять не на чемъ, что того, чѣмъ я жилъ, уже нѣтъ, что мнѣ нечѣмъ жить. Жизнь моя остановилась". Такъ-называемыя „семейныя обязанности" потеряли для него интересъ. Начиная думать о томъ, какъ онъ воспитаетъ дѣтей, онъ говорилъ себѣ: „Зачѣмъ?" и, вѣроятно, чувствовалъ, что, въ его помѣщичьей обстановкѣ, онъ никогда не сможетъ дать имъ воспитаніе, лучше того, которое онъ получилъ самъ и которое онъ осуждалъ. Разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, онъ вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло?"

Онъ чувствовалъ, что ему незачѣмъ жить. У него не было даже желаній, которыя онъ бы самъ могъ признать разумными. „Если бы пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я бы не зналъ, что сказать..." „Даже узнать истину я не могъ желать, потому что я догадывался, въ чемъ она состояла. Истина была та, что жизнь есть безсмыслица". У него не было цѣли въ жизни и онъ пришелъ къ убѣжденію, что жизнь безъ цѣли, съ ея неизбѣжными страданіями, является невыносимымъ бременемъ („Исповѣдь", IV, VI, VII).

Онъ не обладалъ, говоря его словами, „нравственною тупостью воображенія", которая требовалась для спокойной эпикурейской жизни среди окружающей нищеты; но въ то же время, подобно Шопенгауэру, онъ не обладалъ волей, проявленіе которой было необходимо для согласованія его поступковъ съ указаніями его разума. Самоуничтоженіе, смерть—являлась поэтому единственнымъ разрѣшеніемъ задачи.

Но Толстой былъ черезчуръ сильнымъ человѣкомъ, чтобы покончить свою жизнь самоубійствомъ. Онъ нашелъ выходъ, и этотъ выходъ выразился въ возвращеніи къ той любви, которую онъ питалъ въ юности: любви къ крестьянской массѣ. „Благодаря ли моей какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу", — пишетъ онъ, — или по какимъ-либо другимъ причинамъ, но онъ понялъ, наконецъ, что смысла жизни надо искать среди милліоновъ, которые всю свою жизнь проводятъ въ трудѣ. Онъ началъ изучать съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде, жизнь этихъ милліоновъ. „И я, — говоритъ онъ, — полюбилъ этихъ людей". И чѣмъ больше онъ вникалъ въ ихъ жизнь, прошлую и настоящую, тѣмъ больше онъ любилъ ихъ и „тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить". Что же касается жизни людей его собственнаго круга — богатыхъ и ученыхъ — (а вращался онъ въ кругѣ Каткова, Фета и подобныхъ господъ) она ему „не только опротивѣла, но потеряла всякій смыслъ". Онъ понялъ, что если онъ не видѣлъ цѣли жизни, то причиной этого была его собственная жизнь „въ исключительныхъ условіяхъ эпикурейства", заслонявшая предъ нимъ правду.

„Я понялъ, — продолжаетъ онъ, — что мой вопросъ о томъ, что есть моя жизнь, и отвѣтъ: зло — былъ совершенно правиленъ. Неправильно было только то, что отвѣтъ, относящійся ко мнѣ только, я отнесъ къ жизни вообще: я спросилъ себя, что такое моя жизнь, и получилъ отвѣтъ — зло и безсмыслица. И точно, моя жизнь — жизнь потворства, похоти — была безсмысленна и зла, и потому отвѣтъ: „жизнь зла и безсмысленна“ — относится только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще“. Далѣе Толстой указываетъ, что даже всѣ животныя трудятся для продолженія своей жизни. „Что же долженъ дѣлать человѣкъ?“, — спрашиваетъ Толстой, и отвѣчаетъ: „Онъ долженъ точно такъ же добывать жизнь, какъ и животныя, но съ тою только разницей, что онъ погибнетъ, добывая ее одинъ, — ему надо добывать ее не для себя, а для всѣхъ...“ „Я не только не добывалъ жизни для всѣхъ, я и для себя не добывалъ ее. Я жилъ паразитомъ, и спросивъ себя зачѣмъ я живу — получилъ отвѣтъ: ни зачѣмъ“.

Такимъ образомъ, убѣжденіе, что онъ долженъ жить, какъ живутъ милліоны людей, заработывающихъ на жизнь трудомъ, что онъ долженъ работать, какъ работаютъ эти милліоны, и что такая жизнь является единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ на вопросы, которые привели его въ отчаяніе; единственнымъ путемъ, идя по которому можно избѣжать тѣхъ ужасныхъ противорѣчій, которыя заставили Шопенгауэра проповѣдывать самоуничтоженіе, а Соломона, Сакія-Муни и другихъ приводили къ проповѣди отчаяннаго пессимизма,—это убѣжденіе спасло Толстого и возвратило ему утраченную энергію и волю къ жизни. Но именно идея эта вдохновила тысячи русскихъ юношей въ тѣ же годы и создала великое движеніе „хожденія въ народъ — сліянія съ народомъ“.

Толстой разсказалъ намъ въ замѣчательной книгѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ о впечатлѣніяхъ, которыя на него произвелъ „босяцкій“ кварталъ Москвы въ 1881 году и о вліяніи, которое эти впечатлѣнія имѣли на дальнѣйшее развитіе его мыслей. Но намъ еще неизвѣстно до сихъ поръ — каковы были факты и впечатлѣнія дѣйствительной

жизни, которыя заставили его въ 1875 — 1881 годахъ съ такой остротой почувствовать пустоту той жизни, которую онъ до тѣхъ поръ велъ. Не будетъ ли съ моей стороны большой смѣлостью — сдѣлать предположеніе, что то же движеніе „въ народъ“, которое вдохновило столькихъ русскихъ юношей и дѣвушекъ идти въ деревни и на фабрики, и жить жизнью трудящагося народа, заставило и Толстого, въ свою очередь, задуматься надъ своимъ положеніемъ въ роли богатаго помѣщика?

О томъ, что онъ узналъ объ этомъ движеніи—не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Судебный процессъ Нечаевцевъ въ 1871 году былъ напечатанъ во всѣхъ русскихъ газетахъ, и всякій, несмотря на всю юношескую незрѣлость рѣчей обвиняемыхъ, легко могъ усмотрѣть высокіе идеалы и любовь къ народу, которые вдохновляли ихъ. Процессъ Долгушинцевъ въ 1875 году произвелъ еще болѣе глубокое впечатлѣніе въ томъ же направленіи; а въ особенности — процессъ (въ мартѣ 1877 года) высоко-идеальныхъ дѣвушекъ, Бардиной, Любатовичъ, сестеръ Субботиныхъ, — „московскихъ пятидесяти“, какъ тогда называли въ кружкахъ, — дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ богатымъ семействамъ, и которыя, несмотря на это, вели жизнь простыхъ рабочихъ дѣвушекъ, жили въ ужасныхъ фабричныхъ казармахъ, работая по 14 — 16 часовъ въ день, перенося всевозможныя тягости единственно для того, чтобы жить вмѣстѣ съ рабочими и имѣть возможность учить ихъ... И, наконецъ, — процессъ „ста девяносто трехъ“ и Вѣры Засуличъ въ 1878 году. Какъ бы ни была велика нелюбовь Толстого къ революціонерамъ, все же, читая отчеты объ этихъ процессахъ, слыша разговоры о нихъ въ Москвѣ и Тулѣ, и наблюдая впечатлѣнія, которыя они производили, онъ, какъ великій художникъ, долженъ былъ почувствовать, что эти юноши и дѣвушки были ближе къ нему, какимъ онъ самъ былъ въ 1861 — 62 годахъ, до обыска и разгрома въ Ясной Полянѣ, по сравненію съ людьми Катковскаго лагеря, среди которыхъ ему теперь приходилось вращаться. Наконецъ, если бы даже онъ совсѣмъ не читалъ отчетовъ объ этихъ процессахъ и не слыхалъ о „московскихъ пятидесяти“, онъ читалъ „Новь“ Тургенева, которая была напечатана въ янва-

рѣ 1877 года; онъ зналъ, какъ молодежь восторженно отнеслась къ Тургеневу за „Новь", несмотря на всѣ ея недостатки; и если бы онъ руководился только этимъ, далеко несовершеннымъ изображеніемъ народническаго движенія, онъ могъ бы уже понять идеалы тогдашней русской молодежи; могъ понять, почему она была безконечно ближе къ его идеалу, Руссо, чѣмъ былъ онъ самъ, съ тѣхъ поръ, какъ забросилъ идеалы своей юности.

Будь Толстой самъ двадцати-лѣтнимъ юношей, весьма вѣроятно, что онъ примкнулъ бы въ какой-нибудь, той или иной формѣ, къ движенію, несмотря на всѣ препятствія, стоявшія на его пути. Но въ его лѣта, въ его обстановкѣ, и, въ особенности, когда умъ его былъ занятъ вопросомъ,— „Гдѣ тотъ рычагъ, которымъ можно было бы двинуть человѣческія сердца? Гдѣ источникъ глубокаго моральнаго перерожденія для каждаго въ отдѣльности?" —Толстой долженъ былъ вести долгую и упорную борьбу съ самимъ собою, прежде чѣмъ онъ вышелъ на эту дорогу. Для нашей молодежи уже одно указаніе, что всякій, получившій образованіе, благодаря работѣ трудящихся массъ, долженъ расплатиться съ ними, работая для нихъ, — этого простого указаніе было достаточно. Юноши и дѣвушки бросали богатые дома родныхъ, жили самой простой жизнью, мало въ чемъ отличавшейся отъ жизни рабочихъ, и посвящали себя, какъ умѣли, народу. Но по многимъ причинамъ — образованію, привычкамъ, окружающей его средѣ, возрасту и, можетъ быть, также вслѣдствіе великаго обще-философскаго вопроса, которымъ былъ занятъ его умъ, — Толстому пришлось очень много и тяжело перестрадать, прежде чѣмъ онъ пришелъ къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, но различнымъ путемъ; т. е. прежде чѣмъ онъ пришелъ къ заключенію, что онъ, какъ сознательная часть Божественнаго Невѣдомаго, долженъ выполнять волю этого Невѣдомаго, которая состояла въ томъ, что каждый долженъ работать для общаго блага *).

---

*) „То, что говорили мнѣ нѣкоторые люди,—замѣчаетъ Толстой,— и въ чемъ я самъ иногда старался увѣрить себя, что надо желать счастья не себѣ одному, но другимъ, близкимъ, и всѣмъ людямъ, не

Какъ только, однако, онъ пришелъ къ этимъ заключеніямъ, Толстой не замедлилъ согласовать свою жизнь съ ними. Препятствія, которыя онъ встрѣтилъ на этомъ пути, прежде чѣмъ онъ смогъ послѣдовать внушеніямъ своей совѣсти, — вѣроятно, были громадны: мы можемъ лишь догадываться о нихъ. Легко себѣ вообразить софизмы, съ которыми ему приходилось бороться, въ особенности, когда всѣ, понимавшіе значеніе его громаднаго таланта, начали протестовать противъ того осужденія, съ которымъ онъ сталъ относиться къ своимъ прежнимъ литературнымъ трудамъ. Можно лишь радоваться силѣ его убѣжденій, когда онъ такъ рѣшительно измѣнилъ жизнь, которую велъ до тѣхъ поръ.

Маленькая комнатка, которую онъ занялъ въ своемъ богатомъ домѣ, извѣстна всѣмъ по общераспространеннымъ фотографіямъ. Толстой за плугомъ (на картинѣ Рѣпина) обошелъ весь міръ, при чемъ русское правительство сочло эту картину настолько опасной, что распорядилось снять ее съ выставки. Ограничиваясь въ питаніи самымъ необходимымъ количествомъ очень простой пищи, онъ, пока позволяли ему физическія силы, старался заработывать и эту пищу физическимъ трудомъ. И въ эти послѣдніе годы своей жизни, — говоритъ онъ, — онъ написалъ болѣе, чѣмъ въ годы своей величайшей литературной производительности.

Результаты примѣра, даннаго Толстымъ человѣчеству, общеизвѣстны. Онъ думалъ, однако, что онъ долженъ дать философскія и религіозныя обоснованія своего поведенія, что онъ и сдѣлалъ въ рядѣ замѣчательныхъ работъ.

Руководимый идеею, что милліоны рабочаго народа уяснили себѣ смыслъ жизни, найдя его въ самой жизни, на которую они смотрятъ, какъ на выполненіе „воли Творца

удовлетворяло меня; во 1-хъ потому, что я не могъ искренно такъ же, какъ себѣ, желать счастья другимъ людямъ; во 2-хъ, и главное, потому, что другіе люди точно такъ же, какъ и я, были обречены на несчастье и смерть. И потому всѣ мои старанія объ ихъ благѣ были тщетны. Я пришелъ въ отчаяніе". Идея о томъ, что личное счастье лучше всего можно найти въ счастіи всѣхъ, не привлекала его, и такимъ образомъ онъ нашелъ недостаточной цѣлью жизни самое стремленіе къ счастью всѣхъ и содѣйствіе прогрессу въ этомъ направленіи.

вселенной“, Толстой принялъ простую вѣру массъ русскаго крестьянства, хотя его аналитическій умъ и возмущался противъ этого шага: онъ началъ выполнять обряды православной церкви. Но все же, вскорѣ оказалась граница, которой онъ не могъ переступить, и онъ увидалъ, что есть вѣрованія, которыхъ онъ никоимъ образомъ не можетъ принять. Онъ чувствовалъ, напр., что торжественно заявляя въ церкви предъ причастіемъ, что онъ принимаетъ причащеніе, въ буквальномъ смыслѣ, плоти и крови Христа, — онъ утверждаетъ нѣчто, чего не признаетъ его умъ. Кромѣ того, онъ вскорѣ познакомился съ крестьянами-сектантами, Сютаевымъ и Бондаревымъ, къ которымъ онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, и онъ увидалъ, послѣ этого знакомства, что, присоединяясь къ православной церкви, онъ тѣмъ самымъ одобряетъ всѣ возмутительныя преслѣдованія сектантовъ, что онъ помогаетъ разжигать ту взаимную ненависть, которую чувствуютъ всѣ церкви, одна по отношенію къ другой.

Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ Толстой занялся тщательнымъ изученіемъ христіанства, избѣгая точекъ зрѣнія различныхъ церквей, и обративъ особенное вниманіе на свѣрку переводовъ евангелія, съ цѣлью найти дѣйствительное значеніе завѣтовъ Великаго Учителя и отдѣлить отъ нихъ позднѣйшія наслоенія и прибавки, сдѣланныя его послѣдователями. Въ замѣчательной работѣ („Критика Догматическаго Богословія“), на которую имъ была затрачена масса труда, онъ показалъ, какъ фундаментально расходится ученіе и объясненіе различныхъ церквей съ дѣйствительнымъ смысломъ словъ Христа. Вслѣдъ за тѣмъ онъ, совершенно независимо, выработалъ собственное толкованіе христіанскаго ученія, которое сходно съ толкованіями, которыя этому ученію давали великія народныя движенія: въ IX столѣтіи въ Арменіи, позже — Виклефъ и ранніе анабаптисты, въ родѣ Ганса Денка *).

---

*) См. „Anabaptism from its Rise of Zwickau to its Fale at Münster, 1521 — 1536“, by Richard Heath (Baptist Mannals, I, 1895).

Толкованіе христіанскаго ученія.

Вышеуказанныя идеи, выработанныя Толстымъ такимъ медленнымъ путемъ, онъ изложилъ въ трехъ произведеніяхъ, написанныхъ послѣдовательно одно за другимъ: 1) „Критика Догматическаго Богословія“ введеніе къ которой, болѣе извѣстное подъ именемъ „Исповѣди“, было написано въ 1882 году; 2) „Въ чемъ моя вѣра“ (1884 г.) и 3) „Такъ что-же намъ дѣлать?“ (1886 г.); къ тому же разряду произведеній Толстого относится „Царство Божіе внутри васъ, или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое пониманіе жизни“ (1900 г.) и, въ особенности, небольшая брошюра „Христіанское ученіе“ (1902 г.), изложенная въ формѣ короткихъ, законченныхъ перенумерованныхъ параграфовъ, на манеръ катихизиса, и заключающая полное и опредѣленное изложеніе взглядовъ Толстого. Въ продолженіе того-же года былъ опубликованъ рядъ другихъ работъ подобнаго-же характера: „Жизнь и ученіе Христа“, „Мой отвѣтъ Синоду“, „Что такое религія“, „О жизни“ и пр. Перечисленныя нами выше произведенія являются результатомъ умственной работы Толстого за послѣдніе двадцать лѣтъ и, по крайней мѣрѣ, четыре изъ нихъ („Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Такъ что-же намъ дѣлать?“ и „Христіанское ученіе“) нужно прочесть въ указанномъ порядкѣ, если читатель желаетъ ознакомиться съ религіозными и нравственными воззрѣніями Толстого и разобраться въ той путаницѣ идей, которой часто совершенно несправедливо даютъ имя „толстовства“. Что же касается небольшой работы „Жизнь и ученіе Іисуса“, это — краткое изложеніе четырехъ Евангелій, написанное общепонятно и свободное отъ всѣхъ мистическихъ и метафорическихъ элементовъ; короче сказать, это — изложеніе Евангелій, какъ ихъ понимаетъ Толстой.

Вышеуказанныя работы являются наиболѣе замѣчательной попыткой, какая когда либо была, раціоналистическаго объясненія христіанства. Христіанство является въ нихъ совершенно освобожденнымъ отъ гностицизма и мистицизма, какъ чисто-духовное ученіе о міровомъ духѣ, ведущемъ человѣка къ высшей жизни — жизни равенства и дружелюб-

ныхъ отношеній между всѣми людьми. Если Толстой принимаетъ христіанство, какъ основаніе своей вѣры, онъ дѣлаетъ это не потому, чтобы онъ считалъ его откровеніемъ, но потому, что ученіе это, очищенное отъ всѣхъ искаженій, совершенныхъ церквами, заключаетъ въ себѣ „тотъ самый отвѣтъ на вопросъ жизни, который болѣе или менѣе ясно высказывали всѣ лучшіе люди человѣчества, и до и послѣ Евангелія, начиная съ Моисея, Исаіи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всѣхъ тѣхъ, часто незамѣтныхъ и не прославленныхъ людей, которые искренно, безъ взятыхъ на вѣру ученій, думали и говорили о смыслѣ жизни *)“, потому что это ученіе „даетъ объясненіе смысла жизни“ и „разрѣшеніе противорѣчія стремленія къ благу и жизни, съ сознаніемъ невозможности ихъ“ (Христіанское ученіе, § 13) — „разрѣшеніе противорѣчія между стремленіемъ къ счастью и жизни съ одной стороны, и все болѣе и болѣе уяснявшимся сознаніемъ неизбѣжности бѣдствія и смерти съ другой“ (тоже § 10).

Что же касается догматическихъ и мистическихъ элементовъ христіанства, которые Толстой разсматриваетъ какъ наросты на дѣйствительномъ ученіи Христа, то онъ считаетъ ихъ настолько вредными, что дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: „Ужасно сказать (но мнѣ иногда кажется) не будь вовсе ученія Христа съ церковнымъ ученіемъ, выросшимъ на немъ, то тѣ, которые теперь называются христіанами, были бы гораздо ближе къ ученію Христа, т. е. къ разумному ученію о благѣ жизни, чѣмъ они теперь. Для нихъ не были бы закрыты нравственныя ученія пророковъ всего человѣчества“ **).

---

*) „Христіанское ученіе“, введеніе, стр. VI. Въ другомъ мѣстѣ Толстой къ вышеприведеннымъ учителямъ человѣчества прибавляетъ еще Марка Аврелія и Лао-Тси.

**) „Въ чемъ моя вѣра“, гл. X, стр. 145, изд. Черткова, „Сочиненія Л. Н. Т., запрещенныя русской цензурой“. На стр. 18 — 19 небольшого сочиненія, „Что такое религія“, Толстой выражается съ еще большей суровостью о церковномъ христіанствѣ. Въ этой замѣчательной работѣ Толстой говоритъ о сущности религіи вообще, при чемъ всякій можетъ сдѣлать выводы о желательномъ отношеніи религіи къ наукѣ, синтетической философіи и философской этикѣ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ мистическія и метафизическія концепціи, вплетенныя въ христіанство, онъ обращаетъ главное вниманіе на нравственную сторону христіанскаго ученія. Одной изъ наиболѣе могущественныхъ причинъ, — говоритъ онъ, — мѣшающихъ людямъ жить согласно этому ученію, является „религіозный обманъ". „Человѣчество медленно, но не останавливаясь, движется впередъ, т. е. все къ большему и большему уясненію сознанія истины о смыслѣ и значеніи своей жизни, и установленію жизни сообразно съ этимъ уясненнымъ сознаніемъ"; но въ этомъ прогрессивномъ шествіи не всѣ равномѣрно подвигаются впередъ и „люди, менѣе чуткіе, держатся прежняго пониманія жизни и прежняго строя жизни, и стараются отстоять его". Достигается это, главнымъ образомъ, при помощи религіознаго обмана, „который состоитъ въ томъ, что умышленно смѣшивается и подставляется одно подъ другое понятіе вѣры и довѣрія" (Христіан. ученіе, §§ 187, 188). Единственное средство для освобожденія отъ этого обмана, — говоритъ Толстой, — это — „понимать и помнить, что единственное орудіе познанія, которымъ владѣетъ человѣкъ, есть его разумъ, и что, поэтому, всякая проповѣдь, утверждающая что-либо противное разуму, — есть обманъ". Вообще Толстой въ этомъ случаѣ очень усиленно подчеркиваетъ значеніе разума (см. Христіан. ученіе, §§ 208, 213).

Другимъ великимъ препятствіемъ къ распространенію христіанскаго ученія, по мнѣнію Толстого, является современная вѣра въ безсмертіе души, — какъ ее понимаютъ теперь („Въ чемъ моя вѣра", стр. 134, русскаго изданія Черткова). Въ этой формѣ онъ отрицаетъ ее; но мы можемъ, — говоритъ онъ, — придать болѣе глубокое значеніе нашей жизни, сдѣлавъ ее полезной людямъ — человѣчеству, сливши нашу жизнь съ жизнью вселенной, и хотя эта идея можетъ казаться менѣе привлекательной, чѣмъ идея объ индивидуальномъ безсмертіи, но зато она отличается „достовѣрностью".

Говоря о Богѣ, онъ склоняется къ пантеизму и описываетъ Бога, какъ Жизнь или Любовь, или же, какъ Идеалъ, носимый человѣкомъ въ самомъ себѣ (см. „Мысли о Богѣ", собранныя В. и А. Чертковыми); но въ одной изъ послѣд-

нихъ работъ („Христіан. учен.“, гл. VII и VIII), онъ предпочитаетъ отождествлять Бога съ „міровымъ желаніемъ блага, являющагося источникомъ всей жизни. Такъ что Богъ, по христіанскому вѣроученію, и есть та сущность жизни, которую человѣкъ сознаетъ въ себѣ и познаетъ во всемъ мірѣ, какъ желаніе блага; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, та причина, по которой сущность эта заключена въ условія отдѣльной и тѣлесной жизни“ (§ 36). Каждый разсуждающій человѣкъ, — прибавляетъ Толстой, — приходитъ къ подобному заключенію. Желаніе блага всему существующему проявляется въ каждомъ разумномъ человѣкѣ, когда въ извѣстномъ возрастѣ въ немъ пробудилась управляемая разумомъ совѣсть; и въ мірѣ, окружающемъ человѣка, то же желаніе проявляется во всѣхъ отдѣльныхъ существахъ, стремящихся каждое къ своему благу. Эти два желанія „сходятся къ одной ближайшей, опредѣленной, доступной и радостной человѣку цѣли“. Такимъ образомъ, — говоритъ онъ въ заключеніе, — и наблюденіе и преданіе (религіозное) и разсужденіе указываютъ человѣку, что „наибольшее благо людей, къ которому стремятся всѣ люди, можетъ быть достигнуто только при наибольшемъ единеніи и согласіи людей“. И наблюденіе и преданіе и разсужденіе указываютъ, что немедленнымъ трудомъ для развитія міра, въ каковомъ трудѣ человѣкъ призванъ принять участіе, является „замѣна раздѣленія и несогласія въ мірѣ — единеніемъ и согласіемъ“. „Внутреннее влеченіе рождающагося духовнаго существа человѣка только одно: увеличеніе въ себѣ любви. И это-то увеличеніе любви есть то самое, что одно содѣйствуетъ тому дѣлу, которое совершается въ мірѣ: замѣны разъединенія и борьбы — единеніемъ и согласіемъ“. Единеніе и согласіе и постоянное, непреклонное стремленіе къ установленію ихъ, для чего требуется не только весь трудъ, необходимый для поддержанія собственнаго существованія, но и трудъ для увеличенія всеобщаго блага — таковы тѣ два конечныхъ аккорда, въ которыхъ нашли разрѣшеніе всѣ диссонансы и бури, которые въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ бушевали въ умѣ великаго художника, — всѣ религіозные экстазы и раціоналистическія сомнѣнія, которыя волновали этотъ умъ въ напряженныхъ поискахъ за исти-

ной. На метафизическихъ высотахъ стремленіе каждаго живущаго существа къ собственному благу, являющееся одновременно и эгоизмомъ и любовью, ибо оно, въ сущности, любовь къ себѣ, — это стремленіе къ личному благу по самой своей природѣ стремится объять все существующее. „Естественнымъ путемъ оно расширяетъ свои предѣлы любовью, — сначала къ семейнымъ: — женѣ, дѣтямъ; потомъ къ друзьямъ, соотечественникамъ; но любовь не довольствуется этимъ и стремится объять все существующее“ (§ 46).

Главныя черты христіанской этики.

Центральный пунктъ христіанскаго ученія Толстой видитъ въ непротивленіи. Въ теченіе первыхъ годовъ послѣ его душевнаго кризиса онъ проповѣдывалъ абсолютное „непротивленіе злу“ — въ полномъ согласіи съ буквальнымъ и точнымъ смысломъ словъ Евангелія, которыя, будучи взяты въ связи съ текстомъ о правой и лѣвой щекѣ, очевидно обозначали полное смиреніе и покорность. Но, повидимому, уже вскорѣ Толстой почувствовалъ, что подобное ученіе не только не согласуется съ его, вышеприведеннымъ, опредѣленіемъ Бога, но просто доходитъ до поощренія зла. Въ немъ именно заключается то дозволеніе зла, которое всегда проповѣдывалось государственными религіями въ интересахъ правящихъ классовъ, и Толстой долженъ былъ вскорѣ сознать это. Въ одномъ изъ своихъ произведеній позднѣйшаго періода онъ разсказываетъ, какъ онъ однажды во время поѣздки по желѣзной дорогѣ встрѣтилъ въ вагонѣ тульскаго губернатора, ѣхавшаго во главѣ военнаго отряда, снабженнаго запасомъ розогъ. Губернаторъ отправлялся сѣчь крестьянъ одной деревни, возмутившихся противъ незаконнаго распоряженія администраціи, притѣснявшей крестьянъ по проискамъ помѣщика. Съ обычнымъ талантомъ Толстой описывалъ, какъ находившаяся на вокзалѣ „либеральная дама“ открыто, громко и рѣзко осуждала губернатора и офицеровъ, и какъ послѣдніе чувствовали себя пристыженными. Затѣмъ онъ описываетъ то что обыкновенно происходитъ при подобныхъ усмирительныхъ экспедиціяхъ: какъ крестьяне, съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, будутъ

креститься дрожащей рукой и ложиться подъ розги, какъ ихъ будутъ истязать до полусмерти, при чемъ гг. офицеры нисколько не будутъ тронуты этимъ христіанскимъ смиреніемъ. Каково было поведеніе самого Толстого при встрѣчѣ съ этой карательной экспедиціей, намъ неизвѣстно, ибо онъ ничего не говоритъ объ этомъ. Вѣроятно, онъ упрекалъ губернатора и офицеровъ и совѣтовалъ солдатамъ не подчиняться имъ,—другими словами, убѣждалъ ихъ возмутиться. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ былъ почувствовать, что пассивное отношеніе къ совершающемуся злу — непротивленіе—будетъ равняться молчаливому одобренію этого зла; болѣе того—его поддержкѣ. Кромѣ того, пассивное отношеніе къ совершающемуся злу настолько противорѣчитъ всей натурѣ Толстого, что онъ не могъ долго оставаться приверженцемъ подобной доктрины и вскорѣ началъ толковать евангельскій текстъ въ смыслѣ: „не противься злу насиліемъ". Всѣ его позднѣйшія сочиненія являются страстнымъ противленіемъ различнымъ формамъ зла, которое онъ видѣлъ въ окружающемъ его мірѣ. Его могучій голосъ постоянно обличаетъ и самое зло, и совершающихъ это зло; онъ осуждаетъ только сопротивленіе злу физической силой, вѣря, что такая форма сопротивленія причиняетъ вредъ.

Другими пунктами христіанскаго ученія (конечно, въ толкованіи Толстого) являются слѣдующіе четыре: не гнѣвайся, или, по крайней мѣрѣ, воздерживайся отъ гнѣва насколько возможно; оставайся вѣрнымъ женщинѣ, съ которой ты соединился и избѣгай всего, возбуждающаго страсть; не клянись, что, по мнѣнію Толстого, значитъ: не связывай себѣ рукъ никакой клятвой, ибо при помощи присягъ и клятвы правительства связываютъ совѣсть людей, заставляя ихъ подчиняться потомъ всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ; и, наконецъ,—люби своихъ враговъ или, какъ Толстой неоднократно указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ,—никогда не суди самъ и не преслѣдуй другого судомъ.

Этимъ пяти правиламъ Толстой даетъ возможно широкое толкованіе и выводитъ изъ нихъ всѣ ученія свободнаго

коммунизма. Онъ съ большой убѣдительностью доказываетъ, что жить за счетъ труда другихъ, не заработывая на собственное существованіе, значитъ — нарушать самый существенный законъ природы; такое нарушеніе является главной причиной всѣхъ общественныхъ золъ, а также громаднаго большинства личныхъ несчастій и неудобствъ. Онъ указываетъ, что настоящая капиталистическая организація труда нисколько не лучше былого рабства или крѣпостничества.

Онъ настаиваетъ на необходимости упрощенія образа жизни — въ пищи, одеждѣ и помѣщеніи, — каковое упрощеніе является естественнымъ результатомъ занятія физическимъ трудомъ, въ особенности земледѣльческой работой, и указываетъ на тѣ выгоды, которыя получатъ даже современные богатые лѣнтяи, если займутся такимъ трудомъ. Онъ показываетъ, какъ все зло теперешняго управленія происходитъ вслѣдствіе того, что тѣ люди, которые протестуютъ противъ плохихъ правительствъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы самимъ попасть въ члены этихъ правительствъ.

Съ тѣмъ же рѣшительнымъ протестомъ, съ какимъ онъ относится къ Церкви, Толстой относится и къ Государству. Какъ единственное реальное средство — положить конецъ современному рабству, налагаемому на человѣчество этимъ учрежденіемъ, онъ совѣтуетъ людямъ — отказываться имѣть какое-либо дѣло съ государствомъ. И, наконецъ, онъ доказываетъ, и поясняетъ свои доказательства образами, въ которыхъ выказывается вся мощь его художественнаго таланта, что жадность обезпеченныхъ классовъ, стремящихся къ богатству и роскоши, — жадность, не имѣющая и не могущая имѣть границъ, — служитъ опорой всего этого рабства, всѣхъ этихъ ненормальныхъ условій жизни и всѣхъ предразсудковъ и ученій, распространяемыхъ церковью и государствомъ, въ интересахъ правящихъ классовъ.

Съ другой стороны, всякій разъ, когда Толстой говоритъ о Богѣ или о безсмертіи, онъ всячески старается показать, что онъ чуждъ мистическихъ воззрѣній и метафизическихъ опредѣленій, употребляемыхъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. И хотя языкъ его произведеній, посвященныхъ подобнымъ вопросамъ, не отличается отъ обыч-

наго языка религіозной литературы, тѣмъ не менѣе Толстой постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, настаиваетъ на чисто-раціоналистическомъ толкованіи религіозныхъ понятій. Онъ тщательно отцѣживаетъ отъ христіанскаго ученія все то, что не можетъ быть воспринято послѣдователями другихъ религій и подчеркиваетъ все то, что есть общаго въ христіанствѣ съ другими положительными религіями: все, носящее общечеловѣческій характеръ, могущее быть оправданнымъ разумомъ и потому быть воспринято съ равной степени, какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими.

Другими словами, по мѣрѣ того, какъ Толстой изучалъ системы различныхъ основателей религій и философовъ, занимавшихся вопросами нравственности, онъ пытался опредѣлить и установить элементы всеобщей религіи, которая могла бы объединить всѣхъ людей, и которая, въ то же время, была бы свободна отъ сверхъестественныхъ элементовъ, не заключала бы въ себѣ ничего противнаго разуму и наукѣ, и являлась бы нравственнымъ руководствомъ для всѣхъ людей, на какой бы ступени умственнаго развитія они ни находились. Начавъ, такимъ образомъ, (въ 1875 — 77 гг.) присоединеніемъ къ православной религіи — какъ ее понимаетъ русское крестьянство — онъ въ концѣ концовъ пришелъ въ „Христіанскомъ ученіи“ къ построенію философіи нравственности, которая, по его мнѣнію, можетъ быть принята въ равной мѣрѣ христіаниномъ, евреемъ, мусульманиномъ, буддистомъ и натурфилософомъ — религіи, которая *) будетъ заключать въ себѣ единственный существенный элементъ всѣхъ религій, а именно: опредѣленіе отношенія каждаго къ міру (Weltanschanung) въ согласіи съ современной наукой, и признаніе равенства всѣхъ людей.

Могутъ ли эти два элемента, одинъ изъ которыхъ относится къ области знанія и науки, а другой (справедливость) — къ области этики, оказаться достаточными для построенія религіи, безъ какой-либо примѣси мистицизма, — этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы настоящей книги.

*) Любопытно, что планъ такой работы Толстой имѣлъ еще въ своей юности; это видно изъ біографіи Бирюкова.

Художественныя произведенія послѣднихъ лѣтъ.

Безпокойное состояніе цивилизованнаго міра и, въ особенности, Россіи, неоднократно привлекало вниманіе Толстого и побудило его напечатать значительное количество открытыхъ писемъ, воззваній и статей по различнымъ вопросамъ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ онъ, главнымъ образомъ, проповѣдуетъ отрицательное отношеніе къ церкви и государству. Онъ совѣтуетъ своимъ читателямъ никогда не поступать на службу государству, даже въ земскихъ и волостныхъ учрежденіяхъ, которыя организованы государствомъ въ видѣ приманки. Отказывайтесь поддерживать эксплуатацію въ какой бы то ни было формѣ. Отказывайтесь отъ военной службы, каковы бы ни были послѣдствія, ибо это — единственный способъ протестовать противъ милитаризма. Не имѣйте никакого дѣла съ судами, если вы даже оскорблены или потерпѣли ущербъ; — всякое обращеніе къ суду даетъ лишь дурные результаты. По мнѣнію Толстого, такое отрицательное и въ высшей степени искреннее отношеніе послужитъ дѣлу истиннаго прогресса лучше всякихъ революціонныхъ мѣръ. Но, какъ первый шагъ къ уничтоженію современнаго рабства, онъ также рекомендуетъ націонализацію, или скорѣе — муниципализацію, земли.

Какъ и слѣдовало ожидать, художественныя произведенія, написанныя Толстымъ въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ (послѣ 1876 г.), носятъ глубокіе слѣды его новаго міровоззрѣнія. Этотъ періодъ его художественной дѣятельности былъ начатъ произведеніями для народа, и хотя большинство его разсказовъ для народа испорчено черезчуръ очевиднымъ желаніемъ подчеркнуть извѣстнаго рода мораль, хотя бы для этого пришлось даже насиловать факты, все же между этими разсказами имѣется нѣсколько — въ особенности „Сколько человѣку земли нужно“, „Хозяинъ и работникъ“ и нѣсколько другихъ — отличающихся художественностью. Упомяну также о „Смерти Ивана Ильича“, чтобы напомнить читателямъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое произвелъ этотъ разсказъ при своемъ появленіи.

Съ цѣлью найти еще болѣе обширную аудиторію въ народныхъ театрахъ, которые начали въ то время возникать

въ Россіи, Толстой написалъ „Власть тьмы", — полную ужаса драму изъ крестьянской жизни, въ которой онъ пытался произвесть глубокое впечатлѣніе при помощи реализма Шекспира, или, скорѣе, Марлоу (Marlow). Другое драматическое произведеніе этого періода — „Плоды просвѣщенія", носитъ комическій характеръ. Въ этой комедіи осмѣиваются предразсудки высшихъ классовъ относительно спиритизма. Оба произведенія (первое съ измѣненіемъ заключительной сцены) съ большимъ успѣхомъ даются въ русскихъ театрахъ.

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что не однѣ повѣсти и драматическія произведенія этого періода, принадлежащія Толстому, могутъ быть причислены къ произведеніямъ искусства. Труды его по религіознымъ вопросамъ, упомянутые нами выше, являются также произведеніями искусства, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ нихъ найдется много страницъ описательнаго характера, отличающихся высокимъ художественнымъ достоинствомъ; въ то же время, страницы, посвященныя Толстымъ выясненію экономическихъ принциповъ соціализма или отрицающихъ правительство принциповъ анархизма, могутъ быть сравниваемы съ лучшими произведеніями этого рода, принадлежащими Виллльяму Моррису, при чемъ, первенство остается за Толстымъ, вслѣдствіе необыкновенной простоты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, художественности изложенія.

„Крейцерова Соната", послѣ „Анны Карениной", несомнѣнно, имѣла наиболѣе обширный кругъ читателей. Необычайность темы этой повѣсти, а также нападки на бракъ, заключенныя въ ней, настолько привлекаютъ вниманіе читателей, вызывая обыкновенно между ними ожесточенные споры, что при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, забываютъ о высокихъ художественныхъ достоинствахъ этой повѣсти и о безпощадномъ анализѣ нѣкоторыхъ сторонъ жизни, заключенномъ въ ней. Едва ли нужно упоминать о нравственномъ ученіи, вложенномъ Толстымъ въ „Крейцерову Сонату", тѣмъ болѣе, что вскорѣ самъ авторъ въ значительной степени отказался отъ тѣхъ выводовъ, которые слѣдовали изъ этого ученія. Но эта повѣсть имѣетъ глубокое значеніе для всякаго, изучающаго произведенія Толстого

и стремящагося познакомиться съ внутренней жизнью великаго художника. Никогда еще не было написано болѣе суроваго обвинительнаго акта противъ браковъ, заключаемыхъ лишь ради внѣшней привлекательности и не основанныхъ на интеллектуальномъ союзѣ или симпатіи между мужемъ и женою; что же касается до борьбы, которая ведется между Позднышевымъ и его женой, она разсказана въ высшей степени художественно, и даетъ самое глубокое драматическое изображеніе супружеской жизни, какое мы имѣемъ во всемірной литературѣ.

О работѣ Толстого: „Что такое искусство?" говорится ниже, въ VIII-й главѣ настоящей книги. Впрочемъ, самымъ крупнымъ произведеніемъ позднѣйшаго періода является „Воскресеніе". Недостаточно сказать, что юношеская энергія семидесятилѣтняго автора, проявляющаяся въ этой повѣсти, поражаетъ читателя. Ея чисто-художественныя качества настолько высоки, что если бы Толстой не написалъ ничего, кромѣ „Воскресенія", онъ все же былъ бы признанъ однимъ изъ великихъ писателей. Всѣ тѣ части повѣсти, которыя изображаютъ общество, начиная съ письма „Мисси", сама Мисси, ея отецъ и т. д., могутъ быть приравнены къ лучшимъ страницамъ перваго тома „Войны и Мира". Столь же высокимъ достоинствомъ отличаются описанія суда, присяжныхъ и тюремъ. Правда, можно сказать, что главный герой, Нехлюдовъ, поражаетъ нѣкоторою искусственностью; но этотъ недостатокъ былъ почти неизбѣженъ, разъ Нехлюдову была отведена роль — изображать, если не самого автора повѣсти, то, во всякомъ случаѣ, являться откликомъ его идей и его жизненнаго опыта; этотъ недостатокъ свойственъ всѣмъ беллетристическимъ произведеніямъ, въ которыхъ преобладаетъ автобіографическій элементъ. Что же касается до остальныхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, громадное количество которыхъ проходитъ предъ читателемъ, то всѣ они изображены съ необычновенной живостью, каждое изъ нихъ носитъ опредѣленный характеръ и остается навсегда въ памяти читателя, хотя бы они являлись въ повѣсти лишь мелькомъ (какъ, напр., изображенія судей, присяжныхъ, дочери тюремнаго смотрителя и т. д.).

Количество вопросовъ, поднятыхъ въ этой повѣсти, —

вопросовъ политическаго, соціальнаго и партійнаго характера, — настолько велико, что все общество, какъ оно есть, живущее и волнующееся многоразличными задачами жизни и противорѣчіями, проходитъ предъ читателемъ, и, при томъ, не только русское общество, но общество всего цивилизованнаго міра. Въ дѣйствительности, за исключеніемъ сценъ, изображающихъ жизнь политическихъ преступниковъ, содержаніе „Воскресенія" приложимо ко всѣмъ націямъ. Это — самое интернаціональное изъ всѣхъ произведеній Толстого. Въ то же самое время, коренной вопросъ: „имѣетъ ли общество право суда?", „разумно ли поддерживать систему судовъ и тюремъ?" — этотъ страшный вопросъ, который настоящее столѣтіе призвано разрѣшить, проходитъ красной нитью черезъ всю книгу, и производитъ такое впечатлѣніе на читателя, что во вдумчивомъ человѣкѣ неизбѣжно зарождаются серьезныя сомнѣнія насчетъ разумности всей нашей системы наказаній. Ce livre pèsera sur la conscience du siècle („эта книга оставитъ слѣды на совѣсти столѣтія"), — такъ выразился одинъ французскій критикъ. И справедливость этого замѣчанія мнѣ пришлось провѣрить во время моего пребыванія въ Америкѣ, при разговорахъ съ различными лицами, до этого времени совсѣмъ не интересовавшимися тюремнымъ вопросомъ. Эта книга оставила слѣды на ихъ совѣсти. Она заставила ихъ задуматься надъ несообразностью всей современной системы наказаній.

То же замѣчаніе можно примѣнить и ко всей дѣятельности Толстого. Будетъ ли успѣшна его попытка дать людямъ элементы міровой религіи, которая, по его мнѣнію, можетъ быть принята разумомъ, получившимъ научную подготовку, — религіи, которая можетъ служить для человѣка руководителемъ въ нравственной жизни, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшеніемъ великой соціальной задачи и всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ нею, — удастся ли эта смѣлая попытка? — Этотъ вопросъ разрѣшитъ лишь время. Одно лишь можно утверждать съ увѣренностью, а именно, что со времени Руссо ни одному человѣку не удалось затронуть людскую совѣсть такъ, какъ это сдѣлалъ Толстой своими произведеніями, касающимися нравственныхъ вопросовъ. Онъ безстрашно раскрылъ нравственныя стороны всѣхъ жгучихъ

вопросовъ современности, раскрылъ ихъ въ такой, производящей глубокое впечатлѣніе формѣ, что читатели его произведеній не могутъ ни забыть этихъ вопросовъ, ни откладывать ихъ разрѣшеніе: каждый чувствуетъ, что какое нибудь рѣшеніе должно быть найдено. Вслѣдствіе этого вліяніе Толстого не можетъ быть измѣряемо годами или десятилѣтіями; оно останется надолго. Вліяніе это не ограничивается одной какой либо страной. Въ милліонахъ оттисковъ его произведенія читаются на всѣхъ языкахъ, будятъ совѣсть людей всѣхъ классовъ и всѣхъ націй, и производятъ вездѣ одни и тѣ же результаты. Толстой является наиболѣе любимымъ, наиболѣе трогательно любимымъ человѣкомъ во всемъ мірѣ.

ГЛАВА V.

ГОНЧАРОВЪ. — ДОСТОЕВСКІЙ. — НЕКРАСОВЪ.

Гончаровъ: „Обломовъ". — Русская болѣзнь „Обломовщина". — Исключительно-ли русская она?— „Обрывъ". **Достоевскій:** Его первая повѣсть. — Общій характеръ его произведеній. — „Записки изъ Мертваго Дома". — „Униженные и Оскорбленные". — „Преступленіе и Наказаніе". — „Братья Карамазовы". **Некрасовъ:** Споры о его талантѣ. — Его любовь къ народу. — Апоѳеозъ русской женщины. Другіе прозаики той-же эпохи: **Сергѣй Аксаковъ. — Даль. — Иванъ Панаевъ. — Хвощинская.** (В. Крестовскій-псевдонимъ). Поэты той-же эпохи: **Кольцовъ. — Никитинъ. — Плещеевъ.** Поклонники чистаго искусства: **Тютчевъ. — А. Майковъ. — Щербина. — Полонскій. — А. Фетъ. — А. К. Толстой.** — Переводчики.

Несмотря на то, что Гончаровъ занимаетъ въ русской литературѣ, вслѣдъ за Тургеневымъ и Толстымъ, очень крупное мѣсто, этотъ глубоко-интересный писатель остается почти неизвѣстнымъ англійскимъ читателямъ. Онъ не отличался плодовитостью, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ очерковъ и описанія путешествія, совершеннаго имъ на военномъ кораблѣ („Фрегатъ Паллада"), перу Гончарова принадлежатъ только романы: „Обыкновенная исторія" (переведено по-англійски г-жей Констанціей Гарнеттъ), „Обломовъ" и „Обрывъ", при чемъ, именно второй изъ этихъ романовъ, „Обломовъ", завоевалъ автору мѣсто въ литературѣ на ряду съ двумя вышеупомянутыми великими писателями.

Въ Россіи Гончарова всегда характеризуютъ, какъ писателя, обладавшаго чрезвычайно объективнымъ талантомъ, но это опредѣленіе можно принимать лишь съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Писатель никогда не бываетъ совершенно

объективенъ — у него всегда есть свои симпатіи и антипатіи, и какъ бы онъ ни старался, онѣ проглянутъ сквозь самыя объективныя описанія. Съ другой стороны, хорошій писатель рѣдко позволяетъ себѣ проявлять свои собственныя душевныя движенія, предоставляя ихъ своимъ героямъ: вы не встрѣтите подобнаго авторскаго вмѣшательства ни въ произведеніяхъ Тургенева, ни въ произведеніяхъ Толстого. Но все же, въ произведеніяхъ этихъ двухъ писателей вы чувствуете, что авторы переживаютъ жизнь своихъ героевъ, что они страдаютъ и радуются вмѣстѣ съ ними — что они сами влюбляются вмѣстѣ со своими героями, и страдаютъ, когда ихъ постигаетъ несчастіе, между тѣмъ, какъ у Гончарова такое сочувственное отношеніе автора къ героямъ гораздо менѣе замѣтно. Несомнѣнно, что ему также приходилось переживать каждое ощущеніе своихъ героевъ, но онъ всячески старается относиться къ нимъ вполнѣ безпристрастно, что, конечно, совершенно недостижимо. Эпическое спокойствіе и эпическое обиліе деталей, несомнѣнно, характерны для романовъ Гончарова; но эти детали не утомительны, онѣ не уменьшаютъ впечатлѣнія, и интересъ читателя къ героямъ нисколько не отвлекается этими мелочами, потому что онѣ подъ перомъ Гончарова никогда не кажутся незначительными. Но всякій чувствуетъ, что авторъ относится къ человѣческой жизни съ глубокимъ спокойствіемъ, и что бы ни случилось съ его героями, отъ него нечего ждать страстнаго выраженія симпатіи или антипатіи къ нимъ.

Наиболѣе популяренъ изъ романовъ Гончарова „Обломовъ“. Наравнѣ съ „Отцами и Дѣтьми“ Тургенева, и „Войной и Миромъ“ и „Воскресеніемъ“ Толстого, онъ представляетъ, по моему мнѣнію, одно изъ наиболѣе глубокихъ литературныхъ произведеній послѣдней половины прошлаго столѣтія. „Обломовъ“ — глубоко національный романъ, настолько національный, что лишь русскій можетъ вполнѣ оцѣнить его; но, въ то же время, онъ имѣетъ и общеміровой характеръ, такъ какъ въ немъ изображенъ типъ, почти столь же общечеловѣческій, какъ Гамлетъ или Донъ Кихотъ.

Обломовъ — русскій помѣщикъ средняго достатка — владѣлецъ шести или семи сотъ крѣпостныхъ душъ, и время

дѣйствія романа относится къ пятидесятымъ годамъ девятнадцатаго вѣка. Все раннее дѣтство Обломова вело лишь къ уничтоженію въ немъ всякаго зачатка инициіативы, личнаго почина. Вообразите себѣ обширное, хорошо устроенное помѣщичье имѣніе въ центрѣ России, гдѣ-нибудь на живописномъ берегу Волги, при чемъ дѣйствіе происходитъ въ такое время, когда въ этой мѣстности еще нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, разрушающихъ мирную патріархальную жизнь, и не возникаетъ никакихъ „вопросовъ", могущихъ обезпокоить умы обитателей этого уголка. Какъ для владѣльцевъ имѣнія, такъ и для десятковъ ихъ слугъ и всякаго рода приживалокъ, жизнь въ имѣніи была своего рода „царствомъ довольства". Няньки, слуги, сѣнныя дѣвушки, казачки—окружаютъ ребенка съ самаго ранняго возраста, при чемъ всѣ ихъ помыслы направлены къ тому, какъ его получше накормить, заставить расти, укрѣпить и, въ то же время, не обременять его ученіемъ, а въ особенности избавить его отъ какого бы то ни было труда. — „Я ни разу не натянулъ самъ себѣ чулокъ на ногу, какъ живу, слава Богу", — говоритъ Обломовъ. Утромъ весь домъ занимается вопросомъ о томъ, что будетъ на обѣдъ, а вслѣдъ за обѣдомъ, который бываетъ сравнительно рано, наступаетъ царство сна, — сна, достигающаго эпическихъ размѣровъ, и повергающаго въ полное забвеніе всѣхъ обитателей барскаго дома; глубокій сонъ охватываетъ на нѣсколько часовъ всѣхъ, начиная со спальни помѣщика и кончая отдаленнѣйшими уголками дѣвичьей и лакейской.

Въ такой обстановкѣ проходитъ дѣтство и юность Обломова. Позднѣе онъ поступаетъ въ университетъ, но за нимъ въ столицу слѣдуютъ его вѣрные слуги, и лѣнивая сонная атмосфера родной Обломовки держитъ его даже тамъ въ своихъ заколдованныхъ объятіяхъ. Какая нибудь лекція въ университетѣ, разговоръ возвышеннаго характера съ молодымъ другомъ, какіе-то неясные порывы къ идеалу иногда волнуютъ сердце юноши, и предъ его глазами начинаютъ носиться волшебныя видѣнія, — Обломовъ не могъ совершенно избѣжать этихъ впечатлѣній университетской жизни, но убаюкивающее снотворное вліяніе Обломовки, навѣваемыя ею покой и лѣнь, чувство вполнѣ обезпеченнаго, ничѣмъ

не тревожимаго существованія умерщвляютъ даже эти слабыя впечатлѣнія университетскихъ годовъ. Другіе студенты горячатся въ спорахъ, вступаютъ въ „кружки“,—Обломовъ смотритъ спокойно вокругъ себя и задаетъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ все это?“. А когда, по окончаніи университета, онъ возвращается домой, его охватываетъ та же знакомая атмосфера. „Зачѣмъ думать и безпокоить себя тѣмъ или инымъ вопросомъ?“ Подобное безпокойство можно предоставить „другимъ“. Развѣ нѣтъ старой няньки, непрестанно думающей о комфортѣ барина?

„Домашніе не даютъ пожелать чего нибудь, — говоритъ Гончаровъ въ своей краткой автобіографіи, изъ которой можно усмотрѣть его близость къ изображаемому имъ герою, — все давно готово, предусмотрѣно. Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки: гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда — и всѣ не наглядятся на меня“.

Такова была юность Обломова и таковой же, въ значительной степени, была юность самого Гончарова, — что не могло не отразиться на его характерѣ.

Дѣйствіе романа начинается утромъ, въ квартирѣ Обломова въ Петербургѣ. Несмотря на довольно поздній часъ, Обломовъ все еще въ постели; нѣсколько разъ онъ пытался подняться, нѣсколько разъ его нога была уже въ туфляхъ, но всякій разъ, послѣ краткаго размышленія, онъ возвращается подъ одѣяло. Его вѣрный слуга, Захаръ, — въ дѣтствѣ носившій Обломова на рукахъ, — подаетъ ему чай въ постели. Являются гости; они пытаются какъ-нибудь растормошить Обломова, уговариваютъ его отправиться на майское гулянье, но Обломовъ все спрашиваетъ: „зачѣмъ?“ „Зачѣмъ буду я хлопотать и суетиться?“ — и онъ остается, по-прежнему, въ постели.

Его безпокоитъ лишь то обстоятельство, что домохозяинъ требуетъ, чтобы онъ съѣхалъ съ квартиры. Комнаты, занимаемыя Обломовымъ, унылы и пыльны, — Захаръ не принадлежитъ къ поклонникамъ чистоты, но перемѣна квартиры кажется Обломову такой катастрофой, что онъ всѣми сред-

ствами стремится избѣжать переѣзда, или, по крайней мѣрѣ, оттянуть его.

Обломовъ — хорошо образованный и воспитанный человѣкъ, обладающій утонченнымъ вкусомъ, благодаря которому онъ является хорошимъ судьей въ вопросахъ искусства. Онъ никогда не совершитъ безчестнаго поступка, потому что онъ органически на то неспособенъ. Онъ всецѣло раздѣляетъ самыя благородныя и высокія чаянія своихъ современниковъ. Подобно многимъ „идеалистамъ" того времени, онъ стыдится быть рабовладѣльцемъ, и въ головѣ его сложился смутный планъ, насчетъ его крестьянъ, который онъ все собирается изложить письменно; планъ этотъ, когда онъ будетъ приведенъ въ исполненіе, долженъ улучшить положеніе его крѣпостныхъ и, въ концѣ концовъ, способствовать ихъ полному освобожденію.

„Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ, — говоритъ Гончаровъ объ Обломовѣ, — онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько, въ глубинѣ души, плакалъ, въ иную пору, надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску и стремленіе куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ...

„Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его...

„Случается и то, что онъ исполнится презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ; задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ, стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! Какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія!..

„Но, смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно, къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ.

„И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такой солнечный закатъ!"

Такимъ образомъ, Гончаровъ описываетъ то состояніе бездѣйствія, въ которое впалъ Обломовъ въ тридцати-лѣтнемъ возрастѣ. Это — высшая поэзія лѣни, — лѣни, созданной цѣлой жизнью стараго крѣпостничества.

Обломову, какъ я уже сказалъ выше, жилось довольно неудобно на его квартирѣ; но когда домовладѣлецъ, желавшій сдѣлать какія-то поправки въ домѣ, потребовалъ очистки квартиры, Обломовъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ: переѣздъ кажется ему чѣмъ-то ужаснымъ, необычайнымъ, и онъ употребляетъ всякаго рода уловки, чтобы отдалить непріятный моментъ. Старый Захаръ пытается убѣдить Обломова, что имъ нельзя оставаться на старой квартирѣ, вопреки желанію домовладѣльца, при чемъ, необдуманно замѣчаетъ, что вѣдь „другіе“ переѣзжаютъ, когда нужно.

— „Я думалъ, что другіе, молъ, не хуже насъ, да переѣзжаютъ, такъ и намъ можно... — сказалъ Захаръ.

— „Что? Что? — вдругъ съ изумленіемъ спросилъ Илья Ильичъ, приподнимаясь съ креселъ. — Что ты сказалъ?

„Захаръ вдругъ смутился, не зная, чѣмъ онъ могъ подать барину поводъ къ патетическому восклицанію и жесту. Онъ молчалъ.

— „Другіе не хуже! — съ ужасомъ повторилъ Илья Ильичъ. — Вотъ ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все равно, что „другой!“

Спустя нѣкоторое время, Обломовъ зоветъ Захара и вступаетъ съ нимъ въ чрезвычайно характерное объясненіе, которое стоитъ привести:

— „Да ты подумалъ-ли, что такое другой? — сказалъ Обломовъ.

„Онъ остановился, продолжая глядѣть на Захара.

„— Сказать ли тебѣ, что это такое?

„Захаръ повернулся, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и вздохнулъ на всю комнату.

— „Другой — кого ты разумѣешь — есть голь окаянная, грубый, необразованный человѣкъ, живетъ грязно, бѣдно, на чердакѣ; онъ и выспится-себѣ на войлокѣ гдѣ-нибудь на дворѣ. Что этакому сдѣлается? Ничего. Трескаетъ-то онъ картофель, да селедку. Нужда мечетъ его изъ угла въ уголъ, онъ и бѣгаетъ день-деньской. Онъ, пожалуй, и переѣдетъ на новую квартиру. Вонъ, Лягаевъ, возьметъ линейку подъ мышку, да двѣ рубашки въ носовой платокъ, и идетъ... „Куда, молъ, ты?“ — „Переѣзжаю“, — говоритъ. Вотъ это такъ „другой!“ А я, по-твоему, „другой“ — а?

„Захаръ взглянулъ на барина, переступилъ съ ноги на ногу и молчалъ.

— „Что такое другой? — продолжалъ Обломовъ. — Другой есть такой человѣкъ, который самъ себѣ сапоги чиститъ, одѣвается самъ, хоть иногда и бариномъ смотритъ; да вретъ, онъ и не знаетъ, что такое прислуга; послать некого — самъ сбѣгаетъ за чѣмъ нужно: и дрова въ печкѣ самъ помѣшаетъ, иногда и пыль оботретъ...

— „Изъ нѣмцевъ много этакихъ, — угрюмо сказалъ Захаръ.

— „То-то же! А я? Какъ ты думаешь, я — „другой?"

— „Вы совсѣмъ другой! — жалобно сказалъ Захаръ, все не понимавшій, что хочетъ сказать баринъ. — Богъ знаетъ, что это напустило такое на васъ...

— „Я совсѣмъ другой — а? Погоди, ты посмотри, что ты говоришь! Ты разбери-ка, какъ „другой"-то живетъ? „Другой" работаетъ безъ устали, бѣгаетъ, суетится, — продолжалъ Обломовъ: — не поработаетъ, такъ и не поѣстъ. „Другой" кланяется, „другой" проситъ, унижается... А я? Ну-ка, рѣши: какъ ты думаешь, „другой" я — а?

— „Да полно вамъ, батюшка, томить-то меня жалкими словами! — умолялъ Захаръ. — Ахъ, ты, Господи!

— „Я „другой!" Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? Мало ѣмъ, что-ли? Худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать — есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? Изъ чего мнѣ? И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался. Такъ какъ же это у тебя достало духу равнять меня съ другими? Развѣ у меня такое здоровье, какъ у этихъ „другихъ"? Развѣ я могу все это дѣлать и перенести?"

Позднѣе, когда Захаръ приноситъ стаканъ квасу, Обломовъ снова начинаетъ пилить его:

— „Нѣтъ, нѣтъ, ты постой! — заговорилъ Обломовъ. — Я спрашиваю тебя: какъ ты могъ такъ горько оскорбить барина, котораго ты ребенкомъ носилъ на рукахъ, которому вѣкъ служишь и который благодѣтельствуетъ тебѣ?".

„Захаръ не выдержалъ: слово „благодѣтельствуетъ" доконало его! Онъ началъ мигать чаще и чаще. Чѣмъ меньше понималъ онъ, что говорилъ ему въ патетической рѣчи Илья Ильичъ, тѣмъ грустнѣе становилось ему".

Въ концѣ концовъ „жалкія" слова барина вызываютъ у Захара слезы, а Илья Ильичъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, откладываетъ сочиненіе письма домовладѣльцу до завтра, говоря Захару:

— „Ну, я теперь прилягу немного: измучился совсѣмъ; ты опусти шторы, да затвори меня поплотнѣе, чтобы не мѣшали, можетъ быть, я съ часикъ и усну; а въ половинѣ пятаго разбуди".

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Обломовъ познакомился съ молодой дѣвушкой, Ольгой, которая, можетъ быть, является наилучшимъ изображеніемъ русской женщины въ нашей беллетристикѣ. Общій другъ Ольги и Обломова, Штольцъ, еще до знакомства Ольги съ Обломовымъ много говорилъ ей о своемъ другѣ — о его талантливости, не находящей примѣненія, и о его лѣни, которая, въ концѣ концовъ, должна изуродовать его жизнь. Женщины всегда готовы выступать въ роли спасительницы, и Ольга пытается вытащить Обломова изъ засасывающаго его болота сонной чисто-растительной жизни. Она превосходно поетъ, и на Обломова, большого любителя музыки, ея пѣніе производитъ глубокое впечатлѣніе.

Постепенно Ольга и Обломовъ начинаютъ любить другъ друга, и она пытается пробудить его отъ лѣни, разбудить въ немъ стремленія къ высшимъ интересамъ жизни. Она настаиваетъ, чтобы Обломовъ закончилъ, наконецъ, проектъ объ улучшеніи благосостоянія своихъ крестьянъ, которымъ онъ, по его словамъ, занятъ цѣлые годы. Она пытается пробудить въ немъ интересъ къ искусству и литературѣ, создать для него жизнь, въ которой его талантливая натура нашла бы примѣненіе своимъ силамъ. Сначала кажется что энергія и обаятельность Ольги незамѣтно и постепенно обновятъ Обломова. Онъ пробуждается, возвращается къ жизни. Любовь Ольги къ Обломову, развитіе которой обрисовано Гончаровымъ почти съ Тургеневскимъ мастерствомъ, дѣлается все болѣе глубокой; по всѣмъ видимостямъ дѣло должно закончиться бракомъ... Но именно этотъ послѣдній неизбѣжный шагъ пугаетъ Обломова. Для этого ему нужно встряхнуться, съѣздить въ имѣніе и уладить дѣла, — словомъ, разрушить лѣнивое однообразіе своей повседневной жизни, — и онъ не въ силахъ это сдѣлать. Онъ никакъ не можетъ рѣшиться на первые необходимые шаги. Онъ откладываетъ ихъ со дня на день и, въ концѣ концовъ, опять погружается въ „обломовщину", возвращается къ халату, постели и туфлямъ. Ольга готова совершить подвигъ, превышающій ея

силы: она пытается своей любовью вдохнуть энергію въ Обломова; но, въ концѣ концовъ, ей приходится признать, что всѣ ея усилія — безполезны, и что она черезчуръ положилась на свои силы: болѣзнь Обломова неизлѣчима. Ольга разстается съ Обломовымъ, и Гончаровъ описываетъ это расхожденіе въ одной изъ замѣчательныхъ по красотѣ сценъ романа, часть которой я привожу ниже:

— „Такъ намъ пора разстаться, — рѣшила она.—Если бы ты и женился, что̀ потомъ?

„Онъ молчалъ.

— „Ты засыпалъ бы съ каждымъ днемъ все глубже — неправда ли? А я? Ты видишь, какая я? Я не состарѣюсь, не устану жить никогда. А съ тобой мы стали бы жить изо дня въ день, ждать Рождества, потомъ масленицы, ѣздить въ гости, танцовать и не думать ни о чемъ; ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошелъ, а утромъ просыпались бы съ желаніемъ, чтобы сегодня походило на вчера... вотъ наше будущее — да? Развѣ это жизнь? Я зачахну, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастливъ...

„Онъ мучительно провелъ глазами по потолку, хотѣлъ сойти съ мѣста, бѣжать — ноги не повиновались. Хотѣлъ сказать что-то: — во рту было сухо, языкъ не ворочался, голосъ не выходилъ изъ груди. Онъ протянулъ ей руку.

— „Стало быть... — началъ онъ упавшимъ голосомъ, но не кончилъ и взглядомъ досказалъ: „прости!".

„И она хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала, протянула ему руку, но рука, не коснувшись его руки, упала; хотѣла-было, также, сказать: „прощай!", но голосъ у ней на половинѣ слова сорвался и взялъ фальшивую ноту; лицо исказилось судорогой, она положила руку и голову ему на плечо и зарыдала. У ней какъ будто вырвали оружіе изъ рукъ. Умница пропала — явилась просто женщина, беззащитная противъ горя.

— „Прощай, прощай... — вырвалось у ней среди рыданій...

„...Нѣтъ, — сказала Ольга, поднявъ голову и стараясь взглянуть на него сквозь слезы. — Я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... голубь; ты прячешь голову подъ крыло — и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю! Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ не достаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!"

Они разстаются; Ольга переноситъ тяжелую болѣзнь, а Обломовъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, женится на квартирной хозяйкѣ, — спокойной особѣ съ очень красивыми

локтями, прекрасной хозяйкѣ, постигшей всѣ тайны кулинарнаго искусства. Ольга, въ свою очередь, позднѣе выходитъ замужъ за Штольца. Самъ Штольцъ скорѣе является символомъ разумной промышленной дѣятельности, чѣмъ живымъ человѣкомъ; онъ не списанъ съ живого образа, а изобрѣтенъ Гончаровымъ, поэтому я не буду останавливаться на этомъ типѣ.

Впечатлѣніе, которое этотъ романъ при своемъ появленіи (1859 г.) произвелъ въ Россіи, не поддается описанію. Это было болѣе крупное литературное событіе, чѣмъ появленіе новой повѣсти Тургенева. Вся образованная Россія читала „Обломова“ и обсуждала „обломовщину“. Каждый читатель находилъ нѣчто родственное въ типѣ Обломова, чувствуя себя въ бо̀льшей или мѐньшей степени пораженнымъ той же болѣзнью. Образъ Ольги вызывалъ чувство почти благоговѣйнаго поклоненія ей въ тысячахъ молодыхъ читателей; ея любимая пѣснь, „Casta Diva“, сдѣлалась любимой пѣснью молодежи. Даже теперь, сорокъ лѣтъ спустя послѣ появленія романа, можно читать и перечитывать „Обломова“ все съ тѣмъ же наслажденіемъ; романъ не только не потерялъ своего значенія, но, какъ всѣ геніальныя произведенія искусства, сохранилъ это значеніе и оно лишь углубилось: Обломовы не исчезли до сихъ поръ, измѣнилась лишь обстановка.

Во время появленія романа слово „обломовщина“ употреблялось всѣми для характеристики положенія Россіи. Вся русская жизнь, вся русская исторія носятъ на себѣ слѣды этой болѣзни, — той лѣности ума и сердца, лѣности почти возведенной въ добродѣтель, того консерватизма и инерціи, того презрѣнія къ энергичной дѣятельности, которые характеризуютъ Обломова и которыя такъ усиленно культивировались во времена крѣпостного права, даже среди лучшихъ людей Россіи, даже среди тогдашнихъ „недовольныхъ“. „Печальное слѣдствіе рабства“, — говорили тогда. Но по мѣрѣ того, какъ эпоха крѣпостного права уходитъ все далѣе въ область исторіи, мы начинаемъ сознавать, что Обломовы продолжаютъ жить и въ нашей средѣ: крѣпостное право не было, стало быть, единственнымъ факторомъ, создавшимъ этотъ типъ людей; и мы приходимъ къ заключе-

нію, что самыя условія жизни обезпеченныхъ классовъ, рутина цивилизованной жизни—содѣйствуютъ развитію и поддержанію этого типа.

Другіе говорятъ по поводу Обломова: „расовыя черты, характерныя для русской расы", — и въ этомъ они въ значительной степени правы. Отсутствіе любви къ борьбѣ — „моя хата съ краю" — въ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ; отсутствіе „аггрессивныхъ" добродѣтелей; непротивленіе и пассивное подчиненіе — всѣ эти черты характера въ значительной степени присущи русской расѣ. Можетъ быть, благодаря этому, русскому писателю и удалось съ такой яркостью очертить этотъ типъ. Но, несмотря на все вышесказанное, типъ Обломова вовсе не ограничивается предѣлами одной Россіи; это — универсальный типъ, — типъ, созданный нашей современной цивилизаціей, возникающій во всякой достаточной, самоудовлетворенной средѣ. Обломовъ — консервативный типъ; консервативный не въ политическомъ смыслѣ этого слова, но въ смыслѣ консерватизма благосостоянія. Человѣкъ, достигшій извѣстной степени обезпеченности, или унаслѣдовавшій болѣе или менѣе крупное состояніе, избѣгаетъ предпринимать что-либо новое, потому что это „новое" можетъ внести нѣчто непріятное и безпокойное въ его спокойное безпечальное существованіе; онъ предпочитаетъ коснѣть, ведя жизнь, лишенную истинныхъ импульсовъ дѣйствительной жизни, изъ боязни, какъ бы подобные импульсы не нарушили спокойствіе его чисто-растительнаго существованія.

Обломовъ знаетъ истинную цѣну искусства и его импульсовъ; онъ знаетъ высшій энтузіазмъ поэтической любви; онъ знакомъ съ этими ощущеніями по опыту. Но — „зачѣмъ?" — спрашиваетъ онъ снова и снова. — Зачѣмъ все это „безпокойство?" Зачѣмъ выходить и сталкиваться съ людьми? Онъ — вовсе не Діогенъ, отрѣшившійся отъ всѣхъ потребностей, — совсѣмъ напротивъ: если жаркое, поданное ему, пересохло, или дичь пережарена, онъ очень близко принимаетъ это къ сердцу. „Безпокойствомъ" онъ считаетъ лишь высшіе интересы жизни, думая, что они не стоятъ „хлопотъ". Въ молодости Обломовъ мечталъ освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, но такимъ образомъ, чтобы

это освобожденіе не принесло значительнаго ущерба его доходамъ. Постепенно онъ забылъ объ этихъ юношескихъ планахъ и теперь заботится лишь о томъ, чтобы управленіе имѣніемъ приносило ему возможно меньше „хлопотъ". По словамъ самого Обломова, онъ „не знаетъ, что такое — барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаетъ, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ". Когда Обломовъ мечтаетъ о жизни въ деревнѣ въ собственномъ имѣніи, жизнь эта представляется ему, какъ рядъ пикниковъ и идиллическихъ прогулокъ въ сообществѣ добродушной, покорной и дородной жены, которая съ обожаніемъ глядитъ ему въ глаза. Вопросъ о томъ, — какимъ образомъ достается ему вся эта обезпеченность, чего ради люди должны работать на него? — никогда не приходитъ ему въ голову. Но развѣ мало найдется разбросанныхъ по всему міру владѣльцевъ фабрикъ, хлѣбныхъ полей и каменноугольныхъ шахтъ, или акціонеровъ различныхъ предпріятій, которые смотрятъ на свою собственность точно такъ же, какъ Обломовъ смотрѣлъ на свое имѣніе, т. е. идиллически наслаждаясь работой другихъ и не принимая сами ни малѣйшаго участія въ этой работѣ?

На мѣсто выросшаго въ деревнѣ Обломова можно поставить Обломова городского, — сущность типа отъ этого не измѣнится. Всякій внимательный наблюдатель найдетъ значительное количество представителей Обломовскаго типа въ интеллектуальной, соціальной и даже личной жизни. Всякая новизна въ интеллектуальной сферѣ причиняетъ Обломовымъ безпокойство; они хотѣли бы, чтобы всѣ люди обладали одинаковыми идеями. Они относятся подозрительно къ соціальнымъ реформамъ, такъ какъ даже намекъ на какую-либо перемѣну пугаетъ ихъ. Обломовъ любимъ Ольгой и любитъ ее, но такой рѣшительный поступокъ, какъ бракъ, — пугаетъ его. Ольга черезчуръ безпокойна для него. Она заставляетъ его идти смотрѣть картины, читать и обсуждать прочитанное, спорить, — словомъ, она втягиваетъ его въ вихрь жизни. Она любитъ его настолько горячо, что готова слѣдовать за нимъ, даже не вѣнчаясь.

Но, самая сила ея любви, самая напряженная жизненность Ольги пугаютъ Обломова.

Онъ пытается найти всевозможные предлоги, чтобы оградить свое растительное существованіе отъ этого притока жизни; онъ настолько высоко цѣнитъ мелкія матеріальныя удобства своей жизни, что не осмѣливается любить, — боится любви со всѣми ея послѣдствіями — „ея слезами, ея импульсами, ея жизнью“ и вскорѣ снова впадаетъ въ удобную „обломовщину“.

Несомнѣнно, что „обломовщину“ нельзя разсматривать, какъ расовую болѣзнь. Она существуетъ на обоихъ континентахъ и подъ всѣми широтами. Помимо „обломовщины“, столь ярко обрисованной Гончаровымъ, имѣется помѣщичья „обломовщина“, чиновничья „обломовщина“ — откладывать въ долгій ящикъ, научная „обломовщина“ и, какъ вѣнецъ всего этого, семейная „обломовщина“, которой всѣ мы охотно платимъ щедрую дань.

„Обрывъ“.

Послѣдній и наиболѣе обширный романъ Гончарова, „Обрывъ“, не отличается тѣмъ единствомъ замысла и созданія, какія характеризуютъ „Обломова“. Въ романѣ этомъ найдется не мало чудныхъ страницъ, достойныхъ великаго художника, но, тѣмъ не менѣе, въ общемъ его должно считать неудавшимся. Гончаровъ затратилъ десять лѣтъ на его обработку и, начавъ изображать типы одного поколѣнія, онъ впослѣдствіи приспособилъ ихъ къ типамъ слѣдующаго поколѣнія, а между тѣмъ, въ изображенной имъ эпохѣ типы отцовъ и дѣтей глубоко отличались другъ отъ друга: онъ самъ призналъ это въ очень любопытномъ очеркѣ, въ которомъ разсказываетъ исторію созданія своихъ романовъ. Въ результатѣ, характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Обрыва“ не отличаются, такъ сказать, цѣлостностью. Женскій типъ, изображенный имъ съ восхищенной любовью, — Вѣра, которую онъ стремится представить въ возможно симпатичномъ свѣтѣ, несомнѣнно, интересна, но вовсе не вызываетъ симпатіи читателей. Можно думать, что воображеніе Гончарова, когда онъ изображалъ свою Вѣру, было за-

нято двумя совершенно различными женскими типами: одинъ — который онъ пытался изобразить въ лицѣ Софьи Бѣловодовой, совершенно ему не удавшейся, а другой — нарождавшійся тогда типъ женщины 60-хъ годовъ; этимъ типомъ онъ любовался и ему удалось схватить его нѣкоторыя черты, но, въ общемъ, онъ его не понялъ. Жестокое отношеніе Вѣры къ бабушкѣ и Райскому, герою романа, дѣлаетъ ее чрезвычайно несимпатичной, несмотря на то, что вы постоянно чувствуете при чтеніи романа обожаніе, съ какимъ относится къ своей героинѣ самъ авторъ. Что же касается до нигилиста, Волохова, то это — просто карикатура, можетъ быть и взятая изъ дѣйствительной жизни, но совершенно негодящаяся въ представители типа нигилиста.

По словамъ самого Гончарова, первоначально въ лицѣ Волохова онъ началъ-было изображать отщепенца-радикала сороковыхъ годовъ, вполнѣ сохранившаго Донъ-Жуановскія черты русскихъ „байронистовъ“ предшествующаго поколѣнія. Но обработывая романъ, который еще не былъ законченъ къ концу пятидесятыхъ годовъ, Гончаровъ придалъ Волохову черты нигилиста, революціонера начала шестидесятыхъ годовъ, и, въ результатѣ, читатель чувствуетъ двойственное происхожденіе какъ Волохова, такъ и Вѣры. Изъ главныхъ фигуръ романа едва-ли не лучше всѣхъ, и всѣхъ вѣрнѣе дѣйствительности, изображена бабушка Вѣры. Это— прекрасно нарисованная фигура простой, разумной, независимой женщины стараго поколѣнія. Такъ-же хорошо изображена Марѳинька, сестра Вѣры- ничѣмъ не выдающаяся дѣвушка, полная жизни, преклоняющаяся предъ старыми традиціями,—дѣвушка, обѣщающая сдѣлаться прекрасной и честной матерью семьи. Эти двѣ главныя фигуры романа, а также нѣсколько второстепенныхъ и, пожалуй, самъ Райскій, созданы, дѣйствительно, великимъ художникомъ; но и тутъ нужно сказать, что въ томъ трагизмѣ, съ какимъ бабушка относится къ „паденію“ своей внучки, — не мало преувеличенія. Что же касается до фона романа — имѣніе надъ обрывомъ, ведущимъ къ Волгѣ — то это одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ пейзажей въ русской литературѣ.

Достоевскій.

На долю немногихъ писателей выпалъ такой блестящій успѣхъ, какимъ было встрѣчено первое появленіе Достоевскаго въ русской литературѣ. Въ 1837 году онъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ пятнадцатилѣтнимъ юношей. Окончивъ Инженерное училище, и прослуживъ два года въ качествѣ инженера, онъ оставилъ службу съ цѣлью посвятить себя литературѣ. Ему было всего 24 года, когда онъ закончилъ свой первый романъ, „Бѣдные люди", который его школьный товарищъ Григоровичъ отдалъ Некрасову для помѣщенія въ издававшемся послѣднимъ литературномъ альманахѣ. Достоевскій сильно сомнѣвался—удостоится ли его романъ даже прочтенія редактора. Онъ жилъ тогда въ маленькой бѣдной комнаткѣ и крѣпко спалъ, когда Григоровичъ и Некрасовъ постучались къ нему въ четыре часа утра. Они бросились обнимать его, поздравляя его, со слезами на глазахъ. Оказалось, что Некрасовъ и Григоровичъ принялись читать рукопись романа поздно вечеромъ и не могли остановиться, пока не окончили ея, при чемъ они были такъ глубоко потрясены чтеніемъ, что рѣшили, несмотря на неурочный часъ, отправиться къ автору и сообщить ему о полученномъ ими впечатлѣніи. Нѣсколько дней спустя Достоевскаго познакомили съ великимъ критикомъ того времени, Бѣлинскимъ, со стороны котораго молодой авторъ встрѣтилъ такой же горячій пріемъ. Не менѣе сильное впечатлѣніе романъ произвелъ и на читающую публику.

Жизнь Достоевскаго была чрезвычайно печальна. Въ 1849 году, т. е. четыре года послѣ появленія романа „Бѣдные люди", Достоевскій оказался замѣшаннымъ въ фурьеристскомъ движеніи, какъ членъ кружка Петрашевскаго. Русскіе фурьеристы собирались тогда для чтенія произведеній Фурье и другихъ французскихъ соціалистовъ, обсуждали ихъ и толковали о необходимости соціалистическаго движенія въ Россіи. На одномъ изъ такихъ собраній Достоевскій читалъ извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, въ которомъ великій критикъ довольно рѣзко отзывался о

русской церкви и государствѣ; Достоевскій также присутствовалъ на собраніи, когда обсуждался вопросъ объ устройствѣ тайной типографіи. Его арестовали, судили (конечно, при закрытыхъ дверяхъ) и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами кружка, присудили къ смертной казни. Въ декабрѣ 1849 года онъ былъ вывезенъ на площадь, поставленъ на эшафотъ подъ висѣлицей, выслушалъ многословный судебный приговоръ, осудившій его на смерть, и лишь въ послѣдній моментъ прибывшій на мѣсто казни фельдъегерь привезъ прощеніе Николая I „преступникамъ". Спустя три дня послѣ этого драматическаго эпизода, Достоевскій былъ высланъ въ Сибирь и попалъ въ каторжную тюрьму города Омска. Тамъ онъ пробылъ четыре года, послѣ чего былъ отданъ въ солдаты. Въ Россіи упорно носился слухъ, что во время его нахожденія въ каторжной тюрьмѣ онъ былъ подвергнутъ, за какой-то мелкій проступокъ, наказанію плетью, и что къ этому времени относится начало его болѣзни, эпилепсіи, отъ которой онъ не могъ освободиться всю свою послѣдующую жизнь *). Амнистія по случаю коронаціи Александра II не улучшила судьбы Достоевскаго. Только въ 1859 году, т. е. четыре года спустя послѣ восшествія на престолъ Александра II-го, великій писатель былъ помилованъ, и ему разрѣшено было возвратиться въ Россію. Онъ умеръ въ 1881 году.

*) Легенда о тѣлесномъ наказаніи, которому будто бы подвергали Достоевскаго на каторгѣ, опровергается его біографами (см. Біографію, Письма и Замѣтки изъ записной книжки И. Ѳ. Достоевскаго, Спб. 1883 г., стр. 140—141), близко знавшимъ его д-ромъ Яновскимъ и братомъ писателя. Падучей Достоевскій страдалъ, по словамъ А. П. Милюкова, близко знавшаго его въ 40-хъ годахъ, до ссылки, но припадки были слабыми и рѣдкими; болѣзнь, несомнѣнно, обострилась на каторгѣ. По новѣйшему изслѣдованію Мартынова („Дѣла и люди вѣка", т. III, стр. 263) Достоевскій тѣлесному наказанію на каторгѣ не подвергался, хотя былъ однажды случай, когда плацъ-маіоръ Кривцовъ хотѣлъ наказать его розгами, но объ этомъ немедленно дали знать генералу де-Граве, который сдѣлалъ Кривцову публичный выговоръ. Изъ собранныхъ Мартыновымъ матеріаловъ о пребываніи Достоевскаго и Дурова на каторгѣ видно, что нѣкоторые изъ начальствовавшихъ лицъ (генералъ Бориславскій и др.) всячески старались смягчить участь Петрашевцевъ въ Омскѣ, насколько это, конечно, было возможно въ то суровое время.

Прим. переводчика.

Достоевскій писалъ быстро и уже раньше ареста успѣлъ создать около десяти болѣе или менѣе крупныхъ повѣстей, среди которыхъ, помимо „Бѣдныхъ людей“ обращаетъ на себя вниманіе „Двойникъ“, являющійся предшественникомъ его позднѣйшихъ психо-патологическихъ романовъ и „Неточка Незванова“, указывающіе на быстрое созрѣваніе первокласснаго литературнаго таланта. По возвращеніи изъ Сибири Достоевскій напечаталъ рядъ романовъ, произведшихъ глубокое впечатлѣніе на читающую публику. Онъ началъ эту серію произведеній крупнымъ романомъ, „Униженные и Оскорбленные“. За ними вскорѣ послѣдовали „Записки изъ Мертваго Дома“, въ которыхъ онъ разсказалъ свои впечатлѣнія изъ пребыванія на каторгѣ. Вслѣдъ затѣмъ появился романъ „Преступленіе и Наказаніе“, который затронулъ рядъ общественныхъ вопросовъ и впослѣдствіи пользовался большимъ вниманіемъ въ Европѣ и Америкѣ. „Братья Карамазовы“, романъ, считающійся наиболѣе обработаннымъ его произведеніемъ, еще болѣе вдается въ область преступности и ея причинъ, чѣмъ „Преступленіе и Наказаніе“, а „Подростокъ“, „Идіотъ“ и „Бѣсы“ принадлежатъ къ серіи романовъ, посвященныхъ психо-патологическимъ проблемамъ.

Если разсматривать произведенія Достоевскаго исключительно съ эстетической точки зрѣнія, то приговоръ критиковъ относительно ихъ литературной цѣнности едва-ли былъ бы очень лестенъ для автора. Достоевскій писалъ съ такой быстротой и такъ мало заботился объ обработкѣ своихъ произведеній, что, какъ указалъ Добролюбовъ, ихъ литературная форма иногда бываетъ ниже всякой критики. Рѣчи его героевъ не отличаются послѣдовательностью; они часто повторяютъ самихъ себя, и всякій разъ при появленіи героя вы чувствуете за его спиной самого автора. Помимо этого, къ этимъ серьезнымъ недостаткамъ присоединяются чрезвычайно романтическія и устарѣвшія формы сюжетовъ его романовъ, безпорядокъ ихъ построенія, не наблюдаемая въ дѣйствительной жизни смѣна событій, — не говоря уже объ атмосферѣ сумасшедшаго дома, въ которой всѣ эти событія происходятъ. И все же, несмотря на все вышеуказанное, произведенія Достоевскаго проникнуты мѣстами такимъ глубокимъ чувствомъ реальнаго, что рядомъ съ со-

вершенно фантастическими характерами, вы находите характеры, такъ часто встрѣчающіеся въ жизни и настолько реальные, — особенно, какъ только онъ касается „униженныхъ“ въ родѣ Мармеладовыхъ,—что вы забываете о вышеупомянутыхъ недостаткахъ таланта Достоевскаго. Если вы даже думаете иногда, что рѣчи героевъ Достоевскаго едва-ли переданы имъ точно, вы чувствуете, что люди, которыхъ онъ описываетъ,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ,—именно такіе люди, какихъ онъ стремился изобразить.

„Записки изъ Мертваго Дома“ — единственное произведеніе Достоевскаго, которое можно признать безупречнымъ въ художественномъ отношеніи; руководящая идея этого произведенія—прекрасна, и его форма вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ; но въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ авторъ не въ силахъ справиться съ овладѣвающими имъ идеями, не можетъ довести ихъ до полной ясности для самого себя; художественное воспріятіе замѣняется нервной возбужденностью, вслѣдствіе чего страдаетъ и форма и сущность произведеній: неясныя идеи автора не находятъ надлежащей формы выраженія. Въ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго его излюбленными героями являются люди, которымъ обстоятельства жизни создали такое положеніе, что они потеряли всякую надежду снова подняться. Вы чувствуете, однако, что Достоевскій находитъ истинное удовольствіе въ описаніи моральныхъ и физическихъ страданій этихъ униженныхъ,—что онъ наслаждается, изображая тѣ умственныя страданія, ту полную безнадежность и ту придавленность человѣческой природы, которыя характеризуютъ неврс-патологическіе случаи. На ряду съ подобными страдальцами вы найдете, правда, нѣсколько другихъ, страданія которыхъ носятъ такой глубоко-человѣческій характеръ, что они завоевываютъ всѣ ваши симпатіи; но все же любимыми героями Достоевскаго являются люди, думающіе о себѣ что они не обладаютъ достаточной силой, чтобы завоевать уваженіе, или даже не имѣютъ права, по ихъ мнѣнію, чтобы съ ними обращались какъ съ человѣческими существами. Они обыкновенно дѣлаютъ скромную попытку защитить свою личность, попытка эта не удается, и, вслѣдъ за тѣмъ, они подчиняются гнетущимъ обстоятельствамъ и не повторяютъ больше этой по-

пытки. Они погружаются въ безнадежное отчаяніе и умираютъ, или отъ чахотки, или отъ нищеты, или, наконецъ, дѣлаются жертвами какой-нибудь психической болѣзни, чего-либо въ родѣ сумасшествія, съ ясными промежутками, во время которыхъ они могутъ подниматься до вершинъ человѣческой философіи; иные же ожесточаются настолько, что совершаютъ преступленіе, въ которомъ, впрочемъ, немедленно раскаиваются.

Въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ" изображается молодой человѣкъ, безумно любящій дѣвушку изъ сравнительно бѣдной семьи. Эта дѣвушка, въ свою очередь, влюбляется въ аристократа, князя, человѣка безъ принциповъ, но очаровательнаго въ своемъ дѣтскомъ эгоизмѣ, привлекательнаго своей искренностью, и обладающаго незавидной способностью безсознательно причинять наибольшее зло тѣмъ людямъ, съ которыми его сталкиваетъ жизнь. Психологически и дѣвушка и молодой аристократъ изображены хорошо, но наилучшими сценами романа являются тѣ, въ которыхъ Достоевскій изображаетъ другого молодого обожателя дѣвушки, отвергнутаго ею, который, несмотря на это, посвящаетъ все свое существованіе на смиренное служеніе этой дѣвушкѣ и, помимо своей воли, помогаетъ ей попасть въ руки молодого аристократа. Все это вполнѣ возможно; подобныя положенія встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, и все это разсказано Достоевскимъ такимъ образомъ, что читатель чувствуетъ глубочайшее состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; но даже въ этомъ романѣ удовольствіе, которое авторъ находитъ въ изображеніи безграничнаго униженія и рабства героевъ романа, и наслажденія, которое они испытываютъ отъ причиненныхъ имъ страданій и униженій — дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ на всякаго, обладающаго здоровымъ, неизвращеннымъ умомъ.

Слѣдующій большой романъ Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе" произвелъ настоящую сенсацію. Герой романа — молодой студентъ, Раскольниковъ, глубоко-любящій свою мать и сестру, такихъ же бѣдняковъ, какъ и онъ самъ, — преслѣдуемый желаніемъ найти гдѣ-либо денегъ, чтобы закончить свое образованіе и быть въ состояніи оказать поддержку дорогимъ для него людямъ, нападаетъ на идею —

убить знакомую старуху-ростовщицу и забрать у нея нѣсколько тысячъ рублей, которыя, по слухамъ, она имѣла. Цѣлый рядъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ укрѣпляетъ его въ этой мысли и толкаетъ его къ совершенію задуманнаго. Такъ, его сестра, не видя выхода изъ нищеты, рѣшается пожертвовать собой для пользы семьи и выйти замужъ за пожилого богача; Раскольниковъ рѣшается во что бы то ни стало помѣшать этому браку. Въ это-же время онъ встрѣчается съ однимъ старымъ чиновникомъ-пьяницей, у котораго имѣется чрезвычайно симпатичная дочь отъ перваго брака, Соня. Семья чиновника находится въ когтяхъ жесточайшей нужды, возможной лишь въ большихъ городахъ, какъ Петербургъ, и Раскольниковъ глубоко заинтересованъ судьбой семьи. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, а также вслѣдствіе все болѣе гнетущей его самого нужды, и раздражающихъ его картинъ несчастья и бѣдности, окружающихъ его, Раскольниковъ все болѣе укрѣпляется въ мысли убить старуху-ростовщицу. Наконецъ, онъ совершаетъ задуманное преступленіе и, какъ можно было заранѣе предвидѣть, не пользуется деньгами убитой: онъ, въ своемъ возбужденіи, находитъ только часть. Вслѣдъ затѣмъ, проведя нѣсколько ужасныхъ дней въ раскаяніи и стыдѣ, — опять подъ давленіемъ различныхъ обстоятельствъ, усиливающихъ угрызенія его совѣсти,—Раскольниковъ сдается полиціи, донося на себя, какъ на убійцу старухи ростовщицы и ея сестры.

Я далъ, конечно, лишь самую краткую схему содержанія романа; произведеніе это полно захватывающихъ читателя сценъ бѣдности и нравственнаго паденія; помимо главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ этихъ сценахъ появляются второстепенныя, какъ, напр., пожилой помѣщикъ, въ семьѣ котораго сестра Раскольникова была гувернанткой, судебный слѣдователь, съ которымъ Раскольниковъ ведетъ очень драматическую борьбу, и т. д.

Указавъ на множество причинъ, наталкивавшихъ Раскольникова на совершеніе преступленія, Достоевскій счелъ, однако, нужнымъ ввести еще одинъ чисто-теоретическій мотивъ. Читатель уже въ срединѣ романа узнаетъ, что Раскольниковъ, захваченный идеями современной матеріали-

стической философіи, напечаталъ въ одной газетѣ статью, въ которой онъ пытался доказать, что люди раздѣляются на существа высшаго и низшаго порядка, при чемъ, для первыхъ (образцомъ которыхъ является Наполеонъ) обычныя правила нравственности необязательны. Въ сущности, какъ оказывается изъ послѣдующихъ произведеній Достоевскаго, въ этомъ былъ для него главный вопросъ: имѣлъ-ли Раскольниковъ нравственное право на убійство, а главное — что могло бы его удержать, разъ такая мысль явилась у него? Большинство читателей этого романа, а также и литературныхъ критиковъ съ большой похвалой отзываются о психологическомъ анализѣ души Раскольникова и мотивовъ, приведшихъ его къ отчаянному поступку. Я, однако, позволю себѣ замѣтить, что уже одно нагроможденіе Достоевскимъ случайныхъ причинъ указываетъ на то, что авторъ самъ чувствовалъ трудность проведенія въ романѣ той идеи, что пропаганда матеріалистическихъ воззрѣній можетъ въ дѣйствительности довести честнаго молодого человѣка до такого преступленія, какое совершилъ Раскольниковъ. Раскольниковы не дѣлаются убійцами подъ вліяніемъ подобныхъ теоретическихъ соображеній; а, съ другой стороны, люди, которые совершаютъ убійства, ссылаясь на подобные мотивы (въ родѣ Lebiès въ Парижѣ), никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ типу Раскольниковыхъ *). За изображеніемъ Раскольникова я чувствую самого Достоевскаго, который пытается разрѣшить вопросъ: могъ ли бы онъ самъ, или человѣкъ въ родѣ него, быть доведенъ до совершенія преступленія, какъ Раскольниковъ, и какіе сдерживающіе мотивы могли бы помѣшать ему, Достоевскому, стать убійцей. Но дѣло въ томъ, что такіе люди не убиваютъ. Кромѣ того, люди въ родѣ судебнаго слѣдователя или Свидригайлова принадлежатъ къ области романтическаго изобрѣтенія. Люди Свидригайловскаго типа не разсуждаютъ о своихъ порокахъ, а тѣ, которые разсуждаютъ, не достигаютъ порочности демоническаго героя этого романа.

---

*) Lebiès, парижскій студентъ, разсуждая подъ вліяніемъ теоріи борьбы за существованіе, убилъ ростовщицу. Онъ нисколько не раскаялся, а держался вызывающимъ образомъ по отношенію къ своимъ обвинителямъ и ихъ суду.

Несмотря, однако, на всѣ указанные недостатки, этотъ романъ Достоевскаго производитъ сильное впечатлѣніе, благодаря чрезвычайно реалистическимъ картинамъ нищеты. Какъ только Достоевскій говоритъ о нищетѣ, а въ особенности о дѣтяхъ, напр., Сонѣ, какъ становится великимъ реалистомъ — оттого онъ и внушаетъ всякому честному молодому читателю глубокое сочувствіе къ самымъ низко павшимъ людямъ изъ городской нищеты. Въ изображеніяхъ этого рода Достоевскій возвышается до истиннаго реализма въ лучшемъ значеніи этого слова, и можетъ быть поставленъ на ряду съ Тургеневымъ и Толстымъ. Мармеладовъ — старикъ пьяница-чиновникъ, его пьяныя іереміады и его смерть, его семья, эпизоды послѣ его смерти, его жена и дочь Соня — все это живыя существа, реальныя изображенія эпизодовъ изъ жизни бѣднѣйшихъ людей, и страницы, посвященныя имъ Достоевскимъ, принадлежатъ къ наиболѣе драматическимъ и трогательнымъ страницамъ во всеміpной литературѣ. Онѣ отмѣчены печатью истиннаго генія.

„Братья Карамазовы" — наиболѣе обработанный въ художественномъ отношеніи романъ Достоевскаго, и въ этомъ романѣ всѣ внутренніе недостатки, присущіе уму и воображенію автора, нашли свое полнѣйшее выраженіе. Философія этого романа заключается въ изображеніи невѣрующей Западной Европы, дико-страстной, пьянствующей дореформенной Россіи, преступной Россіи, и, наконецъ, Россіи реформированной при помощи вѣры и молитвъ; каждое изъ этихъ изображеній воплощено въ одномъ изъ четырехъ братьевъ Карамазовыхъ. Главная идея автора, насколько она самому ему ясна среди бездны живущихъ въ немъ противорѣчій, та, что въ человѣкѣ столько низкихъ страстей, что удержать его отъ полнаго безобразія можетъ не идеалъ, даже не вѣра, не христіанство, а только могучая церковь. При этомъ, ни въ одномъ литературномъ произведеніи не найдете такой коллекціи отталкивающихъ типовъ человѣчества,—безумцевъ, полубезумныхъ, преступниковъ въ зародышѣ и преступниковъ активныхъ, — во всевозможныхъ градаціяхъ, какъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ". Одинъ русскій медикъ, спеціалистъ по нервнымъ и мозговымъ болѣзнямъ, указываетъ на представителей всѣхъ родовъ подобныхъ болѣзней въ

романахъ Достоевскаго и въ особенности въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, при чемъ эти дѣйствующія лица изображены въ обстановкѣ, являющейся чрезвычайно странной смѣсью реализма съ самымъ отчаяннымъ романтизмомъ. Что бы ни говорила объ этомъ романѣ нѣкоторая часть современныхъ критиковъ, восхищающихся всякаго рода болѣзненной литературой, авторъ настоящей работы можетъ только сказать, что онъ находитъ этотъ романъ въ цѣломъ настолько неестественнымъ, настолько искусственно сфабрикованнымъ для спеціальныхъ цѣлей, — въ иныхъ мѣстахъ, для морализированія, въ другихъ—для изображенія какого-нибудь отвратительнаго характера, взятаго изъ психо-патологическаго госпиталя, въ третьихъ, наконецъ, съ цѣлью анализа чувствъ чисто-воображаемаго преступника, — что нѣсколько хорошихъ страницъ, попадающихся кое-гдѣ на пространствѣ романа, вовсе не вознаграждаютъ читателя за тяжелый трудъ прочтенія двухъ томовъ.

Достоевскаго до сихъ поръ много читаютъ въ Россіи; когда-же, около двадцати лѣтъ тому назадъ, его романы впервые были переведены на французскій, нѣмецкій и англійскій языки—они были встрѣчены, какъ своего рода откровеніе. Его превозносили, какъ одного изъ величайшихъ писателей нашего времени, какъ единственнаго, который „лучше всего выразилъ сущность мистической славянской души“—хотя говорившіе такъ сами едва-ли смогли бы опредѣлить истинное значеніе вышеприведенной похвалы. Достоевскій затмилъ на время славу Тургенева, и о Толстомъ тоже, было, забыли. Во всѣхъ этихъ похвалахъ, конечно, было много истерическаго преувеличенія и въ настоящее время здравомыслящіе литературные критики воздерживаются отъ подобныхъ восторговъ. Несомнѣнно, что во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго чувствуется сильный талантъ. Его симпатія къ наиболѣе униженнымъ и страдающимъ отбросамъ нашей городской цивилизаціи настолько велика, что нѣкоторыми своими романами онъ увлекаетъ за собой самаго хладнокровнаго читателя и производитъ сильное и благотворное въ нравственномъ отношеніи вліяніе на сердца молодыхъ читателей. Его анализъ самыхъ разнообразныхъ формъ зарождающагося психическаго разстройства отли-

чается, по увѣреніямъ спеціалистовъ, чрезвычайной вѣрностью. Но, все-же, художественныя качества его произведеній стоятъ неизмѣримо ниже, по сравненію съ произведеніями другихъ великихъ русскихъ художниковъ: Толстого, Тургенева или Гончарова. У Достоевскаго страницы высокаго реализма переплетаются самыми фантастическими эпизодами, или страницами самыхъ искусственныхъ теоретическихъ споровъ и разговоровъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ свои собственныя сомнѣнія. Кромѣ того, авторъ всегда находится въ такой поспѣшности, что у него, кажется, не было даже времени перечитать свои произведенія, прежде отсылки ихъ въ типографію. И, наконецъ, каждый изъ героевъ Достоевскаго, въ особенности въ романахъ позднѣйшаго періода, страдаетъ какой-либо психической болѣзнью или является жертвой нравственной извращенности. Въ результатѣ получается то, что хотя нѣкоторые романы Достоевскаго и читаются съ интересомъ, тѣмъ не менѣе, они не вызываютъ желанія перечитывать ихъ снова, какъ это бываетъ съ романами Толстого и Тургенева и даже второстепенныхъ писателей.

Впрочемъ, читатель прощаетъ Достоевскому всѣ его недостатки, потому что когда онъ говоритъ объ угнетаемыхъ и забытыхъ дѣтяхъ нашей городской цивилизаціи, онъ становится истинно-великимъ писателемъ, благодаря его всеобъемлющей безконечной любви къ человѣку, даже въ самыхъ отвратительныхъ глубинахъ его паденія. Благодаря его горячей любви ко всѣмъ этимъ пьяницамъ, нищимъ, жалкимъ ворамъ и т. д., мимо которыхъ мы обычно проходимъ хладнокровно, не бросивъ на нихъ даже сострадательнаго взгляда; благодаря его умѣнію открывать человѣческія и часто высокія черты въ людяхъ, находящихся на послѣдней ступени паденія; благодаря любви, которую онъ внушаетъ намъ къ самымъ неинтереснымъ представителямъ человѣчества, даже къ такимъ, которые никогда не въ состояніи будутъ вырваться изъ грязи и нищеты, въ которыя ихъ бросила судьба, — благодаря этимъ качествамъ своего таланта, Достоевскій несомнѣнно завоевалъ себѣ единственное въ своемъ родѣ положеніе среди современныхъ писателей и его будутъ читать, не ради художественной закончен-

ности, которая отсутствуетъ въ его произведеніяхъ, а ради разлитой въ нихъ доброты, ради реальнаго воспроизведенія жизни бѣдныхъ кварталовъ большихъ городовъ и ради той безконечной симпатіи, которую внушаютъ читателю такія существа, какъ Соня Мармеладова *).

Некрасовъ.

Въ Некрасовѣ мы имѣемъ поэта, который вызывалъ и до сихъ поръ вызываетъ самые оживленные споры въ русской литературѣ. Онъ родился въ 1821 году, - отецъ его былъ бѣднымъ армейскимъ офицеромъ, женившимся по любви на полькѣ, принадлежавшей къ аристократической фамиліи. Мать Некрасова, вѣроятно, обладала выдающимися достоинствами, такъ какъ поэтъ говоритъ о ней въ своихъ произведеніяхъ всегда съ такой любовью и уваженіемъ, окружая ее такимъ ореоломъ, равнаго которому мы не встрѣчали

*) О Достоевскомъ было писано очень много, и въ послѣднее время на русскомъ языкѣ явились двѣ выдающіяся работы, посвященныя разбору основныхъ мотивовъ его творчества: „Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго", В. В. Розанова (2 е изд. Спб. 1902 г.), и большое изслѣдованіе, въ двухъ томахъ, Д. С. Мережковскаго: „Л. Толстой и Достоевскій" (Спб. 1901 и 1902 г.). Обѣ работы въ высшей степени поучительны, а въ послѣдней во множествѣ разсѣяны, кромѣ того, удивительно тонкія и мѣткія замѣчанія о художественныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ мѣстъ Достоевскаго. Для выясненія болѣзненной психологіи самого Достоевскаго, обѣ работы, и въ особенности вторая, являются драгоцѣннымъ пособіемъ,—по крайней мѣрѣ, для выясненія той раздвоенности міросозерцанія, которая заставляла Достоевскаго такъ страстно желать религіозной дисциплины,—чтобы удержать человѣка отъ способности соединять самые низкіе порывы съ высшими. Кромѣ того, изъ обоихъ сочиненій, а особенно изъ разбора Мережковскимъ послѣдней трилогіи Достоевскаго, становится яснымъ до очевидности, что лучшія стороны Достоевскаго—его любовь къ обиженнымъ судьбою — вытекали изъ совершенно другого источника, чѣмъ его потребность религіи. Не она вдохновила его лучшія страницы,—этого она очевидно не могла, такъ какъ это даже не было религіозное чувство простого человѣка, а какое-то требованіе религіозной дисциплины, но она, несомнѣнно, затмила его пониманіе живой дѣйствительности и толкала его въ тотъ лагерь, гдѣ, именно изъ-за лучшихъ порывовъ его натуры, на него смотрѣли, какъ на врага,—вѣрнѣе даже не религіи, а церковной дисциплины, чтобы не давать людямъ „переходить за черту".

въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ. Она умерла очень молодой, и большая семья Некрасова, состоявшая изъ тринадцати братьевъ и сестеръ, очутилась въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Некрасовъ, уже шестнадцати лѣтъ, отправился въ Петербургъ и, вопреки желанію отца, предназначавшаго его къ военной службѣ, поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ на филологическій факультетъ. Большинство русскихъ студентовъ живутъ очень бѣдно, заработывая себѣ средства на существованіе уроками или занимая мѣста репетиторовъ въ семьяхъ, гдѣ имъ платятъ очень мало, но гдѣ они обыкновенно имѣютъ, по крайней мѣрѣ, столъ и квартиру. Но на долю Некрасова выпала самая ужасная нищета. „Ровно три года,—вспоминалъ онъ позднѣе, — я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ... Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для вида газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь"... Наконецъ, Некрасовъ сильно захворалъ, задолжалъ за квартиру, и его квартирный хозяинъ, отставной унтеръ-офицеръ, воспользовавшись тѣмъ случаемъ, что Некрасовъ ушелъ на нѣсколько часовъ къ знакомому, не пустилъ его по возвращеніи въ занимаемую имъ комнату. Некрасовъ очутился безъ крова, на улицѣ, въ холодную ноябрьскую ночь и ему, вѣроятно, пришлось бы провести всю ночь на улицѣ, если бы надъ нимъ не сжалился прохожій старикъ-нищій, который привелъ его въ „ночлежку" за городомъ; здѣсь Некрасовъ нашелъ не только временное убѣжище, но и заработалъ 15 копѣекъ, написавъ кому-то прошеніе.

Такова была юность Некрасова; но во время этихъ годовъ нужды онъ имѣлъ возможность близко ознакомиться съ бѣднѣйшими классами петербургскаго населенія и воспитать въ себѣ горячую любовь къ нимъ, которую онъ сохранилъ всю жизнь. Позднѣе, путемъ усиленнаго труда, а также удачнымъ издательствомъ различныхъ альманаховъ, Некрасову удалось въ значительной степени улучшить свое матеріальное положеніе. Онъ сталъ сотрудникомъ распространеннѣйшаго тогда журнала, въ которомъ участвовали Турге-

невъ, Достоевскій, Герценъ и др., а въ 1846 году онъ сдѣлался со-издателемъ журнала „Современникъ", привлекшаго къ себѣ лучшія литературныя силы Россіи и сыгравшаго очень крупную роль въ исторіи литературнаго и политическаго развитія Россіи въ послѣдующіе 15 — 20 лѣтъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія Некрасовъ, въ качествѣ редактора-издателя „Современника", пришелъ въ близкое соприкосновеніе съ двумя замѣчательными писателями, — Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, съ которыми онъ и сталъ въ дружескія отношенія. Къ этому періоду относятся его лучшія произведенія. Въ 1875 году онъ серьезно захворалъ, и слѣдующіе два года его жизни были сплошной агоніей. Онъ умеръ въ декабрѣ 1877 года, и тысячи народа, въ особенности студентовъ, проводили его тѣло въ могилу.

Уже надъ только-что засыпанной могилой начались страстныя, до сихъ поръ не закончившіеся споры о значеніи Некрасова, какъ поэта. Когда Достоевскій, говорившій надъ могилой, поставилъ Некрасова на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, въ толпѣ восторженной молодежи раздались крики: „выше Пушкина и Лермонтова!" И вопросъ — является ли Некрасовъ великимъ поэтомъ, равнымъ Пушкину и Лермонтову? — до сихъ поръ дебатируется въ русской литературѣ.

Поэзія Некрасова сыграла такую значительную роль въ моемъ личномъ развитіи, во время моей юности, что я въ данномъ случаѣ не рѣшаюсь довѣриться собственной высокой оцѣнкѣ этой поэзіи, и съ цѣлью провѣрки моихъ впечатлѣній и моей оцѣнки я сравнилъ ихъ съ отзывами русскихъ критиковъ: Арсеньева, Скабичевскаго и Венгерова (редактора-издателя большого біографическаго словаря русскихъ писателей).

Вступая въ періодъ созрѣванія—въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ, мы чувствуемъ потребность, найти соотвѣтственное выраженіе стремленіямъ и идеямъ высшаго порядка, начинающимъ пробуждаться въ нашемъ умѣ. Недостаточно чувствовать эти стремленія: намъ нужны слова для ихъ выраженія. Нѣкоторые находятъ такія слова въ молитвахъ, которыя они слышатъ въ церкви; другіе — и я принадлежу къ ихъ числу — не удовлетворяются подобнымъ выраженіемъ ихъ чувствъ; они находятъ его черезчуръ

неопредѣленнымъ, и ищутъ болѣе конкретной формы для выраженія растущей въ нихъ симпатіи къ человѣчеству и для философскихъ вопросовъ о жизни вселенной, занимающихъ ихъ. Обыкновенно такой конкретной формой является поэзія. Для меня, въ произведеніяхъ Гёте, въ его философской поэзіи съ одной стороны, и въ произведеніяхъ Некрасова съ другой — въ конкретныхъ образахъ, въ которыхъ вылилась его любовь къ крестьянамъ, — нашлись „слова“, въ которыхъ нуждалось мое сердце для выраженія поэтическихъ чувствованій. Впрочемъ, все это относится лишь ко мнѣ самому. Предъ нами вопросъ: можно ли поставить Некрасова на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, въ качествѣ великаго поэта?

Нѣкоторые отрицаютъ самую возможность подобнаго сравненія. Некрасовъ не былъ истиннымъ поэтомъ, — говорятъ они, — такъ какъ поэзія его была всегда тенденціозной. Эта точка зрѣнія, часто защищаемая поклонниками чистой эстетики, очевидно — неправильна. Шелли не былъ чуждъ тенденцій, которыя, однако, не мѣшали ему быть великимъ поэтомъ. Броунингъ, въ нѣкоторыхъ поэмахъ, тенденціозенъ, и все-же это обстоятельство не препятствуетъ ему быть однимъ изъ великихъ поэтовъ Англіи. Каждый великій поэтъ проводитъ ту или иную тенденцію въ большинствѣ своихъ произведеній, и дѣло лишь въ томъ, — находитъ ли онъ прекрасную форму для выраженія этой тенденціи, или нѣтъ? Поэтъ, который сумѣетъ облечь возвышенную тенденцію въ дѣйствительно прекрасную форму, т. е. въ производящіе глубокое впечатлѣніе образы и звучные стихи — будетъ величайшимъ поэтомъ.

Должно признать, что при чтеніи произведеніи Некрасова, вы чувствуете, что стихи давались ему съ трудомъ. Вы не найдете въ нихъ той легкости, съ какой употреблялъ стихи Пушкинъ для выраженія своихъ мыслей, не найдете въ нихъ и музыкальной гармоніи, свойственной произведеніямъ Лермонтова или Алексѣя Толстого. Даже въ его лучшихъ произведеніяхъ найдутся строки, которыя рѣжутъ ухо своей деревянностью и неуклюжестью, но въ то же время вы чувствуете, что эти неудачныя строки легко могли бы быть исправлены путемъ перестановки, или замѣны нѣсколь-

кихъ словъ, при чемъ красота образовъ, въ которыхъ были выражены чувства поэта, нисколько не пострадала бы отъ этого. Несомнѣнно, что Некрасовъ не принадлежалъ къ блестящимъ стихотворцамъ, но онъ былъ поэтъ. Въ его произведеніяхъ вы очень рѣдко найдете поэтическій образъ, который не соотвѣтствовалъ бы общей идеѣ даннаго произведенія, который не былъ бы прекрасенъ и являлся бы диссонансомъ; въ то же время въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ Некрасову удалось облечь высокое поэтическое вдохновеніе въ истинно-прекрасныя формы. Не должно забывать, что „Ямбы" Барбье и Chatiments Виктора Гюго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тоже страдаютъ несовершенствомъ формы.

Произведенія Некрасова очень неравнаго достоинства, но одинъ изъ вышеупомянутыхъ нами критиковъ указалъ, что даже среди самыхъ прозаическихъ „поэмъ" Некрасова напримѣръ, одной, въ которой онъ описываетъ довольно плохими стихами читальню,—какъ только онъ касается страданій рабочаго люда, появляются стихи, которые по красотѣ и поэтичности образовъ, по музыкальности и глубинѣ чувства, заключеннаго въ нихъ, могутъ быть поставлены на ряду съ самыми лучшими произведеніями русской поэзіи („Читальня"; тоже—„Балетъ").

Дѣлая оцѣнку какого-либо поэта, мы всегда имѣемъ въ виду общій тонъ его произведеній, который производитъ на насъ впечатлѣніе, или оставляетъ насъ равнодушными, и свести литературную критику исключительно къ анализу красоты стиховъ даннаго поэта или соотвѣтствію между „идеей и формой", значило-бы, по нашему мнѣнію, въ значительной степени обезцѣнить самую критику. Каждый признаетъ, что Теннисонъ былъ необычайнымъ мастеромъ формы, и все-же никто не поставитъ его выше Шелли, по той простой причинѣ, что общій характеръ идей Шелли несравненно выше идейной стороны произведеній Теннисона при той же, или почти той же, красотѣ формы. Достоинство поэзіи Некрасова основано именно на общемъ тонѣ его произведеній.

Въ русской литературѣ,—справедливо замѣтилъ С. Венгеровъ, въ Энциклопедическомъ словарѣ, т. XX, стр. 859,—можно указать нѣсколькихъ поэтовъ, произведенія которыхъ затрагиваютъ соціальныя темы и говорятъ объ

обязанностяхъ гражданина—какъ, напр., Плещеевъ и Минаевъ—при чемъ они иногда, по сравненію съ Некрасовымъ, достигаютъ значительно высшей красоты и совершенства формы. Но во всѣхъ произведеніяхъ Некрасова чувствуется присутствіе той внутренней силы, которая отсутствуетъ у вышеупомянутыхъ поэтовъ и которая внушаетъ Некрасову образы, по справедливости считаемые перлами русской поэзіи.

Самъ Некрасовъ называлъ свою Музу „Музой мести и печали". Онъ, дѣйствительно, пессимистъ; но его пессимизмъ, какъ замѣтилъ тотъ же критикъ, имѣетъ оригинальный характеръ. Несмотря на то, что въ его произведеніяхъ найдется много угнетающихъ картинъ, изображающихъ нищету и страданія трудящихся массъ, все же его произведенія, въ концѣ концовъ, производятъ на читателя бодрящее впечатлѣніе. Поэтъ не склоняетъ головы предъ печальной дѣйствительностью: онъ борется съ ней и надѣется на побѣду. Чтеніе произведеній Некрасова вызываетъ то недовольство, которое уже въ самомъ себѣ несетъ зародышъ побѣды.

Русская народная масса, крестьяне и ихъ страданія — главныя темы стихотвореній Некрасова. Его любовь къ народу проходитъ красной нитью по всѣмъ его произведеніямъ, онъ остается вѣренъ ей всю свою жизнь. Въ молодые годы эта любовь спасла его отъ растраты таланта среди того „безпечальнаго" существованія, которое вела бóльшая часть его современниковъ; позднѣе она вдохновила его на борьбу съ крѣпостнымъ правомъ; когда же крѣпостное право было побѣждено, онъ не счелъ, подобно многимъ изъ своихъ друзей, борьбу поконченной: онъ сдѣлался поэтомъ темной массы народа, угнетаемой экономическимъ и политическимъ ярмомъ; наконецъ, когда наступила старость, онъ не сказалъ себѣ: „я сдѣлалъ все, что могъ"; напротивъ, до конца въ его пѣсняхъ звучала скорбь о томъ, что онъ не былъ настоящимъ борцомъ. Онъ писалъ: „Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ, пѣсни мнѣ мѣшали быть борцомъ"; въ томъ же стихотвореніи онъ говоритъ: „Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка, жизнь свою всецѣло отдаетъ на борьбу за брата-человѣка, только тотъ себя переживетъ..." („З—нѣ").

Иногда въ его произведеніяхъ звучитъ нота отчаянія, но это бываетъ сравнительно рѣдко. Русскій крестьянинъ, въ его изображеніи, вовсе не является существомъ только источающимъ слезы. Это — полный яснаго спокойствія, обладающій юморомъ, иногда чрезвычайно веселый работникъ. Некрасовъ очень рѣдко идеализируетъ крестьянина: въ большинствѣ случаевъ онъ изображаетъ его такимъ, какимъ онъ является въ дѣйствительности, и вѣра поэта въ духовныя силы этого крестьянина глубока и жизненна. „Лишь бы пронеслось дыханіе свободы, и Россія покажетъ, что она имѣетъ людей — что предъ ней лежитъ великое будущее", — эта мысль часто звучитъ въ его произведеніяхъ.

Лучшая поэма Некрасова — „Морозъ красный носъ". Это — апоѳеозъ русской крестьянки; въ этой поэмѣ нѣтъ и слѣда сантиментальности; она написана въ возвышенномъ эпическомъ стилѣ, и вторая ея часть, гдѣ Морозъ обходитъ свои лѣсныя владѣнія, и крестьянка медленно замерзаетъ, при чемъ предъ ней проходятъ яркія картины минувшаго счастья — все это превосходно, даже съ точки зрѣнія самой придирчивой эстетической критики, такъ какъ поэма написана прекрасными стихами и представляетъ цѣлый рядъ чудныхъ образовъ и картинъ.

„Крестьянскія дѣти" — чрезвычайно милая деревенская идиллія. „Муза мести и печали", — говоритъ одинъ изъ нашихъ критиковъ, — дѣлается необыкновенно мягкой и нѣжной, когда начинаетъ говорить о женщинахъ и дѣтяхъ. Въ дѣйствительности, ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не доходилъ до такого апоѳеоза женщины, въ особенности женщины-матери, какъ этотъ „поэтъ мести и печали". Какъ только Некрасовъ начинаетъ говорить о женщинѣ-матери, стихи его звучатъ могущественно; и строфы, посвященныя имъ собственной матери, — женщинѣ, затерянной на чужой сторонѣ, въ глуши помѣщичьяго дома, принужденной жить среди людей, занятыхъ охотой, пьянствомъ и проявленіемъ звѣрскихъ наклонностей надъ беззащитными крѣпостными рабами, — эти строфы являются истинными перлами во всемірной поэзіи.

Его поэмы, посвященныя изображенію ссылки и судьбы женъ декабристовъ, послѣдовавшихъ за мужьями въ Си-

бирь, отличаются высокими достоинствами, и въ нихъ найдется не мало прекрасныхъ отдѣльныхъ мѣстъ, но въ общемъ стоятъ, пожалуй, ниже поэмъ, посвященныхъ крестьянской жизни, или его поэмы „Саша“, въ которой онъ, одновременно съ Тургеневымъ, изобразилъ типы, тождественные съ Рудинымъ и Наталіей. Но и въ нихъ есть мѣста, полныя поэтическихъ достоинствъ, а свиданіе Волконской съ мужемъ, на днѣ рудника—чудная страница всемірной поэзіи.

Несомнѣнно, что въ стихотвореніяхъ Некрасова найдутся строки, показывающія, что поэту не легко давалась борьба съ риѳмой; найдутся въ его поэмахъ мѣста совсѣмъ неудачныя, но несомнѣнно также и то, что онъ является однимъ изъ самыхъ популярныхъ поэтовъ Россіи. Часть его произведеній, уже въ настоящее время, сдѣлалась достояніемъ всего русскаго народа. Его читаютъ не только люди образованныхъ классовъ, — Некрасовъ любимецъ читателей-крестьянъ. Одинъ изъ нашихъ критиковъ справедливо замѣтилъ, что для того, чтобы понять Пушкина, требуется бо̀льшая или мѐньшая степень искусственнаго литературнаго развитія; для пониманія же Некрасова крестьянину достаточно лишь умѣть читать. Надо видѣть самому, чтобы убѣдиться, съ какимъ удовольствіемъ читаютъ Некрасова русскія дѣти въ бѣднѣйшихъ деревенскихъ школахъ и заучиваютъ цѣлыя страницы его произведеній наизусть.

Другіе прозаики той же эпохи.

Разсмотрѣвъ работы тѣхъ писателей, которыхъ можно признать истинными основателями современной русской литературы, я перехожу теперь къ прозаикамъ и поэтамъ менѣе извѣстнымъ, принадлежащимъ къ той же эпохѣ. Считаю, впрочемъ, нужнымъ оговориться, что по плану этой книги я долженъ буду коснуться ихъ очень коротко, останавливаясь только на наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ.

Чрезвычайно крупнымъ писателемъ, совершенно неизвѣстнымъ въ Западной Европѣ и занимающимъ единственное въ своемъ родѣ положеніе въ русской литературѣ, является Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ (1791—1859 гг.), отецъ двухъ писателей — славянофиловъ, Константина и

Ивана Аксаковыхъ. Онъ въ дѣйствительности былъ современникомъ Пушкина и Лермонтова, но во время перваго періода своей литературной дѣятельности не выказалъ ни малѣйшаго признака оригинальности, оставаясь въ лагерѣ ложно-классиковъ. Лишь послѣ появленія въ литературѣ Гоголя, Аксаковъ выступилъ на новый путь, когда его крупный талантъ достигъ полной зрѣлости. Въ 1847 — 1855 гг. онъ издалъ свои „Записки объ уженіи рыбы", „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи" и „Разсказы и воспоминанія охотника";—и уже этихъ трехъ работъ было бы достаточно для завоеванія репутаціи первокласснаго писателя. Оренбургская губернія, въ южной части Уральскаго нагорья, была въ то время очень слабо населена, и ея природа и общій характеръ мѣстности такъ хорошо описаны въ этихъ произведеніяхъ Аксакова, что они напоминаютъ въ этомъ отношеніи знаменитую „Natural History of Selbourne",—отличаясь той же аккуратностью описаній; но помимо этого Аксаковъ является въ нихъ недюжиннымъ поэтомъ и первокласснымъ пейзажистомъ. Писатель такъ хорошо былъ знакомъ съ жизнью животныхъ, такъ понималъ ихъ, что въ этомъ отношеніи его соперниками могутъ быть лишь Крыловъ съ одной стороны, и старшій Брэмъ и Одюбонъ, среди натуралистовъ съ другой.

Подъ вліяніемъ Гоголя, С. Т. Аксаковъ совершенно освободился отъ псевдо-классицизма. Въ 1846 году онъ началъ описывать дѣйствительную жизнь, и результатомъ была крупная работа, „Семейная хроника и Воспоминанія" (1856), за которой вскорѣ послѣдовала другая, „Дѣтскіе годы Багрова внука" (1858), выдвинувшія Аксакова въ первые ряды писателей этого столѣтія. Энтузіасты славянофилы приравнивали его къ Шекспиру и даже Гомеру; но помимо всяческихъ преувеличеній, С. Т. Аксакову, дѣйствительно, удалось въ его хроникѣ не только возсоздать цѣлую эпоху, но также создать реальные типы людей того времени, которые послужили образцами для всѣхъ послѣдующихъ писателей. Если бы руководящая идея этихъ хроникъ не заключала въ себѣ столь явственнаго восхваленія „добраго стараго времени" крѣпостничества, онѣ, вѣроятно, и теперь пользовались бы большой популярностью. Во всякомъ случаѣ, появленіе „Се-

мейной хроники" въ 1856 году было крупнымъ явленіемъ въ русской литературѣ.

Мы не можемъ обойти молчаніемъ В. Даля (1801—1872), даже въ настоящемъ краткомъ очеркѣ. Онъ родился въ юго-восточной Россіи; отецъ его былъ датчанинъ, лингвистъ, а мать--полу-нѣмка, полу-француженка; образованіе свое Даль закончилъ въ Дерптскомъ университетѣ. Онъ былъ натуралистомъ и врачомъ по профессіи, но любимымъ занятіемъ его была этнографія, и во время своихъ постоянныхъ разъѣздовъ, Даль сдѣлался замѣчательнымъ этнографомъ, а также однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русскаго разговорнаго языка и его провинціальныхъ діалектовъ. Его очерки изъ народной жизни, которые онъ печаталъ въ сороковыхъ годахъ подъ псевдонимомъ „казака Луганскаго" (около сотни этихъ очерковъ собрано въ книгѣ „Картины русской жизни", (1861), пользовались большой популярностью въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и вызвали высокую оцѣнку со стороны Тургенева и Бѣлинскаго. Хотя эти произведенія Даля лишены признаковъ истиннаго художественнаго творчества, являясь лишь бѣглыми очерками и листками изъ дневниковъ, тѣмъ не менѣе они читаются съ удовольствіемъ. Что же касается до этнографическихъ работъ Даля, то онѣ по-истинѣ колоссальны. Во время постоянныхъ странствованій по Россіи, въ качествѣ полкового врача, Далю удалось собрать замѣчательную коллекцію словъ, выраженій, загадокъ, пословицъ и т. д., которыя онъ впослѣдствіи использовалъ въ двухъ большихъ работахъ. Главнымъ его трудомъ является „Толковый словарь живого великорусскаго языка" въ четырехъ томахъ in quarto (1-ое изданіе въ 1861—68 гг., 2-ое въ 1880—1882 гг.). Это—монументальный трудъ, являющійся первымъ и очень удачнымъ опытомъ по лексикологіи русскаго языка, и несмотря на нѣкоторыя случайныя ошибки, онъ имѣетъ громадную цѣнность для пониманія и этимологіи русскаго разговорнаго языка, въ его различныхъ діалектическихъ развѣтвленіяхъ. Въ этой работѣ въ то же самое время заключено драгоцѣнное и чрезвычайно богатое собраніе лингвистическихъ матеріаловъ для будущихъ изслѣдователей, часть которой, несомнѣнно, была бы утрачена, если бы Далю не удалось сдѣлать это

собраніе пятьдесять лѣтъ тому назадъ, до проведенія желѣзныхъ дорогъ въ различныхъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи. Другою крупной работой Даля, немногимъ менѣе важной по значенію, является собраніе пословицъ, озаглавленное „Пословицы русскаго народа“ (2-ое изданіе въ 1879 году).

Писателемъ, занимающимъ крупное мѣсто въ развитіи русской повѣсти, но до сихъ поръ недостаточно оцѣненнымъ, является Иванъ Панаевъ (1812—1862), состоявшій въ тѣсной дружбѣ со всѣмъ литературнымъ кружкомъ „Современника“. Онъ былъ совмѣстно съ Некрасовомъ, со-редакторомъ этого журнала и помѣстилъ въ немъ массу литературныхъ замѣтокъ и фельетоновъ, въ которыхъ затрагивались самые разнообразные сюжеты, и чрезвычайно интересныхъ для характеристики той эпохи. Въ своихъ повѣстяхъ, Панаевъ, подобно Тургеневу, бралъ типы главнымъ образомъ изъ образованныхъ классовъ населенія Петербурга и провинцій. Коллекція его „Хлыщей“, взятыхъ какъ изъ высшихъ классовъ столицы, такъ и изъ провинціаловъ, въ извѣстной степени можетъ быть поставлена на равнѣ съ аналогичной Теккереевской коллекціей „Снобовъ“; при чемъ „Хлыщи“, какъ ихъ понималъ Панаевъ, являются по сравненію со „Снобами“, болѣе сложнымъ и болѣе широко распространеннымъ типомъ. Но величайшей заслугой Панаева является созданіе имъ въ его повѣстяхъ ряда такихъ совершенныхъ типовъ русскихъ женщинъ, что онѣ по справедливости разсматриваются нѣкоторыми критиками, какъ „духовныя матери героинь Тургенева“.

А. Герценъ (1812—1870) также принадлежитъ къ этой эпохѣ, но мы будемъ говорить о немъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Среди второстепенныхъ писателей этой эпохи, болѣе чѣмъ бѣглой замѣтки заслуживаетъ чрезвычайно симпатичная писательница, Н. Д. Хвощинская, по мужу Заіончковская (825—1889). Она писала подъ мужскимъ псевдонимомъ „В. Крестовскій“, и, дабы не смѣшивать ее съ очень плодовитымъ сочинителемъ сенсаціонныхъ романовъ, авторомъ „Петербургскихъ трущобъ“, Всеволодомъ Крестовскимъ,—ее обыкновенно именуютъ въ Россіи „В. Крестовскій—псевдонимъ“.

Н. Д. Хвощинская начала писать очень рано, въ 1847-мъ году, и ея повѣсти дышали такой внутренней прелестью, что она вскорѣ сдѣлалась любимицей читающей публики. Должно, впрочемъ, сказать, что первое время ея литературной карьеры не было встрѣчено надлежащей оцѣнкой со стороны литературной критики, которая вплоть до конца 70-хъ годовъ оставалась къ ней враждебной. Лишь къ концу этой карьеры (1878 — 1880), Михайловскій и Арсеньевъ оцѣнили должнымъ образомъ эту писательницу, которую, несомнѣнно, можно поставить на ряду съ авторомъ „Jane Eyne". Н. Д. Хвощинская, несомнѣнно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которымъ сразу дается литературный успѣхъ; но причина болѣе или менѣе враждебнаго отношенія русской критики по отношенію къ ней лежитъ въ томъ, что писательница, родившаяся въ семьѣ бѣднаго рязанскаго дворянина и проведшая всю жизнь въ провинціи, внесла въ свои произведенія перваго періода, въ которыхъ изображала исключительно провинціальную жизнь и провинціальные типы, извѣстную узость взгляда. Этотъ недостатокъ особенно очевиденъ въ тѣхъ типахъ мужчинъ, къ которымъ писательница стремится привлечь симпатіи читателей, хотя типы эти вовсе этого не заслуживаютъ; объясняется это тѣмъ, что авторъ, въ печальномъ провинціальномъ захолустьи, чувствовалъ неодолимую потребность въ идеализаціи кого-либо.

За исключеніемъ вышеуказаннаго недостатка, Н. Д. Хвощинская прекрасно изображала провинціальную жизнь, которую знала въ совершенствѣ. Подъ ея перомъ провинція являлась въ томъ же пессимистическомъ свѣтѣ, въ которомъ ее видѣлъ Тургеневъ въ тѣ же годы — послѣдніе годы царствованія Николая I. Особенно хороши ея изображенія печальной и безнадежной судьбы дѣвушекъ въ большинствѣ семей въ ту мрачную эпоху.

Въ своей собственной семьѣ дѣвушка встрѣчаетъ ханжескую тиранію матери и эгоизмъ заботящагося лишь о собственномъ спокойствіи отца, а среди своихъ обожателей она видитъ лишь ничтожностей, прикрывающихъ свою внутреннюю пустоту звонкими фразами. Каждая повѣсть, написанная нашимъ авторомъ въ теченіе этого періода, заключаетъ въ себѣ драму дѣвушки, лучшія стороны которой без-

пощадно душатся окружающими ее, или разсказываетъ еще болѣе тяжелую драму старой дѣвушки, принужденной жить подъ гнетомъ тираніи, мелкихъ преслѣдованій и булавочныхъ уколовъ со стороны родныхъ.

Когда Россія вступила въ лучшій періодъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, повѣсти Н. Д. Хвощинской приняли также болѣе жизнерадостный характеръ; среди этихъ повѣстей особенно выдѣляется „Большая Медвѣдица“ (1870—71 г.). Во время своего появленія, повѣсть пользовалась большимъ успѣхомъ среди нашей молодежи и имѣла на нее очень глубокое вліяніе, въ лучшемъ значеніи этого слова. Героиня, Катя, встрѣчаетъ въ лицѣ Верховскаго человѣка того слабосильнаго типа, съ которымъ мы знакомы по „Перепискѣ“ Тургенева, но который на этотъ разъ облекся въ одежды соціальнаго реформатора, которому лишь „обстоятельства“ и „несчастія“ мѣшаютъ совершить великія дѣла. Верховскій, котораго Катя любитъ и который, въ свою очередь, влюбляется въ нее — насколько подобные люди вообще могутъ влюбляться — превосходно обрисованъ. Это — одинъ изъ лучшихъ представителей богатой галереи подобныхъ типовъ въ русской литературѣ. Должно, впрочемъ, признать, что въ „Большой Медвѣдицѣ“ имѣется одинъ или два характера, не вполнѣ реальныхъ, или не вполнѣ понятыхъ самимъ авторомъ (какъ, напр., старика Багрянскаго); но на ряду съ ними предъ нами проходитъ цѣлый рядъ превосходно нарисованныхъ типовъ; въ то-же время, Катя стоитъ выше, болѣе жизненна, болѣе полно изображена, чѣмъ Тургеневская Наташа или даже его Елена. Она получаетъ отвращеніе ко всѣмъ разговорамъ о геройскихъ подвигахъ, совершенію которыхъ будущимъ героямъ мѣшаютъ „обстоятельства“, и беретъ на себя выполненіе задачи несравненно меньшаго размѣра: она дѣлается учительницей въ деревенской школѣ и пытается внести въ мракъ деревни свѣтъ высшихъ идеаловъ и надеждъ на лучшее будущее. Появленіе этой повѣсти какъ разъ въ періодъ, когда въ Россіи начиналось великое движеніе молодежи „въ народъ“, дало ей громадную популярность, наравнѣ съ „Знаменіемъ времени“, Д. Л. Мордовцева, и романами Шпильгагена („Между молотомъ и наковальней“ и „Одинъ въ полѣ не воинъ“). Горячій тонъ повѣсти и

утонченные, глубоко-человѣчные поэтическіе образы и картины, которыми она полна, возвышаютъ ея внутреннія достоинства. Въ Россіи она была проводникомъ многихъ добрыхъ, возвышенныхъ идей, и несомнѣнно, что если бы она была извѣстна въ Западной Европѣ, то повѣсть эта встрѣтила бы симпатію среди мыслящихъ, стремящихся къ идеалу, юношей и дѣвушекъ.

Къ концу семидесятыхъ годовъ можно отнести новую, третью фазу творчества Н. Д. Хвощинской. Повѣсти этого періода — между которыми особенно замѣчательна серія, вошедшая въ „Альбомъ: Группы и портреты", — носятъ новый характеръ. Когда великое либеральное движеніе, охватившее Россію въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, пришло къ концу, и возобладала реакція, послѣ 1864 года, многія сотни людей, фигурировавшихъ въ качествѣ представителей передовой мысли и всяческихъ реформъ, поспѣшили отречься отъ вѣры и идеаловъ своихъ лучшихъ годовъ. Подъ самыми многочисленными и разнообразными предлогами они старались убѣдить самихъ себя — и, конечно, тѣхъ женщинъ, которыя вѣрили имъ, — что новыя наступившія времена требуютъ и новыхъ способовъ дѣйствія; что они сдѣлались лишь людьми „практическими", бросая старое знамя и исповѣдуя новую вѣру, сущность которой сводилась къ личному обогащенію; что, поступая такимъ образомъ, они совершали подвигъ самопожертвованія, проявляли „зрѣлое гражданство", требующее отъ каждаго — не останавливаться даже передъ пожертвованіемъ собственными идеалами, разъ этого требуютъ интересы „дѣла". „В. Крестовскій — псевдонимъ", какъ женщина страстно преданная этимъ опошливаемымъ „дѣльцами" идеаламъ, прекрасно понимала истинную цѣну всѣхъ этихъ софизмовъ. Отступничество этого рода должно было глубоко огорчать ее, и я сомнѣваюсь — найдется-ли въ какой-либо другой литературѣ такая коллекція „группъ и портретовъ" всякаго рода предателей, какую можно найти въ ея „Альбомѣ" и въ особенности „У фотографа". Читая эти разсказы, вы чувствуете, что сердце автора обливается кровью, и это дѣлаетъ „группы и портреты" Н. Д. Хвощинской однимъ изъ лучшихъ образчиковъ „субъективнаго реализма", какія мы имѣемъ въ русской литературѣ.

Поэты той-же эпохи.

Если бы настоящая книга претендовала быть курсомъ русской литературы, я долженъ былъ бы довольчо подробно анализировать нѣсколькихъ поэтовъ, принадлежащихъ къ эпохѣ, описанной въ послѣднихъ двухъ главахъ. Мнѣ придется, однако, ограничиться краткими замѣчаніями, хотя большинство этихъ поэтовъ несомнѣнно сдѣлались бы любимцами другихъ націй, если бы они писали на языкѣ болѣе извѣстномъ Западной Европѣ, чѣмъ русскій.

Это въ особенности можно сказать о Кольцовѣ (1808—1842), поэтѣ изъ народа, которой воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ, находящихъ всегда откликъ во всякомъ поэтическомъ умѣ, безбрежныя степи южной Россіи, поэзію земледѣльческаго труда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печальное существованіе русской крестьянки, любовь, являющуюся лишь источникомъ страданій, судьбу, которая бываетъ не матерью, а мачихой, и то быстро бѣгущее счастье, которое оставляетъ послѣ себя лишь слезы и скорбь.

Стиль, содержаніе, форма—все оригинально въ произведеніяхъ этого поэта степей. Даже форма его стихотвореній отличается отъ установленной въ русской просодіи: это—нѣчто музыкальное, какъ русская народная пѣсня и столь же неправильное. Однако, каждая строка произведеній Кольцова (его втораго періода, когда онъ освободился отъ подражательности и сталъ истинно-народномъ поэтомъ), каждое выраженіе и каждая мысль находитъ отзывъ въ сердцѣ читателя и полна поэтической любви къ природѣ и людямъ. Подобно лучшимъ русскимъ поэтамъ, Кольцовъ умеръ очень молодымъ, какъ разъ въ тотъ періодъ, когда его талантъ достигъ полнаго развитія, и въ его стихотвореніяхъ начали звучать болѣе глубокіе мотивы.

Никитинъ (1824—1861) былъ другимъ русскимъ поэтомъ, вышедшимъ приблизительно изъ той же среды, но онъ обладалъ гораздо меньшею оригинальностью, чѣмъ Кольцовъ. Онъ родился въ мѣщанской семьѣ, также на югѣ Россіи. Жизнь его въ семьѣ, глава которой былъ постоянно пьянъ, и которую молодому поэту приходилось поддерживать, была ужасна. Онъ также умеръ молодымъ, но послѣ него оста-

лось нѣсколько прекрасныхъ и глубоко трогательныхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ онъ съ простотой, которую мы найдемъ позднѣе лишь у беллетристовъ-народниковъ, описывалъ народную жизнь; произведенія эти окрашены глубокой печалью, въ основѣ которой лежала собственная несчастная жизнь поэта.

А. Плещеевъ (1825—1893) былъ въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ однимъ изъ любимыхъ русскихъ поэтовъ. Подобно многимъ другимъ талантливымъ людямъ его поколѣнія, онъ былъ арестованъ въ 1849 году, въ связи съ „дѣломъ Петрашевскаго“, за которое Достоевскій поплатился каторжными работами. Его нашли даже менѣе „виновнымъ“, чѣмъ былъ великій романистъ, и Плещеева сослали солдатомъ въ Оренбургскую область, гдѣ онъ вѣроятно и умеръ бы на солдатской службѣ, если бы Николай I самъ не умеръ въ 1855 году. Плещеевъ былъ „помилованъ“ Александромъ II-мъ, и ему было разрѣшено жить въ Москвѣ.

Въ отличіе отъ многихъ изъ своихъ современниковъ, Плещеевъ сохранилъ бодрость духа, вопреки преслѣдованіямъ и тяжелымъ годамъ реакціи, которые пришлось переживать Россіи. Въ его произведеніяхъ всегда звучала та же нота энергіи, свѣжести и вѣры въ туманные, хотя нѣсколько абстрактные идеалы, которая характеризовала его первые поэтическія произведенія въ сороковыхъ годахъ. Лишь къ концу жизни, подъ вліяніемъ болѣзни, въ его стихотворенія начали врываться пессимистическіе мотивы. Помимо оригинальныхъ стихотвореній, его перу принадлежатъ многіе, превосходно исполненные переводы изъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ поэтовъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ поэтовъ, искавшихъ вдохновенія въ скорбяхъ и радостяхъ дѣйствительной жизни или въ высшихъ гуманитарныхъ идеалахъ, въ русской литературѣ имѣется группа поэтовъ, классифицируемыхъ обыкновенно какъ поклонники „чистой красоты“, или „искусства для искусства“.

Ѳ. Тютчевъ (1803—1873) можетъ быть разсматриваемъ, какъ лучшій или, во всякомъ случаѣ, какъ наиболѣе ранній представитель этой группы. Тургеневъ въ 1854 году говорилъ съ высокой похвалой о его произведеніяхъ, восхва-

ляя его поэтическое пониманіе природы и тонкій вкусъ. На Тютчевѣ замѣчается вліяніе эпохи Пушкина, и несомнѣнно, что онъ обладалъ впечатлительностью и искренностью, необходимыми для истиннаго поэта. Но несмотря на это, его стихотворенія не пользуются большой популярностью и кажутся скучноватыми современнымъ читателямъ.

Аполлонъ Майковъ (1821—1897) часто разсматривается, какъ поэтъ чистаго искусства для искусства; во всякомъ случаѣ онъ самъ проповѣдывалъ эту доктрину, но въ дѣйствительности его произведенія принадлежатъ къ тремъ различнымъ областямъ. Въ юности онъ былъ эстетическимъ поклонникомъ Греціи и Рима, и главное произведеніе этого періода (1852), „Три Смерти", (въ окончательной формѣ разработанное въ 1882 году, въ поэмѣ „Два міра")—было посвящено изображенію столкновенія между античнымъ язычествомъ, съ его поклоненіемъ природѣ, и христіанствомъ—при чемъ въ его поэмѣ лучшими типами являлись представители язычества. Въ это же время имъ написано было нѣсколько поэмъ изъ исторіи церкви. Въ шестидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ либеральнаго движенія въ Россіи, его произведенія начинаютъ проникаться духомъ свободы. Къ этому періоду относятся его лучшія поэмы и цѣлый рядъ превосходныхъ переводовъ изъ Гейне. И, наконецъ, послѣ упадка либеральнаго движенія, поэтъ перешелъ въ реакціонный лагерь и, вмѣстѣ съ утратой симпатіи читателей, утратилъ и свой талантъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ произведеній, созданныхъ въ этотъ періодъ упадка, стихотворенія Майкова отличаются большой музыкальностью, истинно-поэтичны и не лишены силы. Въ юношескихъ произведеніяхъ и нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ періода шестидесятыхъ годовъ Майковъ достигъ истинной красоты.

Н. Щербина (1821—1869), также поклонникъ классической Греціи, стоитъ упоминанія ради его прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній изъ жизни древней Греціи, въ которыхъ онъ превосходитъ даже Майкова.

Я. Полонскій (1820—1898), современникъ и близкій другъ Тургенева, проявлялъ всѣ элементы великаго художника. Его стихи отличаются большой мелодичностью, его поэтическіе образы богаты и въ то же время естественны и просты;

наконецъ, сюжеты его произведеній не лишены оригинальности. Благодаря всѣмъ вышеуказаннымъ качествамъ, его произведенія всегда встрѣчались съ интересомъ. Но онъ не обладалъ ни той силой, ни той идейной глубиной или напряженной страстью, которыя могли бы создать изъ него великаго поэта. Его лучшее произведеніе „Кузнечикъ Музыкантъ", написано въ шутливомъ тонѣ, а наиболѣе популярныя стихотворенія представляютъ желаніе приблизиться по стилю къ народной литературѣ. Вообще, Полонскій былъ поэтомъ людей спокойнаго, умѣреннаго „интеллектуальнаго" типа, не любящихъ докапываться до сути великихъ задачъ жизни. Если онъ даже и касался иногда подобныхъ вопросовъ, то проявлялъ лишь мимолетный интересъ къ нимъ; они не были для него мучительными вопросами жизни.

Однимъ изъ поэтовъ этой группы, можетъ быть, наиболѣе характернымъ изъ нихъ, былъ А. Шеншинъ (1820—1892), болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ А. Фета. Онъ всю жизнь оставался поэтомъ „чистаго искусства для искусства". Правда, онъ писалъ немало по экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ, но произведенія эти—самаго реакціоннаго характера—были написаны въ прозѣ. Что же касается его стихотвореній, то всѣ они посвящены преклоненію предъ красотой и изображенію ея въ той или иной формѣ. Въ этомъ направленіи онъ достигъ большого успѣха. Его лирическія стихотворенія отличаются большимъ изяществомъ и иногда почти прекрасны. Природу, въ ея спокойныхъ, мягкихъ проявленіяхъ, навѣвающихъ тихую безцѣльную грусть, онъ изображалъ иногда съ рѣдкимъ совершенствомъ, а также тѣ душевныя настроенія, которыя носятъ неопредѣленный, слегка эротическій характеръ. Но, взятая въ общемъ, его поэзія — монотонна. Его „Воспоминанія", вышедшія недавно въ двухъ томахъ, очень интересны. Такъ какъ онъ былъ другомъ Л. Н. Толстого и Тургенева, то они содержатъ цѣнныя данныя для біографіи Тургенева и Толстого, а также около сотни ихъ писемъ.

Къ той же группѣ можно причислить А. К. Толстого, стихотворенія котораго иногда достигаютъ высокаго совершенства и звучатъ, какъ плѣнительная музыка. Чувства, выражаемыя въ нихъ, иногда не отличаются особенной глу-

биной, но форма и музыкальность стиха всегда прекрасны. Кромѣ того, его стихотворенія носятъ печать оригинальности, при чемъ эта оригинальность особенно ярко проявилась въ произведеніяхъ, написанныхъ въ стилѣ народной поэзіи. Теоретически, онъ также проповѣдывалъ доктрину „искусства для искусства", но онъ никогда не могъ оставаться вѣрнымъ этой доктринѣ и, изображая жизнь древней эпической Россіи, или періодъ борьбы между московскими царями и феодальными боярами, онъ выражалъ свое восхищеніе старымъ временемъ въ чрезвычайно прекрасныхъ стихахъ. Ему также принадлежитъ повѣсть „Князь Серебрянный" изъ временъ Іоанна Грознаго, пользующаяся большой популярностью; но его главный трудъ—драматическая трилогія изъ того же интереснаго періода русской исторіи (см. гл. VI).

Почти всѣ упомянутые нами поэты много занимались переводами и обогатили русскую литературу такимъ количествомъ переводовъ со всѣхъ языковъ, вообще такъ прекрасно выполненныхъ, что ни одна литература, не исключая даже нѣмецкой, не можетъ похвалиться аналогичнымъ богатствомъ. Нѣкоторые переводы, какъ напр., „Шильонскаго узника" (выполненный Жуковскимъ) или „Гайаваты"— могутъ быть названы классическими по своему высокому совершенству. Весь Шиллеръ, большинство произведеній Гёте, почти весь Байронъ, значительная часть произведеній Шелли, все, заслуживающее вниманія у Теннисона, Уордсворта, Крабба, все, что можно было перевести изъ Барбье, Виктора Гюго и т. д. такъ же извѣстно въ Россіи, какъ и на родинѣ этихъ поэтовъ, а иногда даже болѣе. Что же касается такихъ фаворитовъ, какъ Гейне, то я сомнѣваюсь,— потеряли ли что-либо его лучшія произведенія въ тѣхъ превосходныхъ переводахъ, которыми мы обязаны нашимъ лучшимъ поэтамъ; то же можно сказать и о пѣсняхъ Беранже, которыя, въ вольныхъ переводахъ Курочкина, не уступаютъ оригиналамъ.

Кромѣ того, въ русской литературѣ имѣется цѣлый рядъ прекрасныхъ поэтовъ, сдѣлавшихъ переводы своей спеціальностью и пріобрѣвшихъ извѣстность почти исключительно благодаря имъ. Таковы: Н. Гербель (1827—1883), пріобрѣвшій себѣ имя въ литературѣ превосходнымъ перело-

женіемъ „Слова о полку Игоревѣ“ (см. гл. I) и позднѣе — многими переводами изъ западно-европейскихъ поэтовъ. Имъ былъ изданъ „Шиллеръ, въ переводахъ русскихъ поэтовъ“ (1857), вслѣдъ за которымъ послѣдовали такія же изданія произведеній Шекспира, Байрона и Гёте, оказавшія громадное вліяніе.

Михаилъ Михайловъ (1826 — 1865), одинъ изъ наиболѣе блестящихъ сотрудниковъ „Современника“, осужденный въ 1861 году, по обвиненію въ политическомъ преступленіи, къ каторжнымъ работамъ въ Сибири, гдѣ онъ и умеръ четыре года спустя, особенно прославился своими переводами изъ Гейне, а также изъ Лонгфелло, Гуда, Теннисона, Ленау и др.

П. Вейнбергъ (род. 1830), извѣстенъ прекрасными переводами изъ Шекспира, Байрона („Сарданапалъ“), Шелли („Ченчи“), Шеридана, Коппе, Гуцкова, Гейне и др., и изданіемъ произведеній Гёте и Гейне въ русскихъ переводахъ. Онъ до сихъ поръ продолжаетъ обогащать русскую литературу прекрасными переводами лучшихъ произведеній иностранной литературы.

Л. Мей (1822 — 1862), авторъ цѣлаго ряда поэмъ изъ народной жизни, написанныхъ очень выразительно, и нѣсколькихъ драмъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны драмы изъ древне русской жизни (одна изъ нихъ, „Псковитянка“, дала Римскому-Корсакову сюжетъ для его оперы), также много занимался переводами. Онъ не только переводилъ современныхъ западно-европейскихъ поэтовъ — англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и польскихъ, но также поэтовъ греческихъ, латинскихъ и древне-еврейскихъ, при чемъ переводилъ съ оригиналовъ, зная въ совершенствѣ всѣ вышеупомянутые языки. Помимо превосходныхъ переводовъ изъ Анакреона и идиллій Теокрита, онъ далъ прекрасную поэтическую версію „Пѣсни пѣсней“ и другихъ мѣстъ Библіи.

Д. Минаевъ (1835 — 1889), авторъ большого количества сатирическихъ стихотвореній, также принадлежитъ къ группѣ поэтовъ-переводчиковъ. Имъ сдѣланы были хорошіе переводы изъ Байрона, Бёрнса, Корнуэлля, Мура, Гёте, Гейне, Леопарди, Данте и др.

А. А. Соколовскій (род. 1837), много переводилъ въ стихахъ и прозѣ изъ Гёте и изъ Байрона, для изданій Гербеля; но главный его трудъ былъ единоличный переводъ всего Шекспира, который онъ и издалъ въ 1898 году, съ обширными примѣчаніями.

Наконецъ, я долженъ упомянуть хотя одного или двухъ изъ переводчиковъ въ прозѣ, а именно И. Введенскаго (1813—1855), котораго переводы главныхъ произведеній Диккенса очень славились въ пятидесятыхъ годахъ, и Л. П. Шелгунову (1832—1901), которая перевела всю „Всемірную Исторію“ Шлоссера и многое изъ Ауэрбаха и Шпильгагена.

ГЛАВА VI.

ДРАМА.

Ея происхожденіе.— Цари Алексѣй и Петръ I. — Сумароковъ. — Псевдо-классическія трагедіи: Княжнинъ. — Озеровъ. — Первыя комедіи. — Первые годы XIX-го столѣтія. — **Грибоѣдовъ**. — Московская сцена въ пятидесятыхъ годахъ. — **Островскій**: его первыя драмы. — „Гроза". — Позднѣйшія драматическія произведенія Островскаго. — Историческія драмы: А. К. **Толстой**. — Другіе драматическіе писатели.

Драма въ Россіи, какъ и вездѣ, имѣетъ двоякое происхожденіе. Она развилась изъ религіозныхъ „мистерій" съ одной стороны и народной комедіи — съ другой, путемъ введенія остроумныхъ интерлюдій въ серьезныя, строго моральныя представленія, сюжетъ которыхъ заимствовался изъ Ветхаго или Новаго Завѣта. Нѣсколько подобныхъ мистерій были приспособлены въ XVII столѣтіи учителями Греко-Латинской духовной Академіи въ Кіевѣ для представленія на малорусскомъ языкѣ студентами академіи, и позднѣе эти передѣлки проникли въ Москву.

Къ концу XVII-го вѣка, — такъ сказать, наканунѣ реформъ Петра I, — въ нѣкоторыхъ московскихъ кружкахъ чувствовалось сильное стремленіе ввести въ обиходъ русской жизни западно-европейскіе обычаи; и отецъ Петра, царь Алексѣй, не противился этому стремленію. Ему нравились театральныя представленія, и онъ поручилъ нѣкоторымъ изъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, составить пьесы для представленія во дворцѣ. Нѣкто Грегори принялъ на себя выполненіе этой задачи и, взявъ за основу нѣмецкія передѣлки пьесъ, извѣстныхъ въ то время подъ именемъ

„Ачглійскихъ комедій", приспособилъ ихъ къ русскимъ вкусамъ. Вскорѣ во дворцѣ царя начали разыгрывать „Комедію о королевѣ Есфири и гордомъ Гаманѣ", „Товій", „Юдиѳь" и т. д. Одинъ изъ іерарховъ церкви, Симеонъ Полоцкій, не считалъ ниже своего достоинства сочинять подобныя мистеріи и нѣкоторыя изъ нихъ дошли до насъ. Въ то же время дочь Алексѣя, царевна Софія (ученица Симеона), нарушая обычай, запрещавшій женщинамъ царскаго рода показываться въ публикѣ, присутствовала на театральныхъ представленіяхъ во дворцѣ.

Все это не могло нравиться московскимъ консерваторамъ старой школы, и театръ былъ закрытъ послѣ смерти царя Алексѣя въ теченіе почти четверти столѣтія, вплоть до 1702 года, когда Петръ I, большой любитель театральныхъ представленій, снова открылъ его въ старой столицѣ. Въ этомъ театрѣ играла труппа актеровъ, спеціально выписанная изъ Данцига, при чемъ для нихъ былъ построенъ спеціальный домъ въ самомъ Кремлѣ. Болѣе того, другая сестра Петра I, Наталія, не менѣе царя любившая театральныя зрѣлища, спустя нѣсколько лѣтъ перевела этотъ театръ въ свой собственный дворецъ, гдѣ актеры играли сначала на нѣмецкомъ языкѣ, а позже — по-русски. Имѣется нѣкоторое основаніе думать, что она сама написала нѣсколько драмъ, — вѣроятно, въ сотрудничествѣ съ однимъ изъ учениковъ нѣкоего д-ра Бидло, открывшаго другой театръ въ московскомъ госпиталѣ, гдѣ актерами были студенты. Позднѣе театръ царевны Наталіи былъ переведенъ въ новую столицу, основанную ея братомъ на берегахъ Невы.

Репертуаръ этого театра былъ довольно разнообразенъ и заключалъ въ себѣ, — помимо нѣмецкихъ драмъ, въ родѣ „Сципіона Африканскаго", „Донъ Жуана" и Донъ Педро" и т. п., — вольные переводы изъ Мольера, а также нѣмецкіе фарсы очень грубаго характера. Кромѣ того, въ репертуаръ входило нѣсколько оригинальныхъ русскихъ драмъ (отчасти составленныхъ, вѣроятно, княжной Наталіей), содержаніемъ которыхъ были драматизированныя житія святыхъ, а въ нѣкоторыхъ сюжетъ былъ заимствованъ изъ польскихъ романовъ, пользовавшихся въ то время въ Россіи большимъ распространеніемъ, въ формѣ рукописныхъ переводовъ.

Изъ этихъ элементовъ, а также и изъ подражаній западно-европейскимъ образцамъ, развилась русская драма, когда театръ, въ половинѣ XVIII-го вѣка, сдѣлался уже постояннымъ учрежденіемъ. Интересно отмѣтить, что первый постоянный русскій театръ былъ основанъ, въ 1750 году, не въ одной изъ столицъ, а въ провинціальномъ городѣ Ярославлѣ, подъ покровительствомъ одного мѣстнаго купца, при чемъ это было дѣломъ частной инициативы нѣсколькихъ актеровъ: двухъ братьевъ Волковыхъ, Дмитревскаго и нѣсколькихъ другихъ. Императрица Елизавета Петровна, — должно быть, по совѣту Сумарокова, который въ это время началъ писать драматическія произведенія, — приказала перевести этихъ актеровъ въ Петербургъ, гдѣ они поступили на государственную службу, въ качествѣ артистовъ императорскаго театра. Такимъ образомъ русскій театръ сдѣлался въ 1756 году правительственнымъ учрежденіемъ.

Сумароковъ (1718 — 1777), написавшій — кромѣ массы стихотвореній и басенъ, имѣющихъ дѣйствительную литературную цѣнность — значительное количество трагедій и комедій, сыгралъ важную роль въ развитіи русской драмы. Въ своихъ трагедіяхъ онъ подражалъ Расину и Вольтеру. Онъ строго слѣдовалъ правиламъ о „единствѣ“ и былъ еще болѣе, чѣмъ его французскіе учителя, беззаботенъ насчетъ соблюденія исторической правды; но онъ не обладалъ ихъ великимъ талантомъ, и его герои являются лишь олицетвореніями извѣстныхъ добродѣтелей и пороковъ, — безжизненными фигурами, произносящими безконечные напыщенные монологи. Нѣкоторыя изъ его трагедій („Хоревъ“, написанный въ 1747 году, „Синавъ и Труворъ“, „Ярополкъ и Дилица“, „Дмитрій Самозванецъ“) основаны на сюжетахъ, взятыхъ изъ русской исторіи; но во всѣхъ этихъ герояхъ было столь же мало славянскаго, какъ и въ герояхъ Расина было мало греческаго или римскаго. Необходимо, впрочемъ, сказать, что Сумароковъ всегда проводилъ въ своихъ трагедіяхъ наиболѣе передовыя, гуманитарныя идеи того времени — иногда съ истиннымъ чувствомъ, пробивавшимся даже сквозь условныя формы рѣчей его героевъ. Что же касается до его комедій, то хотя онѣ и не имѣли того успѣха, какимъ пользовались его трагедіи, онѣ гораздо ближе къ жизни. Въ нихъ

разбросано не мало черточекъ, изображающихъ действительную жизнь тогдашней Россіи, особенно московскаго дворянства, и сатирическій характеръ этихъ комедій, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на слѣдовавшихъ за Сумароковымъ писателей.

Княжнинъ (1742—1791), подобно Сумарокову, переводилъ трагедіи съ французскаго, а также написалъ нѣсколько трагедій подражательнаго характера; при чемъ сюжеты нѣкоторыхъ изъ нихъ были взяты изъ русской исторіи („Рославъ", 1784; „Вадимъ Новгородскій" — эта трагедія была напечатана лишь послѣ его смерти и немедленно уничтожена по распоряженію правительства, въ виду ея свободолюбивыхъ тенденцій).

Озеровъ (1769—1816) продолжалъ работу Княжнина, но внесъ въ псевдо-классическую трагедію сантиментальный и романтическій элементы („Эдипъ въ Аѳинахъ", „Смерть Олега"). Несмотря на всѣ ихъ недостатки, его трагедіи пользовались продолжительнымъ успѣхомъ и въ значительной степени способствовали развитію какъ самой сцены, такъ и серьезнаго вкуса среди посѣтителей театра.

Одновременно съ трагедіями, тѣ же авторы и ихъ послѣдователи написали рядъ комедій („Хвастунъ" и „Чудаки" Княжнина), и, хотя, въ большинствѣ случаевъ это были простыя подражанія французскимъ образцамъ, тѣмъ не менѣе, на сцену начали проникать сюжеты, взятые изъ русской обыденной жизни. Уже Сумароковъ сдѣлалъ кое-что въ этомъ направленіи; за нимъ слѣдовала Екатерина II, которой принадлежитъ нѣсколько сатирическихъ комедій, изображавшихъ окружавшую ея среду (какъ, напр., „Именины госпожи Ворчалкиной"), и комическую оперу изъ русской народной жизни. Она едва-ли не первая ввела русскаго крестьянина на театральные подмостки. Нужно отмѣтить, что вкусъ къ „простонародному" на сценѣ быстро развился — комедіи „Мельникъ" Облесимова и „Сбитеньщикъ" Княжнина и др., съ сюжетами изъ народной жизни, одно время были любимыми пьесами и пользовались громаднымъ успѣхомъ.

О Фонвизинѣ я уже говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ; здѣсь же напомню только, что, какъ авторъ двухъ комедій, „Бригадиръ" (1768) и „Недоросль" (1782), которыя не сходили со сцены до половины XIX-го

столѣтія, онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ родоначальникъ реальной сатирической комедіи въ Россіи. „Ябеда" Капниста и нѣсколько комедій великаго баснописца Крылова относятся къ той-же категоріи.

Первые годы XIX-го столѣтія.

Въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ XIX-го столѣтія русскій театръ развивался съ замѣчательнымъ успѣхомъ. На московской и петербургской сценахъ появился рядъ талантливыхъ и оригинальныхъ актеровъ и актрисъ, какъ въ области драмы, такъ равно и комедіи. Количество драматическихъ писателей настолько возросло, что всѣ формы драматическаго искусства могли развиваться одновременно. Во время Наполеоновскихъ войнъ театръ былъ заполненъ патріотическими трагедіями, которыя изобиловали намеками на современныя событія, какъ, напр., „Дмитрій Донской" (1807) Озерова. Но, несмотря на это, ложно-классическая трагедія продолжала держаться на сценѣ. Появились лучшіе переводы и подражанія Расину (Катенина, Кокошкина), и они пользовались извѣстнымъ успѣхомъ, въ особенности въ Петербургѣ, главнымъ образомъ благодаря хорошимъ трагическимъ актерамъ декламаторской школы. Въ то же время громадный успѣхъ имѣли переводы изъ Коцебу и произведенія его сантиментальныхъ подражателей.

Романтизмъ и псевдо-классицизмъ вели, конечно, между собой такую-же борьбу за обладаніе сценой, какъ и въ области поэзіи и романа; но, вслѣдствіе духа времени, а также подъ вліяніемъ Карамзина и Жуковскаго, побѣда осталась за романтизмомъ. Побѣдѣ этой значительно способствовали энергичныя усилія князя Шаховскаго, который превосходно зналъ сценическія условія и написалъ болѣе сотни различныхъ драматическихъ произведеній — трагедій, комедій, оперъ, водевилей и балетовъ; сюжеты онъ заимствовалъ изъ Вальтеръ Скотта, Оссіана, Шекспира и Пушкина. Въ то-же время комедія, особенно — сатирическая комедія и водевиль (приближавшійся къ комедіи вслѣдствіе болѣе тщательнаго изображенія характеровъ, по сравненію съ произведеніями этого рода на французской сценѣ), были

представлены большимъ количествомъ болѣе или менѣе оригинальныхъ произведеній. На ряду съ превосходными переводами Хмѣльницкаго изъ Мольера, публика наслаждалась комедіями Загоскина, полными добродушной веселости, иногда — блестящими и всегда полными одушевленія комедіями и водевилями Шаховскаго, водевилями А. И. Писарева и т. д. Правда, всѣ эти комедіи были или прямо вдохновлены Мольеромъ, или же были передѣлками съ французскаго, приспособленными къ русской сценѣ, путемъ введенія въ эти пьесы русскихъ характеровъ и русскихъ обычаевъ. Но уже въ этихъ передѣлкахъ лежало самостоятельное творческое начало, проявленію котораго способствовала игра талантливыхъ артистовъ натуральной, реалистической школы. Все это подготовило почву для появленія самостоятельной русской комедіи, нашедшей свое олицетвореніе въ Грибоѣдовѣ, Гоголѣ и Островскомъ.

Грибоѣдовъ.

Грибоѣдовъ (1796—1829) умеръ очень молодымъ, и послѣ него осталась только одна комедія, „Горе отъ ума", и нѣсколько сценъ неоконченной трагедіи въ шекспировскомъ стилѣ. Но его комедія—геніальное произведеніе, и благодаря ей одной, о Грибоѣдовѣ можно сказать, что ему русская сцена обязана столько же, сколько русская поэзія—Пушкину.

Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ и, получивъ хорошую домашнюю подготовку, поступилъ въ 15-ти лѣтнемъ возрастѣ въ Московскій университетъ. Здѣсь, къ своему счастью, онъ подпалъ вліянію историка Шлёцера и проф. Буле, развившихъ въ немъ стремленіе къ всестороннему знакомству со всемірной литературой и привычку къ серьезной работѣ. Благодаря вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, еще во время нахожденія въ университетѣ (1810—1812), Грибоѣдовъ сдѣлалъ первые наброски своей комедіи, которую онъ обрабатывалъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ.

Въ 1812 году, во время Наполеоновскаго нашествія, Грибоѣдовъ вступилъ въ военную службу и въ продолженіе

четырехъ лѣтъ былъ офицеромъ гусарскаго полка, стоявшаго почти все время въ Западной Россіи. Духъ арміи въ то время былъ совершенно различенъ отъ того, чѣмъ онъ сталъ позднѣе, при Николаѣ I.; главнымъ образомъ въ арміи шла пропаганда декабристовъ, и Грибоѣдовъ встрѣтилъ среди своихъ собратій по оружію людей, проникнутыхъ высокими гуманитарными тенденціями. Въ 1816 году онъ подалъ въ отставку и, повинуясь желанію своей матери, вступилъ въ дипломатическую службу въ Петербургѣ, гдѣ онъ подружился съ декабристами Чаадаевымъ (см. главу VIII), Рылѣевымъ и Одоевскимъ (см. гл. I и II).

Дуэль, въ которой Грибоѣдовъ принялъ участіе въ качествѣ секунданта, послужила причиной удаленія будущаго драматурга изъ Петербурга. Его мать настаивала, чтобы его услали на службу возможно дальше отъ столицы, и его послали въ Тегеранъ. Онъ много путешествовалъ по Персіи и благодаря своей чрезвычайно дѣятельной и живой натурѣ, игралъ выдающуюся роль въ дипломатической работѣ русскаго посольства въ Персіи. Позднѣе, находясь въ Тифлисѣ въ качествѣ секретаря Намѣстника Кавказа, онъ также усиленно занимался дипломатической работой но въ то же время продолжалъ обработывать свою комедію, и въ 1824 году, получивши на нѣсколько мѣсяцевъ отпускъ во внутреннія губерніи Россіи, закончилъ ее. Благодаря случайности, рукопись „Горя отъ ума" сдѣлалась извѣстной нѣсколькимъ изъ его друзей, и комедія произвела на нихъ громадное впечатлѣніе. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она получила уже широкое распространеніе, въ сотняхъ списковъ, возбуждая бурю негодованія среди стараго поколѣнія и вызывая общее восхищеніе молодежи. Всѣ усилія поставить ее на сцену, или хотя бы сыграть на частной сценѣ любителями, были встрѣчены рѣшительнымъ отказомъ со стороны цензуры, и Грибоѣдовъ возвратился на Кавказъ, такъ и не видавъ своей комедіи на сценѣ.

Здѣсь, въ Тифлисѣ, онъ былъ арестованъ, нѣсколько дней послѣ 14-го декабря 1825 года (см. главу I) и поспѣшно отправленъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ въ это время уже находились его лучшіе друзья. Одинъ изъ декабристовъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что даже въ мрачной

обстановкѣ крѣпости обычная живость Грибоѣдова не пострадала. Путемъ постукиваній онъ ухитрялся разсказывать своимъ друзьямъ такія смѣхотворныя исторія, что они катались со смѣха по постелямъ въ своихъ камерахъ. Въ іюнѣ 1826 года онъ былъ освобожденъ и посланъ обратно въ Тифлисъ. Но послѣ казни пяти декабристовъ—среди которыхъ былъ и его другъ, Рылѣевъ,—и ссылки остальныхъ на всю жизнь въ каторжныя работы въ сибирскіе рудники, прежняя веселость навсегда покинула Грибоѣдова. Въ Тифлисѣ онъ продолжалъ усиленно работать, насаждая сѣмена цивилизаціи въ ново-завоеванной территоріи; но уже въ слѣдующемъ году ему пришлось принять участіе въ кампаніи 1827—1828 года противъ Персіи. Онъ сопровождалъ армію въ качествѣ дипломатическаго агента, и послѣ жестокаго пораженія шаха Аббаса-Мурзы, на долю Грибоѣдова выпало заключеніе знаменитаго Туркманчайскаго договора, согласно которому Россія получила отъ Персіи богатыя области и пріобрѣла громадное вліяніе на ея внутреннія дѣла. Послѣ кратковременной поѣздки въ Петербургъ, Грибоѣдовъ былъ снова посланъ въ Тегеранъ—на этотъ разъ уже въ качествѣ посла. Передъ поѣздкой въ Персію онъ женился въ Тифлисѣ на замѣчательнойк расавицѣ, грузинской княжнѣ, но, уѣзжая съ Кавказа въ Персію, онъ уже предчувствовалъ, что едва-ли вернется живымъ: „Аббасъ-Мирза"—писалъ онъ —„никогда не проститъ мнѣ Туркманчайскаго договора", и это предчувствіе оправдалось. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ прибытія Грибоѣдова въ Тегеранъ, толпа фанатиковъ-персовъ напала на русское посольство, и Грибоѣдовъ былъ убитъ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его жизни, у Грибоѣдова не было ни времени, ни охоты заниматься литературными трудами. Онъ зналъ, что на пути его творчеству станетъ цензура. Даже „Горе отъ ума" было настолько изуродовано цензурой, что многія лучшія мѣста комедіи потеряли всякій смыслъ. Все же, Грибоѣдовъ успѣлъ написать трагедію въ романтическомъ стилѣ, „Грузинская ночь", и тѣ изъ его друзей, которымъ удалось познакомиться съ этимъ произведеніемъ въ цѣлости, съ чрезвычайной похвалой отзывались о его поэтическихъ и драматическихъ достоинствахъ;

но до насъ дошли лишь двѣ сцены этой трагедіи и ея общій планъ. Рукопись „Грузинской ночи“, вѣроятно, погибла въ Тегеранѣ.

„Горе отъ ума“—чрезвычайно сильная сатира, направленная противъ высшаго московскаго общества, какимъ оно было въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Грибоѣдовъ прекрасно зналъ это общество, и ему не приходилось изобрѣтать типовъ для своей комедіи. Живые люди послужили основаніемъ такихъ безсмертныхъ типовъ, какъ старый дворянинъ Фамусовъ и Скалозубъ, фанатикъ милитаризма, равно какъ и для многихъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Что же касается до языка, которымъ говорятъ эти дѣйствующія лица, то неоднократно было замѣчено, что только два писателя могли въ то время соперничать съ Грибоѣдовымъ, какъ мастера настоящаго русскаго разговорнаго языка: Пушкинъ и Крыловъ. Позднѣе къ нимъ можно было присоединить Островскаго. Это—настоящій московскій языкъ. Кромѣ того, въ комедіи имѣются стихи, настолько мѣткіе, что многіе изъ нихъ обратились въ Россіи въ пословицы.

Идея комедіи, вѣроятно, была внушена Мольеровскимъ „Мизантропомъ“ и ея герой, Чацкій, несомнѣнно, имѣетъ много общаго съ Альцестомъ. Но Чацкій въ то же самое время отражаетъ настроеніе самого Грибоѣдова, и его сарказмы—въ сущности сарказмы, которые Грибоѣдовъ и декабристы вообще бросали въ лицо своимъ московскимъ знакомымъ. Въ этомъ смыслѣ, „Горе отъ ума“—глубоко русское произведеніе. Кромѣ того, другія дѣйствующія лица такъ вѣрно изображаютъ москвичей, т. е. тогдашнее московское дворянство,—что, помимо руководящаго мотива, комедія является вполнѣ оригинальной и національной.

Чацкій — молодой человѣкъ, только-что возвратившійся изъ долгаго путешествія за границей, спѣшитъ посѣтить домъ стараго столбового дворянина, Фамусова, дочь котораго, Софья, была подругой его дѣтскихъ игръ и къ которой Чацкій сохранилъ горячую любовь. Но предметъ его обожанія, Софья, за время его отсутствія, успѣла уже познакомиться и сблизиться съ секретаремъ ея отца,—совершенно ничтожнымъ и несимпатичнымъ молодымъ человѣкомъ, Молчалинымъ, у котораго правилами жизни являются, во-первыхъ,

„умѣренность и аккуратность", а во-вторыхъ—стремленіе угодить всякому въ домѣ, вплоть до дворника и его собаки, —„чтобъ ласкова была". Слѣдуя этимъ правиламъ, Молчалинъ одновременно ухаживаетъ за дочерью хозяина и за ея горничной: за первой—чтобъ угодить ей, а за второй—потому, что она ему нравится. Чацкаго встрѣчаютъ, поэтому, очень холодно. Ссфья боится его ума и его сарказмовъ, а ея отецъ уже нашелъ для нея жениха, въ лицѣ полковника Скалозуба,—мужчины чуть не саженнаго роста, говорящаго басомъ и лишь о предметахъ, связанныхъ съ военной службой, но обладающаго состояніемъ и надѣющагося вскорѣ быть произведеннымъ въ генералы.

Чацкій ведетъ себя такъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ влюбленнаго молодого человѣка. Онъ не видитъ ничего кромѣ Софіи, которую онъ преслѣдуетъ своимъ обожаніемъ, дѣлая въ ея присутствіи ядовитыя замѣчанія насчётъ Молчалина и приводя ея отца въ отчаяніе свободной критикой московскихъ нравовъ: въ довершеніе всего, на балу, который даетъ Фамусовъ, Чацкій разражается длинными монологами противъ обожанія московскими дамами всего французскаго. Софья, чувствующая себя оскорбленной замѣчаніями Чацкаго о Молчалинѣ, въ отместку Чацкому распускаетъ слухъ, что онъ—не въ своемъ умѣ; слухъ этотъ съ восторгомъ подхватывается присутствующими на балу и распространяется съ быстротой молніи.

Въ Россіи часто говорятъ, что сатирическія нападки Чацкаго на балу, направленныя противъ такихъ мелочей, какъ преклоненіе предъ иностранцами, носятъ черезчуръ поверхностный характера и недостигаютъ цѣли. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Грибоѣдову пришлось ограничиться подобными, сравнительно невинными нападками, такъ какъ иныхъ не потерпѣла бы цензура; онъ надѣялся, что хоть эти нападки на французоманію избѣгнутъ краснаго карандаша цензора. Изъ рѣчей же Чацкаго во время его утренняго посѣщенія у Фамусова и изъ разговоровъ другихъ дѣйствующихъ лицъ можно заключить, что Грибоѣдовъ вложилъ бы въ уста своего героя гораздо болѣе серьезныя критическія замѣчанія, если бы этому не препятствовала цензура. Герценъ справедливо замѣтилъ, что, благодаря цензурѣ, Чацкій—

единственный типъ въ нашей литературѣ, въ которомъ, до нѣкоторой степени, отразились декабристы.

Вообще положеніе русскаго сатирическаго писателя, по сравненію съ иностраннымъ, незавидно. Когда Мольеръ даетъ сатирическое описаніе парижскаго общества, эта сатира не кажется странной читателямъ другихъ странъ: всѣ знаемъ кое-что о парижской жизни; но когда Грибоѣдовъ описываетъ въ томъ-же сатирическомъ духѣ московское общество и воспроизводитъ съ замѣчательной вѣрностью, не только обще-русскіе, но чисто-московскіе типы („На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ", говоритъ онъ)—они кажутся настолько странными и чуждыми для западно-европейца, что переводчикъ долженъ быть полу-русскимъ и крупнымъ поэтомъ, чтобы успѣшно перевести комедію Грибоѣдова на иностранный языкъ. Если бы такой переводъ появился, я увѣренъ, что эта комедія пользовалась бы успѣхомъ на западно европейской сценѣ. Въ Россіи она не сходитъ со сцены до сихъ поръ и, несмотря на то, что прошло болѣе семидесяти лѣтъ со дня ея появленія, она до сихъ поръ не утратила интереса и привлекательности.

Московская сцена.

Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка къ театру вездѣ относились съ большимъ уваженіемъ, а въ Россіи—болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Итальянская опера еще не достигла тогда въ Петербургѣ той степени развитія, до которой дошла двадцать лѣтъ спустя, а Русская опера, къ которой директора императорскихъ театровъ относились какъ къ падчерицѣ, представляла мало привлекательности. Благодаря этому, драма—и иногда балетъ, когда на театральномъ горизонтѣ появлялась такая звѣзда, какъ Фанни Эльслеръ,—привлекали лучшіе элементы образованнаго общества и вызывали восхищеніе молодежи, включая студентовъ университета. Что же касается актеровъ и актрисъ того времени, то они, въ свою очередь, старались не только воспроизвести на сценѣ характеры, созданные драматургами, но, подобно Крюикшанку, (иллюстратору романовъ Диккенса) стремились помочь точному возсозданію этихъ характеровъ, находя, путемъ тща-

тельнаго изученія ихъ вѣрное олицетвореніе и дополняя характеристику типовъ, сдѣланную драматургомъ.

Особенно въ Москвѣ наблюдалось это интеллектуальное взаимодѣйствіе сцены на общество и обратно, вслѣдствіе чего здѣсь развилось болѣе высокое пониманіе драматическаго искусства. Взаимодѣйствіе, установившееся между Гоголемъ и актерами, игравшими его „Ревизора“ (особенно М. С. Щепкинымъ, 1788—1863); вліяніе литературныхъ и философскихъ кружковъ, группировавшихся тогда въ Москвѣ, и вдумчивая критическая оцѣнка, которую артисты встрѣчали въ печати—все это создало изъ Московскаго Малаго Театра колыбель высшаго драматическаго искусства. Въ то время, какъ Петербургъ покровительствовалъ такъ-называемой „французской“ школѣ игры—декламаторской и неестественно-утонченной,—московская сцена достигла высокой степени совершенства въ развитіи натуралистической школы. Я имѣю въ виду ту школу, великой представительницей которой является теперь Дузэ, и которой въ Англіи Лена Ашвеллъ была обязана успѣхомъ въ „Воскресеніи“, т. е. школу, въ которой артистъ разстается съ рутиной условныхъ сценическихъ традицій и вызываетъ въ слушателяхъ глубочайшія эмоціи глубиной собственнаго чувства, и естественной правдой и простотой его выраженія.

Въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ эта школа достигла высшаго совершенства въ Москвѣ, и среди московскихъ артистовъ были такіе первоклассные актеры и актрисы, какъ Щепкинъ—геніальный актеръ, полный творческой силы, бывшій душой этой сцены,—Мочаловъ, Садовскій, С. Васильевъ и г-жа Никулина-Косицкая, окруженные цѣлой плеядой прекрасныхъ второклассныхъ исполнителей. Ихъ репертуаръ не отличался особеннымъ богатствомъ, но двѣ комедіи Гоголя („Ревизоръ“ и „Женитьба“), по временамъ—„Горе отъ ума“, комедія Сухово-Кобылина—„Свадьба Кречинскаго“, давали возможность блестяще проявлять лучшія качества вышеупомянутыхъ артистовъ; иногда драма Шекспира *), масса передѣланныхъ

*) Шекспиръ всегда пользовался большой популярностью въ Россіи, но его драмы часто требуютъ сложной сценической обстановки, не всегда бывшей въ распоряженіи Малаго Театра.

съ французскаго мелодрамъ и водевилей, болѣе приближающихся къ легкой комедіи, чѣмъ къ фарсу — такова была разнообразная программа Малаго Театра. Нѣкоторыя пьесы исполнялись съ высокимъ совершенствомъ, соединяя ансамбль и воодушевленіе, характеризующія исполненіе въ Одеонѣ, съ той простотой и естественностью, о которыхъ мы говорили выше.

Взаимное вліяніе, которое сцена и драматическіе писатели неизбѣжно оказываютъ другъ на друга, лучше всего можно прослѣдить на примѣрѣ Москвы. Нѣсколько драматурговъ писали спеціально для этой сцены — не съ цѣлью чтобы создать успѣхъ той или иной актрисѣ, или тому или иному актеру въ ущербъ другимъ, какъ это часто случается теперь въ тѣхъ театрахъ, гдѣ одна и та же пьеса дается по нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ, но для данной сцены и всѣхъ ея актеровъ. Островскій (1823 — 1886) былъ однимъ изъ драматурговъ, наиболѣе ясно понявшихъ это взаимоотношеніе между драматическимъ авторомъ и сценой, и вслѣдствіе этого онъ занялъ въ области русской драмы то же мѣсто, которое Тургеневъ и Толстой занимаютъ въ области русской повѣсти.

Островскій: „Бѣдность не порокъ".

Островскій родился въ семьѣ бѣднаго чиновника, происходившаго изъ духовнаго званія, и, подобно большинству молодежи того времени, онъ съ семнадцатилѣтняго возраста сдѣлался восторженнымъ посѣтителемъ Московскаго театра. Уже въ этомъ возрастѣ, по словамъ его біографовъ, онъ постоянно говорилъ съ товарищами о сценѣ. Онъ поступилъ въ университетъ, но уже на второмъ курсѣ долженъ былъ оставить его, вслѣдствіе ссоры съ однимъ изъ профессоровъ, и опредѣлился канцелярскимъ служителемъ въ Московскій Совѣстный Судъ, гдѣ „по совѣсти" разбирались гражданскія и уголовныя дѣла, и гдѣ онъ могъ наблюдать типы московскаго купечества — совершенно своеобразнаго класса, который въ своей изолированности остался хранителемъ традицій старой Россіи. Именно въ этомъ классѣ Островскій почерпнулъ почти всѣ типы своихъ первыхъ и

лучшихъ драматическихъ произведенiй. Лишь позднѣе онъ расширилъ кругъ своихъ наблюденiй и началъ изображать различные классы образованнаго общества.

Первая его комедiя, „Картина семейнаго счастья“, была написана въ 1847 году, а три года спустя появилась задуманная раньше четырехъ-актная комедiя „Свои люди,—сочтемся“ или „Банкрутъ“, которая сразу создала ему репутацiю великаго драматическаго писателя. Она была напечатана въ одномъ журналѣ и получила громадную популярность во всей Россiи (актеръ Садовскiй и самъ авторъ — превосходный чтецъ и актеръ — неоднократно читали ее въ различныхъ московскихъ домахъ), но она не была дозволена къ представленiю на сценѣ. Московскiе купцы сочли себя обиженными этой пьесой, нажаловались на автора московскому генералъ губернатору, и Островскаго не только уволили со службы, но, въ качествѣ „неблагонадежнаго“ въ политическомъ отношенiи лица, отдали подъ надзоръ полицiи. Лишь много лѣтъ спустя, четыре года послѣ вступленiя Александра II на престолъ, т. е. въ 1860 году, разрѣшено было представленiе этой комедiи на московской сценѣ, но даже и тогда цензура настояла на введенiи въ концѣ пьесы квартальнаго надзирателя.

Въ 1853 и 1854 годахъ Островскимъ были созданы двѣ замѣчательныхъ комедiи: „Не въ свои сани не садись“ и „Бѣдность не порокъ“. Сюжетъ первой изъ нихъ не отличался новизной: дѣвушка изъ купеческой семьи убѣгаетъ съ дворяниномъ, который бросаетъ ее и оскорбляетъ, убѣдившись, что ей не удастся выпросить у отца ни прощенiя, ни денегъ. Но этотъ устарѣвшiй сюжетъ трактовался авторомъ съ такой свѣжестью, и характеры были обрисованы въ положенiяхъ, такъ хорошо выбранныхъ, что по литературнымъ и сценическимъ достоинствамъ эта комедiя относится къ разряду лучшихъ произведенiй Островскаго. Что-же касается второй изъ вышеупомянутыхъ пьесъ („Бѣдность не порокъ“), то она произвела громадное впечатлѣнiе во всей Россiи. Предъ нами — семья стараго типа, глава которой — богатый купецъ, самодуръ, стремящiйся сдѣлать свою волю закономъ для окружающихъ и понимающiй жизнь лишь съ этой точки зрѣнiя. Онъ, однако, склоненъ къ внѣшней, трактирной „ци-

вилизаціи": онъ одѣвается по-модному и старается ввести въ семейный обиходъ „цивилизованныя" манеры — по крайней мѣрѣ, въ присутствіи знакомцевъ изъ числа трактирныхъ собутыльниковъ. Несмотря на эту приверженность къ „цивилизаціи", онъ обращается со своей женой, какъ съ рабой, и всѣ домашніе боятся звука его голоса. У него есть дочь, которая влюблена въ одного изъ приказчиковъ отца, Митю, и, въ свою очередь, любима имъ. Митя — чрезвычайно скромный, боязливый, но честный парень, и мать очень хотѣла бы выдать свою дочь замужъ за него; но отецъ успѣлъ познакомиться съ довольно богатымъ пожилымъ фабрикантомъ, Коршуновымъ, одѣвающимся по послѣдней модѣ и пьющимъ вмѣсто водки шампанское, вслѣдствіе чего онъ играетъ среди московскихъ купцовъ роль извѣстнаго авторитета въ вопросахъ моды и „тонкаго поведенія". За этого-то человѣка Гордѣй Торцовъ собирается выдать свою дочь, но ее спасаетъ вмѣшательство дяди, Любима Торцова. Любимъ былъ когда-то богатъ, подобно брату, но не удовлетворенный филистерской обстановской жизни богатаго купечества и не находя выхода изъ нея въ лучшую общественную среду, онъ предается пьянству — безшабашному пьянству, какое можно было наблюдать въ прежнее время въ Москвѣ. Его богатый братъ и Коршуновъ помогли ему освободиться отъ своего состоянія, и теперь Любимъ, въ изорванномъ пальто, шатается по низшаго разбора трактирамъ, дѣлая изъ себя шута за стаканъ водки. Безъ гроша денегъ, одѣтый въ лохмотья, дрожащій отъ холода и голода, онъ приходитъ въ помѣщеніе молодого приказчика, Мити, прося позволенія переночевать. Дѣйствіе комедіи происходитъ во время рождественскихъ праздниковъ, и это обстоятельство даетъ Островскому возможность ввести ряженыхъ и различнаго рода пѣсни и игры въ чисто-русскомъ стилѣ. Въ разгаръ всего этого веселья, происходящаго во время отсутствія Торцова изъ дома, онъ является вмѣстѣ съ женихомъ, Коршуновымъ. Всѣ эти „вульгарныя" удовольствія, конечно, прекращаются, и отецъ, полный уваженія къ своему „цивилизованному" другу, приказываетъ дочери выходить замужъ за выбраннаго ей отцомъ жениха. Слезы дѣвушки и ея матери не помогаютъ: приказаніе отца должно быть исполнено.

Но въ это время является Любимъ Торцовъ, въ лохмотьяхъ и съ обычнымъ шутовствомъ, — ужасный въ своемъ паденіи и все же сохранившій въ себѣ человѣка. Можно себѣ представить ужасъ его брата. Любимъ Торцовъ обличаетъ Коршунова, напоминая ему, между прочимъ, какъ онъ помогалъ его, Любима, разоренію, какъ онъ грабилъ бѣдныхъ, какъ замучилъ первую жену... Коршуновъ, считая себя обиженнымъ, въ большомъ гнѣвѣ уходитъ изъ дома, а Любимъ указываетъ брату, какое онъ собирался совершить преступленіе, отдавая дочь за такого негодяя. Его выгоняютъ изъ комнаты, но онъ, становясь на колѣни передъ братомъ, проситъ: „Братъ, отдай Любушу за Митю, — онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то, да честно пожить“. Къ просьбамъ дяди присоединяются просьбы матери и дочери, и, въ концѣ концовъ, отецъ, оскорбленный наглостью Коршунова, соглашается на бракъ дочери съ Митей, говоря брату: „Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ, а то было свихнулся совсѣмъ. Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія. Ну, дѣти, скажите спасибо дядѣ Любиму Карпычу, да живите счастливо“.

Все, такимъ образомъ, заканчивается къ общему благополучію, но зрители чувствуютъ, что могло случиться и нѣчто, какъ разъ противоположное. Вслѣдствіе каприза отца, дочь могла быть несчастной на всю жизнь, какъ это и бываетъ въ большинствѣ подобныхъ случаевъ.

Подобно комедіи Грибоѣдова, „Обломову“ Гончарова и многимъ другимъ прекраснымъ произведеніямъ русской литературы, эта комедія Островскаго имѣетъ такую типически-русскую оболочку, что легко проглядѣть ея широкое общечеловѣческое значеніе. Комедія кажется типически-„московской“, но измѣните имена и обычаи, измѣните нѣкоторыя детали, перенесите дѣйствіе въ высшій или низшій классъ общества; поставьте вмѣсто пьяницы Любима Торцова, бѣднаго родственника или честнаго друга, сохранившаго здравый смыслъ — и мораль комедіи можетъ быть приложена къ любой націи и къ любому классу общества. Она — глубоко человѣчна. Этимъ и объясняется ея громадный успѣхъ: въ

теченіе пятидесяти лѣтъ она не сходитъ съ русской сцены. Я не имѣю при этомъ въ виду нелѣпаго, преувеличеннаго энтузіазма, съ которымъ комедія была встрѣчена такъ-называемыми народниками, въ особенности славянофилами, видѣвшими въ Любимѣ Торцовѣ олицетвореніе чисто-русской души, даже въ глубокомъ паденіи сіяющей добродѣтелями, до которыхъ не дойти гнилому Западу! Люди болѣе разсудительные не заходили такъ далеко; но они понимали, какую массу удивительныхъ наблюденій, почерпнутыхъ изъ дѣйствительной жизни, представляла эта комедія и другія драматическія произведенія Островскаго. Руководящимъ журналомъ того времени былъ „Современникъ" и критикъ этого журнала, Добролюбовъ, посвятилъ двѣ обширныхъ статьи анализу произведеній Островскаго, при чемъ впечатлѣніе, получаемое отъ нихъ, онъ выразилъ въ самомъ заглавіи статьи: „Темное царство". Обзоръ темныхъ сторонъ русской жизни, изображенныхъ Островскимъ, сдѣланный Добролюбовымъ, послужилъ могучимъ толчкомъ въ послѣдующемъ интеллектуальномъ развитіи русской молодежи.

„Гроза".

Одной изъ лучшихъ драмъ Островскаго является „Гроза" (переведенная на англійскій языкъ г-жей Констанціей Гарнеттъ). Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, на верхней Волгѣ, гдѣ обычаи мѣстнаго купечества еще сохранили отпечатокъ первобытной дикости. Тамъ живетъ, напримѣръ, старый купецъ Дикóй, очень уважаемый обывателями, представляющій спеціальный типъ тѣхъ тирановъ, которыхъ такъ превосходно изображалъ Островскій. Если Дикóму приходится платить за что-либо, онъ, прежде уплаты долга, всегда поднимаетъ ссору съ человѣкомъ, которому онъ долженъ. У него имѣется старая пріятельница, купчиха Кабанова, и, напившись, и обозлясь, Дикóй обыкновенно навѣщаетъ ее: „У меня никакого дѣла нѣтъ, а я хмеленъ, вотъ что!" объясняетъ онъ свой визитъ.

Кабанова—подъ пару Дикóму. Можетъ быть, она менѣе первобытна, чѣмъ ея другъ, но ея самодурство имѣетъ еще

болѣе тиранический характеръ. У нея имѣется сынъ, который по-своему, до извѣстной степени, любитъ свою молодую жену Катерину; но мать держитъ этого взрослаго сына въ такомъ подчиненіи, какъ будто бы онъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Теща, конечно, ненавидитъ молодую жену и всячески притѣсняетъ ее, а у мужа не хватаетъ энергіи стать на ея защиту. Онъ чувствуетъ себя счастливымъ лишь тогда, когда ему удается вырваться изъ дому. Можетъ быть онъ выказывалъ бы больше любви къ своей женѣ, если бы они жили отдѣльно отъ матери, но живя въ домѣ матери, подъ ея постояннымъ тираническимъ присмотромъ, онъ смотритъ и на жену, какъ на одну изъ причинъ своей угнетенности. Катерина, напротивъ, — поэтическое существо. Она выросла въ хорошей семьѣ, гдѣ она пользовалась полной свободой, прежде чѣмъ вышла замужъ за молодого Кабанова, и теперь она чувствуетъ себя очень несчастной подъ гнетомъ постоянныхъ преслѣдованій со стороны ужасной тещи, не имѣя никакой защиты, кромѣ слабохарактернаго, боящагося матери, мужа. Въ ея характерѣ имѣется еще одна черточка— она страшно боится грозы. Эта черточка очень характерна для глухихъ городковъ въ верховьяхъ Волги: мнѣ самому приходилось встрѣчать хорошо образованныхъ женщинъ, которыя, испугавшись однажды внезапной грозы,—а онѣ часто достигаютъ здѣсь грознаго величія—во всю послѣдующую жизнь страшно боятся раскатовъ грома.

Мужъ Катерины отлучается изъ города на двѣ недѣли. Въ этотъ промежутокъ времени Катерина, которая и раньше на гуляньи случайно встрѣчалась съ молодымъ человѣкомъ, Борисомъ, племянникомъ Дикого, и замѣчала съ его стороны нѣкоторое вниманіе,—отчасти подъ вліяніемъ сестры мужа, очень вѣтренной дѣвушки, видится нѣсколько разъ съ Борисомъ и влюбляется въ него. Борисъ—первый мужчина, который, со времени ея брака, относится къ ней съ уваженіемъ; онъ самъ страдаетъ отъ притѣсненій Дикого, и Катерина чувствуетъ къ нему симпатію, переходящую въ любовь. Но Борисъ также обладаетъ слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, и какъ только его дядя, Дикой, приказываетъ ему уѣхать изъ города, онъ повинуется и изливается въ жалобахъ на „обстоятельства“, разлучающія его

съ Катериной. Возвращается мужъ Катерины, и когда его, жену и старуху Кабанову захватываетъ страшная гроза на прогулкѣ на берегу Волги, Катерина, въ смертельномъ ужасѣ предъ грозящей ей внезапной смертью, признается въ присутствіи толпы, ищущей защиты отъ грозы въ галлереѣ, въ томъ, что̀ случилось во время отсутствія ея мужа. О томъ, что слѣдуетъ далѣе, читатели узнаютъ лучше всего изъ приводимой ниже сцены, происходящей на высокомъ берегу Волги. Пробродивъ нѣкоторое время въ сумеркахъ по пустынному берегу, Катерина, наконецъ, видитъ Бориса и бѣжитъ навстрѣчу ему:

„Катерина: Увидала-таки я тебя! (Плачетъ на груди у него. Молчаніе).

„Борисъ: Ну, вотъ и поплакали вмѣстѣ, привелъ Богъ.

„Катерина: Ты не забылъ меня?

„Борисъ: Какъ забыть, что ты!

„Катерина: Ахъ нѣтъ, не то, не то! Ты не сердишься?

„Борисъ: За что мнѣ сердиться?

„Катерина: Ну, прости меня! Не хотѣла я тебѣ зла сдѣлать, да въ себѣ не вольна была. Что говорила, что дѣлала, — себя не помнила.

„Борисъ: Полно, что ты! что ты!

„Катерина; Ну, какъ же ты? Теперь-то ты какъ?

„Борисъ: Ѣду.

„Катерина: Куда ѣдешь?

„Борисъ: Далеко, Катя, въ Сибирь.

„Катерина: Возьми меня съ собой отсюда!

„Борисъ: Нельзя мнѣ, Катя. Не по своей я волѣ ѣду: дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотѣлъ хоть съ мѣстомъ-то тѣмъ проститься, гдѣ мы съ тобой видѣлись.

„Катерина: Поѣзжай съ Богомъ! Не тужи обо мнѣ. Сначала только развѣ скучно будетъ тебѣ, бѣдному, а тамъ и позабудешь.

„Борисъ: Что обо мнѣ-то толковать! Я—вольная птица. Ты-то какъ? Что свекровь-то?

„Катерина: Мучаетъ меня, запираетъ. Всѣмъ говоритъ и мужу говоритъ: „не вѣрьте ей, она хитрая“. Всѣ и ходятъ за мной цѣлый день и смѣются мнѣ прямо въ глаза. На каждомъ словѣ все тобой попрекаютъ.

„Борисъ: А мужъ-то?

„Катерина: То ласковъ, то сердится, да пьетъ все. Да постылъ онъ мнѣ, постылъ; ласка-то его мнѣ хуже побоевъ.

„Борисъ: Тяжело тебѣ, Катя?

„Катерина: Ужъ такъ тяжело, такъ тяжело, что умереть легче!

„Борисъ: Кто-жъ это зналъ, что намъ за любовь нашу так мучиться съ тобой! Лучше-бъ бѣжать мнѣ тогда!

„Катерина: На бѣду я увидѣла тебя. Радости видѣла мало, гор: то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том: что будетъ! Вотъ я теперь тебя видѣла, этого они у меня не отымут: а больше мнѣ ничего не надо. Только, вѣдь, мнѣ и нужно было увидат тебя. Вотъ мнѣ теперь гораздо легче сдѣлалось; точно гора съ плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаеш меня...

„Борисъ: Что ты, что ты!

„Катерина: Да нѣтъ, все не то я говорю, не то я хотѣла ска зать! Скучно мнѣ было по тебѣ, вотъ что; ну, вотъ я тебя увидала...

„Борисъ: Не застали-бъ насъ здѣсь!

„Катерина: Постой, постой! Что-то я тебѣ хотѣла сказать!? Вот забыла! Что-то нужно было сказать! Въ головѣ-то все путается, н вспомню ничего.

„Борисъ: Время мнѣ, Катя!

„Катерина: Погоди, погоди!

„Борисъ: Ну, что-же ты сказать-то хотѣла?

„Катерина: Сейчасъ скажу. (Подумавъ). Да! Поѣдешь т дорогой, ни одного ты нищаго такъ не пропускай, всякому подай, д прикажи, чтобъ молились за мою грѣшную душу.

„Борисъ: Ахъ, кабы знали эти люди, каково мнѣ прощаться с тобой! Боже мой! Дай Богъ, чтобъ имъ когда нибудь такъ же сладк было, какъ мнѣ теперь. Прощай, Катя! (Обнимаетъ ее и хочет уйти). Злодѣи вы! Изверги! Экъ, кабы сила!

„Катерина: Постой, постой! Дай мнѣ поглядѣть на тебя въ по слѣднiй разъ. (Смотритъ ему въ глаза). Ну, будетъ съ меня Теперь Богъ съ тобой, поѣзжай. Ступай, скорѣе ступай!

„Борисъ: (Отходитъ нѣсколько шаговъ и остана вливается). Катя, нехорошо что-то! Не задумала-ли ты чего? Изму чусь я дорогой-то, думавши о тебѣ.

„Катерина: Ничего, ничего! Поѣзжай съ Богомъ! (Борис хочетъ подойти къ ней). Не надо, не надо, довольно!

„Борисъ (рыдая): Ну, Богъ съ тобой! Только одного и надо Бога просить, чтобъ она умерла поскорѣе, чтобы ей не мучиться долгс Прощай! (Кланяется).

„Катерина: Прощай! (Борисъ уходитъ. Катерина про вожаетъ его глазами и стоитъ нѣсколько времен задумавшись).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Катерина (одна).

„Куда теперь? Домой идти? Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу— все равно. Да, что домой, что въ могилу!.. что въ могилу! Въ могил лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!.. Солнышко е

грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростетъ мелкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе (задумывается) всякіе... Такъ тихо, такъ хорошо! Мнѣ какъ будто легче! А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо! И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду! Придешь къ нимъ, они ходятъ, говорятъ, а на что мнѣ это? Ахъ, тяжко стало! И опять поютъ гдѣ-то! Что поютъ? Не разберешь... Умереть бы теперь.. Что поютъ? Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя! Грѣхъ! Молиться не будутъ? Кто любитъ, тотъ будетъ молиться... Руки крестъ-на-крестъ складываютъ... въ гробу! Да, такъ... я вспомнила. А поймаютъ меня, да воротятъ домой насильно... Ахъ, скорѣй, скорѣй! (Подходитъ къ берегу. Громко): Другъ мой! Радость моя! Прощай! (Уходитъ. Входятъ: Кабанова, Кабановъ, Кулигинъ и Работникъ съ фонаремъ".

„Гроза"—одна изъ лучшихъ драмъ въ современномъ репертуарѣ русской сцены. Пьеса эта, со сценической точки зрѣнія—превосходна. Каждая сцена въ отдѣльности производитъ впечатлѣніе, дѣйствіе драмы развивается быстро, и каждое изъ дѣйствующихъ лицъ даетъ превосходную роль для артиста. Роли Дикого, Варвары, (вѣтренной сестры), Кабанова, Кудряша (возлюбленнаго Варвары), старика самоучки-механика, даже старой барыни съ двумя лакеями, появляющейся всего на нѣсколько минутъ во время грозы—каждая изъ этихъ ролей можетъ дать высокое артистическое наслажденіе актеру и актрисѣ, выполняющихъ ее; что же касается ролей Катерины и Кабановой—то ни одна великая артистка не побрезгуетъ ими.

Переходя къ главной идеѣ драмы, я снова принужденъ буду повторить сказанное мною по поводу другихъ произведеній русской литературы. На первый взглядъ можетъ показаться, что Кабанова и ея сынъ исключительно русскіе типы, типы болѣе не существующіе въ западной Европѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе нѣкоторыхъ англійскихъ критиковъ; но оно едва-ли справедливо. Слабохарактерные, не умѣющіе отстоять себя Кабановы, можетъ быть, дѣйствительно рѣдко встрѣчаются въ Англіи, или же ихъ лукавая покорность не заходитъ такъ далеко, какъ это мы видимъ въ „Грозѣ". Но даже и для Россіи Кабановъ не особенно типиченъ. Что же касается его матери, старухи Кабановой

то каждому изъ насъ не разъ приходилось встрѣчать ее въ англійской обстановкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кому не знакомъ типъ старой лэди, которая, ради наслажденія властью, не желая разстаться съ нею, держитъ своихъ дочерей при себѣ до сѣдыхъ волосъ, мѣшая имъ выйти замужъ и притѣсняя ихъ? лэди, которая на всякіе манеры притѣсняетъ своихъ домашнихъ. Диккенсъ былъ хорошо знакомъ съ Кабанихой и она процвѣтаетъ въ Англіи до сихъ поръ,—какъ и въ другихъ странахъ.

Позднѣйшія драматическія произведенія Островскаго.

Съ годами, Островскій расширилъ кругъ наблюденій надъ русской жизнью и началъ изображать типы другихъ классовъ общества, помимо купечества, и въ своихъ позднѣйшихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ далъ такіе высоко привлекательные, прогрессивные типы, какъ „Бѣдная невѣста“, Параша (въ прекрасной комедіи „Горячее сердце“) Агнія въ „Не все коту масляница“, актеръ Несчастливцевъ въ прекрасной идилліи „Лѣсъ“, и т. д. Что же касается до изображенныхъ имъ „отрицательныхъ“ типовъ, взятыхъ изъ жизни Петербургской бюрократіи, или изъ среды милліонеровъ и дѣльцовъ, создающихъ „компаніи на акціяхъ“,—Островскій высказалъ глубокое пониманіе въ изображеніи этихъ типовъ; въ его комедіяхъ эти холодно-жестокіе, хотя „респектабельные“ по внѣшности, типы изображены съ удивительной вѣрностью и въ этомъ отношеніи у него мало найдется соперниковъ.

Въ общемъ, Островскій создалъ около пятидесяти драмъ и комедій, и каждая изъ нихъ обладаетъ высокими сценическими достоинствами. Ни одна изъ ролей въ нихъ не можетъ быть названа незначительной. Крупный актеръ или актриса могутъ взять на себя исполненіе самой маленькой роли, состоящей всего изъ нѣсколькихъ словъ, во время одного-двухъ выходовъ на сцену,—зная, что въ распоряженіи артиста будетъ достаточно матеріала для созданія характера. Что же касается главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то Островскій вполнѣ понималъ, что значительная часть въ дѣлѣ созданія характера должна быть предоставлена актеру.

Вслѣдствіе этого, въ его произведеніяхъ найдутся роли, которыя безъ такого сотрудничества окажутся блѣдными и не законченными, но въ рукахъ истиннаго артиста эти-же роли дадутъ обильный матеріалъ для глубоко-психологическаго и ярко-драматическаго олицетворенія. Немудрено поэтому, что любители драматическаго искусства находятъ такое глубокое эстетическое удовольствіе, играя въ пьесахъ Островскаго, или читая ихъ вслухъ.

Реализмъ, въ томъ смыслѣ, какой придавался этому слову въ настоящей работѣ,—т. е. реалистическое описаніе характеровъ и событій, подчиненное идеалистическимъ цѣлямъ—является отличительной чертой драматическихъ произведеній Островскаго. Простота его сюжетовъ—удивительна, напоминая въ этомъ отношеніи повѣсти Тургенева. Вы видите жизнь—жизнь со всѣми ея мелочами, развивающуюся передъ вашими глазами, и вы наблюдаете, какъ изъ этихъ мелочныхъ деталей неощутимо выростаетъ драматическая завязка.

„Сцена идетъ за сценою,—все такія обыденныя, будничныя, сѣренькія, и вдругъ совершенно незамѣтно развертывается передъ вами потрясающая драма. Можно положительно сказать, что не дѣйствіе пьесы разыгрывается, а сама жизнь течетъ по сценѣ медленною, незамѣтною струею. Точно какъ будто авторъ только всего и сдѣлалъ, что сломалъ стѣну и предоставилъ вамъ смотрѣть, что дѣлается въ чужой квартирѣ". Въ такихъ словахъ, одинъ изъ нашихъ критиковъ, Скабичевскій, характеризуетъ творчество Островскаго.

Островскій вывелъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ громадное количество разнообразныхъ характеровъ, взятыхъ изъ всѣхъ классовъ русскаго общества и народа; но онъ навсегда распростился съ старымъ романтическимъ дѣленіемъ человѣческихъ типовъ на „добродѣтельныхъ" и „злодѣевъ". Въ дѣйствительной жизни эти два дѣленія сливаются, входятъ одно въ другое. Въ то время, какъ англійскій драматическій авторъ до сихъ поръ не можетъ представить себѣ драмы безъ „злодѣя", Островскій не чувствовалъ надобности вводить въ свои произведенія этого условнаго лица. Равнымъ образомъ не чувствовалъ онъ потребности слѣдовать условнымъ правиламъ „драматической коллизіи" (столкновенія). Вышеупомянутый критикъ говоритъ:

„Нѣтъ никакой возможности подвести пьесы Островскаго подъ одно какое-нибудь начало, въ родѣ, напримѣръ, борьбы чувства съ долгомъ, коллизіи страстей, ведущихъ за собою фатальныя возмездія, антагонизма добра и зла, прогресса и невѣжества и пр. Это—пьесы самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ отношеній. Люди становятся въ нихъ, какъ и въ жизни, другъ къ другу въ различныя обязательныя условія, созданныя прошлымъ, или случайно сходятся на жизненномъ пути; а такъ какъ характеры ихъ и интересы находятся въ антагонизмѣ, то между ними возникаютъ враждебныя столкновенія, исходъ которыхъ случаенъ и непредвиденъ, завися отъ разнообразныхъ обстоятельствъ: иногда побѣждаетъ наиболѣе сильная сторона, къ общему благополучія или къ общему несчастію и гибели. Но развѣ мы не видимъ въ жизни, что порою вдругъ вторгается какой-нибудь новый и посторонній элементъ и рѣшаетъ дѣло совершенно иначе? Ничтожная случайность, произведя ничтожную перемѣну въ расположеніи духа героевъ драмы, можетъ повести за собою совершенно неожиданныя послѣдствія“.

Подобно Ибсену, Островскій иногда даже не находитъ нужнымъ сказать, чѣмъ заканчивается драма.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что Островскій, въ противоположность всѣмъ его современникамъ—писателямъ сороковыхъ годовъ—не былъ пессимистомъ. Даже среди самыхъ ужасныхъ столкновеній, изображенныхъ въ его драмахъ, онъ сохраняетъ жизнерадостность и пониманіе неизбѣжной фатальности многихъ скорбей жизни. Онъ никогда не избѣгалъ изображенія мрачныхъ сторонъ изъ водоворота человѣческой жизни и далъ достаточно отвратительную коллекцію семейныхъ деспотовъ изъ среды стараго купечества, за которой слѣдовала коллекція еще болѣе отвратительныхъ типовъ изъ среды промышленныхъ „рыцарей наживы“. Но онъ всегда, тѣмъ или инымъ путемъ, указывалъ на одновременное вліяніе лучшихъ элементовъ, или же намекалъ на возможную побѣду этихъ элементовъ. Такимъ образомъ онъ не впалъ въ пессимизмъ, столь свойственный его современникамъ, и въ немъ вовсе нѣтъ той склонности къ истеріи, какая, къ сожалѣнію, проявляется въ нѣкоторыхъ изъ его современныхъ послѣдователей. Даже

въ моменты, когда въ нѣкоторыхъ изъ его драмъ вся жизнь принимаетъ самый мрачный оттѣнокъ (какъ, напр., въ „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“—страницѣ изъ крестьянской жизни, столь же реалистически-мрачной, какъ „Власть тьмы“ Толстого, но болѣе сценичной), даже въ такіе моменты появляется лучъ надежды,—по крайней мѣрѣ, хоть въ созерцаніи природы, если уже не остается ничего другого, чтобы прояснить міракъ человѣческаго безумія.

И все же имѣется одна черта творчества Островскаго, и при томъ очень важная, которая мѣшаетъ Островскому занять во всемірной драматической литературѣ то высокое мѣсто, которое онъ заслуживаетъ по своему могучему драматическому таланту — мѣшаетъ ему быть признаннымъ, какъ одинъ изъ великихъ драматурговъ XIX-го вѣка. Драматическіе конфликты въ его произведеніяхъ всѣ отличаются чрезвычайной простотой. Вы не найдете въ нихъ тѣхъ болѣе трагическихъ проблемъ и запутанныхъ положеній, которыя сложная натура образованнаго человѣка нашего времени и различныя стороны великихъ соціальныхъ вопросовъ постоянно создаютъ теперь въ конфликтахъ, возникающихъ въ каждомъ слоѣ и классѣ общества. Надо, впрочемъ прибавить, что еще не появился тотъ драматургъ, который смогъ бы изображать великія современныя проблемы жизни такъ же мастерски, какъ московскій драматургъ изображалъ болѣе простыя проблемы, которыя онъ наблюдалъ въ знакомой ему обстановкѣ.

Историческая драма. — А. К. Толстой.

Въ пору расцвѣта своего таланта, Островскій обратился также и къ исторической драмѣ. Всѣ его драмы этого рода написаны превосходными бѣлыми стихами; но, подобно пьесамъ Шекспира изъ англійской исторіи и Пушкинскому „Борису Годунову“, онѣ носятъ скорѣе характеръ драматическихъ хроникъ, чѣмъ драмъ въ собственномъ значеніи этого слова. Онѣ болѣе принадлежатъ къ области эпики, и драматическій характеръ въ нихъ часто ставится на второй планъ, вслѣдствіе желанія ввести историческій колоритъ.

То же опредѣленіе приложимо, хотя въ меньшей степени — и къ историческимъ драмамъ графа Алексѣя Константиновича Толстого (1817—1875). А. К. Толстой былъ прежде всего поэтомъ; но онъ также написалъ историческую повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго, которая имѣла большой успѣхъ, отчасти потому, что въ данномъ случаѣ цензура впервые позволила изобразить въ повѣсти полубезумнаго царя, который игралъ роль Людовика XI въ исторіи русской монархіи, но въ значительной степени успѣхомъ повѣсть была обязана и своимъ дѣйствительнымъ качествамъ. Толстой также попробовалъ свои силы въ драматической поэмѣ „Донъ-Жуанъ", которая, однако, стоитъ гораздо ниже драмы Пушкина того-же содержанія; но его главнымъ трудомъ въ области драматической поэзіи является драматическая трилогія изъ временъ Іоанна Грознаго и Дмитрія Самозванца: „Смерть Іоанна Грознаго", „Царь Өеодоръ Іоанновичъ" и „Борисъ Годуновъ". Эти три трагедіи имѣютъ значительную цѣнность. Въ каждой изъ нихъ положеніе героя — дѣйствительно высоко-драматичное — изображено авторомъ съ талантомъ, и производитъ большое впечатлѣніе; при томъ, дѣйствіе происходитъ въ обстановкѣ дворцовъ старыхъ московскихъ царей и поражаетъ своей пышной оригинальностью. Но во всѣхъ трехъ трагедіяхъ развитіе драматическаго элемента страдаетъ отъ вторженія эпическаго, описательнаго элемента, и характеры или не выдержаны въ историческомъ отношеніи (Борисъ Годуновъ лишенъ свойственныхъ ему рѣзкихъ чертъ характера, замѣненныхъ извѣстнаго рода спокойнымъ идеализмомъ, который былъ личною особенностью самого автора), или же не представляютъ той цѣлостности, которую мы привыкли встрѣчать въ драмахъ Шекспира. Конечно, трагедіи Толстого не имѣютъ почти ничего общаго съ романтическими драмами Виктора Гюго; онѣ, несмотря на указанные недостатки — драматическія произведенія реалистическаго характера; но въ обрисовкѣ человѣческихъ характеровъ все же чувствуется нѣкоторое вліяніе романтизма; въ особенности это приходится сказать относительно изображенія Іоанна Грознаго.

Исключеніемъ является лишь трагедія „Царь Өеодоръ Іоанновичъ". А. К. Толстой былъ преданный личный другъ

Александра II-го. Отказавшись отъ предлагавшихся ему высокихъ административныхъ постовъ, онъ предпочелъ занять скромное мѣсто оберъ-егермейстера императорской охоты, позволявшее ему сохранить независимость, оставаясь въ близкихъ отношеніяхъ съ императоромъ. Такое положеніе, быть можетъ, дало художнику возможность внести въ характеръ царя Ѳеодора тѣ черты дѣйствительности, которыя выгодно отдѣляютъ его въ художественномъ отношеніи отъ изображенія Іоанна Грознаго и Бориса Годунова. Царь Ѳеодоръ въ трагедіи Толстого — дѣйствительный живой образъ.

Другіе драматическіе писатели.

Изъ числа другихъ драматическихъ писателей мы можемъ въ настоящей работѣ лишь вкратцѣ упомянуть о наиболѣе интересныхъ.

Тургеневъ написалъ въ 1848 — 1851 годахъ пять комедій, которыя обладаютъ всѣми элементами для тонкаго артистическаго выполненія, очень живы и, будучи написаны великолѣпнымъ Тургеневскимъ слогомъ, до сихъ поръ остаются источникомъ эстетическаго наслажденія для зрителей съ тонко развитымъ художественнымъ вкусомъ.

Мы уже упоминали ранѣе о Сухово-Кобылинѣ. Онъ написалъ комедію, „Свадьба Кречинскаго", имѣвшую огромный успѣхъ; комедія эта была первой въ задуманной имъ драматической трилогіи; остальныя же двѣ пьесы, входящія въ эту трилогію („Дѣло" и „Смерть Тарелкина") и содержащія ядовитую сатиру на бюрократію, отличаются меньшею сценичностью.

А. Писемскій (1820 — 1881), беллетристъ, написалъ, помимо нѣсколькихъ хорошихъ повѣстей и нѣсколькихъ незначительныхъ комедій, одну чрезвычайно хорошую драму, — „Горькая судьбина", — изъ жизни крестьянъ, которую Писемскій зналъ хорошо и превосходно изобразилъ въ своей драмѣ. Должно замѣтить, что хорошо извѣстная драма Толстого, „Власть тьмы", также взятая изъ крестьянской жизни — несмотря на всю ея могущественность, стоитъ ниже вышеупомянутой драмы Писемскаго.

Беллетристъ А. А. Потѣхинъ (1829 — 1902) также писалъ для сцены, и его нельзя миновать даже въ нашемъ краткомъ очеркѣ русской драмы. Его комедіи: „Мишура", „Отрѣзанный ломоть", „Въ мутной водѣ" встрѣтили всевозможныя препятствія со стороны цензуры, и, напримѣръ, комедія „Вакантное мѣсто" никогда не была представлена на сценѣ, но тѣ изъ нихъ, которыя попали на сцену, всегда пользовались успѣхомъ, а сюжеты произведеній Потѣхина всегда привлекали вниманіе нашей критики. Первая изъ его комедій, „Мишура", можетъ быть признана типичною для опредѣленія таланта Потѣхина.

Эта комедія отвѣчала на одинъ изъ вопросовъ дня. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ русская литература, увлеченная примѣромъ Щедрина (см. главу VIII), съ особеннымъ вниманіемъ останавливалась на изображеніи тѣхъ чиновниковъ, которые вплоть до судебной и административной реформы 1864 года, жили исключительно взяточничествомъ. Но вслѣдъ за введеніемъ вышеупомянутыхъ реформъ выросла новая раса чиновниковъ, — правда, не берущихъ взятокъ, но въ то же самое время, вслѣдствіе ихъ накрахмаленнаго ригоризма, и деспотическаго, ничѣмъ не сдерживаемаго себялюбія, они являются едва-ли не бо́льшимъ зломъ, чѣмъ прежніе взяточники. Въ героѣ „Мишуры" авторъ беретъ именно такой типъ. Его характеръ, со всѣми второстепенными чертами, — его неблагодарностью и, въ особенности, его любовью (или тѣмъ, что онъ понимаетъ подъ любовью) — можетъ-быть изображенъ, для цѣлей драмы, въ черезчуръ черномъ свѣтѣ: такіе послѣдовательные эгоисты и формалисты очень рѣдки, или, пожалуй, даже никогда не встрѣчаются въ дѣйствительной жизни. Но автору почти удается убѣдить зрителей въ реальности этого типа: съ такимъ мастерствомъ онъ развертываетъ, въ рядѣ разнообразныхъ положеній, „корректную" и глубоко-эгоистическую натуру своего героя. Въ этомъ отношеніи комедія очень удачна и даетъ превосходный матеріалъ для актеровъ.

А. И. Пальмъ (1823 — 1885) былъ драматургомъ, который пользовался долговременнымъ успѣхомъ. Въ 1849 году онъ былъ арестованъ за знакомство съ лицами, принадлежавшими къ кружку Петрашевскаго (см. главу о До-

стоевскомъ), и съ того времени жизнь его была рядомъ злоключеній, такъ что онъ могъ возвратиться къ литературной дѣятельности лишь въ 50-тилѣтнемъ возрастѣ. Онъ принадлежалъ къ Тургеневскому поколѣнію и, будучи хорошо знакомъ съ типами дворянъ, которыхъ великій романистъ такъ ярко изобразилъ въ цѣломъ рядѣ своихъ „Гамлетовъ", онъ написалъ нѣсколько комедій изъ жизни этого круга. Его комедіи: „Старый баринъ" и „Нашъ другъ Неклюжевъ" до послѣдняго времени давались съ большимъ успѣхомъ на русской сценѣ.

Актеръ И. Е. Чернышевъ (1833—1863) написалъ также нѣсколько комедій и одну драму, „Испорченная жизнь", произведшую нѣкоторое впечатлѣніе въ 1861 году; наконецъ, заслуживаетъ упоминанія въ настоящемъ краткомъ очеркѣ Н. Соловьевъ, написавшій нѣсколько пьесъ въ сотрудничествѣ съ Островскимъ и нѣсколько самостоятельныхъ драматическихъ произведеній, и В. А. Крыловъ (Александровъ), отличавшійся не столько талантливостью, сколько производительностью.

Въ послѣднее время два молодыхъ писателя произвели глубокое впечатлѣніе своими комедіями и драматическими сценами. Я говорю объ Антонѣ Чеховѣ, котораго драма „Ивановъ" вызвала нѣсколько лѣтъ тому назадъ оживленные споры, а послѣдующія драмы произвели глубокое впечатлѣніе, и о Максимѣ Горькомъ, „Мѣщане" котораго указываютъ на несомнѣнный драматическій талантъ, а его недавно напечатанныя „драматическія сцены" „На днѣ" (это, дѣйствительно, лишь сцены, безъ попытки построить изъ нихъ драму) затмѣваютъ даже лучшіе его беллетристическіе очерки. Мы подробнѣе коснемся ихъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ.

Ихъ положеніе въ русской литературѣ—Ранніе беллетристы-народники: **Григоровичъ.** — **Марко Вовчокъ.** — **Данилевскій.** — Переходный періодъ: **Кокоревъ.**—**Писемскій.**—**Потѣхинъ.**— Этнографическія изслѣдованія — Реалистическая школа: **Помяловскій.** — **Рѣшетниковъ.** — **Левитовъ.** — **Глѣбъ Успенскій.** — **Златовратскій** и другіе народники: — **Наумовъ.**—**Засодимскій.**—**Саловъ.**—**Нефедовъ.**—Современный реализмъ: **Максимъ Горькій.**

Замѣчательную группу русскихъ беллетристовъ, почти совершенно неизвѣстныхъ въ Западной Европѣ, а между тѣмъ представляющихъ, можетъ быть, самый типическій отдѣлъ русской литературы, представляютъ „беллетристы-народники“. Подъ этимъ названіемъ они извѣстны главнымъ образомъ въ Россіи, и подъ этимъ названіемъ разбиралъ ихъ критикъ Скабичевскій, сначала въ книгѣ, посвященной имъ („Беллетристы-народники“, Спб. 1888), а позже въ свой „Исторіи новѣйшей русской литературы“ (4-ое изданіе, 1900 г.). Подъ „беллетристами-народниками“ мы разумѣемъ, конечно, не тѣхъ, которые пишутъ для народа, а тѣхъ, которые пишутъ о народѣ: о крестьянахъ, углекопахъ, фабричныхъ рабочихъ, бѣднѣйшемъ населеніи городовъ, бездомныхъ бродягахъ и т. д. Бретъ-Гартъ въ своихъ очеркахъ изъ жизни золотоискателей, Золя въ „L'Assommoir“ и „Germinal“, Гиссингъ (Gissing) „въ Liza of Lambeth“, Уайтингъ (Whiting), въ „№ 5, John Street“ принадлежатъ къ этой категоріи; то, что въ западно-европейской литературѣ представляется исключительнымъ и случайнымъ, въ русской литературѣ является органическимъ.

Цѣлый рядъ талантливыхъ писателей въ послѣднее пятидесятилѣтіе посвятили свои труды, иные исключительно, описанію того или иного сословія русскаго народа. Каждый классъ трудящихся массъ, который въ другихъ литературахъ послужилъ бы только фономъ для повѣсти, дѣйствіе которой происходитъ въ средѣ образованнаго класса (какъ напр. „Woodlanders" Томаса Гарди, въ русской повѣсти нашелъ своего художника. Всѣ великіе вопросы, относящіеся къ народной жизни и обсуждавшіеся въ книгахъ соціально-политическаго содержанія и въ журнальныхъ статьяхъ, одновременно нашли отраженіе и въ повѣсти. Зло крѣпостничества, и, позднѣе, борьба между крестьяниномъ и растущимъ кулачествомъ и „властью денегъ"; вліяніе фабрикъ на деревенскую жизнь, крупныя артельныя рыбныя ловли, крестьянская жизнь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и жизнь въ дебряхъ сибирскихъ лѣсовъ, жизнь городской нищеты и жизнь бродягъ – все это было изображено беллетристами-народниками, и ихъ повѣсти читаютъ съ такой же жадностью, какъ и произведенія величайшихъ русскихъ писателей. И въ то время, какъ вопросы, въ родѣ будущаго крестьянской общины или примѣненія крестьянскаго обычнаго права въ волостныхъ судахъ, обсуждались въ газетахъ, научныхъ журналахъ и статистическихъ изслѣдованіяхъ, они разрабатывались также путемъ художественныхъ образовъ и типовъ, взятыхъ изъ жизни, въ повѣстяхъ и разсказахъ беллетристовъ-народниковъ.

Болѣе того, беллетристы-народники, взятые въ цѣломъ, представляютъ великую школу реалистическаго искусства, и въ дѣлѣ истиннаго реализма они превзошли всѣхъ тѣхъ писателей, о которыхъ мы упоминали въ предыдущихъ главахъ. Конечно, русскій „реализмъ", какъ читатель этой книги могъ неоднократно убѣдиться, представляетъ нѣчто, совершенно отличное отъ французскаго „натурализма" и „реализма" Золя и его послѣдователей. Какъ мы уже замѣтили, Золя, не взирая на его пропаганду „реализма", всегда остается неисправимымъ романтикомъ въ концепціи главныхъ характеровъ, безразлично принадлежатъ ли они къ „святому" или „злодѣйскому" типу; и, вѣроятно, чувствуя самъ эту особенность своего творчества, онъ придавалъ такое преувели-

ченное значеніе „физіологической наслѣдственности“ и нагроможденію мелкихъ описательныхъ деталей, многія изъ которыхъ, (особенно относящіяся къ характеристикѣ отталкивающихъ типовъ), могутъ быть опущены безъ малѣйшаго ущерба для обрисовки характеровъ. Въ Россіи „реализмъ“ Золя всегда разсматривался, какъ нѣчто поверхностное и чисто внѣшнее, и хотя наши беллетристы-народники такъ же часто отличались обиліемъ ненужныхъ деталей—иногда чисто-этнографическаго характера — тѣмъ не менѣе, они всегда стремились къ тому внутреннему реализму, который заключается въ изображеніи характеровъ и положеній, изображающихъ дѣйствительную жизнь, разсматриваемую въ ея цѣломъ. Ихъ задачей было изображеніе жизни безъ искаженія, хотя бы это искаженіе сводилось лишь къ введенію мелкихъ деталей, могущихъ быть вѣрными, но все-таки случайныхъ, или же въ надѣленіи героевъ пороками и добродѣтелями, которыя хотя иногда и встрѣчаются, но не должны быть обобщаемы. Нѣкоторые изъ этихъ беллетристовъ, какъ читатели увидятъ ниже, воздерживались даже отъ обычнаго изображенія типовъ и даже отъ изложенія индивидуальныхъ драмъ нѣсколькихъ типическихъ героевъ. Они сдѣлали чрезвычайно смѣлую попытку изобразить самую жизнь, въ послѣдовательности мелочныхъ событій, совершающихся въ сѣрой и скучной обстановкѣ, вводя въ разсказъ лишь тотъ драматическій элементъ, который является результатомъ безконечнаго ряда мелкихъ и угнетающихъ мелочей жизни и самыхъ обыденныхъ обстоятельствъ; и должно сказать, что смѣлые новаторы достигли значительныхъ успѣховъ въ этой новой, созданной ими, области искусства — можетъ быть, наиболѣе трагической изъ всѣхъ другихъ его областей. Другіе изъ этихъ беллетристовъ ввели въ литературу новый отдѣлъ художественнаго изображенія жизни, занимающій середину между повѣстью, въ истинномъ значеніи этого слова, и демографическимъ описаніемъ даннаго населенія. Такъ напр., Глѣбъ Успенскій владѣлъ искусствомъ перемѣшивать художественныя описанія деревенскаго люда разсужденіями, относящимися къ области народной психологіи, при чемъ такъ умѣлъ заинтересовать читателя, что послѣдній охотно прощалъ ему эти отступленія отъ об-

щеустановленнаго художественнаго канона; другіе, подобно Максимову, успѣвали создавать, изъ чисто-этнографическихъ описаній, истинныя произведенія искусства, нисколько при этомъ не нарушая ихъ научной цѣнности.

Ранніе беллетристы-народники.

Однимъ изъ наиболѣе раннихъ беллетристовъ-народниковъ былъ Григоровичъ (1822—1899), человѣкъ крупнаго таланта; его иногда ставили на ряду съ Толстымъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ и Островскимъ. Его литературная карьера очень интересна. Отецъ его былъ русскій, а мать француженка, и въ десятилѣтнемъ возрастѣ онъ съ трудомъ понималъ по-русски. Его воспитаніе носило иностранный характеръ—преимущественно французскій,—и онъ, въ сущности, никогда не жилъ въ деревенской обстановкѣ, среди которой выросли Тургеневъ и Толстой. Григоровичъ никогда не занимался исключительно литературнымъ трудомъ: одно время онъ очень увлекался живописью, и хотя впослѣдствіи принужденъ былъ оставить эти занятія, вслѣдствіи слабости зрѣнія, онъ внимательно слѣдилъ за судьбой русскаго художества; въ послѣдніе тридцать лѣтъ своей жизни онъ почти не появлялся въ литературѣ, отдавая все свое время Обществу Поощренія Художниковъ. И все же этотъ полурусскій по происхожденію оказалъ Россіи ту-же услугу, какую оказала Соединеннымъ Штатамъ Гарріэтъ Бичеръ-Стоу ея изображеніемъ страданій рабовъ-негровъ.

Григоровичъ воспитывался въ томъ-же военно-инженерномъ училищѣ, какъ и Достоевскій; окончивъ курсъ своего образованія въ училищѣ, онъ нанялъ каморку у сторожа Академіи Художествъ, съ цѣлью всецѣло посвятить себя искусству — и началъ посѣщать классы Академіи. Въ это время онъ познакомился съ малорусскимъ поэтомъ Шевченко (бывшимъ въ то время ученикомъ Академіи), а позже — съ Некрасовымъ и Валеріаномъ Майковымъ (крупнымъ критикомъ, который умеръ очень молодымъ). Благодаря этимъ знакомствамъ, онъ началъ принимать участіе въ литературѣ и вскорѣ нашелъ свое истинное призваніе.

Нѣкоторую литературную извѣстность Григоровичъ пріобрѣлъ очеркомъ „Петербургскіе шарманщики", въ которомъ онъ съ большой теплотой изобразилъ печальную жизнь этого класса петербургскаго населенія. Русское общество въ тѣ годы находилось подъ вліяніемъ соціалистическаго движенія во Франціи и лучшіе его представители были глубоко возмущены царившимъ въ Россіи крѣпостничествомъ и абсолютизмомъ. Фурье, Пьеръ Леру, Жоржъ Зандъ были любимыми писателями въ русскихъ передовыхъ кружкахъ, и Григоровичъ также былъ захваченъ этимъ вѣяніемъ времени. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга и, пробывъ около 2-хъ лѣтъ въ деревнѣ, въ 1847 г. напечаталъ свою первую повѣсть изъ деревенской жизни — „Деревня". Онъ изобразилъ въ ней, безъ всякаго преувеличенія, темныя стороны деревенской жизни и ужасы крѣпостного права; при чемъ, это изображеніе отличалось такой живостью, что Бѣлинскій призналъ и привѣтствовалъ въ лицѣ молодого писателя крупный талантъ. Слѣдующая его повѣсть — „Антонъ Горемыка" — также изъ крестьянской жизни, имѣла громадный успѣхъ, и ея общественно-литературное значеніе можно приравнять къ значенію „Хижины дяди Тома". Ни одинъ образованный человѣкъ того времени — да и позже, во время моей молодости — не могъ читать безъ слезъ о несчастіяхъ Антона и не возмущаться ужасами крѣпостного права. Въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ (1847 — 1855) Григоровичемъ было написано еще нѣсколько повѣстей такого же характера — „Рыбаки", „Переселенцы", нѣсколько разсказовъ изъ народной жизни („Пахарь" и пр.) и большой романъ „Проселочныя дороги". Вслѣдъ затѣмъ Григоровичъ замолкаетъ. Въ 1865 году онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими нашими лучшими писателями — Гончаровымъ, Островскимъ, Максимовымъ (этнографомъ) и др. — принялъ участіе въ литературной экспедиціи, организованной великимъ княземъ Константиномъ; согласно плану этой экспедиціи нѣкоторые изъ нашихъ писателей отправлены были для изученія родного края, внутрь Россіи, а иные приняли участіе въ морскихъ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ. Къ послѣднимъ принадлежали Григоровичъ и Гончаровъ. Описаніе путешествія, сдѣланное Григоровичемъ („Корабль Ретвизанъ"), довольно интересно, но стоитъ не-

измѣримо ниже аналогичной работы Гончарова („Фрегатъ Паллада"). По возвращеніи изъ этой экспедиціи, Григоровичъ почти исключительно посвятилъ себя искусству, и въ послѣдніе годы жизни онъ написалъ лишь нѣсколько повѣстей и „Воспоминанія". Онъ умеръ въ 1899 году.

Всѣ крупныя произведенія Григоровича появились, такимъ образомъ, въ промежутокъ 1846—1855 гг. Критики расходятся въ оцѣнкѣ его произведеній. Нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ отзываются о нихъ съ большой похвалой, другіе-же—и такихъ большинство—говорятъ, что крестьяне, изображаемые Григоровичемъ, не вполнѣ реальны. Тургеневъ указывалъ, что описанія Григоровича холодны; въ нихъ чувствуется отсутствіе сердечности. Это послѣднее замѣчаніе, можетъ быть, и справедливо, хотя читатель не сталкивавшійся лично съ Григоровичемъ, едва ли сдѣлалъ бы подобное замѣчаніе: во всякомъ случаѣ, во время появленія „Антона Горемыки", „Рыбаковъ", и т. д., читающая публика относилась къ автору этихъ произведеній совершенно иначе. Что же касается до крестьянъ въ изображеніи Григоровича, то я, съ своей стороны, позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Несомнѣнно, что они слегка идеализированы, но необходимо сказать также, что русское крестьянство вовсе не представляетъ сплошной однородной массы. На территоріи Европейской Россіи разселено нѣсколько отдѣловъ, почти-что народностей, и различныя части населенія развивались не одинаковымъ путемъ. Крестьяне южной Россіи не похожи на крестьянъ сѣверной, такъ же какъ крестьяне восточной не похожи на крестьянъ западной Россіи. Григоровичъ описывалъ, главнымъ образомъ, крестьянъ, живущихъ на югѣ отъ Москвы, въ Тульской и Калужской губерніяхъ, и населеніе этихъ губерній дѣйствительно представляетъ ту мягкую и слегка поэтическую, угнетаемую и все-таки безобидную добросердечную расу, которую мы видимъ въ повѣстяхъ Григоровича,—расу, въ которой соединился поэтическій умъ литовца и украинца съ общиннымъ духомъ великоросса. Сами этнографы отмѣчаютъ въ населеніи этой части Россіи спеціальныя этнографическія черты.

Конечно, крестьяне Тургенева (Тула и Орелъ) отличаются бо́льшей реальностью, его типы болѣе ясно очерчены,

а любой изъ современныхъ беллетристовъ-народниковъ, даже изъ менѣе талантливыхъ, пошелъ дальше Григоровича въ изслѣдованіи характера и жизни крестьянства. Но повѣсти Григоровича, при всѣхъ указанныхъ недостаткахъ, оказали огромное вліяніе на цѣлое поколѣніе. Онѣ научили насъ любить крестьянъ и чувствовать всю тяжесть долга лежащаго на насъ—образованной части общества—по отношенію къ крестьянству. Повѣсти эти чрезвычайно помогли развитію того общаго чувства сожалѣнія къ положенію крѣпостныхъ, безъ котораго уничтоженіе крѣпостного права было бы отодвинуто на много лѣтъ, и во всякомъ случаѣ не имѣло бы такого рѣшительнаго характера. Въ болѣе позднюю эпоху, его произведенія несомнѣнно имѣли вліяніе на созданіе того движенія „въ народъ“, которое началось въ семидесятыхъ годахъ.

Другимъ писателемъ той же школы, произведшимъ глубокое впечатлѣніе какъ разъ наканунѣ освобожденія крестьянъ, была Марія. Марковичъ, писавшая подъ псевдонимомъ „Марко Вовчокъ“. Она была великоросска изъ дворянской семьи центральной Россіи, но вышла замужъ за малорусскаго писателя, Марковича, замѣчательнаго этнографа, и ея первая книга разсказовъ изъ крестьянской жизни (1857—58) была написана на великолѣпномъ глубоко-поэтическомъ малорусскомъ языкѣ (Тургеневъ перевелъ эти разсказы по великорусски). Она вскорѣ, однако, возвратилась къ своему родному языку, и вторая книга ея разсказовъ изъ крестьянской жизни и послѣдовавшая за ней повѣсть изъ жизни образованныхъ классовъ были написаны по великорусски. Обѣ значительно уступали первой.

Въ настоящее время повѣсти и разсказы Марка Вовчка могутъ показаться черезчуръ сантиментальными—знаменитая повѣсть Гарріэты Бичеръ Стоу также производитъ теперь подобное впечатлѣніе,—но въ тѣ годы, когда величайшимъ вопросомъ для Россіи было: будутъ ли освобождены крестьяне, и когда всѣ лучшія силы страны требовались для борьбы за освобожденіе,—въ тѣ годы вся образованная Россія упивалась повѣстями Марка Вовчка и рыдала надъ судьбой ея героинь-крестьянокъ. Но и помимо этой службы требованіямъ момента (а, по моему мнѣнію, искусство обязано

приходить на службу обществу особенно во времена подобныхъ кризисовъ), очерки Марка Вовчка имѣли серьезное достоинство. Ихъ „сантиментальность" вовсе не была сантиментальностью XIX-го вѣка, за которой скрывалось отсутствіе дѣйствительнаго чувства. Напротивъ, въ нихъ чувствовалось горячее біеніе любящаго сердца; въ нихъ разлита истинная поэзія; въ нихъ чувствуется вѣяніе глубоко-поэтической украинской народной поэзіи, поэтическихъ пѣсенъ Украйны. Съ этою народною поэзіею г-жа Марковичъ была настолько знакома, что, какъ замѣчали русскіе критики, она дополняла свое несовершенное знаніе дѣйствительной народной жизни вводя мастерскимъ образомъ многія черты, вдохновленныя народною поэзіею и пѣснями Украйны. Ея герои не были реальны, они отзывались изобрѣтеніемъ; но атмосфера украинской деревни, краски мѣстной жизни присущи этимъ очеркамъ; мягкая поэтическая грусть украинскаго крестьянства изображена мягкой кистью женщины-художника.

Среди беллетристовъ-народниковъ этого періода слѣдуетъ упомянуть о Данилевскомъ (1829—1890). Хотя онъ болѣе извѣстенъ, какъ авторъ историческихъ романовъ, его три повѣсти „Бѣглые въ Новороссіи" (1862), „Бѣглые воротились" (1863), и „Новыя мѣста" (1867), въ которыхъ описывается жизнь свободныхъ переселенцевъ въ Новороссіи, пользовались большимъ успѣхомъ. Въ нихъ было разсыпано не мало живыхъ и очень симпатичныхъ сценъ изъ жизни этихъ переселенцевъ—въ большинствѣ случаевъ бѣглыхъ, которые захватывали свободныя земли, безъ разрѣшенія на то правительства, въ недавно присоединенныхъ территоріяхъ юго-западной Россіи, и дѣлались жертвами предпріимчивыхъ дѣльцовъ.

Переходный періодъ.

Несмотря на всѣ достоинства ихъ работъ, Григоровичъ и Марко Вовчокъ упускали изъ виду, что дѣлая жизнь бѣднѣйшихъ классовъ населенія сюжетомъ своихъ произведеній, они должны были бы озаботиться о подысканіи для этой цѣли болѣе подходящей литературной оболочки. Обычная литературная техника, выработанная для повѣстей изъ жиз-

ни обезпеченныхъ классовъ—съ ихъ манерностью, съ „героями“, которыхъ теперь поэтизируютъ такъ, какъ когда-то поэтизировали рыцарей въ рыцарскихъ романахъ—конечно оказывается неподходящей формой для повѣстей изъ жизни американскихъ скваттеровъ или русскихъ крестьянъ. Надо было найти новые методы и другой стиль; но это было достигнуто лишь постепенно, и было бы чрезвычайно интересно указать постепенную эволюцію манеры и стиля, отъ Григоровича до ультра-реализма Рѣшетникова и, наконецъ, до совершенства формы, достигнутаго реалистомъ-идеалистомъ, Горькимъ, въ его маленькихъ разсказахъ. Но мы можемъ указать въ настоящей работѣ лишь на нѣкоторыя промежуточныя ступени въ этомъ развитіи.

И. Т. Кокоревъ. (1826—1853) умеръ очень молодымъ, написавъ нѣсколько разсказовъ изъ жизни бѣдныхъ классовъ городского населенія; онъ не успѣлъ освободиться отъ сантиментализма „благосклоннаго наблюдателя“, но онъ зналъ эту жизнь хорошо: онъ родился и воспитывался въ нищетѣ, въ средѣ бѣдняковъ, которыхъ онъ потомъ описывалъ; вслѣдствіе этого ремесленники и мѣщане его повѣстей и разсказовъ, описаны, какъ говоритъ Добролюбовъ, „съ теплотой и нѣкоторой сдержанностью—какъ говорятъ о близкихъ родныхъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ „изъ этого мягкаго, терпѣливо-страдающаго сердца не вырвалось крика отчаянія, мощнаго проклятія или язвительной ироніи“. Въ его произведеніяхъ слышится даже нота примиренія со зломъ соціальнаго неравенства.

Значительный шагъ впередъ въ области повѣстей изъ народной жизни былъ сдѣланъ А. Ѳ. Писемскимъ (1820-1881) и А. А. Потѣхинымъ (род. 1829), хотя ни тотъ, ни другой не могутъ быть причислены исключительно къ беллетристамъ-народникамъ. Писемскій былъ современникъ Тургенева, и одно время можно было думать, что онъ займетъ мѣсто на ряду съ Тургеневымъ, Толстымъ и Гончаровымъ. Онъ несомнѣнно обладалъ очень крупнымъ талантомъ, и его произведенія обличали незаурядную наблюдательность и мощь. Его романъ „Тысяча душъ“, появившійся наканунѣ освобожденія крестьянъ (1858), произвелъ глубокое впечатлѣніе и былъ по достоинству оцѣненъ даже въ Германіи,

гдѣ въ слѣдующемъ году онъ появился въ нѣмецкомъ переводѣ. Но Писемскій былъ человѣкъ безъ глубокихъ опредѣленныхъ убѣжденій, и вышеупомянутый романъ былъ его послѣднимъ дѣйствительно замѣчательнымъ произведеніемъ. Когда началось великое радикальное и „нигилистическое“ движеніе (1858—1864), и каждому пришлось занять опредѣленное положеніе среди ожесточенной борьбы различныхъ убѣжденій, Писемскій, пессимистически относившійся и къ людямъ и къ идеямъ, считавшій „убѣжденія“ лишь прикрытіемъ узкаго эгоизма и самой низменной чувственности, занялъ враждебное положеніе по отношенію къ вышеупомянутому движенію, и эта вражда выразилась въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Взбаломученное море“, являющихся въ сущности клеветой на молодое поколѣніе. Въ этихъ „обличительныхъ“ произведеніяхъ погасъ крупный талантъ Писемскаго. Въ болѣе ранній періодъ своей литературной дѣятельности, Писемскій написалъ нѣсколько разсказовъ изъ крестьянской жизни („Плотничья артель“, „Питерщикъ“, и др. а также драму изъ деревенской жизни, „Горькая судьбина“); всѣ эти произведенія имѣютъ дѣйствительную литературную цѣнность. Авторъ проявилъ въ нихъ знаніе крестьянской жизни, большое мастерство въ употребленіи русскаго разговорнаго языка и вполнѣ реалистическое пониманіе крестьянскаго характера. Въ нихъ нѣтъ и слѣда той идеализаціи, которая такъ сильно чувствуется въ болѣе позднихъ произведеніяхъ Григоровича, написанныхъ подъ вліяніемъ Жоржъ Зандъ. Степенные, полные здраваго смысла крестьяне Писемскаго могутъ быть поставлены на ряду съ изображеніями крестьянъ у Тургенева. Что же касается драмы Писемскаго (который самъ былъ прекраснымъ актёромъ), то она ничего не потеряетъ отъ сравненія съ лучшими драмами Островскаго, въ ней даже болѣе трагизма, съ другой стороны, ея могучій реализмъ не ниже „Власти тьмы“ Толстого, съ которой драма Писемскаго имѣетъ много общаго, но которую она превосходитъ по сценическимъ достоинствамъ.

Главные литературные труды Потѣхина заключаются въ его комедіяхъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Сюжеты ихъ взяты изъ жизни образованныхъ классовъ, но онъ написалъ также нѣсколько, сравнительно ме-

нѣе извѣстныхъ драмъ изъ народной жизни, и дважды—въ началѣ своей литературной карьеры въ 50-хъ годахъ и позднѣе въ 70-хъ—онъ принимался писать разсказы и повѣсти изъ народной жизни.

Эти разсказы и повѣсти чрезвычайно характерны для исторіи развитія народоописательной беллетристики въ теченіе этихъ лѣтъ. Въ разсказахъ, относящихся къ раннему періоду его дѣятельности, Потѣхинъ находился вполнѣ подъ вліяніемъ бывшей тогда тенденціи — идеализировать крестьянъ; но во второмъ періодѣ, переживъ реализмъ шестидесятыхъ годовъ и принявъ участіе въ вышеупомянутой этнографической экспедиціи, онъ измѣнилъ свою манеру. Онъ совершенно освободился отъ „благосклонной“ идеализаціи и началъ изображать крестьянъ такими, какими они были въ дѣйствительности. Въ обрисовкѣ индивидуальныхъ характеровъ онъ достигъ такимъ образомъ большого успѣха; но жизнь деревни—„Міръ“—безъ котораго нельзя реально изобразить деревенскую жизнь, и который занялъ такое крупное мѣсто въ трудахъ позднѣйшихъ беллетристовъ-народниковъ, еще отсутствуетъ въ произведеніяхъ Потѣхина. Вообще, читатель чувствуетъ, что Потѣхинъ хорошо зналъ внѣшнюю жизнь русскаго крестьянства, изучилъ разговорную манеру крестьянъ, но не добрался до сути, до души крестьянина. Это болѣе глубокое пониманіе крестьянина проявилось въ русской литературѣ лишь позднѣе.

Этнографическія изслѣдованія.

Крѣпостное право было уничтожено въ 1861 году; вмѣстѣ съ его уничтоженіемъ исчезла потребность въ соболѣзнованіяхъ по поводу причиняемаго имъ зла. Доказывать, что крестьяне—человѣческія существа, доступныя всѣмъ человѣческимъ чувствамъ, оказывалось теперь уже лишнимъ. Новыя и гораздо болѣе глубокія задачи, касавшіяся жизни и идеаловъ русскаго народа, возникали теперь передъ каждымъ мыслящимъ русскимъ. Предъ изслѣдователями была почти пятидесяти-милліонная масса народа, которая въ образѣ своей жизни, въ вѣрованіяхъ, въ способѣ мышленія и идеалахъ совершенно расходилась съ образованными клас-

сами, и которая въ то же самое время была настолько неизвѣстна будущимъ вождямъ прогресса, какъ если бы эти милліоны говорили совершенно различнымъ языкомъ и принадлежали къ иной расѣ.

Наши лучшіе люди чувствовали, что все будущее развитіе Россіи пришло бы въ застой, если бы продолжалось подобное незнаніе своего собственнаго народа, и литература сдѣлала все возможное, чтобы отвѣтить на тѣ великіе вопросы, которые осаждали мыслящаго человѣка на каждомъ шагу его общественной и политической дѣятельности. Въ двадцатилѣтіе съ 1858-го по 1878-й годъ началось въ Россіи этнографическое изслѣдованіе страны по такой широкой программѣ и въ такихъ размѣрахъ, какихъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ ни въ западной Европѣ, ни въ Америкѣ. Памятники древняго народнаго творчества; обычное право различныхъ частей и національностей имперіи; религіозныя вѣрованія и формы богопоклоненія, а также еще болѣе—соціальныя стремленія, характеризующія многія русскія религіозныя секты; чрезвычайно интересные обычаи различныхъ частей имперіи; экономическое положеніе крестьянъ; ихъ домашнія ремесла; колоссальныя артельныя рыбныя ловли въ юго-восточной Россіи; тысячи разнообразныхъ формъ народныхъ артелей; „внутренняя колонизація“ Россіи, которую можно сравнивать съ таковой же лишь въ Соединенныхъ Штатахъ; эволюція идей земельной собственности—всѣ эти вопросы сдѣлались предметомъ самыхъ настойчивыхъ изысканій.

Большая этнографическая экспедиція, организованная великимъ княземъ Константиномъ, въ которой приняло участіе значительное количество нашихъ лучшихъ писателей, была лишь предшественницей многихъ экспедицій—крупныхъ и мелкихъ—которыя были организованы многочисленными русскими учёными обществами для детальнаго изученія этнографіи, народныхъ преданій и обычаевъ, и экономической жизни Россіи. Находились люди, подобные Якушкину (1820—1872), который посвятилъ всю свою жизнь на странствованія пѣшкомъ изъ деревни въ деревню, одѣтый какъ бѣднѣйшій крестьянинъ и, подобно птицѣ небесной, не помышлявшій о завтрашнемъ днѣ; вымоченное подъ дождемъ

платье высушивало солнце на его плечахъ, жилъ онъ гдѣ приходилось, дѣля съ крестьянами ихъ скудную жизнь въ ихъ бѣдныхъ жилищахъ, записывая народныя пѣсни и собирая этнографическіе матеріалы первостепенной важности.

Въ Россіи выработался даже особый типъ интеллигентовъ,—собиратели пѣсенъ и прочаго этнографическаго матеріала, въ родѣ Якушкина, а въ болѣе позднее время къ нему прибавился еще новый типъ „земскихъ статистиковъ", которые въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, за самую незначительную плату выполняли для земствъ сложную статистическую работу, путемъ подворныхъ опросовъ. (А. Эртель прекрасно обрисовалъ этихъ статистиковъ въ одной изъ своихъ повѣстей „Смѣна").

Достаточно сказать, что, согласно указаніямъ А. Н. Пыпина, (род. 1833), автора подробной „Исторіи Русской этнографіи" (4 тома), не меньше, чѣмъ 4000 большихъ работъ и крупныхъ журнальныхъ статей появилось въ теченіе двадцати лѣтъ (1858—1878), при чемъ половина изъ нихъ была посвящена экономическому положенію крестьянъ, а другая половина — этнографіи въ широкомъ смыслѣ этого слова; при этомъ нужно прибавить, что изслѣдованія въ этомъ направленіи продолжались и продолжаются въ тѣхъ же размѣрахъ. Лучшей чертой этого движенія явилось то обстоятельство, что результаты изслѣдованій не были погребены въ малодоступныхъ публикѣ офиціальныхъ изданіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ изслѣдованій, какъ напр. Максимова „Годъ на сѣверѣ", „Сибирь и каторга", и „Бродячая Русь"; Аѳанасьева „Сказки"; І. Желѣзнова „Уральскіе казаки" и многіе очерки Мордовцева были такъ хорошо написаны, что пользовались такимъ же успѣхомъ въ читающей публикѣ, какъ лучшіе романы. Случалось даже и обратное: т. е. нѣкоторыя беллетристическія произведенія, какъ напримѣръ „Въ лѣсахъ" и „На горахъ" Мельникова, (Печерскаго) давали въ формѣ романа, въ сущности, очень интересныя этнографическія произведенія. Въ то же время сухіе статистическіе отчеты излагались въ живыхъ журнальныхъ статьяхъ, которыя читались и обсуждались съ большимъ воодушевленіемъ. Кромѣ того, детальныя изслѣдованія, относящіяся къ различнымъ классамъ

населенія, мѣстностямъ и учрежденіямъ, были сдѣланы такими знатоками, какъ Пругавинъ, Засодимскій, Прыжовъ („Исторія кабаковъ въ Россіи", которая въ сущности является популярной исторіей Россіи) и другія.

Русское образованное общество, которое раньше наблюдало крестьянство лишь съ балконовъ своихъ деревенскихъ домовъ, было такимъ образомъ приведено въ близкое соприкосновеніе съ различными группами трудящейся массы; и легко себѣ представить, какое вліяніе это соприкосновеніе произвело, не только на развитіе политическихъ идей, но и на весь характеръ русской литературы.

Повѣсть, идеализирующая крестьянина, отошла въ область прошлаго. Изображеніе „милыхъ мужичковъ" въ качествѣ фона и ради противопоставленія ихъ идиллическихъ добродѣтелей недостаткамъ образованныхъ классовъ — сдѣлалось болѣе невозможнымъ. Попытка воспользоваться народомъ лишь какъ матеріаломъ для смѣхотворныхъ разсказовъ, сдѣланная Николаемъ Успенскимъ и В. А. Слѣпцовымъ, имѣла лишь кратковременный успѣхъ. Требовалась новая, по преимуществу реалистическая, школа беллетристовъ-народниковъ. Въ результатѣ,—получилось то, что явилось значительное количество писателей, которые, взрыхливъ новую почву и проявивъ высокое пониманіе обязанностей искусства въ дѣлѣ изображенія бѣднѣйшихъ необразованныхъ классовъ, открыли, по моему мнѣнію, новую страницу въ развитіи повѣсти въ всемірной литературѣ.

Помяловскій.

Духовенство въ Россіи — т. е. священники, дьяконы дьячки, пономари — составляютъ отдѣльный классъ, стоящій между „классами" и „массами" — ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ. Это въ особенности можно сказать относительно деревенскаго духовенства, при чемъ эта близость была еще тѣснѣе лѣтъ десять тому назадъ. Не получая жалованья, сельскій священникъ, а равнымъ образомъ діаконъ и дьячокъ, существовали, главнымъ образомъ, на доходы, даваемые обработкой земли, приписанной къ церкви.

Во время моей юности, въ средней Россіи, во время жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда убиралось сѣно или собиралась жатва, священники всегда даже торопились съ обѣдней, чтобы поскорѣе вернуться къ полевымъ работамъ. Въ тѣ годы жилищемъ сельскаго священника былъ бревенчатый домъ, построенный немногимъ лучше, чѣмъ крестьянскія избы, съ которыми онъ стоялъ въ рядъ, отличаясь отъ нихъ только тѣмъ, что соломенная крыша была „подъ гребенку", тогда какъ крестьянскія избы покрывались соломой которая удерживалась на мѣстѣ свитыми изъ соломы же жгутами. Одежда священника отличалась отъ крестьянской болѣе по покрою, чѣмъ по матеріалу изъ котораго она была сдѣлана, и въ промежуткѣ между церковными службами и выполненіемъ требъ по приходу, священника всегда можно было видѣть въ полѣ, за плугомъ, или въ лугахъ съ косой.

Дѣти духовенства получаютъ у насъ даровое образованіе въ школахъ духовнаго вѣдомства, а послѣ нѣкоторыя изъ нихъ идутъ въ семинаріи, и Н. Г. Помяловскій (1835—1863) пріобрѣлъ свою первую, громкую извѣстность, описаніемъ возмутительныхъ методовъ воспитанія, практиковавшихся въ этихъ школахъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ былъ сыномъ бѣднаго діакона, въ деревнѣ подъ Петербургомъ, и ему самому пришлось пройти чрезъ одну изъ этихъ школъ и чрезъ семинарію. Какъ высшія такъ и низшія духовныя школы были тогда въ рукахъ совершенно необразованнаго духовенства — преимущественно монаховъ—и главнымъ предметомъ обученія было самое нелѣпное заучиваніе наизусть абстрактнѣйшей теологіи. Общій нравственный уровень школъ былъ чрезвычайно низокъ; въ нихъ господствовало почти повальное пьянство, а главнымъ побудительнымъ средствомъ къ образованію считалось сѣченіе за каждый не выученный наизусть урокъ, при чемъ сѣкли иногда по два и по три раза въ день, съ утонченной жестокостью. Помяловскій страстно любилъ своего младшаго брата и во что бы то ни стало хотѣлъ спасти его отъ тѣхъ жестокихъ испытаній, которыя пришлось перенести ему самому. Онъ началъ писать въ педагогическихъ журналахъ о положеніи образованія въ духовныхъ школахъ, съ цѣлью добыть такимъ путемъ средства,

чтобы помѣстить своего брата въ гимназію. Вслѣдъ затѣмъ появился рядъ его чрезвычайно талантливыхъ очерковъ, изображавшихъ жизнь въ этихъ школахъ, при чемъ цѣлый рядъ священниковъ, которые сами были жертвами подобнаго „образованія", подтвердилъ въ газетахъ справедливость обличеній Помяловскаго. Истина, безъ какихъ либо прикрасъ,—голая истина съ полнымъ отрицаніемъ формулы „искусства для искусства", явилась отличительной чертой творчества Помяловскаго.

На ряду съ очерками изъ жизни школъ духовнаго вѣдомства и духовенства, Помяловскій написалъ также двѣ повѣсти изъ жизни мелкой буржуазіи: „Мѣщанское счастье" и „Молотовъ", въ которыя внесенъ въ значительной степени автобіографическій элементъ. Послѣ него осталась также неоконченной повѣсть болѣе обширныхъ размѣровъ „Братъ и сестра". Онъ проявилъ въ этихъ произведеніяхъ, тотъ широкій, гуманный духъ, который воодушевлялъ Достоевскаго, отмѣчая гуманныя черты въ наиболѣе падшихъ созданіяхъ; но произведенія его отличались той здоровой реалистической тенденціей, которая была отличительной чертой молодой литературной школы, однимъ изъ основателей которой онъ былъ самъ. Онъ изобразилъ также, чрезвычайно сильно и трагически, человѣка, вышедшаго изъ бѣдныхъ слоевъ, — который напоенъ ненавистью противъ высшихъ классовъ и противъ всѣхъ формъ соціальной жизни, существующихъ лишь для удобствъ этихъ классовъ, но въ то же самое время не обладаетъ достаточной вѣрой въ свои силы, — той вѣрой, которую даетъ истинное знаніе и которой всегда обладаетъ всякая истинная сила. Вслѣдствіе этого, его герой кончаетъ или филистерской семейной идилліей, или, если она не удавалась—пропагандой безразсудной жестокости и презрѣнія ко всему человѣчеству, какъ единственно-возможнаго основанія личнаго счастья.

Эти повѣсти обѣщали многое, и на Помяловскаго смотрѣли какъ на будущаго вождя новой литературной школы, но онъ умеръ, не достигнувъ даже тридцатилѣтняго возраста.

Рѣшетниковъ.

Рѣшетниковъ (1841 — 1871) пошелъ еще дальше въ томъ же направленіи, и, вмѣстѣ съ Помяловскимъ, его можно разсматривать, какъ основателя ультра-реалистической школы русскихъ беллетристовъ-народниковъ. Онъ родился на Уралѣ и былъ сыномъ дьячка, который сдѣлался потомъ почтальономъ. Семья его жила въ большой бѣдности. Его дядя взялъ его въ Пермь, гдѣ и протекло все его дѣтство въ безконечныхъ побояхъ. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, дядя послалъ его въ духовное училище, гдѣ ему пришлось переносить еще больше побсевъ, чѣмъ въ домѣ дяди. Не выдержавъ истязаній, онъ убѣжалъ оттуда, но его поймали и бѣдный ребенокъ былъ высѣченъ такъ жестоко, что ему пришлось пролежать два мѣсяца въ больницѣ. Но, какъ только, по выздоровленіи, онъ былъ посланъ опять въ школу, онъ вторично бѣжалъ оттуда и присталъ къ странствующимъ нищимъ. Во время странствованій съ своими новыми товарищами, ему пришлось переносить не мало мученій, при чемъ въ заключеніе его опять поймали и опять высѣкли самымъ варварскимъ образомъ. Его дядя также былъ почтальономъ, и Рѣшетниковъ, за неимѣніемъ матеріала для чтенія, началъ красть газеты съ почты, при чемъ послѣ прочтенія уничтожалъ ихъ. Эта продѣлка была, однако, открыта, такъ какъ мальчикъ уничтожилъ какой-то важный императорскій манифестъ, адресованный къ мѣстнымъ властямъ. Его отдали подъ судъ и присудили къ заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ въ монастырѣ (за неимѣніемъ другого исправительнаго заведенія). Монахи обращались съ Рѣшетниковымъ очень добродушно, но они вели самую распущенную жизнь: пьянствовали, объѣдались и уходили по ночамъ изъ монастыря; они и научили мальчика пить. Несмотря на все это, Рѣшетниковъ, по освобожденіи изъ монастыря, блестяще выдержалъ экзаменъ въ уѣздномъ училищѣ и былъ принятъ на казенную службу писцомъ, съ жалованьемъ по три рубля въ мѣсяцъ, которое потомъ было повышено до пяти рублей. Такое жалованье обрекало Рѣшетникова на вопіющую бѣдность, такъ какъ онъ не бралъ взятокъ, которыми почти всѣ чиновники въ то время „по-

полняли“ казенное содержаніе. Прибытіе въ Пермь „ревизора“ спасло, наконецъ, Рѣшетникова. Этотъ господинъ взялъ его для переписки бумагъ, и такъ какъ юноша понравился ему, онъ помогъ ему перебраться въ Петербургъ, гдѣ нашелъ ему мѣсто писца въ министерствѣ финансовъ, съ почти удвоеннымъ противъ пермскаго жалованьемъ. Рѣшетниковъ началъ заниматься литературой уже въ Перми и продолжалъ эти занятія въ Петербургѣ, посылая свои произведенія въ различныя мелкія газеты, пока не познакомился съ Некрасовымъ. Въ журналѣ послѣдняго, „Современникѣ“, была помѣщена повѣсть Рѣшетникова „Подлиповцы“, которая вполнѣ утвердила его репутацію, какъ вполнѣ самобытнаго писателя изъ народной жизни. („Ceux de Podlipnaïa“ въ французскомъ переводѣ).

Рѣшетниковъ занимаетъ единственное въ своемъ родѣ положеніе въ литературѣ. „Трезвая правда Рѣшетникова“, — такими словами охарактеризовалъ Тургеневъ его творчество. Его произведенія представляютъ чистую правду, ничего, кромѣ правды, безъ малѣйшаго признака прикрасы, безъ лирическихъ эффектовъ. Это — нѣчто въ родѣ дневника, въ которомъ описаны люди, съ которыми автору приходилось жить въ рудникахъ Урала, въ пермской деревнѣ, или въ нищенскихъ кварталахъ Петербурга. Подъ именемъ „Подлиповцы“ разумѣются обитатели небольшой деревни, Подлипная, затерянной гдѣ-то въ уральскихъ горахъ. Они принадлежатъ къ племени пермяковъ, еще не вполнѣ обрусѣли и находятся въ той стадіи, которую переживаютъ въ настоящее время обитатели многихъ мѣстностей Россіи, т. е. въ раннемъ періодѣ земледѣльческой культуры. Звѣроловство уже невозможно — звѣрь перебитъ — и они берутся за обработку земли; но немногимъ изъ нихъ удается ѣсть чистый ржаной хлѣбъ, болѣе чѣмъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ году; остальные десять мѣсяцевъ они должны примѣшивать въ муку древесную кору для полученія „хлѣба“. Они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое Россія, или что такое — государство, и очень рѣдко видятъ священника. Они едва знаютъ, какъ обработывать землю. Они не умѣютъ скласть печь, и періодическое голоданіе, отъ января до іюля, доводитъ ихъ до полнаго одичанія. Въ

сущности, они стоятъ на низшей степени развитія, чѣмъ дикари.

Одинъ изъ наиболѣе развитыхъ подлиповцевъ, Пила, знаетъ, какъ сосчитать до пяти, — остальные же не знаютъ даже этого. Понятія Пилы о времени и пространствѣ отличаются полною первобытностью, и все же этотъ Пила является прирожденнымъ вождемъ среди своихъ полудикихъ односельчанъ и постоянно помогаетъ имъ то въ томъ, то въ другомъ. Онъ говоритъ имъ, когда слѣдуетъ готовить поля подъ посѣвъ; онъ ищетъ сбыта для ихъ мелкихъ кустарныхъ произведеній; онъ знаетъ дорогу въ ближайшій городъ, и, когда случится нужда, ходитъ туда. Его отношенія къ семьѣ, состоящей изъ одной лишь дочери, Апроськи, находятся въ стадіи, относящейся къ доисторической антропологіи, но, несмотря на это, онъ самъ и его другъ, Сысойка, такъ глубоко любятъ Апроську, что послѣ ея смерти они готовы покончить съ собой. Они бросаютъ родную деревню, чтобы начать тяжелую жизнь рѣчныхъ бурлаковъ, которые тянутъ бичевою тяжелыя барки противъ теченія. Но эти полудикари — глубоко человѣчны, и каждый чувствуетъ, что они таковы не только по волѣ автора, создавшаго ихъ образы, но таковы въ дѣйствительности; читать исторію ихъ жизни и страданій, переносимыхъ ими съ терпѣніемъ покорныхъ животныхъ, невозможно, не будучи глубоко тронутымъ, — даже болѣе глубоко, чѣмъ при чтеніи хорошей повѣсти изъ жизни людей зажиточнаго круга.

Другая повѣсть Рѣшетникова, „Глумовы", одно изъ самыхъ удручающихъ произведеній въ этой области литературы. Въ ней нѣтъ ничего поражающаго, никакихъ особенныхъ невзгодъ и несчастій, никакихъ драматическихъ эффектовъ. Но вся жизнь уральскихъ рабочихъ, описанная въ этой повѣсти, носитъ такой унылый характеръ, и въ этой жизни такъ мало задатковъ, чтобы люди могли выбиться изъ-подъ гнета этого унынія, что вами овладѣваетъ настоящее отчаяніе, когда вы постепенно начинаете понимать неподвижность изображаемой въ повѣсти жизни. Въ другой повѣсти, „Между людьми", Рѣшетниковъ разсказываетъ исторію своего собственнаго ужаснаго дѣтства. Что же касается до его большого двухъ-томнаго романа, „Гдѣ

лучше?“ то это — исторія непрерывнаго ряда всякихъ злоключеній, выпадающихъ на долю одной женщины изъ беднѣйшихъ классовъ, являющейся въ Петербургъ съ цѣлью отысканія работы. Здѣсь, такъ же какъ и въ другой обширной повѣсти, „Свой хлѣбъ“, мы находимъ ту же безформенность и то же отсутствіе ярко очерченныхъ характеровъ, какъ и въ „Глумовыхъ“, и получается то же глубокое, тяжелое впечатлѣніе.

Чисто-литературные недостатки всѣхъ произведеній Рѣшетникова — совершенно очевидны. Но, несмотря на эти недостатки, его можно разсматривать какъ иниціатора новой формы повѣсти, не лишенной художественной цѣнности, не взирая на ея безформенность и ультра реализмъ, какъ замысла, такъ и выполненія. Конечно, Рѣшетниковъ не могъ никакимъ образомъ создать школы; но онъ далъ намекъ на то, чѣмъ могла бы быть реальная повѣсть изъ народной жизни, и самыми своими недостатками указавъ на то чего надо въ ней избѣгать. Въ его произведеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда романтизма; никакихъ героевъ; ничего, за исключеніемъ огромной, индифферентной, едва индивидуализированной толпы, среди которой нѣтъ ни яркихъ красокъ, ни гигантовъ; все мелко и мелочно; всѣ интересы сведены къ микроскопически узкому сосѣдству. Въ сущности, всѣ эти интересы сконцентрированы вокругъ одного, самаго главнаго вопроса: „гдѣ найти пищу и убѣжище, хотя бы цѣной каторжнаго труда?“ Всякое описанное авторомъ лицо конечно обладаетъ собственной индивидуальностью, но всѣ эти индивидуальности обуреваемы однимъ желаніемъ: найти такое занятіе, которое не вело бы лишь къ безвыходной нищетѣ, въ которомъ дни заработка не смѣнялись бы безпрестанно днями безработицы и голоданія. Какъ добиться того, чтобы работа не превосходила человѣческія силы? Гдѣ въ мірѣ найти мѣсто, гдѣ бы работа не сопровождалась такими унизительными условіями? — Эти вопросы даютъ единство цѣли въ жизни всѣмъ этимъ людямъ.

Какъ я уже сказалъ, въ повѣстяхъ Рѣшетникова нѣтъ героевъ: этимъ я хотѣлъ сказать—„героевъ“ въ обычномъ литературномъ смыслѣ; но вы видите предъ собой дѣйствительныхъ титановъ—дѣйствительныхъ героевъ въ первобыт-

номъ смыслѣ слова—героевъ выносливости,—такихъ, которыхъ должны выдѣлять животныя,—виды муравьевъ и т. д.,—когда они своей безформенной массой ожесточенно борятся противъ вліяній холода и голода. То, какимъ образомъ эти герои переносятъ самыя невѣроятныя физическія лишенія во время своихъ скитаній изъ одного конца Россіи въ другой, или какъ они встрѣчаютъ самыя ужасныя резочарованія въ поискахъ за работой,—вся ихъ борьба за существованіе, — все это въ достаточной степени поразительно въ повѣстяхъ Рѣшетникова; но, пожалуй, еще болѣе поразительно — какъ они умираютъ. Многіе читатели, конечно, помнятъ „Три Смерти" Толстого: барыню, умирающую отъ чахотки, проклинающую свою болѣзнь; мужика, заботящагося передъ смертью о судьбѣ своихъ сапоговъ и распоряжающагося, чтобы ихъ отдали тому, кто наиболѣе нуждается въ нихъ, и, наконецъ,—смерть березы. Для героевъ Рѣшетникова, живущихъ безъ увѣренности, что у нихъ будетъ на завтра кусокъ хлѣба, смерть не является катастрофой; она приходитъ съ постепенной потерей силы въ поискахъ за хлѣбомъ, съ постепенной потерей энергіи, нужной чтобы прожевать этотъ черствый кусокъ хлѣба. Хлѣба этого становится все меньше и меньше, въ лампѣ не хватаетъ масла и она гаснетъ...

Другой ужасающей чертой повѣстей Рѣшетникова являются картины того, какъ людьми овладѣваетъ пьянство. Вы видите, какъ оно приближается, чувствуете, что оно должно придти органически, неизбѣжно, фатально; вы видите, какъ оно овладѣваетъ человѣкомъ и держитъ его въ своей власти до смерти. Этотъ Шекспировскій фатализмъ въ приложеніи къ пьянству,—зло котораго слишкомъ хорошо извѣстно всякому, знакомому съ народной жизнью, — является, можетъ быть, особенно ужасающей чертой повѣстей Рѣшетникова. Особенно ярко эта черта сказывается въ повѣсти „Глумовы", гдѣ вы видите, какъ учитель въ горнопромышленномъ городѣ, вслѣдствіе отказа принимать участіе въ чиновничьей эксплуатаціи дѣтей, оказывается лишеннымъ всѣхъ средствъ къ существованію, и хоть ему въ концѣ концовъ удается жениться на превосходной женщинѣ, онъ постепенно подпадаетъ подъ власть демона и дѣлается

привычнымъ пьяницей. Не пьютъ лишь женщины, и одно это спасаетъ насъ отъ вымиранія; въ сущности, почти каждая изъ женщинъ въ произведеніяхъ Рѣшетникова—героиня неустаннаго труда, борьбы за необходимое въ жизни, подобно самкамъ во всемъ животномъ мірѣ; и такова дѣйствительно жизнь женщины въ русскихъ народныхъ массахъ.

Трудно бываетъ избѣжать романтическаго сантиментализма, когда авторъ, описывая монотонную ежедневную жизнь буржуазной толпы, пытается пробудить симпатію въ читателѣ къ этой толпѣ; но затрудненія еще болѣе усложняются, по мѣрѣ того, какъ авторъ спускается по ступенямъ соціальной лѣстницы и доходитъ до жизни крестьянъ, или еще хуже—до жизни нищенствующихъ кварталовъ городского населенія. Самые реалистическіе писатели впадали въ сантиментализмъ и романтизмъ, когда брались за такую задачу. Даже Зола, въ своей послѣдней повѣсти, „Трудъ“, попалъ въ эту западню. Но именно отъ этого недостатка всегда былъ свободенъ Рѣшетниковъ. Его произведенія являются яркимъ протестомъ противъ эстетизма и вообще всякаго рода условнаго искусства. Онъ былъ истиннымъ чадомъ эпохи, характеризуемой Тургеневскимъ Базаровымъ.—„Для меня безразлична форма моихъ произведеній; правда сама постоитъ за себя“,—какъ будто-бы говоритъ онъ все время читателю. Онъ почувствовалъ бы смущеніе, если-бы гдѣ-нибудь, хотя бы безсознательно, прибѣгнулъ къ драматическому эффекту съ цѣлью тронуть читателя,—точно такъ же, какъ публичный ораторъ, полагающійся единственно на красоту развиваемой имъ мысли, чувствовалъ бы себя пристыженнымъ, если бы прибѣгнулъ безсознательно къ ораторскому украшенію рѣчи.

Мнѣ кажется, что надо было обладать не дюжиннымъ творческимъ талантомъ, чтобы подмѣтить, какъ это сдѣлалъ Рѣшетниковъ, въ обыденной монотонной жизни толпы эти мелочныя выраженія, эти восклицанія, эти движенія, выражающія какое-нибудь чувство, или какую-нибудь мысль, безъ которыхъ его повѣсти были бы совершенно неудобочитаемы. Одинъ изъ нашихъ критиковъ замѣтилъ, что когда вы начинаете читать повѣсти Рѣшетникова, вы чувствуете себя погруженнымъ въ какой-то хаосъ. Предъ вами описаніе самаго обыденнаго пейзажа, который, въ сущности,

даже вовсе не „пейзажъ“; вслѣдъ за тѣмъ появляется герой или героиня повѣсти, при чемъ это люди, какихъ вы можете встрѣтить каждый день въ любой толпѣ и ихъ едва можно отличить отъ нея. Герой говоритъ, ѣстъ, пьетъ, работаетъ, ругается, какъ любой изъ толпы. Онъ вовсе не какое-либо избранное созданіе, онъ—не демоническій характеръ, не Ричардъ III въ крестьянскомъ одѣяніи; столь же мало героиня похожа на Корделію иди даже на Нелли Диккенса. Мужчины и женщины Рѣшетникова совершенно похожи на тысячи мужчинъ и женщинъ, окружающихъ ихъ; но постепенно, вслѣдствіе обрывковъ мыслей, восклицаній, кое-когда пророненныхъ словъ, даже движеній, о которыхъ упоминается,—вы начинаете мало-по-малу заинтересовываться ими. Прочтя страницъ тридцать, вы начинаете чувствовать симпатію къ нимъ, и настолько захвачены разсказомъ, что читаете страницу за страницей этихъ хаотическихъ деталей, съ единственной цѣлью—разрѣшить вопросъ, который начинаетъ страстно интересовать васъ: удастся ли Петру или Аннѣ добыть сегодня кусокъ хлѣба, за которымъ они гонятся? Удастся ли Марьѣ достать работу и купить щепотку чаю для ея больной и полусумасшедшей матери? Замерзнетъ ли Прасковья въ морозную ночь, затерянная на улицахъ Петербурга, или ей удастся попасть въ госпиталь, гдѣ ее ожидаетъ теплое одѣяло и чашка чаю? Сумѣетъ ли почтальонъ воздержаться отъ водки и получить мѣсто?

Несомнѣнно, что для того, чтобы добиться такихъ результатовъ путемъ такихъ незатѣйливыхъ средствъ, необходимо обладать крупнымъ талантомъ; надо обладать силой, трогающей читателя, заставляющей его любить или ненавидѣть, а такая сила является самою сущностью литературнаго таланта. Благодаря этому таланту, безформенныя, часто черезчуръ длинныя и неумѣлыя, сухія повѣсти Рѣшетникова представляютъ тѣмъ не менѣе крупное явленіе въ русской литературѣ. „Трезвая правда Рѣшетникова“, безъ „литературы“ рыцарскаго романа, которую такъ ненавидѣлъ Тургеневъ, не пройдетъ безслѣдно.

Левитовъ.

Къ беллетристамъ-народникамъ того же поколѣнія принадлежалъ Левитовъ (1835 или 1842—1877). Онъ описывалъ главнымъ образомъ тѣ части южной центральной Россіи, которыя лежатъ на границѣ между лѣсной и степной областью. Жизнь его была глубоко-печальна. Онъ родился въ семьѣ бѣднаго деревенскаго священника и воспитывался въ духовномъ училищѣ, того типа, который былъ описанъ Помяловскимъ. Достигнувъ 16-ти лѣтъ, онъ отправился пѣшкомъ въ Москву, съ цѣлью поступить въ университетъ, и потомъ перебрался въ Петербургъ. Здѣсь онъ вскорѣ былъ запутанъ въ какой-то студенческой исторіи и былъ высланъ въ 1858 году, сначала въ Шенкурскъ, а позже переведенъ въ Вологду. Здѣсь онъ жилъ въ полномъ отчужденіи отъ какой бы то ни было интеллектуальной жизни, перенося страшную бѣдность, доходившую до голоданія. Лишь послѣ трехъ лѣтъ ссылки, ему было позволено возвратиться въ Москву и такъ какъ у него не было ни копейки денегъ, то ему пришлось сдѣлать весь путь отъ Вологды до Москвы пѣшкомъ, нанимаясь по пути писать въ волостныхъ правленіяхъ и получая за свой трудъ по полтиннику въ недѣлю. Эти годы изгнанія оставили глубокій слѣдъ на всей его послѣдующей жизни, которую онъ провелъ въ страшной бѣдности, никогда не находя мѣста, гдѣ бы онъ могъ поселиться на долго, и топя въ водкѣ страданія любящей безпокойной души.

Въ годы ранняго дѣтства на него произвели глубокое впечатлѣніе прелесть и тишина деревенской жизни въ степяхъ, и позднѣе онъ писалъ: „...проходитъ предо мною эта, такъ манящая меня въ настоящую минуту, тишина сельской жизни; идетъ она, или даже не идетъ, а тихо-тихо летитъ, какъ нѣчто живое, имѣющее свой образъ, который въ моихъ глазахъ имѣетъ совершенно-опредѣленныя формы. Да, я осязательно-ясно вижу, какъ надъ молчаливыми сельскими буднями, поднявшись нѣсколько выше свѣтлаго креста на новой церкви, на бѣлыхъ крыльяхъ паритъ, вмѣстѣ съ летучими облаками, кто-то свѣтлый и тихій, съ лицомъ стыдливымъ и кроткимъ, какъ у нашихъ дѣвицъ... Такъ я

теперь, отдаленный отъ родного села долгими годами шумной столичной жизни, исполненной невыразимыхъ страданій, представляю себѣ мирнаго генія тихой сельской дѣятельности".

Прелесть безконечныхъ степей южной Россіи такъ превосходно передана Левитовымъ, что ни одинъ русскій авторъ не можетъ сравниться съ нимъ въ поэтическомъ описаніи ихъ природы, за исключеніемъ Кольцова. Левитовъ былъ чистымъ цвѣткомъ степей, полнымъ глубоко поэтической любви къ роднымъ мѣстамъ, и несомнѣнно, что ему приходилось переносить острыя страданія, когда онъ попалъ въ среду интеллектуальнаго пролетаріата громадной, холодной и эгоистической столицы на Невѣ. Находясь въ Петербургѣ или въ Москвѣ, онъ всегда жилъ гдѣ-нибудь въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, бо̀льшею частью на окраинахъ города, которыя, хотя отдаленнымъ образомъ, напоминали ему его родную деревню; поселяясь среди подонковъ населенія, онъ дѣлалъ это съ цѣлью — бѣжать „отъ нравственныхъ противорѣчій, искусственности, напускной гуманности и черстваго высокомѣрія интеллигентныхъ слоевъ общества". Онъ не могъ жить долго на одномъ мѣстѣ: у него начинались угрызенія совѣсти, и онъ убѣгалъ изъ своей бѣдной обстановки, отыскивая мѣсто, гдѣ люди живутъ еще бѣднѣе, едва добывая кусокъ насущнаго хлѣба.

Я не знаю, можно ли даже подвести произведенія Левитова подъ обычныя категоріи повѣсти, разсказовъ и т. д. Они болѣе похожи на безформенныя, лирико-эпическія импровизаціи въ прозѣ. Но въ этихъ импровизаціяхъ нѣтъ обычныхъ условныхъ сожалѣній автора о страданіяхъ другихъ. Это — эпическое описаніе того, что самому автору пришлось пережить при близкомъ соприкосновеніи со всякаго рода бѣдняками. Лирическимъ элементомъ его произведеній является печаль, — но не эгоистическая, любующаяся собой печаль сочувственника, а скорбь человѣка, который самъ жилъ той же жизнью; это — печаль нищеты, семейныхъ скорбей, не исполнившихся надеждъ, заброшенности, всякаго рода утѣсненія и всякаго рода человѣческихъ слабостей. Страницы, которыя онъ посвящаетъ изображенію чувствъ пьянаго человѣка, и тому, какъ эта болѣзнь охва-

тываетъ людей, иногда поистинѣ ужасны. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ умеръ молодымъ, — отъ воспаленія легкихъ, схваченнаго въ морозный январскій день, когда онъ, въ легкомъ лѣтнемъ пальтишкѣ, бѣгалъ на другой конецъ Москвы, чтобы получить пять рублей отъ редактора какой-то мелкой газетки.

Наиболѣе извѣстнымъ произведеніемъ Левитова является томикъ его „Степныхъ очерковъ", но онъ написалъ также рядъ очерковъ изъ городской жизни („Жизнь московскихъ закоулковъ) и томъ разсказовъ, которому друзья автора дали заглавіе: „Горе селъ, деревень и городовъ". Въ его очеркахъ городской жизни читатель встрѣчаетъ ужасающую коллекцію бродягъ и отверженныхъ населенія большого города — людей, перешедшихъ послѣднія границы городской нищеты и изображенныхъ безъ малѣйшей идеализаціи, и, конечно, — все-же глубоко-человѣчныхъ. „Степные очерки" были лучшимъ произведеніемъ Левитова. Это, въ сущности, собраніе поэмъ въ прозѣ, полныхъ чудныхъ описаній степной природы и картинъ изъ крестьянской жизни, со всѣми ея мелкими горестями и наивной радостью, съ ея обычаями и предразсудками. Въ эти очерки вложены личныя воспоминанія автора; въ нихъ часто встрѣчаются также сцены изъ дѣтской жизни, — изображенія дѣтей, играющихъ на просторѣ степей и живущихъ въ согласіи съ жизнью окружающей ихъ природы; каждая черточка этихъ картинъ вырисована съ нѣжною, теплою любовью, и почти всегда чувствуются невидимыя слезы, которыя проливалъ авторъ, изображая эти, милыя его сердцу, картины.

А. Скабичевскій, въ своей книгѣ „Беллетристы-народники", далъ превосходный, написанный съ глубокимъ чувствомъ, очеркъ жизни и дѣятельности Левитова; въ очеркѣ этомъ сообщены какъ идиллическія черты дѣтства Левитова, такъ и исторія ужасныхъ лишеній, которыя ему приходилось переносить позднѣе.

Глѣбъ Успенскій.

Глѣбъ Успенскій (1840 — 1902) значительно отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ писателей. Онъ

представляетъ самъ по себѣ отдѣльную литературную школу, и я не знаю ни одного писателя во всемірной литературѣ, съ которымъ можно было-бы его сравнить. Собственно говоря, его нельзя причислить къ повѣстеписателямъ; но его произведенія нельзя также отнести и къ области чистой этнографіи или демографіи, такъ какъ въ нихъ, на ряду съ описаніями, относящимися къ области народной психологіи, вы встрѣчаете всѣ элементы повѣсти. Первыми его произведеніями были повѣсти, въ которыхъ видна склонность къ бытовой, этнографической окраскѣ. Такъ, въ повѣсти „Разореніе" Успенскій чрезвычайно талантливо изобразилъ, какъ рушится вся жизнь маленькаго городка, процвѣтавшаго при крѣпостномъ правѣ, теперь, когда это право уничтожено; но въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, почти исключительно посвященныхъ изображенію деревенской жизни, и написанныхъ когда его талантъ достигъ полной зрѣлости, преобладаетъ этнографія, и они кажутся скорѣе этнографическими очерками, написанными талантливымъ беллетристомъ, чѣмъ повѣстями въ собственномъ значеніи этого слова. Обыкновенно они начинаются, какъ повѣсти: предъ вами появляются различныя типичныя личности, и вы постепенно начинаете заинтересовываться ихъ дѣяніями и ихъ жизнью. Болѣе того, авторъ не беретъ эти личности, такъ сказать, на-удачу, это не записи въ путевомъ дневникѣ этнографа, — напротивъ, дѣйствующія лица выбраны авторомъ, какъ типическіе представители тѣхъ сторонъ деревенской жизни, которыя онъ намѣревается изобразить. Но Успенскій не удовлетворяется простымъ ознакомленіемъ читателя съ дѣйствующими лицами его произведеній; онъ вскорѣ начинаетъ обсуждать ихъ самихъ и говорить о положеніи, которое они занимаютъ въ деревенской жизни, и о вліяніи, которое они могутъ оказать на будущее деревни. Заинтересовавшись уже выводимыми личностями, вы съ удовольствіемъ читаете и эти разсужденія автора о нихъ. Но вотъ, вслѣдъ за разсужденіемъ, авторъ даетъ какую нибудь превосходную сцену, по художественности не уступающую сценамъ въ романахъ Тургенева и Толстого; но послѣ нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ такому художественному творчеству, Успенскій снова превращается въ

этнографа, разсуждающаго о будущности деревенской общины. Въ немъ слишкомъ много чертъ публициста, чтобы онъ могъ думать всегда образами и сохранить позицію беллетриста. Но, въ то же время, отдѣльные факты, входившіе въ сферу его наблюденія, производили на него такое впечатлѣніе, что онъ не могъ хладнокровно обсуждать ихъ, какъ это сдѣлалъ бы присяжный публицистъ. Впрочемъ, несмотря на эту смѣсь публицистики съ беллетристикой, благодаря крупному таланту автора, вы читаете произведенія Успенскаго, какъ если бы они были выдающимися беллетристическими произведеніями.

Всякое движеніе среди образованныхъ слоевъ общества, направленное къ благу бѣднѣйшихъ классовъ, начинается идеализаціей послѣднихъ. Въ виду того, что прежде всего необходимо бываетъ разсѣять предубѣжденія противъ бѣдняковъ, которыя существуютъ среди богатыхъ, — нѣкоторая идеализація неизбѣжна. Поэтому, наши ранніе беллетристы-народники выводили только наиболѣе выдающіеся типы, которыхъ люди обезпеченныхъ классовъ могли лучше понимать, и которые должны были навѣрное вызывать къ себѣ симпатію; по этой же причинѣ они лишь слегка касались менѣе симпатичныхъ чертъ въ жизни бѣдняковъ. Подобное явленіе можно наблюдать, въ сороковыхъ годахъ, въ французской и англійской литературѣ, а въ Россіи представителями этого направленія были: Григоровичъ, Марко-Вовчокъ и др. Вслѣдъ за тѣмъ явился Рѣшетниковъ, съ его художественнымъ нигилизмомъ, съ его отрицаніемъ всѣхъ обычныхъ условностей, съ его объективизмомъ, съ его рѣшительнымъ отказомъ созидать „типы“ и съ его предпочтеніемъ къ обыденному человѣку толпы; съ его манерой, вдохновлять читателя любовью къ народу путемъ глубоко затаеннаго собственнаго чувства. Позднѣе, предъ русской литературой возникли новыя задачи. Читатели были уже полны симпатіи къ отдѣльному крестьянину или рабочему, но они хотѣли расширить область своихъ знаній въ этой области; они хотѣли знать, каковы основоначала, идеалы, внутреннія побужденія, руководящіе жизнью деревни? какова ихъ цѣнность для дальнѣйшаго развитія народа? что и въ какой формѣ колоссальное земледѣльческое населеніе Рос-

сіи можетъ дать для дальнѣйшаго развитія страны и всего цивилизованнаго міра? Подобные вопросы выходили за предѣлы простыхъ статистическихъ изслѣдованій; для разрѣшенія ихъ требовался геній художника, которому приходилось находить отвѣтъ въ разрозненныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни. Наши беллетристы-народники смѣло пошли навстрѣчу этимъ запросамъ читателя. Богатая коллекція отдѣльныхъ крестьянскихъ типовъ была дана предшествовавшими художниками: теперь читатели хотѣли найти въ беллетристикѣ, посвященной изображенію народной жизни, изображеніе жизни деревни, деревенскаго „міра", его достоинствъ и недостатковъ, указаній на ожидающую его судьбу. И на эти вопросы новое поколѣніе беллетристовъ-народниковъ постаралось дать отвѣты.

Беря на себя эту задачу, они были совершенно правы. Не слѣдуетъ забывать, что, въ конечномъ анализѣ, каждый экономическій и соціальный вопросъ сводится къ вопросу психологіи индивидуума и соціальной совокупности. Такого рода вопросы не разрѣшаются при помощи одной лишь ариѳметики. Въ силу этого, въ области соціальныхъ наукъ, какъ и въ области психологіи, поэтъ часто оказывается прозорливѣе физіолога. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣетъ право голоса въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ.

Когда Успенскій началъ печатать свои первые очерки деревенской жизни—въ началѣ 70-хъ годовъ—молодая Россія была охвачена великимъ движеніемъ „въ народъ" и необходимо признать, что въ этомъ движеніи, какъ и во всякомъ другомъ, была извѣстная доля идеализаціи. Юноши, совершенно не знакомые съ деревенской жизнью, имѣли, конечно, преувеличенныя, идиллическія иллюзіи относительно деревенской общины. По всей вѣроятности, Успенскій, родившійся въ крупномъ промышленномъ городѣ, Тулѣ, въ семьѣ маленькаго чиновника и почти совершенно незнакомый съ жизнью деревни, раздѣлялъ эти иллюзіи,—можетъ быть, даже въ самой крайней ихъ формѣ. Подъ обаяніемъ ихъ онъ поселился въ Самарской губерніи, которая въ то время вступала въ круговоротъ современнаго капиталистическаго развитія, и гдѣ вслѣдствіе цѣлаго ряда особыхъ причинъ, уничтоженіе крѣпостного права совершилось въ

условіяхъ, особенно разорительныхъ для крестьянъ (даровые, „нищенскіе“ надѣлы) и вообще вредоносныхъ для жизни деревни. Здѣсь ему пришлось, вѣроятно, жестоко страдать, видя разрушеніе своихъ юношескихъ иллюзій и, какъ это часто случается, онъ поторопился сдѣлать обобщенія. Онъ не обладалъ образованіемъ дѣйствительнаго этнографа, которое могло бы удержать его отъ черезчуръ поспѣшныхъ этнографическихъ обобщеній, основанныхъ на черезчуръ скудномъ матеріалѣ,—и онъ началъ давать изображенія деревенской жизни, окрашенныя глубокимъ пессимизмомъ. Лишь позднѣе, живя на сѣверѣ, въ деревнѣ Новгородской губерніи, онъ началъ понимать вліяніе, какое оказываетъ обработка земли и жизнь въ деревнѣ на крестьянъ; лишь тогда передъ нимъ начало раскрываться нравственное и соціальное значеніе земледѣльческаго труда и общинной жизни, и онъ понялъ—какимъ могъ-бы быть свободный трудъ на свободной землѣ. Эти наблюденія вдохновили лучшее произведеніе Успенскаго „Власть земли“ (1882). Оно остается, во всякомъ случаѣ, его лучшимъ трудомъ въ этой области: художникъ является здѣсь во всей силѣ своего таланта и въ своей истинной функціи—выясняя внутреннія движущія силы, которыя руководятъ громаднымъ классомъ трудящихся людей.

Златовратскій и другіе беллетристы-народники.

Однимъ изъ великихъ вопросовъ дня въ Россіи является вопросъ о томъ—должны ли мы способствовать разрушенію общиннаго владѣнія землею такъ же, какъ это сдѣлали имущіе классы въ западной Европѣ, и ввести взамѣнъ того личное крестьянское землевладѣніе или же мы должны стремиться сохранить общину и приложить всѣ усилія, чтобы она развивалась далѣе по типу земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій. Сильная борьба идетъ по этому вопросу въ средѣ русской интеллигенціи, и въ первыхъ самарскихъ очеркахъ изъ крестьянской жизни, озаглавленныхъ „Изъ деревенскаго дневника“, Глѣбъ Успенскій отводилъ много мѣста этому вопросу. Онъ пытался доказать, не только

что крестьянская община, въ ея настоящемъ видѣ, приводитъ къ сильному угнетенію личности, является помѣхой индивидуальной иниціативѣ, ведетъ ко всякаго рода притѣсненіямъ бѣдныхъ крестьянъ богатыми, но также и то, что она является причиной общей бѣдности крестьянства. Но Успенскій не упомянулъ о тѣхъ аргументахъ, которые тѣ же бѣдные крестьяне, если бы ихъ спросили, не замедлили бы привести въ защиту общиннаго владѣнія землей; и онъ приписалъ этому учрежденію результаты совершенно другихъ, общихъ обще-русскихъ причинъ,—какъ это можно видѣть хотя-бы изъ того факта, что та же бѣдность, та же инерція и то же угнетеніе личности еще въ бо́льшей степени наблюдаются въ Бѣлоруссіи, гдѣ общинное землевладѣліе давно уже перестало существовать. Успенскій, при всей своей л ю б в и къ крестьянству, выразилъ, такимъ образомъ,—по крайней мѣрѣ въ его самарскихъ очеркахъ,—тѣ взгляды, которые распространены въ среднихъ классахъ западной Европы, которые, указывая на недостатки общиннаго владѣнія, тоже сваливали на эту форму владѣнія землею цѣлый рядъ фактовъ, въ которыхъ было виновато государство, а не община.

Положеніе, занятое Успенскимъ, вызвало цѣлый рядъ отвѣтовъ со стороны другого беллетриста-народника, обладавшаго не меньшимъ талантомъ—З л а т о в р а т с к а г о (род. въ 1845 г.), повѣсти котораго являлись какъ-бы отвѣтами на очерки Успенскаго и его пессимистическіе выводы. Златовратскій съ дѣтства былъ близко знакомъ съ жизнью крестьянъ средней Россіи, и чѣмъ менѣе иллюзій онъ питалъ относительно ея, тѣмъ болѣе онъ былъ подготовленъ, когда началъ серьезное изученіе крестьянства, видѣть хорошія черты въ ихъ жизни и понимать типы тѣхъ крестьянъ, которые принимали близко къ сердцу интересы міра,—деревни въ ея цѣломъ; мірскіе типы этого рода я также хорошо зналъ въ моей юности въ тѣхъ же мѣстностяхъ Россіи.

Златовратскаго, конечно, обвинили въ идеализаціи крестьянства, но въ дѣйствительности Успенскій и Златовратскій дополняли другъ друга. Какъ они дополняли другъ друга географически—Златовратскій, описывая дѣйствительно земледѣльческую область средней Россіи, въ то время какъ

Успенскій изображалъ периферію, окружность этой области—такъ дополняли они другъ друга и психологически. Успенскій былъ правъ, указывая на мрачныя стороны общинныхъ порядковъ, на недостатки общины, которая лишена однако жизненности вслѣдствіе давленія всемогущей бюрократіи; и Златовратскій былъ правъ, указывая на то, какіе люди выростаютъ на почвѣ общинныхъ порядковъ, руководимые страстной привязанностью къ землѣ, указывая, какія услуги они могутъ оказать деревенской массѣ, при условіяхъ свободы и независимости.

Повѣсти Златовратскаго представляютъ, такимъ образомъ, крупный этнографическій вкладъ, и обладаютъ въ то же время художественными достоинствами. Его „Деревенскіе будни“, и, въ особенности, его „Крестьяне присяжные“ (съ 1864 года, крестьяне-домохозяева поочередно отбывали должность присяжныхъ въ окружныхъ судахъ) полны глубоко интересныхъ сценъ изъ деревенской жизни. Его „Устои“ представляютъ серьезную попытку охватить въ художественномъ произведеніи основы русской деревенской жизни. Въ этомъ произведеніи читатель встрѣчаетъ типы людей, олицетворяющихъ возмущеніе крестьянства, какъ противъ внѣшнихъ притѣсненій, такъ и противъ рабской подчиненности массы этимъ притѣсненіямъ,—людей, которые при благопріятныхъ условіяхъ могутъ сдѣлаться иниціаторами движеній болѣе глубокаго характера. Каждый, знакомый съ внутренней жизнью деревни, знаетъ, что подобные типы—вовсе не авторское измышленіе.

Писатели, упомянутые нами на предыдущихъ страницахъ, далеко не исчерпываютъ всей школы беллетристовъ-народниковъ. Не только каждый крупный русскій художникъ, начиная съ Тургенева, былъ вдохновленъ въ томъ или иномъ изъ своихъ произведеній народной жизнью, но наиболѣе выдающіеся современные писатели, какъ Короленко, Чеховъ, Эртель и многіе другіе (см. слѣдующую главу), принадлежатъ до извѣстной степени къ той же категоріи. Найдется не мало писателей этой школы, о которыхъ болѣе или менѣе подробно упоминается во всякомъ курсѣ новой русской литературы, но которымъ я, къ сожалѣнію, могу, за недостаткомъ мѣста, посвятить лишь нѣсколько строкъ.

Наумовъ родился въ Тобольскѣ (1838 г.) и, закончивъ университетское образованіе въ Петербургѣ и поселясь въ западной Сибири, онъ написалъ рядъ разсказовъ и очерковъ, въ которыхъ изображалъ деревенскую жизнь западной Сибири и нравы золотопромышленныхъ рабочихъ. Эти разсказы пользовались большой популярностью, благодаря выразительному языку, энергіи, которой они были проникнуты и поразительнымъ картинамъ поѣданія деревенской бѣдноты богатыми „міроѣдами".

Другимъ писателемъ, въ совершенствѣ изображавшимъ „міроѣдовъ" въ деревняхъ Европейской Россіи, былъ Саловъ (1843—1902).

Засодимскій (род. 1843) принадлежитъ къ тому же періоду. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, онъ провелъ молодость въ изгнаніи, но остался до сихъ поръ все тѣмъ же „народникомъ", сохранивъ горячую любовь къ народу и вѣру въ крестьянство. Его „Хроника села Смурина" (1874) и „Степныя тайны" (1882) особенно интересны, такъ какъ въ этихъ повѣстяхъ Засодимскій сдѣлалъ попытку изобразить типы интеллектуально развитыхъ, протестующихъ крестьянъ, какіе встрѣчаются въ деревняхъ, но обыкновенно игнорируются другими беллетристами-народниками. Нѣкоторые изъ такихъ крестьянъ возмущались противъ общихъ условій деревенской жизни, нѣкоторые являются мирными религіозными пропагандистами, наконецъ, нѣкоторые развиваются подъ вліяніемъ пропагандистовъ изъ образованныхъ классовъ.

Петропавловскій (1857—1892), писавшій подъ псевдонимомъ Каронина, былъ дѣйствительнымъ поэтомъ деревенской жизни, поэтомъ крестьянскаго труда. Онъ родился въ юго-восточной Россіи, въ Самарской губерніи, но уже въ ранней молодости попалъ въ ссылку, въ Тобольскую губернію, гдѣ прожилъ много лѣтъ; по освобожденіи изъ ссылки онъ вскорѣ умеръ отъ чахотки. Онъ далъ въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ нѣсколько очень драматическихъ типовъ деревенскихъ „неудачниковъ", но наиболѣе типичной для опредѣленія его таланта является повѣсть „Мой міръ". Въ ней онъ разсказываетъ, какъ „интеллигентъ", страдающій нравственнымъ раздвоеніемъ, находитъ

душевное успокоеніе, поселяясь въ деревнѣ и раздѣляя съ крестьянами ихъ почти сверхчеловѣческій трудъ во время покоса и страды. Живя жизнью крестьянъ, онъ завоевываетъ ихъ любовь и находитъ здоровую и разумную дѣвушку, которая любитъ его. Это, конечно, до извѣстной степени, деревенская идиллія; но идеализація настолько незначительна, — какъ мы знаемъ по опыту тѣхъ „интеллигентовъ", которые дѣйствительно селились въ деревнѣ и вели себя по отношенію къ крестьянамъ, какъ равные къ равнымъ,—что идиллія близко соприкасается съ дѣйствительностью.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще нѣкоторыхъ беллетристовъ-народниковъ. Къ нимъ можно причислить: Л. Мельшина (род. 1860)—псевдонимъ ссыльнаго П. Я., отличающагося также поэтическимъ дарованіемъ; отбывъ двѣнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ въ Сибири, какъ политическій преступникъ, онъ издалъ два тома очерковъ изъ жизни каторжанъ, „Въ мірѣ отверженныхъ", и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это произведеніе можетъ быть поставлено на ряду съ „Записками изъ Мертваго Дома" Достоевскаго; С. Елпатьевскаго (род. 1854), также ссыльнаго, давшаго рядъ очерковъ изъ сибирской жизни; Нефедова (1847—1902), этнографа, который, помимо цѣнныхъ научныхъ работъ, далъ рядъ превосходныхъ очерковъ изъ фабричной и деревенской жизни; его произведенія отличаются глубокой вѣрой въ неистощимый запасъ энергіи и пластическую созидательную силу крестьянства;—и многихъ другихъ. Каждый изъ упомянутыхъ нами писателей заслуживалъ бы болѣе обширнаго очерка, такъ какъ произведенія ихъ въ той или иной степени послужили къ уразумѣнію положенія того или иного класса населенія, или способствовали выработкѣ формъ „идеалистическаго реализма", который наиболѣе подходитъ для изображенія типовъ, взятыхъ изъ среды трудящихся массъ, и который позднѣе былъ причиной литературнаго успѣха Максима Горькаго.

Максимъ Горькій.

Не многимъ писателямъ удалось добиться литературной извѣстности съ такой быстротой, какъ Максиму Горь-

кому. Его первые очерки (1892—95 гг.) были напечатаны въ мало-распространенной кавказской газетѣ и оставались совершенно неизвѣстными въ литературныхъ кружкахъ; но когда одинъ изъ его разсказовъ появился въ широко-распространенномъ журналѣ, однимъ изъ редакторовъ котораго былъ Короленко, то Горькій немедленно обратилъ на себя общее вниманіе. Красота формы, художественная законченность и новая нота силы и вызова, звучавшая въ разсказѣ, сразу выдвинули молодого писателя. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что „Максимъ Горькій"—псевдонимъ сравнительно молодого человѣка, А. Пѣшкова, родившагося въ большомъ приволжскомъ городѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, въ 1868 году. Отецъ его былъ мѣщанинъ, по ремеслу обойщикъ; мать его—замѣчательная женщина—также изъ семьи ремесленниковъ, умерла молодой, и мальчикъ попалъ на воспитаніе къ родственникамъ матери. Дѣтство Горькаго было не изъ счастливыхъ: въ девяти-лѣтнемъ возрастѣ его отдали „въ мальчики" въ магазинъ обуви, но мѣсяца черезъ два онъ сварилъ себѣ руки кипящими щами и былъ отосланъ хозяиномъ вновь къ дѣду. По выздоровленіи его отдали въ ученики къ чертежнику, дальнему родственнику, но черезъ годъ, вслѣдствіе очень тяжелыхъ условій жизни, Горькій убѣжалъ отъ него и поступилъ на пароходъ въ ученики къ повару, который оказался очень начитаннымъ человѣкомъ и пріучилъ самого Горькаго къ чтенію. Позднѣе Горькому приходилось работать въ качествѣ пекаря, уличнаго носильщика, продавать яблоки на улицахъ и т. д., пока, наконецъ, не попалъ писцомъ къ адвокату. Въ 1891 году онъ странствовалъ пѣшкомъ съ бродягами по южной Россіи, и во время этихъ странствованій написалъ нѣсколько разсказовъ, изъ которыхъ одинъ былъ помѣщенъ въ одной кавказской газетѣ. Разсказы Горькаго были замѣчательно хороши, и когда, въ 1900 году, они были изданы въ четырехъ небольшихъ томахъ, все изданіе разошлось въ очень короткое время, и имя Горькаго заняло мѣсто, если говорить только о современныхъ русскихъ беллетристахъ, на ряду съ Короленко и Чеховымъ, непосредственно послѣ Льва Толстого. Въ западной Европѣ и Америкѣ его извѣстность распространилась съ такой же быстротой, какъ только нѣкоторые

изъ его очерковъ были переведены на французскій и нѣмецкій языки, съ которыхъ они, въ свою очередь, были переведены по-англійски.

Достаточно прочесть нѣкоторые изъ разсказовъ Горькаго, какъ, напр., „Мальва“, „Челкашъ“, „Бывшіе люди“, или „Двадцать шесть и одна“, чтобы сразу понять причины его быстрой популярности. Мужчины и женщины, описываемые Горькимъ, вовсе не герои: это—самые обыкновенные бродяги и босяки; и самыя произведенія Горькаго нельзя назвать повѣстями въ собственномъ смыслѣ этого слова: это—лишь очерки, картинки жизни. И несмотря на это, во всемірной литературѣ, включая разсказы Мопассана и Бретъ Гарта, найдется мало произведеній, въ которыхъ читатели нашли бы такой тонкій анализъ сложныхъ и борющихся между собою человѣческихъ чувствъ; такіе интересные, оригинальные и новые характеры, такъ хорошо обрисованные, и человѣческую психологію, такъ искусно переплетенную съ фономъ природы—спокойнымъ моремъ, угрожающими волнами, или безконечной, сожженной солнцемъ, степью. Въ первомъ изъ названныхъ нами разсказовъ вы дѣйствительно видите косу, врѣзавшуюся въ „смѣющееся море“, на которой рыбакъ устроилъ свой шалашъ, и вы понимаете почему Мальва, которая любитъ рыбака и приходитъ къ нему каждое воскресенье, любитъ эту косу не менѣе, чѣмъ она любитъ самого рыбака. Вслѣдъ за тѣмъ, на каждой страницѣ разсказа вы поражаетесь совершенно неожиданнымъ разнообразіемъ тонкихъ чертъ, которыми обрисована любовь Мальвы, этой странной и сложной натуры, а также поражаетесь непредвидѣнными положеніями, въ которыхъ обрисовываются предъ вашими глазами, въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ дней, бывшій крестьянинъ-рыбакъ и его сынъ крестьянинъ. Разнообразіе черточекъ, то утонченныхъ, то животно-грубыхъ, то нѣжныхъ, то почти жестокихъ—какими Горькій обрисовываетъ чувства своихъ героевъ,—чрезвычайно велико.

Горькій—несомнѣнно большой художникъ, и при томъ—поэтъ; но онъ также—результатъ того длиннаго ряда беллетристовъ-народниковъ, которыхъ мы имѣли въ Россіи за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Горькій воспользовался ихъ

опытомъ. Онъ наконецъ нашелъ то счастливое соединеніе реализма съ идеализмомъ, за которымъ русскіе беллетристы-народники гнались столько лѣтъ,—хотя надо сказать—какъ это замѣчаетъ мнѣ переводчикъ этой книги, что это соединеніе уже было найдено Гоголемъ, Тургеневымъ, Толстымъ и т. д. Рѣшетниковъ и его современники пытались, описывая народъ, писать повѣсти ультра-реалистическаго характера, избѣгая малѣйшаго слѣда идеализаціи. Они сдерживали себя, когда чувствовали склонность къ обобщенію, къ творчеству, къ идеализаціи. Они пытались писать лишь дневники, въ которыхъ событія, крупныя и мелкія, значительныя и ничтожныя, изображались бы съ одинаковой точностью, даже безъ измѣненія тона разсказа. Мы видѣли, что этимъ путемъ, силой ихъ таланта, имъ удавалось получать чрезвычайно острые эффекты; но, подобно историку, который тщетно пытается быть „безпартійнымъ“ и въ концѣ концовъ все же оказывается человѣкомъ партіи, они не могли избѣжать той идеализаціи, которой такъ боялись. Художественное произведеніе всегда, неизбѣжно, носитъ личный характеръ; какъ бы ни старался авторъ, но его симпатіи отразятся на его творчествѣ, и онъ будетъ идеализировать то, что совпадаетъ съ его симпатіями. Горькій пересталъ бояться такой идеализаціи. Григоровичъ, напримѣръ, идеализировалъ всепрощающее терпѣніе и выносливость русскаго крестьянина; и даже Рѣшетниковъ, совершенно безсознательно, и можетъ быть противъ собственной воли, идеализировалъ почти сверхъестественную выносливость, которыя ему пришлось наблюдать на Уралѣ и въ бѣдныхъ кварталахъ Петербурга. Такимъ образомъ, и ультра-реалистъ, и романтикъ—оба впадали въ нѣкоторую идеализацію. Горькій, повидимому, понялъ это; во всякомъ случаѣ онъ не имѣетъ ничего противъ извѣстной идеализаціи. Въ его приверженности къ правдѣ онъ почти такъ же реалистиченъ, какъ Рѣшетниковъ; но онъ повиненъ въ идеализаціи въ той же мѣрѣ, какъ и Тургеневъ, когда онъ рисовалъ Рудина, Елену или Базарова. Онъ даже идетъ дальше, говоря, что мы должны идеализировать и для идеализаціи онъ выбираетъ, среди бродягъ и босяковъ, которыхъ онъ самъ зналъ, типъ, вызывающій его наибольшее сочувствіе—мятежный типъ. Этимъ

и объясняется его успѣхъ. Оказалось, что читатели всѣхъ націй безсознательно ждали появленія подобнаго типа въ литературѣ, какъ облегченія отъ скучной посредственности и отсутствія яркой индивидуальности въ окружающей ихъ средѣ.

Слой общества, изъ котораго Горькій взялъ героевъ для своихъ первыхъ разсказовъ,—а именно въ небольшихъ разсказахъ проявляется съ особенной силой его талантъ—это бродяги южной Россіи: люди, оторвавшіеся отъ общества, никоимъ образомъ не желающіе налагать на себя иго постоянной работы, работающіе, какъ случайные рабочіе, въ портовыхъ городахъ Чернаго моря,—люди, ночующіе въ ночлежныхъ домахъ или гдѣ-нибудь въ загородныхъ канавахъ, и шатающіеся лѣтомъ изъ Одессы въ Крымъ и изъ Крыма въ степи сѣвернаго Кавказа, гдѣ они всегда находятъ работу во время страды.

Вѣчная жалоба о нищетѣ и неудачѣ, безпомощность и безнадежность, являющіяся преобладающей нотой въ произведеніяхъ раннихъ беллетристовъ-народниковъ, совершенно отсутствуютъ въ разсказахъ Горькаго. Его бродяги не жалуются.

— „Все въ порядкѣ“, говоритъ безрукій, „ныть и плакать не стоитъ — ни къ чему не поведетъ. Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломало уже — жди смерти! Только и есть на землѣ всѣхъ умныхъ словъ. Поняли?“ (Т о с к а, I, 311).

Вмѣсто плача и жалобъ о тяжелой судьбѣ, у бродягъ Горькаго звучитъ освѣжающая нота энергіи и смѣлости, совершенно новая въ русской литературѣ. Его босяки и бродяги — нищенски бѣдны, но имъ на это „наплевать“. Они пьянствуютъ, но это вовсе не то мрачное пьянство отчаянія, которое мы видѣли у Левитова. Даже одинъ изъ наиболѣе униженныхъ изъ нихъ—вмѣсто того, чтобы, подобно героямъ Достоевскаго, превращать свою безпомощность въ добродѣтель, мечтаетъ о пересозданіи міра и объ обогащеніи его. Онъ мечтаетъ о моментѣ, когда „мы, бывшіе бѣдняки, уйдемъ, обогативъ бывшихъ Крезовъ богатствомъ духа и силою жить“. (О ш и б к а, I, 170).

Горькій не выноситъ хныканья; онъ не выноситъ самобичеванія, столь сроднаго нѣкоторымъ писателямъ, такъ

поэтически выражаемаго Тургеневскими гамлетизированными героями, возведеннаго въ добродѣтель Достоевскимъ и образчики котораго встрѣчаются въ Россіи въ такомъ безконечномъ разнообразіи. Горькому знакомъ этотъ типъ, но онъ безжалостенъ къ подобнымъ людямъ. Онъ предпочтетъ любого мерзавца этимъ эгоистическимъ слабосильнымъ людямъ, которые всю жизнь занимаются самогрызеніемъ, принуждая другихъ пить съ ними, для того, чтобы разводить передъ слушателемъ длинныя рацеи объ ихъ якобы „пламенѣющихъ душахъ"; онъ презираетъ эти существа, „полныя сочувствія", которое не идетъ, однако, дальше самосожалѣнія и „полныя любви", которая, въ сущности, не что иное, какъ себялюбіе. Горькій прекрасно знаетъ этихъ людей которые всегда ухитряются разбить жизнь женщинъ, довѣряющихъ имъ; которые не остановятся даже передъ убійствомъ, и все же будутъ хныкать, ссылаясь на обстоятельства, которыя довели ихъ до этого. „И вижу я, что не живутъ люди, а все примѣряются и кладутъ на это всю свою жизнь", говоритъ старуха Изергиль, въ разсказѣ подъ тѣмъ же названіемъ. „И когда обворуютъ себя, истративъ время, то начнутъ плакаться на судьбу. Что же тутъ судьба? Каждый самъ себѣ судьба! Всякихъ людей я нынче вижу, а вотъ сильныхъ нѣтъ! Гдѣ-жъ?... И красавцевъ становится все меньше! (Разсказы, I, 126).

Зная, какъ русскіе интеллигенты страдаютъ этою болѣзнью хныканья; зная, какъ рѣдки среди нихъ аггрессивные идеалисты, — дѣйствительные мятежники — и какъ, съ другой стороны, многочисленны Неждановы (герой Тургеневской „Нови"), даже среди тѣхъ, которые покорно отправляются въ Сибирь, — Горькій избѣгаетъ брать свои типы изъ интеллигентной среды, думая, что интеллигенты черезчуръ легко дѣлаются „плѣнниками жизни".

Въ „Варенькѣ Олесовой", Горькій вылилъ все свое презрѣніе къ среднему „интеллигенту" начала девяностыхъ годовъ. Онъ выводитъ въ этомъ разсказѣ интересный типъ дѣвушки, полной жизни; это — чрезвычайно первобытное существо, совершенно незатронутое идеалами свободы и равенства; но дѣвушка эта полна такой усиленной жизненности, такъ независима, такъ правдива по отношенію къ

самой себѣ и къ окружающимъ, что возбуждаетъ глубокій интересъ. Она встрѣчается съ однимъ изъ тѣхъ интеллигентовъ, которые знакомы съ высшими идеалами, и преклоняются предъ ними, но въ то же время—слабняки, вполнѣ неспособные къ здоровой жизни. Конечно, Варенькѣ смѣшна даже идея, чтобы подобный человѣкъ могъ влюбиться въ нее, и Горькій заставляетъ ее слѣдующимъ образомъ характеризовать обычныхъ героевъ русскихъ повѣстей: „Русскій герой какой-то глупый и мѣшковатый, всегда ему тошно, всегда онъ думаетъ о чемъ-то непонятномъ и всѣхъ жалѣетъ, а самъ-то жалкій-прежа-алкій! Подумаетъ, поговоритъ, пойдетъ объясняться въ любви, потомъ опять думаетъ, пока не женится... а женится—наговоритъ женѣ кислыхъ глупостей и броситъ ее“... („Варенька Олесова“, II, 281).

Какъ мы уже говорили ранѣе, любимый типъ Горькаго это — „мятежникъ“, человѣкъ, находящійся въ состояніи полнаго возмущенія противъ общества и въ то же время мощный, сильный. Такъ какъ ему приходилось встрѣчать этотъ типъ, хотя бы въ зародышевомъ состояніи, среди бродягъ и босяковъ, съ которыми онъ жилъ, то онъ беретъ изъ этого слоя общества своихъ наиболѣе интересныхъ героевъ.

Въ „Коноваловѣ“ Горькій самъ, до извѣстной степени, даетъ психологію своего героя-босяка. Это—„интеллигентъ среди обиженныхъ судьбой, голыхъ, голодныхъ и злыхъ полулюдей, полузвѣрей, наполняющихъ грязныя трущобы городовъ“. Это—люди „въ массѣ своей существа отъ всего оторванныя, всему враждебныя и надо всѣмъ готовыя испробовать силу своего озлобленнаго скептицизма“ (II, 23). Босякъ Горькаго чувствуетъ, что ему не повезло въ жизни, но онъ не ищетъ оправданія себѣ въ обстоятельствахъ. Коноваловъ, напримѣръ, не допускаетъ справедливости теоріи, которая въ такомъ ходу между образованными неудачниками, а именно, что онъ, якобы, является печальнымъ продуктомъ „неблагопріятныхъ обстоятельствъ“. Онъ говоритъ: „Жизнь у меня безъ всякаго оправданія... Живу и тоскую... Зачѣмъ? Неизвѣстно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... Понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки

въ душѣ нѣтъ... Силы, что-ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки — и все тутъ!“ И когда его молодой другъ, начитавшійся въ книгахъ разныхъ извиненій и оправданій для слабости характера, указываетъ на „разныя темныя силы“, окружающія человѣка, Коноваловъ говоритъ ему: „Упрись крѣпче!... Найди свою точку и упрись!“

Нѣкоторые изъ босяковъ Горькаго, какъ и слѣдовало ожидать, склонны къ философствованію. Они задумываются надъ человѣческой жизнью и имѣли возможность узнать ее.

— „Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, — боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауэръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленная изъ человѣка страданіемъ“. („Коноваловъ“. II, 31).

Любовь къ природѣ является другой характеристической чертой босяковъ: „Коноваловъ любилъ ее (природу) глубокой, безсловесной любовью, выражавшейся только мягкимъ блескомъ его глазъ, и всегда, когда онъ былъ въ полѣ или на рѣкѣ, онъ весь проникался какимъ-то миролюбиво-ласковымъ настроеніемъ, еще болѣе увеличивавшимъ его сходство съ ребенкомъ. Иногда онъ съ глубокимъ вздохомъ говорилъ, глядя въ небо: „Эхъ!... хорошо!...“ И въ этомъ восклицаніи всегда было болѣе смысла и чувства, чѣмъ въ риторическихъ фигурахъ многихъ поэтовъ... Какъ, все-таки, и поэзія теряетъ свою святую простоту и непосредственность, когда изъ поэзіи дѣлаютъ профессію“. (II, 33—34).

Но должно замѣтить, что мятежный босякъ Горькаго — не „ничшеанецъ“, игнорирующій все за предѣлами узкаго эгоизма, или воображающій себя „сверхчеловѣкомъ“. Для созданія чисто-ничшеанскаго типа необходимо „болѣзненное честолюбіе“ „интеллигента“. Въ босякахъ Горькаго, какъ и въ изображаемыхъ имъ женщинахъ самаго низшаго класса, имѣются проблески величія характера и простоты, несовмѣстныхъ съ самообажаніемъ „сверхчеловѣка“. Онъ не идеализируетъ ихъ настолько, чтобы изображать ихъ дѣйствительными героями; это не соотвѣтствовало бы жизненной правдѣ: босякъ—все-таки побѣжденное существо. Но онъ показываетъ, какъ у иныхъ изъ этихъ людей, вслѣдствіе

сознанія ими собственной силы, бываютъ моменты величія, хотя силы этой все-таки не хватаетъ, чтобы создать изъ Орлова („Супруги Орловы") или Ильи (въ „Трое") дѣйствительныхъ героевъ—людей, способныхъ бороться съ противниками, обладающими силами болѣе значительными, чѣмъ какими обладаютъ они сами. Горькій какъ-бы задаетъ вопросъ: „Почему вы, интеллигенты, не имѣете такой же яркой индивидуальной окраски, не такъ открыто-мятежны противъ общества, которое вы критикуете? почему вы не обладаете силой, присущей нѣкоторымъ изъ этихъ отверженныхъ?" Вѣдь, — „не своротить камня съ пути думою!"

Талантъ Горькаго особенно ярко высказывается въ его разсказахъ; но, подобно его современникамъ, Короленко и Чехову, какъ только Горькій берется за болѣе обширную повѣсть, требующую полнаго развитія характеровъ, попытка его заканчивается неудачно. Взятая въ цѣломъ, повѣсть „Ѳома Гордѣевъ", несмотря на отдѣльныя прекрасныя сцены, производящія глубокое впечатлѣніе, слабѣе большинства его разсказовъ. Въ то время какъ начало „Трое",—идиллическая жизнь трехъ юношей, на которую уже ложится трагическая тѣнь будущаго,—сначала заставляетъ насъ ожидать, что мы найдемъ въ этой повѣсти одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній русской литературы, конецъ повѣсти расхолаживаетъ читателя: онъ совершенно неудаченъ. Французскій переводчикъ „Троихъ" предпочелъ даже прервать переводъ на томъ мѣстѣ повѣсти, гдѣ Илья стоитъ надъ могилой убитаго имъ человѣка; переводчикъ счелъ такой конецъ болѣе естественнымъ, чѣмъ конецъ, написанный Горькимъ.

Почему Горькаго преслѣдуетъ неудача въ этомъ отношеніи,—вопросъ очень щекотливый, на который трудно отвѣтить. Но на одну причину, пожалуй, можно указать. Горькій, подобно Толстому, черезчуръ честенъ, какъ художникъ, чтобы „изобрѣтать" такой конецъ, какого дѣйствительная жизнь его героевъ не подсказываетъ ему, хотя бы такое окончаніе могло быть очень живописнымъ; кромѣ того, классъ людей, который онъ такъ превосходно описываетъ, не обладаетъ тою послѣдовательностью, тою цѣлостностью, которыя необходимы, чтобы, являясь героями худо-

жественнаго произведенія, они могли дать ему тотъ заключительный аккордъ, безъ котораго такое произведеніе не можетъ считаться законченнымъ и не будетъ совершеннымъ.

Возьмемъ, напр., Орлова въ „Супругахъ Орловыхъ".— „Горитъ у меня душа"...—говоритъ онъ... Хочется ей простора... чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эх-ма! силу я въ себѣ чувствую—необоримую! то-есть, если бы эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца. — сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого?"

Но эта сила не долго владѣетъ Орловымъ. Въ другомъ мѣстѣ разсказа Орловъ говоритъ, что его „во всѣ четыре стороны сразу тянетъ", и что его судьба—не борьба съ гигантами, а бродяжество. Этимъ онъ и кончаетъ. Горькій—черезчуръ большой художникъ, чтобы сдѣлать изъ Орлова побѣдителя въ борьбѣ съ гигантами. То же самое можно сказать и относительно Ильи въ „Трое". Это — сильный типъ и невольно задаешься вопросомъ: почему Горькій не изобразилъ его начинающимъ новую жизнь подъ вліяніемъ тѣхъ молодыхъ пропагандистовъ соціализма, съ которыми Илья встрѣчается? Почему бы Ильѣ не умереть, напр., въ одной изъ тѣхъ стычекъ между стачечниками-рабочими и войсками, въ одномъ изъ тѣхъ столкновеній, которыя какъ разъ постоянно происходили въ Россіи въ то время, когда Горькій заканчивалъ свою повѣсть? Но Горькій, можетъ быть, отвѣтилъ бы намъ, что онъ и въ данномъ случаѣ вѣренъ дѣйствительности. Люди, подобные Ильѣ, мечтающіе лишь о „ч и с т о й к у п е ч е с к о й ж и з н и", не пристаютъ къ рабочему движенію. И онъ предпочитаетъ закончить жизнь своего героя гораздо болѣе прозаически, онъ предпочитаетъ показать его предъ читателями дряннымъ, слабымъ, мелкимъ, въ его нападеніи на жену околоточнаго надзирателя, заставляя даже пожалѣть эту женщину,—чѣмъ сдѣлать Илью выдающимся участникомъ въ рабочемъ движеніи. Если бы было возможно идеализировать Илью до такой степени, не переходя за границы позволительной идеализаціи, Горькій, вѣроятно, не остановился бы предъ этимъ, такъ какъ онъ

цѣликомъ стоитъ на сторонѣ допустимости идеализаціи въ реалистическомъ искусствѣ, но такая идеализація Ильи была бы уже чистымъ романтизмомъ.

Снова и снова Горькій возвращается къ идеѣ о необходимости идеала для беллетриста. — „Причина современнаго шатанія мысли, — говоритъ онъ въ „Ошибкѣ", — въ оскудѣніи идеализма. Тѣ, что изгнали изъ жизни весь романтизмъ, раздѣли насъ до-нага; вотъ отчего мы стали другъ къ другу сухи, другъ другу гадки" (I, 151). Позже, въ „Читателѣ" (1898) онъ вполнѣ развертываетъ свое художественное вѣроисповѣданіе. Онъ разсказываетъ, какъ одно изъ его раннихъ произведеній было, по напечатаніи, прочтено въ кружкѣ друзей. Онъ получилъ за него много похвалъ и, простясь съ друзьями, шелъ по пустынной улицѣ, чувствуя въ первый разъ въ своей жизни счастье; но въ это время человѣкъ, незнакомый ему и котораго онъ не замѣтилъ въ кружкѣ слушателей, нагоняетъ его и начинаетъ говорить ему объ обязанностяхъ автора.

„Вы согласитесь со мной, — говоритъ незнакомецъ, — если я скажу, что цѣль литературы — помогать человѣку понимать себя самого, поднять его вѣру въ себя и развить въ немъ стремленіе къ истинѣ, бороться съ дурнымъ въ людяхъ, умѣть найти хорошее въ нихъ, возбуждать въ ихъ душахъ стыдъ, гнѣвъ, мужество, дѣлать все для того, чтобы люди стали благородно-сильными, и могли одухотворить свою жизнь святымъ духомъ красоты" (III, 241 — 242).

„Мы, кажется, снова хотимъ грёзъ, красивыхъ вымысловъ, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бѣдна красками, тускла, скучна!.. Попробуемъ, быть можетъ, вымыселъ и воображеніе помогутъ человѣку подняться не надолго надъ землей и снова высмотрѣть на ней свое мѣсто, потерянное имъ!" (245).

Но далѣе Горькій дѣлаетъ признаніе, которое, можетъ быть, объясняетъ — почему онъ не могъ создать болѣе обширнаго романа, съ полнымъ развитіемъ характеровъ. — „Я открылъ въ себѣ, — говоритъ онъ, — немало добрыхъ чувствъ и желаній, немало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства, объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ

явленія жизни, я не нашелъ въ себѣ“ (III, 247). Читая это признаніе, тотчасъ вспоминаешь о Тургеневѣ, который видѣлъ въ подобной „свободѣ“, въ подобномъ объединенномъ пониманіи міра и жизни, первое условіе для того, чтобы сдѣлаться крупнымъ художникомъ.

„Можешь-ли ты, — продолжаетъ спрашивать Читатель,—создать для людей хотя бы маленькій, возвышающій душу, обманъ? Нѣтъ!..“ ...„Всѣ вы, учителя нашихъ дней, гораздо больше отнимаете у людей, чѣмъ даете имъ, ибо вы все только о недостаткахъ говорите, только ихъ видите. Но въ человѣкѣ должны быть и достоинства; вѣдь въ васъ они есть? А вы, чѣмъ вы отличаетесь отъ дюжинныхъ, сѣрыхъ людей, которыхъ изображаете такъ жестоко и придирчиво, считая себя проповѣдниками, обличителями пороковъ, ради торжества добродѣтели? Но замѣчаете-ли вы, что добродѣтели и пороки вашими усиліями опредѣлить ихъ только спутаны, какъ два клубка нитокъ, черныхъ и бѣлыхъ, которыя отъ близости стали сѣрыми, воспринявъ другъ отъ друга часть первоначальной окраски? И едва-ли Богъ послалъ васъ на землю... Онъ выбралъ бы болѣе сильныхъ, чѣмъ вы. Онъ зажегъ бы сердца ихъ огнемъ страстной любви къ жизни, къ истинѣ, къ людямъ...“ (стр. 249).

„Все будни, будни, будничные люди, будничныя мысли, событія, — продолжаетъ безжалостный Читатель, — когда же будутъ говорить о духѣ смятенномъ и о необходимости возрожденія духа? Гдѣ-же призывъ къ творчеству жизни, гдѣ уроки мужества, гдѣ добрыя слова, окрыляющія душу? (250).

„Ибо, сознайся! — ты не умѣешь изображать такъ, чтобъ твоя картина жизни вызывала въ человѣкѣ мстительный стыдъ и жгучее желаніе создать иныя формы бытія... Можешь ли ты ускорить біеніе пульса жизни, можешь ли ты вдохнуть въ нее энергію, какъ это дѣлали другіе?“ (251).

„Я вижу вокругъ себя много умныхъ людей, но мало среди нихъ людей благородныхъ, да и тѣ, которые есть, разбиты и больны душой. И почему-то всегда такъ наблюдаю я: чѣмъ лучше человѣкъ, чѣмъ чище и честнѣе душа его, тѣмъ меньше въ немъ энергіи, тѣмъ болѣзненнѣе онъ, и тяжело ему жить... Но какъ ни много въ нихъ тоски о лучшемъ, въ нихъ нѣтъ силъ для созданія его“ (251).

„И еще,—снова заговорилъ мой странный собесѣдникъ,— можешь ли ты возбудить въ человѣкѣ жизнерадостный смѣхъ, очищающій душу? Посмотри, вѣдь люди совершенно разучились хорошо смѣяться!“ (251).

„Не въ счастьѣ смыслъ жизни, и довольствомъ собой не будетъ удовлетворенъ человѣкъ — онъ все-таки выше этого. Смыслъ жизни въ красотѣ и силѣ стремленія къ цѣлямъ, и нужно, чтобы каждый моментъ бытія имѣлъ свою высокую цѣль“ (254).

„Гнѣвъ, ненависть, мужество, стыдъ, отвращеніе и, наконецъ, злое отчаяніе — вотъ рычаги, которыми можно разрушить все на землѣ“. „Но что вы можете сдѣлать для возбужденія въ немъ жажды жизни, когда вы только ноете, стонете, охаете или равнодушно рисуете, какъ онъ разлагается?“ (252 — 253).

„О, еслибъ явился суровый и любящій человѣкъ съ пламеннымъ сердцемъ и могучимъ всеобъемлющимъ умомъ! Въ духотѣ позорнаго молчанія раздались бы вѣщія слова, какъ удары колокола, и, можетъ быть, дрогнули бы презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ!..“ (253).

Эти же идеи Горькаго о необходимости чего-нибудь лучшаго, чѣмъ обыденная жизнь — чего-нибудь, возвышающаго душу, положены въ основаніи его драматическаго произведенія „На днѣ“, которое имѣло такой успѣхъ въ Москвѣ, но которое, будучи сыграно той же труппой въ Петербургѣ, не вызвало особеннаго энтузіазма. Идея этого произведенія напоминаетъ „Дикую Утку“ Ибсена. Обитатели ночлежнаго дома могутъ кое-какъ жить, лишь пока у нихъ имѣются какія-либо иллюзіи: пьяница актеръ мечтаетъ объ излѣченіи отъ пьянства въ какомъ-нибудь спеціальномъ заведеніи; падшая дѣвушка ищетъ убѣжища въ иллюзіи о дѣйствительной любви, и т. д. И драматическое положеніе этихъ существъ, у которыхъ и такъ мало нитей, привязывающихъ ихъ къ жизни, становится еще болѣе острымъ, когда эти иллюзіи разрушаются. Этотъ драматическій этюдъ Горькаго очень силенъ. Но на сценѣ онъ долженъ нѣсколько терять, вслѣдствіе нѣкоторыхъ чисто-техническихъ, ошибокъ (безполезный четвертый актъ, введеніе торговки Квашни, появляющейся только въ первомъ актѣ и потомъ

исчезающей); но, помимо этихъ ошибокъ, сцены чрезвычайно драматичны. Положеніе отличается дѣйствительнымъ трагизмомъ, дѣйствіе — быстро, а разговоры обитателей ночлежнаго дома и ихъ философія жизни воспроизведены съ замѣчательнымъ искусствомъ. Вообще, чувствуется, что Горькій еще не сказалъ послѣдняго слова. Является только вопросъ, — найдетъ ли онъ среди тѣхъ классовъ общества, среди которыхъ онъ теперь вращается, дальнѣйшее развитіе — несомнѣнно, существующее — тѣхъ типовъ, которые онъ лучше всего понимаетъ. Найдетъ ли онъ среди нихъ дальнѣйшіе матеріалы, соотвѣтствующіе его эстетическому вѣроисповѣданію, которое было до сихъ поръ источникомъ его силъ?

ГЛАВА VIII.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, САТИРА, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

Политическая литература:—Цензурныя препятствія.— Кружки.—Западники и Славянофилы.—Заграничная политическая литература:—**Герценъ**.—**Огаревъ**.—**Бакунинъ**.— **Лавровъ**.—**Степнякъ**.—**Драгомировъ**.—„Современникъ" и **Чернышевскій**.—Сатира: **Щедринъ** (Салтыковъ).—Художественная критика: ея значеніе въ Россіи.—**Бѣлинскій**.—**Добролюбовъ**.— **Писаревъ**.—**Михайловскій**.—„Что такое искусство?"—Толстого.—**Современные беллетристы**:—**Эртель**.—**Короленко**.—Современное направленіе литературы.—**Мережковскій**.—**Боборыкинъ**.—**Потапенко**.—**Чеховъ**.

Политическая литература.

Говоря о политической литературѣ страны, въ которой нѣтъ политической свободы, и гдѣ произведенія печати подвергаются строжайшей цензурѣ,—рискуешь вызвать ироническую улыбку. И все же, несмотря на всѣ усилія русскаго правительства предупредить обсужденіе политическихъ вопросовъ въ печати и даже въ частныхъ кружкахъ, такія обсужденія существовали и существуютъ во всевозможныхъ видахъ и подъ самыми разнообразными предлогами. Въ результатѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что вообще въ узкомъ, по необходимости, кругѣ образованныхъ русскихъ „интеллигентовъ", политическія знанія такъ же распространены, какъ и въ любой другой европейской странѣ, и что среди читающей части русскаго общества широко распространено знакомство съ политической жизнью другихъ націй.

Извѣстно, что вплоть до настоящаго времени все, появляющееся въ печати въ Россіи, подвергается цензурѣ, или до напечатанія, или послѣ. Для того, чтобы основать журналъ или газету, издатель долженъ представить удовлетворительныя гарантіи въ томъ, что его политическія мнѣнія не носятъ радикальнаго характера, такъ какъ въ противномъ случаѣ министръ внутреннихъ дѣлъ не дастъ ему разрѣшенія на изданіе газеты или журнала. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ газета или журналъ, издаваемые въ одной изъ столицъ,—но ни въ коемъ случаѣ не въ провинціи,—получаютъ разрѣшеніе появляться безъ предварительной цензуры, но номеръ долженъ быть посланъ къ цензору, какъ только начинается печатаніе, и выпускъ его можетъ быть пріостановленъ цензурой, не говоря уже о преслѣдованіи газетъ послѣ выхода. Въ подобныя же условія поставлено и печатаніе книгъ: т. е., книги меньше извѣстнаго размѣра подвергаются предварительной цензурѣ, а остальныя печатаются безъ цензуры, но экземпляры такихъ книгъ должны быть, все-таки, представлены въ цензуру раньше выхода въ свѣтъ, при чемъ даже разрѣшенное цензурой произведеніе печати можетъ вызвать преслѣдованіе. Законъ 1864 года очень точно указалъ условія, при которыхъ возможно преслѣдованіе книгъ, а именно, оно могло возникнуть лишь судебнымъ порядкомъ, не позже мѣсяца послѣ напечатанія; но правительство никогда не считалось съ этимъ закономъ. Книги конфисковались и уничтожались—сожженіемъ или превращеніемъ въ бумажную массу—не прибѣгая къ суду, и я знаю случаи, когда издатель, настаивавшій на своемъ правѣ обратиться къ суду, получалъ предостереженіе, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, онъ будетъ высланъ административнымъ порядкомъ въ отдаленныя губерніи. Но и это—еще не все. Газета или журналъ могутъ получить первое, второе и третье предостереженія, при чемъ послѣ третьяго предостереженія они закрываются. Кромѣ того, министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ въ любое время запретить розничную продажу газетъ или запретить ей печатаніе объявленій.

Казалось бы, этого арсенала наказаній—достаточно; но въ запасѣ у правительства имѣются еще иныя средства.

Это—система министерскихъ циркуляровъ. Предположимъ, что происходитъ гдѣ-нибудь стачка, или открытъ случай скандальнаго взяточничества въ какой-нибудь отрасли администраціи. Тотчасъ же всѣ газеты и журналы получаютъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ имъ запрещено говорить о стачкѣ, или о скандалѣ. Даже менѣе значительные эпизоды бываютъ причиной подобныхъ министерскихъ циркуляровъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на петербургской сценѣ была поставлена анти-семитическая комедія. Это произведеніе было проникнуто національной ненавистью противъ евреевъ, и актриса, которой была дана главная роль, отказалась играть. Она предпочла нарушить контрактъ съ антрепренеромъ, чѣмъ играть въ этой комедіи. На ея мѣсто была приглашена другая актриса. Это сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ, и во время перваго представленія пьесы была устроена внушительная демонстрація, какъ противъ актеровъ, взявшихъ роли въ этой комедіи, такъ и противъ самого автора. Около восьмидесяти арестовъ—главнымъ образомъ среди студентовъ, молодежи и литераторовъ—было результатомъ демонстраціи, и въ теченіе двухъ дней петербургскія газеты горячо обсуждали этотъ инцидентъ; но вотъ появился министерскій циркуляръ, запрещающій какое-бы то ни было упоминаніе объ этомъ эпизодѣ,—и ни одна русская газета не посмѣла обмолвиться о немъ.

Соціализмъ, соціальный вопросъ вообще и рабочее движеніе постоянно вызываютъ министерскіе циркуляры, не говоря уже о придворныхъ и случающихся въ высшемъ обществѣ скандалахъ или растратахъ, отъ времени до времени раскрываемыхъ въ рядахъ высшей администраціи. Къ концу царствованія Александра II теоріи Дарвина, Спенсера и Бокля были преслѣдуемы тѣмъ же путемъ, и ихъ сочиненія было запрещено выдавать для чтенія изъ публичныхъ библіотекъ.

Таковы цензурные порядки въ настоящее время. *) Что же касается прошлаго, то можно было бы составить довольно смѣхотворную статью, собравъ изъ книги Скабичевскаго по

*) Писано было въ 1905-мъ году. Съ началомъ теперешняго движенія, все, конечно, измѣнилось.

исторіи цензуры курьезныя выходки нашихъ цензоровъ. Достаточно сказать, что когда Пушкинъ, говоря о женщинѣ, употреблялъ выраженія: „божественныя черты" или „небесная красота", то цензоръ сурово вымарывалъ эти строки красными чернилами, и писалъ на рукописи, что подобныя выраженія оскорбительны для Бога и не могутъ быть допущены. Стихи уродовались безъ всякаго вниманія къ версификаціи, а въ повѣсти цензоръ нерѣдко вставлялъ даже сцены собственнаго сочиненія.

При такихъ условіяхъ, политической мысли постоянно приходилось выискивать новые пути для своего выраженія. Вслѣдствіе этого въ журналахъ и газетахъ выработался спеціальный языкъ, „эзоповскій", для обсужденія запретныхъ предметовъ и для выраженія идей, способныхъ повлечь цензурное преслѣдованіе. Къ такому способу выраженія приходилось прибѣгать даже въ произведеніяхъ искусства. Нѣсколько словъ, сказанныхъ Рудинымъ или Базаровымъ въ повѣсти Тургенева, простой намекъ, открывалъ опытному читателю цѣлый міръ идей. Но все же, кромѣ намековъ, необходимы были и другіе способы выраженія, поэтому политическая мысль находила себѣ различные другіе пути; сперва—въ литературныхъ и философскихъ кружкахъ, которые наложили свою печать на всю литературу сороковыхъ годовъ, а затѣмъ—въ художественной критикѣ, въ сатирѣ и въ литературѣ, появлявшейся за границей: въ Швейцаріи или въ Англіи.

„Кружки". — Западники и Славянофилы.

„Кружки" играли особенно важную роль въ интеллектуальномъ развитіи Россіи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка. Въ то время нечего было и думать о проведеніи политическихъ идей въ печати. Двѣ или три полуофиціальныя газеты, выходившія съ разрѣшенія цензуры, являлись не органами политической и общественной жизни, а просто представляли печатную бумагу; въ повѣстяхъ, въ драмѣ, въ поэмѣ приходилось касаться всѣхъ вопросовъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ; самые серьезные труды философскаго или научнаго характера

могли быть запрещены цензурой, какъ и произведенія болѣе легкаго характера. Единственнымъ убѣжищемъ для обмѣна мнѣній оставался частный разговоръ, и вслѣдствіе этого лучшіе люди того времени примыкали къ тому или другому „кружку", въ которомъ обсуждались идеи болѣе или менѣе прогрессивнаго характера. Во главѣ кружковъ стояли люди, подобные Станкевичу (1817—1840), о которомъ упоминается въ каждомъ курсѣ русской литературы, хотя онъ почти ничего не написалъ; значеніе такихъ людей было въ томъ нравственномъ вліяніи, которое они оказывали на свой кружокъ. (Разсказъ Тургенева „Яковъ Пасынковъ" вдохновленъ образомъ одного изъ такихъ членовъ „кружка").

Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о развитіи политическихъ партій—въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Но, несмотря на это, уже съ половины девятнадцатаго вѣка рѣзко обозначались два главныя теченія философской и соціальной мысли, извѣстныя подъ именами „западниковъ" и „славянофиловъ". Западники (опредѣляя ихъ въ общихъ чертахъ) стояли за западно-европейскую цивилизацію. Россія —утверждали они—вовсе не представляетъ какого-то исключенія въ великой семьѣ европейскихъ народовъ. Ей по необходимости придется пройти черезъ тѣ же фазы развитія, чрезъ которыя прошла Западная Европа, и такимъ образомъ на очереди у насъ стоитъ уничтоженіе крѣпостного права, а вслѣдъ затѣмъ развитіе тѣхъ-же политическихъ учрежденій, которыя развились на Западѣ. Въ ихъ рамкахъ смогутъ развиваться русскіе, пользуясь обще-европейской наукой и культурой, Славянофилы же, съ другой стороны, утверждали, что Россія имѣетъ свое особое призваніе. Она не знала чужеземнаго завоеванія, подобнаго Норманскому; она сохранила долгое время родовой бытъ, и поэтому она должна развиваться своимъ путемъ, въ согласіи съ тремя основными, по опредѣленію славянофиловъ, началами русской жизни, каковыми были: православіе, самодержавіе и народность.

Эти программы отличались большою неопредѣленностью, допускавшею многіе оттѣнки и градаціи убѣжденій, и обѣ, конечно, развивались каждая въ своемъ направленіи. Такъ, къ началу 60-хъ годовъ, для громаднаго большинства за-

падниковъ, поддерживавшихъ западническое направленіе въ литературѣ, западно-европейскій либерализмъ, типа англійскихъ „виговъ" или Гизо, являлся высшимъ идеаломъ, къ которому Россія должна была стремиться. Кромѣ того, они утверждали, что все, совершавшееся въ Западной Европѣ во время ея эволюціи — переселеніе изъ деревень въ города, ужасы развившагося тогда капитализма (обнаруженные въ Англіи парламентскими комиссіями въ сороковыхъ годахъ), могущество бюрократіи, развившейся во Франціи и т. д.,— по необходимости должно повториться и въ Россіи: таковы неизбѣжные законы эволюціи. Такъ думало, по крайней мѣрѣ, большинство рядовыхъ западниковъ.

Но болѣе интеллигентные и лучше образованные представители той же партіи—Герценъ, а позднѣе Чернышевскій, и др.,—которые подверглись вліянію передовой европейской мысли, иначе смотрѣли на дѣло. По ихъ мнѣнію, тяжелое положеніе фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ въ Западной Европѣ, вызванное давленіемъ, оказаннымъ землевладѣльцами и капиталистами на парламенты, а также— ограниченія политическихъ свободъ, введенныя въ континентальныхъ государствахъ Европы бюрократической централизаціей, „вовсе не историческія необходимости". Россія— утверждали они — вовсе не обязана повторять эти ошибки; напротивъ того, она должна воспользоваться опытомъ своихъ старшихъ сестеръ, и если Россія сможетъ вступить въ эру индустріализма, не утративъ общиннаго владѣнія землей, сохранивъ автономію извѣстныхъ частей Имперіи и самоуправленіе „міра" въ деревняхъ—это будетъ для нея громаднымъ пріобрѣтеніемъ. Такимъ образомъ было бы величайшей политической ошибкой, способствовать разрушенію деревенской общины, скопленію земель въ рукахъ крупной земельной аристократіи, и допускать, чтобы политическая жизнь такой огромной и разнообразной территоріи, какъ Россія, сосредоточивалась въ рукахъ центральнаго правительства по идеаламъ Прусской или Наполеоновской централизаціи—въ особенности теперь, когда силы капитализма такъ велики.

Подобныя же градаціи мнѣній наблюдались и среди славянофиловъ. Ихъ лучшіе представители — двое братьевъ Ак-

саковыхъ, братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и др. — стояли далеко впереди рядовыхъ славянофиловъ, которые, будучи просто фанатиками самодержавія и православія, а также поклонниками „добраго стараго времени“, сливались, такимъ образомъ, съ инертною реакціонною массою и помѣщиками-крѣпостниками. Въ понятіе „добраго стараго времени“ втискивались, конечно, самыя разнообразныя идеи: здѣсь были и патріархальные обычаи временъ крѣпостного права и обычаи деревенской жизни вообще, народныя пѣсни и преданія, любовь къ національной одеждѣ и т. д. Въ то время дѣйствительная исторія Россіи едва начинала разрабатываться и славянофилы даже не подозрѣвали, что въ Россіи, вплоть до монгольскаго ига, преобладалъ федеративный принципъ; что власть московскихъ царей создалась въ гораздо болѣе позднюю эпоху (XV-й, XVI-й и XVII-й вѣка) и что автократія вовсе не была наслѣдіемъ старой Россіи, но главнымъ образомъ была укрѣплена Петромъ I, котораго сами славянофилы ненавидѣли за введеніе въ русскую жизнь западно-европейскихъ обычаевъ. Немногіе изъ нихъ понимали, также, что религіею громадной массы русскаго народа вовсе не была религія офиціальной православной церкви, а скорѣе — самыя разнообразныя формы раскола, мистическаго и раціоналистическаго сектанства. Поэтому, когда они воображали, что являются выразителями идеаловъ русскаго народа, они въ сущности выражали лишь идеалы русскаго государства и московской церковности, которыя были смѣшаннаго византійскаго, латинскаго и монгольскаго происхожденія. Въ облакахъ нѣмецкаго метафизическаго тумана, — особенно Гегелевскаго, — охватившаго въ то время интеллигентные слои Россіи, а также вслѣдствіе абстрактной терминологіи, бывшей въ ходу въ первую половину девятнадцатаго вѣка, споры на подобныя темы могли, очевидно, тянуться цѣлые годы, не приводя къ опредѣленнымъ результатамъ.

Но, несмотря на все вышесказанное, необходимо признать, что въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей славянофилы значительно содѣйствовали созданію той школы исторіи и права, которая дала историческимъ изысканіямъ о Россіи прочный фундаментъ, указавъ на рѣзкое различіе

между исторіей и правомъ русскаго государства и исторіей и правомъ русскаго народа.

Бѣляевъ (1810—1873), Забѣлинъ (род. 1820), Костомаровъ (1818—1885) были первыми учеными изслѣдователями, занявшимися дѣйствительной исторіей русскаго народа, при чемъ изъ нихъ двое первыхъ были славянофилами *), а Костомаровъ былъ украинскій націоналистъ. Они выяснили федеративный характеръ ранняго періода русской исторіи и разрушили легенду, созданную Карамзинымъ, о непрерывномъ развитіи царской власти, которое якобы продолжалось чуть-ли не въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія, отъ Рюрика вплоть до настоящаго времени. Они установили различіе между княжеской дружиной и земствомъ, оттѣнили вотчинный характеръ зарождавшагося Московскаго государства, указали на тѣ жестокія средства, при помощи которыхъ московскіе князья раздавили независимые города-республики, сложившіеся въ до-монгольскій періодъ, а также на роль монгольскихъ хановъ въ утвержденіи власти Москвы. Они разсказали также (въ особенности Бѣляевъ въ его „Исторіи крестьянъ на Руси") печальную повѣсть о развитіи крѣпостного права, начиная съ XVII-го столѣтія, подъ московскими царями. Кромѣ того, главнымъ образомъ славянофиламъ мы обязаны признаніемъ того факта, что въ Россіи существуютъ два различныхъ кодекса: имперскій, кодексъ образованныхъ классовъ и обычное право, которое (подобно Норманскому праву на Джерсеѣ) сильно отличается отъ имперскаго кодекса, превосходя послѣдній въ опредѣленіи земельнаго владѣнія, наслѣдства и т. д. это обычное право понынѣ остается въ силѣ въ крестьянской средѣ, при чемъ подробности его измѣняются въ различныхъ областяхъ имперіи.

За отсутствіемъ политической жизни, философская и литературная борьба между славянофилами и западниками занимала умы лучшихъ людей въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы, въ 1840—60 годахъ. Вопросъ о

*) Бѣляевъ является піонеромъ этого направленія, уже съ первыхъ томовъ издававшагося имъ „Временника Москов. Общества Исторіи и Древностей", основаннаго въ 1848-мъ году.

томъ — является-ли каждая нація носительницей извѣстнаго предопредѣленнаго призванія, и обладаетъ-ли Россія такимъ призваніемъ, горячо обсуждался въ кружкахъ, къ которымъ въ сороковыхъ годахъ принадлежали: Бакунинъ, Бѣлинскій, Герценъ, Тургеневъ, Аксаковы и Кирѣевскіе, Кавелинъ, Боткинъ, словомъ — лучшіе люди того времени. Но, позднѣе, когда крѣпостное право было уничтожено (1857 — 1862) самая дѣйствительность текущаго момента послужила къ установленію по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ согласія между лучшими изъ славянофиловъ и нѣкоторыми западниками: наиболѣе передовые соціалисты-западники, какъ Чернышевскій, пошли рука-объ-руку съ передовыми славянофилами въ вопросѣ о необходимости сохранить дѣйствительно-фундаментальныя учрежденія для русскаго крестьянства, — деревенскую общину, обычное право и федеративный принципъ; въ то же время болѣе передовые славянофилы сдѣлали значительныя уступки „западническимъ" идеаламъ, выражавшимся въ „Деклараціи независимости" и „Деклараціи правъ человѣка". Объ этихъ годахъ (1861) думалъ Тургеневъ, когда онъ — „неисправимый западникъ" — писалъ, что онъ — въ спорѣ Лаврецкаго съ Паншинымъ (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ")—далъ предпочтеніе защитнику славянофильскихъ идей, пользовавшихся тогда уваженіемъ въ дѣйствительности. Но, конечно, соглашеніе не могло удержаться и западники очень скоро разошлись съ славянофилами, уже по вопросу о балканскихъ славянахъ.

Въ настоящее время борьба между западниками и славянофилами пришла къ концу. Владиміръ Соловьевъ (1853 — 1900), религіозный философъ, въ высшей степени симпатичный, преждевременная кончина котораго вызвала столько сожалѣній во всѣхъ лагеряхъ, былъ съ Иваномъ Аксаковымъ и работалъ въ его „Руси" только въ первые годы своей литературной дѣятельности. Онъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ исторіей и философіей, обладалъ настолько широкимъ умомъ, что не могъ не порвать очень скоро со славянофильскимъ „націонализмомъ", и уже въ 1884 году онъ выступилъ съ замѣчательнѣйшей полемикой противъ Аксакова и вообще противъ самыхъ основныхъ каноновъ славянофильства. Теперешніе представители этой школы,

не обладая вдохновеніемъ, характеризовавшимъ ея основателей, упали до уровня мечтателей о „величіи имперіи“ и войнолюбивыхъ націоналистовъ или ортодоксальныхъ ультрамонтановъ, и ихъ интеллектуальное вліяніе сводится къ нулю. Въ настоящее время борьба идетъ между защитниками безправія и борцами за свободу; защитниками капитала и защитниками труда; защитниками централизаціи и бюрократіи—и борцами за республиканскій федеративный принципъ, независимость муниципальную и деревенской общины — „міра“.

Политическая литература за границей.

Громаднымъ неудобствомъ для Россіи было то обстоятельство, что ни одна изъ славянскихъ земель не обладала той степенью политической свободы, какъ, напр., Швейцарія или Бельгія, и не могла, поэтому, дать политическимъ изгнанникамъ изъ Россіи такого убѣжища, гдѣ бы они не чувствовали себя совершенно изолированными отъ родины. Русскимъ, убѣгавшимъ изъ Россіи, приходилось селиться въ Щвейцаріи или Англіи, гдѣ они, вплоть до недавняго времени, оставались совершенно чужими. Даже Франція, съ которой у нихъ было гораздо болѣе точекъ соприкосновенія, не всегда охотно открывала имъ свои двери, а двѣ ближайшія къ Россіи страны — Германія и Австрія — не будучи сами свободными, оставались закрытыми для политическихъ изгнанниковъ. Вслѣдствіе этого, вплоть до послѣдняго времени, эмиграція изъ Россіи по политическимъ и религіознымъ причинамъ была очень незначительна, и за весь девятнадцатый вѣкъ лишь въ теченіе немногихъ лѣтъ политическая заграничная литература эмиграціи оказывала дѣйствительное вліяніе на Россію. Это было во время изданія Герценомъ его „Колокола“.

А. И. Герценъ (1812—1870) родился въ богатой семьѣ въ Москвѣ — его мать, впрочемъ, была нѣмка—и въ юности своей выросъ въ дворянской части Москвы, въ „Старой Конюшенной“. Французскій эмигрантъ, нѣмецъ-воспитатель, русскій учитель—большой поклонникъ свободы, — богатая отцовская библіотека, составленная главнымъ образомъ изъ

французскихъ и нѣмецкихъ философовъ восемнадцатаго вѣка — таковы были вліянія, подъ которыми складывалось воспитаніе Герцена. Знакомство съ французскими энциклопедистами оставило глубокій слѣдъ въ его умѣ, такъ что позднѣе, когда онъ, подобно всѣмъ своимъ друзьямъ, увлекся изученіемъ нѣмецкой метафизики, онъ все же сохранилъ конкретный способъ мышленія и реалистическое направленіе ума, данныя уму чтеніемъ французскихъ философовъ великаго XVIII-го вѣка.

Онъ поступилъ въ московскій университетъ, на физикоматематическій факультетъ. Въ тѣ годы французская революція 1830 года, впервые пробившая мрачную реакцію, царившую съ начала вѣка, произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ мыслящихъ людей Европы, и кружокъ молодыхъ людей, въ составъ котораго входили Герценъ, его интимный другъ поэтъ Огаревъ, будущій изслѣдователь народной поэзіи В. Пассекъ и нѣсколько другихъ, проводилъ цѣлыя ночи въ чтеніи и обсужденіи произведеній политическаго и соціальнаго характера, при чемъ особенное вниманіе было обращено на Сенъ-Симонизмъ. Подъ впечатлѣніемъ тѣхъ свѣдѣній о декабристахъ, какія до нихъ дошли, Герценъ и Огаревъ, еще мальчиками, дали „Аннибалову клятву" отомстить за этихъ первыхъ борцовъ за свободу. На одномъ изъ собраній этого молодого кружка, во время дружеской пирушки, распѣвались пѣсни, въ которыхъ непочтительно упоминалось имя Николая I. Объ этомъ дошли слухи до тайной полиціи; въ квартирахъ молодыхъ людей былъ сдѣланъ обыскъ, и они были арестованы. Нѣкоторые изъ нихъ были высланы изъ Москвы, другимъ вѣроятно пришлось бы попасть въ солдаты, подобно Полежаеву и Шевченко, если бы не заступничество высокопоставленныхъ лицъ. Герценъ былъ сосланъ въ глухой губернскій городъ, Пермь, откуда его перевели потомъ въ Вятку, а еще позже во Владиміръ. Въ общемъ, въ ссылкѣ онъ пробылъ около пяти лѣтъ.

Когда ему, въ 1840 году, разрѣшено было вернуться въ Москву, онъ нашелъ литературные кружки подпавшими подъ вліяніе нѣмецкой философіи и погруженными въ метафизическія абстракціи. „Абсолютъ" Гегеля, его тріада человѣ-

ческаго прогресса и его утвержденіе, что „все существующее разумно" — были предметомъ горячихъ обсужденій. Утвержденіе Гегеля о разумности всего существующаго привело русскихъ гегельянцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Н. В. Станкевичъ (1813—1840) и Михаилъ Бакунинъ, (1814 — 1879) къ заключенію, что даже деспотизмъ — „разуменъ". Бѣлинскій, придя тогда къ признанію „исторической необходимости" даже абсолютизма тѣхъ временъ, выразилъ это со свойственной ему горячностью въ знаменитой статьѣ о „Бородинской годовщинѣ" Пушкина. Герценъ, конечно, тоже долженъ былъ взяться за Гегеля; но это изученіе не измѣнило его прежнихъ воззрѣній; онъ остался поклонниковъ принциповъ Великой революціи. Позднѣе, т. е. когда Бакунинъ попалъ за границу, въ 1842 году, и, порвавши съ туманами нѣмецкой философіи, покинулъ Берлинъ и сталъ знакомить своихъ московскихъ и петербургскихъ друзей съ ученіями соціалистовъ, развиваемыми тогда во Франціи,— направленіе этихъ кружковъ круто измѣнилось, и Бѣлинскій сталъ, вмѣстѣ съ другими, изучать соціалистовъ, и особенно полюбилъ Пьера Леру (Leroux). Они образовали тогда лѣвое крыло „западниковъ", къ которому примкнули Тургеневъ, Кавелинъ и многіе другіе, и совершенно отдѣлились отъ славянофиловъ. Въ концѣ 1840 года Герценъ снова отправленъ былъ въ ссылку—на этотъ разъ въ Новгородъ, куда онъ прибылъ въ іюнѣ 1841 года, и, лишь благодаря усиленнымъ хлопотамъ друзей, черезъ годъ ему опять было снова разрѣшено переѣхать на жительство въ Москву. Поселясь въ Москвѣ, Герценъ употребилъ всѣ усилія, чтобы добиться разрѣшенія уѣхать за границу, что ему, наконецъ, и удалось. Онъ уѣхалъ изъ Россіи въ 1847 году, и никогда въ нее больше не возвратился. За границей Герценъ встрѣтилъ нѣсколькихъ своихъ друзей и, послѣ путешествія по Италіи, которая въ это время дѣлала героическія усилія, чтобы сбросить съ себя Австрійское иго, онъ соединился съ своими друзьями въ Парижѣ,—наканунѣ революціи 1848 года.

Тутъ Герценъ пережилъ и перечувствовалъ какъ юношескій энтузіазмъ движенія, охватившаго всю Западную Европу весной 1848 года, такъ и послѣдовавшія затѣмъ

разочарованія и ужасные іюльскіе дни въ Парижѣ, сопровождавшіеся массовыми убійствами пролетаріевъ. Кварталъ Парижа, въ которомъ тогда жили Тургеневъ и Герценъ, былъ окруженъ цѣпью полицейскихъ агентовъ, которые знали обоихъ писателей въ лицо, и послѣдніе могли лишь предаваться безсильной ярости и ужасу, слыша ружейные залпы, возвѣщавшіе, что буржуазія разстрѣливаетъ группами попавшихся въ ея руки рабочихъ. Оба писателя оставили чрезвычайно яркія описанія этихъ дней, при чемъ описаніе іюльскихъ дней, въ глубоко прочувствованныхъ страницахъ Герцена („Съ того берега"), принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ русской литературы.

Глубокое отчаяніе овладѣло Герценомъ, когда всѣ его надежды, возбужденныя революціей, такъ быстро разсѣялись, и надъ всей Европой нависла туча страшной реакціи, при чемъ Италія и Венгрія опять подпали подъ иго Австріи, во Франціи развивался бонапартизмъ, закончившійся Наполеономъ III, а соціалистическое движеніе вездѣ было задушено реакціей. Герценъ потерялъ вѣру въ будущность Европейской цивилизаціи, и эта безнадежность отразилась въ его замѣчательной книгѣ, „Съ того берега". Это—крикъ отчаянія—вопль политическаго пророка, облеченный въ форму, обличающую въ авторѣ великаго поэта.

Позднѣе Герценъ основалъ въ Парижѣ, совмѣстно съ Прудономъ, газету „La Voix du Peuple" которой почти каждый номеръ былъ конфискуемъ Наполеоновской полиціей. Газета не могла существовать и самъ Герценъ былъ вскорѣ изгнанъ изъ Франціи. Онъ натурализировался въ Швейцаріи и, наконецъ, послѣ трагической смерти его матери и младшаго сына, погибшихъ во время кораблекрушенія, онъ поселился въ Лондонѣ осенью 1852 года. Здѣсь появились первыя произведенія свободнаго русскаго станка и вскорѣ Герценъ пріобрѣлъ громадное вліяніе въ Россіи. Онъ сперва началъ выпускать журналъ, или вѣрнѣе сборникъ, названный имъ „Полярной Звѣздой", въ воспоминаніе объ литературномъ альманахѣ, издававшемся подъ этимъ именемъ Рылѣевымъ, и въ этомъ сборникѣ, который сразу произвелъ въ Россіи глубокое впечатлѣніе, Герценъ, помимо статей политическаго характера и чрезвычайно важныхъ матеріа-

ловъ изъ недавняго прошлаго Россіи, напечаталъ также свои замѣчательные мемуары „Былое и Думы".

Не говоря уже объ исторической цѣнности этихъ мемуаровъ (Герценъ лично зналъ многихъ историческихъ личностей той эпохи), они несомнѣнно являются однимъ изъ лучшихъ образчиковъ описательнаго искусства. Описанія людей и событій, начиная Россіей въ сороковыхъ годахъ и кончая годами изгнанія, обнаруживаютъ на каждой страницѣ необыкновенное, глубоко-философское пониманіе, чрезвычайно саркастическій умъ въ соединеніи съ добродушнымъ юморомъ, глубокую ненависть къ угнетателямъ и не менѣе глубокую, чисто личную любовь къ чистымъ сердцемъ героямъ человѣческаго освобожденія, въ родѣ Гарибальди. Въ то же самое время въ этихъ мемуарахъ читатель находитъ такія высоко поэтическія сцены изъ личной жизни автора, какъ его любовь къ Наташѣ — позднѣе его женѣ,—или такія, производящія глубочайшее впечатлѣніе главы, какъ Oceano Nox, въ которой онъ разсказываетъ о гибели своей матери и сына. Одна глава изъ этихъ мемуаровъ остается до сихъ поръ не опубликованной и, судя по тому что разсказывалъ мнѣ объ этой главѣ Тургеневъ, она полна необыкновенной красоты и чувства. — „Никто не умѣетъ больше такъ писать", говорилъ мнѣ Тургеневъ,— „вся эта глава написана слезами и кровью".

Вслѣдъ за „Полярной Звѣздою", Герценъ началъ издавать газету „Колоколъ", и это изданіе скоро стало силою въ Россіи. Какъ видно изъ недавно опубликованной переписки между Тургеневымъ и Герценомъ, нашъ великій романистъ принималъ чрезвычайно живое участіе въ „Колоколѣ". Онъ снабжалъ Герцена самыми интересными матеріалами и нерѣдко давалъ ему дружескія указанія по поводу положенія, какое долженъ занять „Колоколъ" въ томъ или иномъ вопросѣ.

Это были годы накануне уничтоженія крѣпостного права и коренныхъ реформъ большинства устарѣвшихъ учрежденій николаевскихъ временъ. Всѣ принимали тогда участіе въ общественныхъ дѣлахъ, или по крайней мѣрѣ чувствовали интересъ къ нимъ. Въ то время подавалось Александру II-му много записокъ, въ которыхъ обсуждались вопросы дня,

при чемъ эти доклады получали, въ спискахъ, широкое распространеніе въ публикѣ; Тургеневъ добывалъ подобные списки и отсылалъ ихъ для обсужденія въ „Колоколъ". Въ то же самое время „Колоколъ" обличалъ такіе факты изъ дѣятельности русскаго чиновничества, которыхъ не могла коснуться русская подцензурная печать, при чемъ эти обличенія сопровождались передовыми статьями Герцена, написанными съ такой силой и теплотой, и отличавшимися такою красотою формы, какія рѣдко встрѣчаются въ политической литературѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю публициста въ западно-европейской литературѣ, котораго можно бы было приравнять въ этомъ отношеніи къ Герцену. „Колоколъ" въ громадныхъ количествахъ ввозился тайкомъ въ Россію и получилъ тамъ громадное распространеніе: между постоянными читателями „Колокола" были императоръ Александръ II и императрица Марія Александровна.

Два года послѣ того какъ крѣпостное право было уничтожено, какъ разъ въ то время, когда началось обсужденіе различныхъ чрезвычайно необходимыхъ реформъ,—т. е. въ 1863 году, вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ; это возстаніе, задушенное въ крови и на висѣлицахъ, пагубнымъ образомъ отразилось на освободительномъ движеніи Россіи. Реакція вездѣ взяла полный верхъ, и популярность Герцена, который поддерживалъ поляковъ, была подорвана. „Колоколъ" перестали читать въ Россіи, и попытка Герцена продолжать изданіе на французскомъ языкѣ не удалась. На поле политической дѣятельности выступило новое поколѣніе—поколѣніе Базарова и, позднѣе „народниковъ"—и дѣятельность этого поколѣнія сначала не была понята Герценомъ, хотя это были его собственные интеллектуальные сыновья и дочери, лишь облеченные въ новыя, болѣе демократическія и реалистическія одѣянія. Стоя въ сторонѣ отъ этого новаго движенія, Герценъ умеръ въ Парижѣ въ 1870 году.

Произведенія Герцена только совсѣмъ недавно были дозволены къ обращенію въ Россіи, но и то съ большими сокращеніями—въ нихъ выпущено большинство статей изъ „Колокола"—и вслѣдствіе этого они мало извѣстны теперешнему молодому поколѣнію. Но несомнѣнно, что когда они вновь станутъ доступны русскимъ читателямъ, въ нихъ

откроютъ тогда, въ лицѣ Герцена, чрезвычайно глубокаго мыслителя, симпатіи котораго были всецѣло на сторонѣ рабочихъ классовъ, понимавшаго формы человѣческаго развитія во всей ихъ сложности и обладавшаго при этомъ формою несравненной красоты, что всегда, между прочимъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что идеи автора были обдуманы до подробностей и съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Прежде чѣмъ онъ эмигрировалъ и основалъ свой свободный станокъ въ Лондонѣ, Герценъ писалъ въ русскихъ журналахъ подъ псевдонимомъ Искандера, касаясь многихъ крупныхъ вопросовъ, насколько это было возможно по цензурнымъ условіямъ. Соціализмъ, философія естественныхъ наукъ, философія искусства и т. д. составляли предметъ его статей. Ему также принадлежитъ повѣсть „Кто виноватъ?“, о которой часто говорится въ исторіи развитія интеллектуальныхъ типовъ въ Россіи. Герой этой повѣсти, Бельтовъ—прямой потомокъ Лермонтовскаго Печорина и является связующимъ звеномъ между нимъ и героями Тургенева.

Произведенія поэта Огарева (1813—1877) немногочисленны и не оставили по себѣ глубокаго слѣда, такъ что его близкій другъ, Герценъ, — великій мастеръ въ личныхъ характеристикахъ, — могъ сказать объ Огаревѣ, что главнымъ дѣломъ его жизни была выработка такой идеальной личности, какою былъ Огаревъ. Его личная жизнь была очень несчастлива, но его вліяніе на друзей было очень велико. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ свободы, и прежде, чѣмъ эмигрировать изъ Россіи, онъ освободилъ около 10.000 принадлежавшихъ ему крѣпостныхъ, отдавъ имъ всю землю, которую они обработывали. Онъ оставался всю жизнь вѣрнымъ идеаламъ равенства и свободы, воспринятымъ имъ въ ранней юности. Лично это былъ чрезвычайно мягкій человѣкъ, и въ его стихотвореніяхъ почти всегда звучитъ нота Шиллеровской „Resignation“ („Покорность Судьбѣ“); въ его лирикѣ рѣдко встрѣчаются ноты протеста и мужественной энергіи.

Что же касается Михаила Бакунина, другого близкаго друга Герцена, то — помимо упомянутаго уже вліянія

на кружки въ Россіи, — его дѣятельность, главнымъ образомъ, связана съ исторіей Международнаго Союза Рабочихъ (Интернаціонала), и о ней едва-ли умѣстно было бы говорить въ очеркѣ о русской литературѣ. Его личное вліяніе на нѣсколькихъ выдающихся русскихъ писателей, включая Бѣлинскаго, было очень велико. Онъ былъ типическимъ революціонеромъ, зажигавшимъ каждаго приближавшагося къ нему революціонной страстью. Кромѣ того, если передовая русская мысль всегда оставалась вѣрна дѣлу національностей — польской, финляндской, украинской, кавказскихъ племенъ, — тяготившихся властью Россіи или Австріи, то она обязана этимъ въ значительной степени Огареву и Бакунину. Въ международномъ рабочемъ движеніи Бакунинъ сталъ душой лѣваго крыла великаго Международнаго Союза Рабочихъ и былъ родоначальникомъ современнаго анархизма, или антигосударственнаго соціализма, который онъ обосновывалъ на широкихъ началахъ философіи исторіи.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть между русскими политическими писателями за-границей Петра Лаврова (1823 — 1901). Онъ былъ математикъ и философъ, пытавшійся, подъ именемъ „антропологизма", примирить современный естественно-научный матеріализмъ съ кантіанствомъ. Онъ былъ полковникомъ артиллеріи, профессоромъ математики и членомъ новообразованнаго тогда петербургскаго городского управленія, когда его арестовали и сослали въ одинъ изъ захолустныхъ городковъ Вятской губерніи. Одинъ изъ соціалистическихъ кружковъ молодежи устроилъ ему побѣгъ изъ ссылки за границу, гдѣ онъ началъ издавать журналъ „Впередъ" (сначала въ Цюрихѣ, а позднѣе въ Лондонѣ). Лавровъ былъ чрезвычайно ученый энциклопедистъ, пріобрѣтшій извѣстность, еще въ Россіи, своей „Механической теоріей міра" и первыми главами чрезвычайно обширной исторіи математическихъ наукъ. Его послѣдняя работа, „Исторія мысли", которой, къ сожалѣнію, были опубликованы лишь первые вводные томы, была бы, несомнѣнно, важнымъ вкладомъ въ философію эволюціонизма, если бы она была закончена. Въ соціалистическомъ движеніи Лавровъ принадлежалъ къ соціалъ-демократическому крылу, но онъ обладалъ черезчуръ широкимъ образованіемъ

и былъ черезчуръ философомъ, чтобы раздѣлять идеалы нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ о централизованномъ коммунистическомъ государствѣ или сочувствовать ихъ узкому пониманію исторіи. Работой Лаврова, давшей ему чрезвычайно широкую извѣстность и наиболѣе ярко характеризующей его личность, была книга, носящая заглавіе „Историческихъ писемъ", напечатанная въ Россіи въ 1870 году подъ псевдонимомъ Миртова и появившаяся недавно во французскомъ переводѣ.

Эта небольшая по размѣрамъ работа появилась какъ разъ въ надлежащій моментъ, а именно, когда наша молодежь стремилась найти новую программу дѣятельности среди народа. Лавровъ проповѣдывалъ въ этихъ „Письмахъ" работу среди народа и для народа, указывая образованной молодежи на ея задолженность народу и на ея обязанность уплатить долгъ бѣднѣйшимъ классамъ населенія, такъ какъ образованіе было получено на ихъ счетъ. Проповѣдь сопровождалась, при этомъ, обильными историческими намеками, философскими выводами и практическими совѣтами. Эти „Письма" имѣли громадное вліяніе на молодежь. Идеалы, къ которымъ призывалъ Лавровъ въ 1870 году, онъ подтвердилъ всею своею послѣдующею жизнью. Онъ дожилъ до 82-хъ лѣтъ, занимая въ Парижѣ двѣ маленькія комнатки, сокративъ дневные расходы на пищу до смѣшныхъ размѣровъ, заработывая на жизнь перомъ и отдавая все свое время распространенію дорогихъ ему идей.

Николай Тургеневъ (1789—1871) былъ замѣчательнымъ политическимъ писателемъ, принадлежавшимъ къ двумъ различнымъ эпохамъ. Въ 1818 году онъ напечаталъ въ Россіи „Теорію налоговъ"—книгу, замѣчательную по времени ея выхода въ Россіи, такъ какъ она содержала развитіе либеральныхъ экономическихъ идей Адама Смита. Уже въ то время Н. Тургеневъ началъ работать для освобожденія крестьянъ; онъ сдѣлалъ практическую попытку въ этомъ направленіи, отчасти освободивши своихъ крѣпостныхъ, и написалъ нѣсколько записокъ по этому вопросу, которыя и подалъ императору Александру I-му. Онъ также занятъ былъ вопросомъ о конституціи и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ тайнаго обще-

ства будущихъ декабристовъ; но въ декабрѣ 1825 года, когда произошло возстаніе, онъ находился за границей и поэтому не раздѣлилъ участи своихъ друзей. Съ того времени Н. Тургеневъ оставался въ изгнаніи, живя главнымъ образомъ въ Парижѣ, и лишь въ 1857 году, когда декабристы были амнистированы, и ему разрѣшено было возвратиться въ Россію, онъ поѣхалъ на родину, — всего, впрочемъ, на нѣсколько недѣль.

Тѣмъ не менѣе, онъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, которое онъ проповѣдывалъ уже съ 1818 года, и которое онъ обсуждалъ въ обширной работѣ, „La Russie et les Russes", напечатанной въ Парижѣ въ 1847 году. Позднѣе онъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько статей въ „Колоколѣ" и нѣсколько брошюръ. Въ то же время онъ продолжалъ настаивать на необходимости созванія общаго представительнаго собранія, развитія провинціальнаго самоуправленія и другихъ коренныхъ реформъ. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1871 году, испытавъ счастье, извѣданное лишь немногими изъ декабристовъ, — принять, незадолго предъ смертью, практическое участіе въ осуществленіи одной изъ надеждъ своей юности, осуществленіи той мечты, за которую столько благороднѣйшихъ русскихъ людей отдали свою жизнь.

Я прохожу молчаніемъ нѣсколькихъ другихъ писателей, въ родѣ князя П. Долгорукова, и въ особенности значительное число польскихъ писателей, эмигрировавшихъ изъ Россіи и печатавшихъ свои труды за границей, большею частью по-французски.

Я не буду перечислять также значительное количество соціалистическихъ и конституціоналистическихъ газетъ и журналовъ, которые печатались въ Швейцаріи или въ Англіи въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и ограничусь упоминаніемъ, да и то лишь въ нѣсколькихъ словахъ, о профессорѣ Драгомановѣ (род. въ 1841 году),—выдающемся защитникѣ украинской автономіи и федералистическаго строя для Россіи, и основателя соціалистической литературы на украинскомъ языкѣ, — и о моемъ другѣ С. Кравчинскомъ (1852—1897), писавшемъ подъ псевдонимомъ Степняка. Онъ писалъ главнымъ образомъ по-англійски, но

теперь, когда нѣкоторыя изъ его произведеній переведены по-русски и изданы въ Россіи, они, несомнѣнно, завоюютъ для него почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Двѣ его повѣсти: „The Kareer of a Nihilist" (по-русски „Андрей Кожуховъ") и „Штундистъ Павелъ Руденко", а равнымъ образомъ его ранніе очерки, „Подпольная Россія", и маленькія повѣсти—обнаруживали замѣчательный литературный талантъ; но, къ несчастію, нелѣпая случайность во время перехода желѣзнодорожнаго полотна положила конецъ этой молодой жизни, полной энергіи и мысли,—жизни, обѣщавшей еще такъ много. Необходимо также упомянуть, что величайшій писатель нашего времени, Левъ Толстой, не могъ по цензурнымъ условіямъ печатать многихъ своихъ произведеній въ Россіи, и что поэтому его другъ В. Чертковъ, занялся въ Англіи постояннымъ издательствомъ, какъ произведеній Толстого, такъ равно и сообщеніемъ свѣдѣній о современномъ религіозномъ движеніи въ Россіи и о преслѣдованіяхъ сектантовъ со стороны русскаго правительства.

Чернышевскій и „Современникъ".

Наиболѣе выдающимся среди политическихъ писателей въ самой Россіи несомнѣнно былъ Н. Г. Чернышевскій (1828—1889) имя котораго неразрывно связано съ журналомъ „Современникъ". Вліяніе, которое этотъ журналъ оказывалъ на общественное мнѣніе въ годы уничтоженія крѣпостного права (1857—1862) равнялось лишь вліянію „Колокола" Герцена, и обязанъ онъ былъ этимъ, главнымъ образомъ, Чернышевскому и отчасти критикѣ Добролюбова.

Чернышевскій родился на юго-востокѣ Россіи, въ Саратовѣ; отецъ его былъ хорошо образованный и всѣми уважаемый соборный протоіерей и раннее образованіе Чернышевскій получилъ дома, а позже поступилъ въ Саратовскую семинарію. Однако въ 1844 году онъ уже оставилъ семинарію, и два года спустя поступилъ въ Петербургскій университетъ, на филологическій факультетъ.

Количество работы, совершенной Чернышевскимъ въ теченіе его жизни, и обширность познаній, которыя онъ ус-

пѣлъ пріобрѣсти въ различныхъ областяхъ наукъ—поистинѣ изумительны. Онъ началъ свою литературную карьеру работами по филологіи и литературной критикѣ, и къ этой области относятся три его замѣчательныя работы: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“ и „Лессингъ и его время“, въ которыхъ онъ развилъ свою эстетическую и литературно критическую теорію. Его главная работа, однако, относится къ тѣмъ четыремъ годамъ (1858—1862), когда онъ писалъ въ „Современникѣ“ почти исключительно по политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Это были годы уничтоженія крѣпостного права; мнѣніе, какъ публики вообще, такъ и правительственныхъ сферъ, было совершенно не установлено, даже по отношенію къ главнымъ началамъ, которыми слѣдовало руководиться при освобожденіи крестьянъ. На очереди стояли два главныхъ вопроса: должны ли освобожденные крѣпостные получить землю, которую они обработывали до того времени для себя, будучи крѣпостными,—и если должны, то на какихъ условіяхъ? А затѣмъ,—слѣдуетъ ли удержать общинное землевладѣніе и деревенскій міръ—при чемъ деревенская община, въ послѣднемъ случаѣ, не должна ли стать основою будущаго самоуправленія? Всѣ лучшіе русскіе люди были склонны отвѣчать утвердительно на оба вышеприведенные вопросы, при чемъ высшія сферы тоже склонялись къ тому же мнѣнію; но всѣ реакціонеры и крѣпостники старой школы яростно возставали противъ такой точки зрѣнія. Они писали одну за другой докладныя записки и подавали ихъ императору и въ редакціонный комитетъ, а потому друзьямъ крестьянства необходимо было разбирать доводы крѣпостниковъ, основывая свои возраженія на солидныхъ историческихъ и экономическихъ изслѣдованіяхъ. Въ этой борьбѣ Чернышевскій, который, конечно, былъ, совмѣстно съ „Колоколомъ“ Герцена, на сторонѣ прогрессистовъ—сообщинниковъ, защищалъ дѣло крестьянъ, посвятивъ ему всѣ силы своего громаднаго ума, свою широкую начитанность и свою рѣдкую работоспособность. И если партія прогрессистовъ побѣдила, склонивъ Александра II и офиціальныхъ вождей эмансипаціонныхъ комитетовъ къ своимъ взглядомъ, то она въ зна-

чительной степени обязана этимъ энергіи Чернышевскаго и его друзей. Должно отмѣтить, что въ этой борьбѣ „Современникъ“ и „Колоколъ“ нашли сильную поддержку въ лицѣ двухъ передовыхъ писателей изъ славянофильскаго лагеря, Кошелева (1806—1883) и Юрія Самарина (1816—1876). Первый изъ нихъ, начиная съ 1847 года, проповѣдывалъ въ печати и осуществилъ на практикѣ освобожденіе крестьянъ съ землей, а также стоялъ за сохраненіе деревенской общины и за крестьянское самоуправленіе. Кошелевъ и Самаринъ, оба вліятельные землевладѣльцы, энергически поддерживали эти идеи въ эмансипаціонныхъ комитетахъ, въ то время, какъ Чернышевскій ратовалъ за нихъ въ „Современникѣ“ и въ своихъ „Письмахъ безъ адреса“, написанныхъ очевидно по адресу Александра II-го и напечатанныхъ лишь позднѣе въ Швейцаріи.

Не меньшую услугу оказалъ Чернышевскій русскому обществу своими статьями по экономическимъ вопросамъ и по современной исторіи. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ удивительный педагогическій талантъ. Онъ перевелъ „Политическую экономію“ Милля и написалъ примѣчанія къ ней въ соціалистическомъ духѣ; въ цѣломъ рядѣ статей („Капиталъ и трудъ“, „Экономическая дѣятельность и государство“ и др.) онъ употребилъ всѣ усилія для ознакомленія общества съ здравыми экономическими идеями. Въ области исторіи онъ преслѣдовалъ тѣ же цѣли, какъ въ рядѣ переводовъ, такъ и въ рядѣ статей о борьбѣ партій въ тогдашней Франціи.

Въ 1862 году Чернышевскій былъ арестованъ и, находясь въ крѣпости, написалъ замѣчательную повѣсть: „Что дѣлать?“ Съ художественной точки зрѣнія, повѣсть не выдерживаетъ критики, но для русской молодежи того времени она была своего рода откровеніемъ и превратилась въ программу. Вопросъ о бракѣ и расхожденіи супруговъ, въ случаѣ необходимости, сильно занималъ тогда русское общество. Замалчивать подобные вопросы въ то время было положительно невозможно. И Чернышевскій обсуждалъ ихъ въ своей повѣсти, разбирая отношенія своей героини, Вѣры Павловны, къ ея мужу Лопухову и къ молодому доктору, котораго она полюбила послѣ замужества. При этомъ онъ

давалъ единственное возможное рѣшеніе, которое и честность и здравый смыслъ подсказывали въ подобныхъ случаяхъ. Въ то же самое время онъ проповѣдывалъ — въ прикровенной формѣ, но вполнѣ понятно для читателей,— фурьеризмъ, изображая въ привлекательномъ видѣ коммунистическія ассоціаціи производителей. Онъ также изобразилъ въ своей повѣсти типы дѣйствительныхъ „нигилистовъ", наглядно указавъ такимъ образомъ ихъ различіе отъ Тургеневскаго Базарова. Ни одна изъ повѣстей Тургенева, никакое произведеніе Толстого, или какого-либо другого писателя, не имѣли такого широкаго и глубокаго вліянія на русскую молодежь, какъ эта повѣсть Чернышевскаго. Она сдѣлалась своего рода знаменемъ для русской молодежи, и идеи, проповѣдуемыя въ ней, не потеряли значенія и вліянія вплоть до настоящаго времени.

Въ 1864 году Чернышевскій былъ сосланъ въ каторжныя работы въ Сибирь, въ видѣ наказанія за политическую и соціалистическую пропаганду (процессъ его является однимъ изъ возмутительнѣйшихъ образчиковъ юридической фальсификаціи и русскаго безправія); изъ боязни, что онъ можетъ убѣжать изъ Забайкалья, онъ былъ переведенъ въ глухое поселеніе на дальнемъ Сѣверѣ Восточной Сибири, въ Вилюйскъ, гдѣ его держали вплоть до 1883 года. Лишь тогда ему было разрѣшено возвратиться въ Россію и поселиться въ Астрахани. Но здоровье великаго писателя было уже разрушено. Несмотря на это, онъ предпринялъ переводъ „Всеобщей Исторіи" Вебера, къ различнымъ томамъ который присоединилъ обширныя введенія, и онъ успѣлъ перевести двѣнадцать томовъ, когда въ 1889 г. его настигла смерть. Надъ его могилой поднялась ожесточенная полемика, хотя даже теперь ни его имя, ни его идеи не пользуются любовью русской цензуры. Едва ли найдется другой писатель, котораго такъ ненавидѣли бы его политическіе противники. Но даже эти противники должны признать теперь громадныя услуги, оказанныя имъ Россіи въ эпоху уничтоженія крѣпостного права и воспитательное значеніе его публицистической дѣятельности.

Сатира: Салтыковъ.

Вслѣдствіе стѣсненій, которымъ подвергалась политическая литература въ Россіи, сатира по необходимости сдѣлалась однимъ изъ излюбленныхъ средствъ для выраженія политической мысли. Прослѣдить ея развитіе было бы очень поучительно; но я не могъ бы дать здѣсь даже краткаго историческаго обзора ранней русской сатиры, такъ какъ для этого пришлось бы вернуться къ XVIII-му вѣку. О сатирѣ Гоголя я говорилъ уже раньше, и теперь ограничусь лишь однимъ представителемъ современной сатиры, Салтыковымъ, болѣе извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Щедрина (1826—1889).

Вліяніе Салтыкова въ Россіи было очень велико, и оно не ограничивалось одними передовыми представителями русской мысли, а распространялось на очень широкій кругъ читателей. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ писателей въ Россіи. Но здѣсь я долженъ сдѣлать совершенно личное заключеніе о моемъ собственномъ отношеніи къ произведеніямъ Салтыкова. При всемъ стараніи возможно объективнѣе оцѣнивать того или иного писателя, нельзя совершенно отрѣшиться отъ субъективнаго элемента въ такой оцѣнкѣ, и я долженъ сказать, что при всемъ моемъ удивленіи передъ великимъ талантомъ Салтыкова, я никогда не могъ относиться къ его произведеніямъ съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ относилось къ нимъ большинство моихъ друзей. Причина этого лежитъ не въ томъ, что я не люблю сатиры,—напротивъ, я люблю ее; но я требую отъ сатиры болѣе опредѣленнаго характера, чѣмъ какой она носитъ у Салтыкова. Я вполнѣ признаю, что его замѣчанія иногда отличаются большой глубиной, что онъ всегда разсматриваетъ событія съ надлежащей точки зрѣнія, и что во многихъ случаяхъ онъ задолго предсказывалъ грядущія событія, о которыхъ обыкновенный читатель и не догадывался. Я вполнѣ признаю, также, что сатирическія характеристики, которыя онъ далъ различнымъ классамъ русскаго общества, принадлежатъ къ области истиннаго искусства, и что выводимые имъ типы — дѣйствительно типичны; но, несмотря на это,

я нахожу, что эти превосходныя характеристики и ѣдкія замѣчанія слишкомъ часто теряются въ потокѣ малозначительной болтовни, къ которой Салтыковъ прибѣгалъ очевидно въ цензурныхъ цѣляхъ, но которая тѣмъ не менѣе притупляла колкость его сатиры и въ значительной степени мѣшала ея надлежащему дѣйствію.

Салтыковъ началъ свою литературную карьеру очень рано, и подобно большинству нашихъ лучшихъ писателей, ему пришлось извѣдать горечь ссылки. Въ 1848 году онъ написалъ повѣсть „Запутанное дѣло“, въ которой были выражены нѣкоторыя соціалистическія тенденціи въ формѣ сна одного бѣднаго чиновника. Повѣсть появилась въ печати за нѣсколько дней предъ взрывомъ февральской революціи, вызвавшей особую бдительность русскаго правительства. Салтыкова выслали въ Вятку,—въ то время глухой губернскій городъ Восточной Россіи, гдѣ онъ былъ зачисленъ на государственную службу, и ссылка продолжалась семь лѣтъ, во время которыхъ Салтыковъ успѣлъ въ совершенствѣ ознакомиться съ міромъ мелкаго и крупнаго губернскаго чиновничества, Когда, въ 1857 году, для русской литературы наступили лучшія времена, Салтыковъ, которому разрѣшенъ былъ выѣздъ въ столицу, воспользовался своими провинціальными наблюденіями въ рядѣ „Губернскихъ очерковъ“, появившихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Впечатлѣніе, произведенное „Губернскими очерками“ я отлично помню. Оно было поразительное; вся Россія говорила о нихъ. Талантъ Салтыкова проявился въ этихъ очеркахъ въ полной силѣ, и ими открывалась новая эра въ русской литературѣ. Салтыковъ создалъ ими цѣлую школу „обличителей“, которые вслѣдъ за нимъ стали разоблачать дѣянія русской администраціи. Конечно, многое въ этомъ направленіи было уже сдѣлано Гоголемъ, но Гоголь разсматривалъ общество и чиновниковъ съ точки зрѣнія моралиста, тогда какъ теперь при новыхъ условіяхъ, Щедринъ первый началъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія общественнаго дѣятеля.

Когда Салтыкову было разрѣшено возвратиться изъ ссылки, онъ не оставилъ государственной службы, на которую былъ принужденъ поступить въ Вяткѣ. Съ короткимъ перерывомъ онъ прослужилъ до 1868 года, и дважды въ

теченіе этого времени былъ вице-губернаторомъ, а одно время даже исправляющимъ должность губернатора. Только въ 1868 году онъ ушелъ въ отставку и, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, сдѣлался редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ", которыя вскорѣ заняли въ русской литературѣ мѣсто закрытаго „Современника", являясь представителемъ передовой демократической мысли въ Россіи, и занимали это положеніе вплоть до 1887 года, когда онѣ, въ свою очередь, тоже были закрыты. Къ этому времени здоровье Салтыкова очень пошатнулось, и послѣ долгой и тяжелой болѣзни, во время которой онъ не бросалъ пера, Салтыковъ умеръ въ 1889 году.

„Губернскіе очерки" опредѣлили характеръ дальнѣйшихъ произведеній Салтыкова. Съ каждымъ годомъ его талантъ укрѣплялся и его сатира отличалась все болѣе глубокимъ пониманіемъ современной цивилизованной жизни и тѣхъ многообразныхъ формъ, въ которыхъ въ наше время выливается борьба реакціи противъ прогресса. Въ „Невинныхъ разсказахъ" Салтыковъ коснулся нѣкоторыхъ наиболѣе трагическихъ сторонъ крѣпостного права. Позже, въ изображеніяхъ современныхъ рыцарей промышленности и плутократіи, съ ихъ страстью къ наживѣ и удовольствіямъ низменнаго рода, ихъ безсердечіемъ и ихъ безнадежной низостью, Салтыковъ достигъ вершинъ описательнаго искусства; но, можетъ быть, еще болѣе ему удались изображенія того „средняго человѣка", который не обладаетъ сильными страстями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы спокойно наслаждаться филистерскимъ благополучіемъ, не остановится ни передъ какимъ преступнымъ дѣяніемъ, направленнымъ противъ лучшихъ людей своего времени, а если понадобится, то съ удовольствіемъ также протянетъ руку худшимъ врагамъ прогресса. Производя сатирическую экзекуцію надъ этимъ „среднимъ человѣкомъ", который вслѣдствіе своей неудержимой трусости, такъ роскошно расцвѣлъ въ Россіи, Салтыковъ создалъ свои лучшія творенія. Но когда ему приходилось касаться тѣхъ, которые являются дѣйствительными геніями реакціи—тѣхъ, которые держатъ „средняго человѣка" въ постоянномъ страхѣ и, если нужно, вдохновляютъ реакцію смѣлостью и жестокостью,—сатира Салтыкова или отступала предъ этой задачей, или же ея нападенія были

скрыты за такой массой комическихъ эпизодовъ и „эзоповскихъ“ выраженій, что ядъ сатиры совершенно испарялся.

Когда реакція взяла верхъ въ 1863 году, и проведеніе реформъ, задуманныхъ въ пору освобожденія крестьянъ, попало въ руки людей, въ душѣ ненавидѣвшихъ всѣ эти реформы; когда, съ другой стороны, крѣпостники употребляли всѣ усилія, если не возродить крѣпостное право, то, по крайней мѣрѣ, вернуть крестьянъ въ порабощеніе, путемъ тяжелыхъ налоговъ и непомѣрныхъ арендъ,—Салтыковъ въ рядѣ блестящихъ сатиръ прекрасно обрисовалъ эти классы людей. Его „Исторія одного города“—въ сущности сатирическая исторія Россіи, полная намековъ на современныя событія. „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ“, „Письма изъ Провинціи“ и „Помпадуры“ принадлежатъ къ этой же серіи; въ „Господахъ Ташкентцахъ“ онъ изобразилъ ту толпу проходимцевъ, которая бросилась искать обогащенія, проводя желѣзныя дороги, выступая адвокатами по грязнымъ дѣламъ и расхищая ново-завоеванныя территоріи. Въ этихъ очеркахъ, а равнымъ образомъ въ тѣхъ, которые онъ посвятилъ описанію печальныхъ и иногда психопатическихъ продуктовъ крѣпостного права („Господа Головлевы“, „Пошехонская старина“) онъ создалъ типы, которые, какъ напр. Іудушка, могутъ быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ русскихъ критиковъ, поставлены на ряду съ образами Шекспира, и дѣйствительно не уступаютъ лучшимъ типамъ Гончарова и Тургенева.

Наконецъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ прекращеніемъ террористической борьбы противъ самодержавія и съ восшествіемъ на престолъ Александра III-го, когда реакція восторжествовала окончательно, сатира Щедрина превратилась въ крикъ отчаянія. По-временамъ сатирикъ достигалъ величія въ своей печальной ироніи, и его „Письма къ тетенькѣ“ останутся въ литературѣ не только какъ историческій памятникъ, но и какъ глубоко интересный психологическій документъ. Надо, впрочемъ, сказать, что и тутъ его сатира не достигла той силы, которой должна достигать истинная могучая сатира, бичующая такъ, что отъ ея ударовъ бичуемые приходятъ въ еще большее бѣшенство, чѣмъ отъ прямыхъ нападеній. Вообще, если сатира Щед-

рина имѣла хорошее вліяніе на молодое поколѣніе, тѣмъ что выставляла ему на показъ всю пошлость „ликующихъ и праздно-болтающихъ“, и удерживала отъ засасыванія въ этомъ станѣ,—то едва-ли она могла оказывать одинаково положительное вліяніе, уводя людей „въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви“, а тѣмъ болѣе—побѣждающихъ во имя этой любви.

Необходимо въ заключеніе отмѣтить, что особенно ярко талантъ Салтыкова проявлялся въ разсказахъ и сказкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности тѣ, въ которыхъ выступаютъ дѣти во времена крѣпостного права, отличаются большой художественностью.

Литературная критика.

Главнымъ средствомъ для выраженія политической мысли въ Россіи, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ была литературная критика, которая вслѣдствіе этого достигла у насъ такого развитія и получила такое значеніе, какихъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ, кромѣ Россіи. Душой русскаго ежемѣсячнаго журнала всегда бываетъ литературный критикъ. Его статьѣ приписывается гораздо бóльшее значеніе, чѣмъ повѣсти любимаго автора, которая, можетъ быть, напечатана въ томъ же номерѣ. Критикъ передового журнала бываетъ интеллектуальнымъ вождемъ значительной части молодого поколѣнія, при чемъ обстоятельства такъ сложились, что за послѣдній полвѣка мы имѣли въ Россіи рядъ литературныхъ критиковъ, которые оказывали большее и въ особенности болѣе широкое вліяніе на формировку интеллектуальныхъ направленій въ данное время, чѣмъ кто бы то ни былъ изъ нашихъ беллетристовъ, или писателей въ какой-либо другой области. Вслѣдствіе этого, самое интеллектуальное направленіе каждой данной эпохи лучше всего можетъ быть характеризовано именемъ литературнаго критика, который въ то время имѣлъ наибольшее вліяніе. Бѣлинскій въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, Чернышевскій и Добролюбовъ въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ и Писаревъ въ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ—являлись главными представителями мысли въ тогдашнемъ по-

колѣніи образованной молодежи. Лишь позднѣе, когда началась дѣйствительная политическая агитація,—разбившаяся сразу на два или три различныхъ теченія, даже въ передовомъ лагерѣ,—Михайловскій, главный литературный критикъ, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ вплоть до конца девяностыхъ, отражалъ не цѣлое движеніе, а только одно изъ его направленій.

Изъ сказаннаго ясно, что литературная критика въ Россіи имѣла нѣкоторыя свои специальныя черты, не встрѣчающіяся въ другихъ странахъ. Она не ограничивалась критикой произведеній искусства съ чисто-литературной или эстетической точки зрѣнія. Конечно, русскій критикъ, какъ и всѣ другіе, прежде всего разсматривалъ, — были ли, напримѣръ, Рудинъ или Катерина типами, взятыми изъ живой дѣйствительности? была ли повѣсть или драма хорошо построена, хорошо развита, хорошо написана? Но на эти вопросы не долго отвѣтить, а между тѣмъ есть цѣлый рядъ вопросовъ, несравненно болѣе важныхъ, которые возникаютъ во вдумчивомъ читателѣ при чтеніи каждаго произведенія, дѣйствительно принадлежащаго къ области хорошаго искусства: вопросы, въ данномъ примѣрѣ, — относительно положенія Рудина или Катерины въ обществѣ; о роли, плохой или хорошей, которую они играютъ въ обществѣ; объ идеяхъ, вдохновляющихъ ихъ, и о цѣнности этихъ идей; а затѣмъ — обсужденіе самихъ поступковъ этихъ героевъ и ихъ причинъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ. Въ хорошемъ произведеніи искусства поступки героевъ очевидно бываютъ таковы, какими они были бы, при одинаковыхъ условіяхъ, въ дѣйствительной жизни: иначе литературное произведеніе принадлежало бы къ плохому искусству. Слѣдовательно, поступки героевъ могутъ обсуждаться, какъ факты дѣйствительной жизни.

Но эти поступки, а также ихъ причины и послѣдствія, открываютъ предъ вдумчивымъ критикомъ самые широкіе горизонты: они даютъ ему возможность оцѣнивать какъ идеалы, такъ и предразсудки общества, анализировать людскія страсти, обсуждать типы, наиболѣе часто встрѣчающіеся въ данный моментъ, и т. д. Въ сущности, хорошее произведеніе искусства даетъ матеріалъ для обсужденія по-

чти всѣхъ взаимныхъ отношеній даннаго типа въ обществѣ. Авторъ, если онъ мыслящій поэтъ, уже самъ — сознательно, а чаще безсознательно — принялъ въ соображеніе все это. Онъ вкладывалъ въ свое произведеніе свой жизненный опытъ. Почему же критикъ не можетъ раскрыть предъ читателемъ всѣ эти мысли, которыя должны были мелькать въ головѣ автора, иногда полусознательно, когда онъ создавалъ ту или иную сцену, или рисовалъ такой-то уголокъ человѣческой жизни?

Это самое и дѣлали русскіе литературные критики послѣдняго пятидесятилѣтія, а такъ какъ поле романа и поэзіи—безгранично, то едва ли найдется какой-нибудь крупный, соціальный или общечеловѣческій, вопросъ, который не подвергался бы обсужденію въ ихъ критическихъ статьяхъ. Вслѣдствіе этого, мы видимъ также, что произведенія вышеназванныхъ четырехъ критиковъ читаются теперь съ такой же жадностью, какъ и во время ихъ появленія, двадцать или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: они не потеряли ни своей свѣжести, ни интереса, потому что если искусство является школой жизни — то тѣмъ болѣе это можно сказать о подобныхъ критическихъ произведеніяхъ.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что критика искусства въ Россіи, съ самаго начала, т. е. съ двадцатыхъ годовъ XIX-го вѣка, и совершенно независимо отъ господствовавшей тогда подражательности Западной Европѣ, приняла характеръ философской эстетики. Возмущеніе противъ псевдо-классицизма только-что началось тогда, подъ знаменемъ романтизма, и появленіе поэмы Пушкина „Русланъ и Людмила“ только-что дало первый практическій аргументъ въ пользу мятежниковъ романтизма, когда поэтъ Веневитиновъ (см. главу II), за которымъ вскорѣ послѣдовалъ Надеждинъ (1804 — 1856) и Полевой (1796 — 1846) — дѣйствительный основатель серьезной журналистики въ Россіи — заложили основаніе новой критики искусства. Литературная критика, по ихъ мнѣнію, должна разсматривать не только эстетическую цѣнность произведеній искусства, но, прежде всего, его руководящую идею, — его „философское“, его соціальное значеніе.

Веневитиновъ, собственныя поэтическія произведенія ко-

тораго носятъ такой высоко интеллектуальный отпечатокъ, энергично указывалъ на отсутствіе высшихъ идей въ произведеніяхъ русскихъ романтиковъ, и писалъ что „истинные поэты всѣхъ націй всегда были философами и достигали высочайшихъ вершинъ культуры". Поэтъ, который доволенъ самимъ собою и не преслѣдуетъ цѣлей общественнаго усовершенствованія, безполезенъ для своихъ современниковъ *).

Надеждинъ шелъ по тому же пути и смѣло напалъ на Пушкина за отсутствіе въ его произведеніяхъ высшаго вдохновенія и за воспѣваніе въ стихахъ лишь „вина и женщинъ". Онъ упрекалъ нашихъ романтиковъ въ отсутствіи этнографической и исторической правды и въ низменности сюжетовъ, выбираемыхъ имъ для поэзіи. Что же касается до Полевого, то онъ былъ такимъ великимъ поклонникомъ поэзіи Байрона и Виктора Гюго, что не могъ простить Пушкину и Гоголю отсутствіе высшихъ идей въ ихъ произведеніяхъ. По его мнѣнію, въ виду того, что произведенія этихъ писателей не даютъ высшихъ идеаловъ, не побуждаютъ людей къ благороднымъ дѣйствіямъ, они не могутъ быть сравниваемы съ безсмертными твореніями Шекспира, Гюго и Гёте. Это отсутствіе высшихъ руководящихъ идей въ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя произвело такое впечатлѣніе на вышеупомянутыхъ двухъ критиковъ, что они даже не замѣтили той громадной заслуги, которую эти основатели русской литературы оказывали намъ, вводя тотъ здоровый натурализмъ и реализмъ, которые съ того времени сдѣлались отличительной чертой русскаго искусства и необходимость которыхъ они же первые признавали. На долю Бѣлинскаго выпало — закончить и дополнить работу вышеупомянутыхъ критиковъ, указавъ, какъ наружные (техническіе), такъ и внутренніе (содержаніе) признаки истиннаго искусства.

Сказать, что В Г. Бѣлинскій (1810—1848) былъ высокоодаренный литературный критикъ, и ограничиться этой характеристикой—невозможно. Онъ былъ, въ сущности—въ чрезвычайно важный моментъ общечеловѣческаго развитія —

*) Я заимствую эти замѣчанія о предшественникахъ Бѣлинскаго изъ статьи проф. Иванова о литературной критикѣ въ Россіи въ „Русскомъ Энциклоп. Словарѣ", томъ 32, стр. 771.

учителемъ и воспитателемъ русскаго общества, не только въ области искусства — его цѣнности, его задачъ, его объема, — но также въ области политики, соціальныхъ вопросовъ и гуманитарныхъ стремленій.

Его отецъ былъ бѣдный полковой врачъ, и Виссаріонъ Бѣлинскій провелъ свое дѣтство въ одной изъ глухихъ губерній Россіи. Хорошо подготовленный отцомъ, знавшимъ цѣну знанію, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, но былъ исключенъ изъ него въ 1832 году, при чемъ главной причиной исключенія послужила написанная имъ трагедія, въ духѣ Шиллеровскихъ „Разбойниковъ", заключавшая въ себѣ энергическій протестъ противъ крѣпостного права. Онъ присоединился къ кружку Герцена, Огарева, Станкевича и др.; и послѣ мелкихъ рецензій въ „Листкѣ", онъ выступилъ въ 1834 году съ критическимъ обозрѣніемъ, которое сразу обратило на себя вниманіе. Съ того времени вплоть до смерти онъ писалъ критическія статьи и библіографическія замѣтки въ различныхъ журналахъ, при чемъ ему приходилось работать такъ тяжело, что въ 38-милѣтнемъ возрастѣ онъ умеръ отъ чахотки. Онъ умеръ во-время. Въ Западной Европѣ вспыхнула революція, и когда Бѣлинскій былъ уже на смертномъ ложѣ, на его квартиру являлся отъ времени до времени агентъ тайной полиціи, чтобы освѣдомиться о состояніи его здоровья. Въ случаѣ выздоровленія приказано было арестовать его, и его ожидала — крѣпость и въ лучшемъ случаѣ—ссылка.

Когда Бѣлинскій началъ писать, то онъ находился вполнѣ подъ вліяніемъ идеалистической нѣмецкой философіи. Онъ былъ склоненъ разсматривать искусство, какъ нѣчто черезчуръ великое и чистое, чтобы служить вопросамъ дня. Оно было, по его мнѣнію, лишь воспроизведеніемъ „общей идеи жизни природы". Его задачи сливались съ задачами Вселенной, а не съ вопросами бѣднаго человѣчества и его мелкими дѣлами. Съ этой идеалистической точки зрѣнія Красоты и Правды онъ устанавливалъ главные принципы искусства и объяснялъ процессъ художественнаго творчества. Въ рядѣ статей о Пушкинѣ онъ, въ сущности, написалъ исторію русской литературы, вплоть до Пушкина, съ вышеуказанной точки зрѣнія.

Держась такой абстрактной точки зрѣнія, Бѣлинскій дошелъ, въ московскій періодъ своей жизни, до признанія, вслѣдъ за Гегелемъ, „разумности всего существующаго“ и началъ проповѣдывать „примиреніе“ съ деспотизмомъ Николая I-го. Но подъ вліяніемъ Герцена, онъ вскорѣ стряхнулъ съ себя туманъ нѣмецкой метафизики и вскорѣ послѣ своего переѣзда въ Петербургъ, началъ новый періодъ своей дѣятельности.

Подъ вліяніемъ реализма Гоголя, котораго лучшія произведенія тогда начали появляться, онъ сталъ понимать, что дѣйствительная поэзія — всегда реальна; что она должна быть поэзіей жизни и дѣйствительности. Подъ вліяніемъ политическаго движенія, которое шло тогда во Франціи, Бѣлинскій воспринялъ передовыя политическія идеи. Онъ былъ блестящій стилистъ, и все написанное имъ полно такой энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ такой вѣрный отпечатокъ его чрезвычайно симпатичной личности, что произведенія его всегда оставляли глубокое впечатлѣніе у читателей. Въ новомъ періодѣ его дѣятельности всѣ его стремленія къ великому и высокому, вся его безграничная любовь къ истинѣ, которыя онъ раньше посвящалъ личному самосовершенствованію и идеальному искусству, были отданы теперь на служеніе человѣку, въ бѣдныхъ рамкахъ русской дѣйствительности. Онъ безжалостно разбиралъ эту дѣйствительность, и всякій разъ, какъ онъ замѣчалъ или только инстинктивно чувствовалъ въ разбираемыхъ имъ произведеніяхъ неискренность, напыщенность, отсутствіе общественнаго интереса, приверженность къ архаическому деспотизму, или рабству въ какой бы то ни было формѣ — включая рабство женщины, — онъ сражался съ замѣченнымъ имъ зломъ со всей присущей ему энергіей и страстностью. Онъ сдѣлался такимъ образомъ политическимъ писателемъ въ лучшемъ значеніи этого слова, будучи въ то же самое время художественнымъ критикомъ; онъ сталъ учителемъ высшихъ гуманитарныхъ принциповъ.

Въ своемъ „Письмѣ къ Гоголю“ по поводу „Переписки съ друзьями“ (см. главу III), онъ далъ цѣлую программу неотложныхъ соціальныхъ и политическихъ реформъ; но его дни были уже сочтены. Его обозрѣніе русской литературы

за 1847 годъ, отличающееся особенной красотой формы и глубиной содержанія, было его послѣднимъ трудомъ. Смерть спасла его отъ той мрачной тучи реакціи, въ которую Россія была погружена съ 1848-го до 1855 года.

Валерьянъ Майковъ (1823—1847) обѣщалъ, идя по стопамъ Бѣлинскаго, сдѣлаться крупнымъ литературнымъ критикомъ; но онъ, къ сожалѣнію, умеръ черезчуръ молодымъ, и на долю Чернышевскаго, за которымъ послѣдовалъ Добролюбовъ, выпало продолженіе и дальнѣйшее развитіе работы Бѣлинскаго и его предшественниковъ.

Руководящей идеей Чернышевскаго было утвержденіе, что искусство не можетъ быть само по себѣ цѣлью, что жизнь—выше искусства, и что задачей искусства должно быть: объяснять жизнь, комментировать ее и выражать мнѣніе о ней. Онъ развилъ эти каноны въ обдуманной и возбуждающей мысль работѣ, „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", въ которой онъ разрушилъ современныя ему теоріи эстетики и далъ реалистическое объясненіе прекраснаго. „Ощущеніе",—писалъ Чернышевскій,—„производимое въ человѣкѣ прекраснымъ, — свѣтлая радость, похожая на ту, какою наполняетъ насъ присутствіе милаго для насъ существа... Изъ этого слѣдуетъ, что въ прекрасномъ есть что-то милое, дорогое нашему сердцу". Далѣе Чернышевскій указываетъ, что это самое дорогое для человѣка есть жизнь, и продолжаетъ: „Кажется, что опредѣленіе: прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, въ которомъ видимъ мы жизнь такую, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни,—кажется, что это опредѣленіе удовлетворительно объясняетъ всѣ случаи, возбуждающіе въ насъ чувство прекраснаго". Прямымъ выводомъ изъ такого опредѣленіи прекраснаго было заключеніе, что прекрасное въ искусствѣ не только не можетъ превышать прекраснаго въ жизни, но представляетъ лишь такую концепцію прекраснаго, какую художникъ могъ заимствовать изъ жизни. Цѣль искусства почти та же, что и науки, хоть средства ихъ дѣйствія различны. Истинной цѣлью искусства должно быть указаніе намъ интересныхъ явленій жизни,

изображеніе жизни и указаніе на то, **к а к ъ** должно жить. Эта послѣдняя часть ученія Чернышевскаго была особенно ярко развита Добролюбовымъ.

Н. А. **Д о б р о л ю б о в ъ** (1836—1861) родился въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, и получилъ первоначальное образованіе въ духовномъ училищѣ, а позже въ семинаріи. Въ 1853 году онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ въ Педагогическій Институтъ. Его отецъ и мать умерли въ слѣдующемъ году, и Добролюбову пришлось поддерживать братьевъ и сестеръ. Пришлось давать уроки, за которые платили гроши, и заниматься переводами, которые оплачивались еще хуже; одновременно съ этимъ надо было слушать лекціи; словомъ, приходилось работать очень много, и это сломило здоровье Добролюбова уже въ ранней молодости. Въ 1855 году онъ познакомился съ Чернышевскимъ и, окончивъ два года спустя курсъ Педагогическаго Института, онъ взялъ на себя завѣдываніе критическимъ отдѣломъ „Современника“, отдаваясь этой работѣ со страстью. Черезъ четыре года онъ умеръ въ ноябрѣ 1861 г., въ двадцати-пяти-лѣтнемъ возрастѣ, буквально убивъ себя непосильной работой. Послѣ него осталось четыре тома критическихъ этюдовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ серьезную оригинальную работу. Въ особенности такіе этюды какъ „Темное царство“, „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, „Что такое Обломовщина“, „Когда же придетъ настоящій день?“—имѣли глубокое вліяніе на развитіе молодежи того времени.

Вліяніе Добролюбова нельзя приписать особенной опредѣленности его литературнаго критерія или какой-либо опредѣленной программѣ активной дѣятельности. Но онъ былъ одинъ изъ наиболѣе чистыхъ и наиболѣе основательныхъ представителей того типа новыхъ людей—реалистовъ-идеалистовъ,—появленіе которыхъ Тургеневъ подмѣтилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Поэтому во всемъ, что онъ писалъ, каждый чувствовалъ личность автора, высоко-нравственнаго, достойнаго полнаго довѣрія, слегка аскетическаго „ригориста“, обсуждавшаго всѣ факты жизни съ точки зрѣнія: „Что хорошаго это можетъ принести трудящимся массамъ?„ или „Какъ трудящіяся массы отнесутся къ такимъ-

то литературнымъ типамъ?" Къ профессіональнымъ эстетикамъ онъ относился съ величайшимъ презрѣніемъ, что не мѣшало ему глубоко чувствовать и наслаждаться великими произведеніями искусства. Онъ не осуждалъ Пушкина за его легкомысліе, или Гоголя за отсутствіе идеаловъ. Онъ не давалъ совѣтовъ — писать повѣсти или поэмы съ заранѣе обдуманной тенденціей, зная, что это не можетъ дать хорошихъ результатовъ, если самого автора не захватила такая-то жизненная задача. Онъ допускалъ, что великіе геніи были правы, творя безсознательно, потому что понималъ, что истинный художникъ можетъ творить лишь тогда, когда глубоко затронутъ тѣмъ или инымъ явленіемъ дѣйствительности. Онъ предъявлялъ лишь одно требованіе къ произведенію искусства, а именно: вѣрно и точно передаетъ оно жизнь или нѣтъ? Въ послѣднемъ случаѣ онъ отварачивался отъ него; но если произведеніе вѣрно рисовало жизнь, тогда онъ писалъ этюдъ объ этой жизни, изображенной художникомъ, и его статьи были въ сущности этюдами, посвященными нравственнымъ, политическимъ и экономическимъ вопросамъ—произведеніе искусства давало ему лишь факты для обсужденія. Этимъ объясняется вліяніе Добролюбова на его современниковъ. Подобные этюды, написанные такимъ человѣкомъ, являлись настоятельной потребностью того взволнованнаго времени, подготовляя лучшихъ людей для грядущей борьбы. Они были школой политическаго и нравственнаго образованія.

Писаревъ (1841—1868), наслѣдовавшій, такъ сказать, Добролюбову, принадлежалъ къ совершенно иному типу. Онъ родился въ богатой помѣщичьей семьѣ и получилъ хорошее образованіе, не зная что такое нужда; но вскорѣ онъ, сознавъ скверныя стороны такой безпечальной жизни и будучи студентомъ Петербургскаго университета, ушелъ изъ дома богатаго дяди и поселился вмѣстѣ съ бѣднякомъ товарищемъ, или же жилъ въ студенческой коммунѣ, занимаясь литературнымъ трудомъ, подъ шумъ горячихъ споровъ и пѣсенъ. Подобно Добролюбову, онъ работалъ съ громаднымъ упорствомъ и поражалъ всѣхъ разнообразіемъ своихъ познаній и легкостью, съ которой онъ пріобрѣталъ ихъ. Въ 1862 году, когда уже начиналась реакція, Писаревъ по-

зволилъ напечатать въ тайной типографіи свою статью, не пропущенную цензурой—разборъ одного реакціоннаго политическаго памфлета. Типографія была захвачена полиціей, и Писаревъ присужденъ къ 4-хъ лѣтнему заключенію въ Петропавловской крѣпости. Находясь въ крѣпости, онъ написалъ всѣ статьи, давшія ему такую широкую извѣстность въ Россіи. По выходѣ изъ тюрьмы здоровье Писарева было уже надломлено, и лѣтомъ 1868 года онъ утонулъ во время купанья на Балтійскомъ побережьи. Вліяніе Писарева на молодежь его времени, а слѣдовательно и на ту долю, которую эти люди позднѣе привнесли въ сокровищницу прогресса страны, было такъ же велико, какъ и Бѣлинскаго, Чернышевскаго и Добролюбова. Опять-таки совершенно невозможно опредѣлить характеръ и причину этого вліянія, если ограничиться указаніемъ на основныя начала Писаревской литературной критики. Его руководящія идеи въ этой области могутъ быть объяснены въ немногихъ словахъ: его идеаломъ былъ „мыслящій реалистъ“ — типъ, который въ то время былъ изображенъ Тургеневымъ въ Базаровѣ и который былъ развитъ далѣе Писаревымъ въ его критическихъ этюдахъ. Подобно Базарову, онъ не былъ высокаго мнѣнія объ искусствѣ вообще, но, въ видѣ уступки, требовалъ, чтобы русское художество по крайней мѣрѣ достигало той высоты, какую онъ видѣлъ въ произведеніяхъ Гёте, Гейне и Берне, — произведеніяхъ, возвышающихъ человѣчество; въ противномъ же случаѣ люди, болтающіе постоянно о художественности, но не производящіе ничего, равнаго выставленному имъ идеалу, должны были бы, по мнѣнію Писарева, отдать свои силы на нѣчто болѣе для нихъ доступное и полезное. Поэтому, онъ посвятилъ нѣсколько чрезвычайно обработанныхъ статей развѣнчанію „пустой“ поэзіи Пушкина. Въ этикѣ онъ цѣликомъ сходился съ „нигилистомъ“ Базаровымъ, который единственнымъ авторитетомъ считалъ собственный разумъ. И онъ думалъ (подобно Базарову, въ разговорѣ послѣдняго съ Павломъ Петровичемъ), что главной задачей въ то время было развитіе совершеннаго, научно-развитого реалиста, который могъ бы разорвать со всѣми традиціями и ошибками стараго времени и сталъ бы работать, глядя

на человѣческую жизнь, какъ здравомыслящій реалистъ. Писаревъ даже самъ сдѣлалъ кое-что для распространенія здравыхъ естественно-научныхъ познаній, получившихъ внезапное развитіе въ тѣ годы, и написалъ замѣчательное изложеніе принциповъ дарвинизма, въ рядѣ статей, озаглавленныхъ: „Прогрессъ въ мірѣ растеній и животныхъ".

Но,—какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Скабичевскій,—все это не опредѣляетъ еще положенія Писарева въ русской молодежи. Въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ воплотилъ только извѣстный моментъ въ развитіи русской молодежи, со всѣми свойственными юности преувеличеніями. Дѣйствительная причина вліянія Писарева лежала въ иномъ, и мы можемъ пояснить это вліяніе лишь слѣдующимъ примѣромъ. Появилась повѣсть, въ которой авторъ изобразилъ дѣвушку добродушную, честную, но совершенно необразованную, съ мѣщанскими понятіями о счастьи и жизни, исполненную обычныхъ предразсудковъ. Она влюбляется и её постигаютъ всякаго рода несчастія. Дѣвушка эта, какъ сразу догадался Писаревъ, не была выдумкою автора. Тысячи такихъ дѣвушекъ существуютъ въ дѣйствительности, и ихъ жизнь проходитъ такъ, какъ указалъ авторъ. Это, по опредѣленію Писарева,—„кисейныя барышни". Ихъ міровоззрѣніе не выходитъ за предѣлы ихъ кисейнаго платья. И онъ доказывалъ, что подобныя дѣвушки, съ ихъ „кисейнымъ образованіемъ" и „кисейными понятіями", неминуемо, въ концѣ концовъ, должны быть несчастны. Эта статья Писарева, которую прочли и читаютъ до сихъ поръ тысячи дѣвушекъ въ образованныхъ русскихъ семьяхъ, заставляетъ массу молодыхъ людей сказать себѣ: „о, нѣтъ! я никогда не буду похожа на эту бѣдную кисейную барышню. Я буду учиться; я буду мыслить, и я завоюю для себя лучшее будущее". Почти каждая статья Писарева имѣла подобное же вліяніе. Онѣ открывали глаза молодыхъ людей на тысячи тѣхъ мелочей жизни, на которыя мы, по-привычкѣ, не обращаемъ вниманія, но сумма которыхъ создаетъ ту удушливую атмосферу, въ которой задыхались героини „Крестовскаго-псевдонима". Отъ этой жизни, обѣщающей лишь обманъ, скуку и чисто-растительное существованіе, онъ звалъ молодежь обоего пола къ жизни, озаренной свѣтомъ науки,

жизни труда, широкихъ взглядовъ и симпатій, которая открывалась для „мыслящаго реалиста".

Еще не настало время для полной оцѣнки трудовъ Н. К. Михайловскаго (1842—1904), который въ семидесятыхъ годахъ занялъ мѣсто руководящаго литературнаго критика и оставался имъ вплоть до смерти. Положеніе, занятое имъ въ литературѣ, не можетъ быть понято, не входя во многія детали относительно характера интеллектуальнаго движенія Россіи за послѣдніе тридцать лѣтъ, и борьбы партій, а это движеніе и борьба отличались чрезвычайной сложностью. Достаточно будетъ сказать, что съ Михайловскимъ литературная критика приняла философско-общественное направленіе. Въ теченіе этого періода философія Спенсера производила глубокое впечатлѣніе въ Россіи, и Михайловскій подвергъ ее суровому разбору съ антропологической точки зрѣнія, указавъ ея слабые пункты и выработавъ собственную „теорію прогресса", которая, несомнѣнно, произвела бы впечатлѣніе и въ Западной Европѣ, если бы она была извѣстна за предѣлами Россіи. Его замѣчательныя статьи объ „Индивидуализмѣ", о „Герояхъ и толпѣ", о „Счастьи" имѣютъ такую же философски-соціологическую цѣнность; даже тѣ немногія цитаты изъ его статьи „Десница и шуйца графа Толстого", которыя даны были въ предыдущей главѣ, съ достаточной ясностью указываютъ,—куда направлены его симпатіи. Къ сожалѣнію нужно сказать, что, какъ литературный критикъ, Михайловскій далеко уступалъ своимъ предшественникамъ, а между тѣмъ первое условіе для литературной критики, какъ ее понималъ Бѣлинскій, было соединеніе чутья общественнаго съ чутьемъ художественнымъ.

Изъ другихъ критиковъ этого же направленія я упомяну лишь Скабичевскаго (род. 1838 г.), автора хорошей и очень полезной исторіи современной русской литературы, о которой я уже упоминалъ выше. Изъ писателей, занимавшихся также критикой, я упомяну К. Арсеньева (род. 1837), котораго „Критическіе этюды" (1888) тѣмъ болѣе интересны, что онъ разбираетъ въ нихъ довольно подробно нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ поэтовъ и молодыхъ современныхъ писателей. П. Полевой (1839—1903),

авторъ многихъ историческихъ повѣстей, написалъ также популярную „Исторію русской литературы". Къ сожалѣнію, я вынужденъ пройти здѣсь молчаніемъ цѣнные критическіе труды Дружинина (1824—1864), выступившаго послѣ смерти Бѣлинскаго, П. В. Анненкова (1812—1864), а также Аполлона Григорьева (1822—1864), блестящаго и оригинальнаго критика славянофильскаго лагеря. Оба они держались „эстетической" точки зрѣнія и сражались съ утилитарными взглядами на искусство.

„Что такое искусство?" Толстого.

Какъ читатели могли видѣть, въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ, начиная съ Веневитинова и Надеждина, русскіе художественные критики стремились установить положеніе, что искусство имѣетъ право на существованіе лишь тогда, когда оно идетъ на „служеніе обществу" и способствуетъ обществу подниматься до высшихъ гуманитарныхъ идеаловъ — конечно, при помощи тѣхъ средствъ, которыя присущи одному лишь искусству и отличаютъ его какъ отъ науки, такъ и отъ политической дѣятельности. Эта мысль, такъ шокировавшая западно-европейскихъ читателей, когда ее развивалъ Прудонъ, давно была развиваема въ Россіи всѣми тѣми, кто оказывалъ дѣйствительное вліяніе на критическія сужденія въ области искусства; при томъ, нѣкоторые изъ нашихъ величайшихъ поэтовъ, какъ, напр., Лермонтовъ и Тургеневъ, доказывали ее на дѣлѣ своими твореніями. Что же касается критиковъ другого лагеря, какъ Дружининъ, Анненковъ и Ап. Григорьевъ, которые или держались противоположныхъ взглядовъ, защищая теорію „искусства для искусства", или же занимали срединное положеніе, — ставя критеріумомъ искусства „Прекрасное" и придерживаясь теорій нѣмецкихъ эстетическихъ писателей, — то о нихъ можно лишь сказать, что если они и помогали нашимъ художникамъ, указывая имъ на недостатки или же несовершенства художественной отдѣлки ихъ произведеній, то они не оказали никакого вліянія на развитіе русской мысли вообще въ направленіи „чистой эстетики".

Метафизика нѣмецкихъ эстетическихъ писателей неоднократно была разрушаема предъ трибуналомъ русскихъ чи-

тателей, — въ особенности Бѣлинскимъ въ его „Обзорѣ русской литературы за 1847-й годъ“ и Чернышевскимъ въ его „Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“. Въ вышеупомянутомъ обзорѣ Бѣлинскій подробно развилъ свои идеи о службѣ искусства на пользу человѣчества и доказалъ, что хотя искусство не тождествено съ наукой и отличается отъ нея способомъ обращенія съ явленіями жизни, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ общую съ наукой цѣль. Человѣкъ науки доказываетъ — поэтъ показываетъ; но оба убѣждаютъ; первый — доводами, второй — картинами изъ жизни. То же было сдѣлано и Чернышевскимъ, когда онъ утверждалъ, что цѣль искусства сходится съ цѣлью исторіи въ томъ, что оно объясняетъ намъ жизнь, и что, слѣдовательно, искусство, которое только воспроизводитъ факты жизни, не увеличивая нашего пониманія жизни, вовсе не будетъ искусствомъ.

Эти объяснительныя замѣчанія пояснятъ читателю — почему „Что такое искусство?“ Толстого произвело въ Россіи гораздо менѣе впечатлѣнія, чѣмъ за-границей. Въ этомъ произведеніи поразила насъ не руководящая идея этого произведенія, которая не представляла для насъ новости, сколько то обстоятельство, что великій художникъ также оказался въ числѣ защитниковъ этой идеи, выступивъ на ея защиту со всей силой своего художественнаго опыта; обратила на себя вниманіе, конечно, и литературная форма, которую онъ придалъ этой идеѣ. Кромѣ того, мы прочли съ величайшимъ интересомъ его остроумную критику „декадентскихъ“ псевдо-поэтовъ и либретто Вагнеровскихъ оперъ. По поводу этихъ послѣднихъ я только позволю себѣ замѣтить, что ко многимъ мѣстамъ этихъ либретто Вагнеръ написалъ чудную музыку, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось имѣть дѣло съ общечеловѣческими страстями — любовью, состраданіемъ, завистью, наслажденіемъ жизнью и т. д., — совершенно забывая о псевдо-волшебномъ содержаніи либретто.

Для русскаго читателя „Что такое искусство?“ представляло тѣмъ бòльшій интересъ, что защитники чистаго искусства и враги „нигилизма въ искусствѣ“ всегда причисляли Толстого къ своему лагерю. И дѣйствительно, въ мо-

лодости его взгляды на искусство не отличались особенной опредѣленностью. Во всякомъ случаѣ, когда, въ 1859 году, Толстой былъ избранъ членомъ „Общества любителей русской словесности", онъ произнесъ рѣчь о необходимости избавить искусство отъ вторженія мелкихъ споровъ текущаго дня. На эту рѣчь славянофилъ Хомяковъ и отвѣтилъ ему страстной рѣчью, оспаривая въ ней идеи Толстого съ большой энергіей.

„Есть минуты, — говорилъ Хомяковъ, — и минуты важныя въ исторіи, когда самообличеніе (со стороны общества) получаетъ особенныя неопровержимыя права... Случайное и временное въ историческомъ ходѣ народной жизни получаетъ значеніе всеобщаго, всечеловѣческаго, уже и потому, что всѣ поколѣнія, всѣ народы могутъ понимать и понимаютъ болѣзненные стоны и болѣзненную исповѣдь одного какого-нибудь поколѣнія или народа... Художникъ — не теорія, не область мысли и мысленной дѣятельности: онъ — человѣкъ, всегда человѣкъ своего времени, обыкновенно лучшій его представитель... По самой впечатлимости своей организаціи, безъ которой онъ не могъ бы быть художникомъ, онъ принимаетъ въ себя и болѣе другихъ людей всѣ болѣзненныя, такъ же какъ и радостныя, ощущенія общества, въ которомъ онъ родился".

Указавъ, что Толстой уже стоялъ на этой точкѣ зрѣнія, напримѣръ, когда описывалъ смерть ямщика въ разсказѣ „Три смерти", Хомяковъ заключилъ свою рѣчь словами: „Да, и вы были, и вы будете обличителемъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы выбрали *)".

Во всякомъ случаѣ, въ „Что такое искусство?" Толстой окончательно разрываетъ съ теоріями „искусства для искусства" и открыто становится въ ряды тѣхъ, которыхъ мысли объ искусствѣ были изложены на предыдущихъ страницахъ. Онъ только точнѣе опредѣляетъ область искусства, говоря, что художникъ всегда стремится — сообщить другимъ чувства, возбуждаемыя въ немъ самомъ природой или человѣческой жизнью; т. е. не убѣдить, какъ говорилъ

*) Рѣчь Хомякова приведена въ „Исторіи нов. рус. лит." Скабичевскаго. Мнѣ очень хотѣлось достать рѣчь самого Толстого, но эта рѣчь не была напечатана, а ея рукопись затерялась.

Чернышевскій, но заразить другихъ собственными чувствами, — и это опредѣленіе, конечно, правильнѣе. Но не должно забывать, что „чувство“ и „мысль“ — не раздѣлимы. Чувство нуждается въ словахъ для своего выраженія, а выраженное словами является мыслью. И когда Толстой говоритъ, что цѣлью художественной дѣятельности должна быть передача „высочайшихъ чувствъ, какихъ человѣчество можетъ достигнуть“, когда онъ говоритъ, что искусство должно быть „религіознымъ“ — т. е. пробуждать высочайшія и лучшія стремленія, онъ лишь выражаетъ другими словами то, что раньше говорили наши лучшіе критики, начиная съ Веневитинова, Надеждина и Полевого. Въ дѣйствительности, когда онъ жалуется, что никто не учитъ людей какъ жить, онъ забываетъ, что именно это дѣлаетъ истинное искусство, и что именно это всегда было дѣломъ нашихъ художественныхъ критиковъ. Бѣлинскій, Добролюбовъ и Писаревъ, и ихъ продолжатели, только и дѣлали, что учили людей какъ жить. Они изучали и анализировали жизнь, какъ изобразили и поняли ее величайшіе художники каждаго столѣтія, и они выводили изъ ихъ произведеній заключеніе — „какъ жить“.

Болѣе того. Когда Толстой, вооруженный могущественнымъ критическимъ анализомъ, бичуетъ то, что онъ называетъ поддѣлкой подъ искусство, онъ лишь продолжаетъ работу, начатую Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и въ особенности Писаревымъ. Онъ становится на сторонѣ Базарова. Но это вмѣшательство великаго художника наноситъ болѣе смертельный ударъ теоріи „искусства для искусства“, все еще процвѣтающей въ Западной Европѣ, чѣмъ это могли сдѣлать діатрибы Прудона или работы нашихъ русскихъ критиковъ, неизвѣстныхъ на Западѣ.

Что же касается утвержденія Толстого, что цѣнность произведенія искусства измѣряется степенью его доступности для возможно большей массы людей,—утвержденія, которое вызвало ожесточенныя опроверженія со всѣхъ сторонъ, и даже насмѣшки,—то оно, хотя и было выражено Толстымъ, можетъ быть, въ несовсѣмъ удачной формѣ, тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, содержитъ зародышъ вѣрной идеи, которая въ свое время несомнѣнно привьется. Очевидно, что

каждая отрасль искусства имѣетъ извѣстныя условныя способы для своего выраженія,—свой собственный путь для „зараженія другихъ чувствами художника“, и слѣдовательно требуетъ извѣстной предварительной подготовки для пониманія. Толстой едва-ли правъ, забывая о томъ, что извѣстная подготовка необходима для правильнаго пониманія даже простѣйшихъ формъ искусства, и его критерій „всеобщаго пониманія“ заходитъ черезчуръ далеко. Человѣкъ, незнакомый съ картинами, не понимаетъ лицъ, написанныхъ въ профиль, или же такихъ, въ которыхъ половина лица въ тѣни. Человѣкъ съ музыкально неразвитымъ слухомъ понимаетъ только темпъ въ музыкѣ, только ритмъ, но плохо различаетъ еще ея звуки, отдѣльныя ноты мелодіи. Развитіе пониманія, слѣдовательно, необходимо, и наше наслажденіе искусствомъ растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ нашего пониманія.

Но все же, въ его утвержденіи лежитъ глубокая идея. Толстой несомнѣнно правъ, задавъ такой вопросъ: почему Библія до сихъ поръ не превзойдена, какъ произведеніе искусства, доступное пониманію всякаго? Мишлѐ раньше Толстого сдѣлалъ подобное замѣчаніе и сказалъ, что наше столѣтіе нуждается въ „книгѣ“ (Le Livre), которая должна заключать, въ высоко-художественной поэтической формѣ, доступной для всѣхъ, воплощеніе природы во всей ея красотѣ и исторіи всего человѣчества, въ его глубочайшихъ общечеловѣческихъ проявленіяхъ. Гумбольдтъ попытался дать человѣчеству нѣчто подобное въ своемъ „Космосѣ“; но, несмотря на все величіе этого произведенія, оно доступно лишь очень немногимъ; ему не удалось еще превратить конечные выводы науки въ поэзію, которую поняли бы массы, и мы до сихъ поръ не имѣемъ произведенія искусства, которое даже приблизительно удовлетворяло бы этой потребности современнаго человѣчества.

Причина вышеуказаннаго явленія очевидна: искусство сдѣлалось черезчуръ искусственнымъ, удовлетворяя главнымъ образомъ запросамъ богатыхъ; оно черезчуръ спеціализировалось въ способахъ своего выраженія и сдѣлалось вслѣдствіе этого доступнымъ пониманію лишь немногихъ. Въ этомъ отношеніи Толстой абсолютно правъ.

Возьмемъ, напр., массу превосходныхъ произведенiй, упомянутыхъ въ настоящей книгѣ,—очень немногiя изъ нихъ сдѣлаются когда-либо доступными для народныхъ массъ! Дѣло въ томъ, что мы, дѣйствительно, нуждаемся въ новомъ искусствѣ, въ придачу (но не на смѣну) старому. И оно появится, когда художникъ, вникнувъ въ идею Толстого, скажетъ самому себѣ: „я могу создавать глубоко-философскiя произведенiя искусства, изображая въ нихъ внутреннiя драмы высокообразованныхъ людей нашего времени; я могу писать произведенiя, отражающiя высочайшую поэзiю природы, возвышающiяся до глубочайшаго знанiя и пониманiя жизни природы; но, если я могу создавать подобныя произведенiя, то я также долженъ умѣть, если только я истинный художникъ, творить такъ, чтобы всѣ меня поняли: создавать такiя произведенiя, которыя будутъ не менѣе глубоки по концепцiи, но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ понятны и доставятъ наслажденiе всякому, включая бѣднѣйшаго рудокопа или крестьянина!" Сказать, что народная пѣсня—произведенiе болѣе великое, чѣмъ соната Бетховена, невѣрно: сравнивать бурю въ Альпахъ и борьбу съ ней съ прекраснымъ лѣтнимъ днемъ и сельскимъ сѣнокосомъ — нельзя; а между тѣмъ драматическiя настроенiя Бетховена представляютъ именно такiя бури въ его сердцѣ. Но истинно-великое искусство, которое, несмотря на свою глубину и на возвышенность своихъ идеаловъ, проникнетъ въ каждую крестьянскую хижину и вдохновитъ всякаго высшими концепцiями мысли и жизни—такое искусство дѣйствительно нужно. И, я думаю, оно возможно.

Нѣкоторые современные беллетристы.

Въ планъ настоящей книги не входилъ анализъ современныхъ писателей. Для добросовѣстной ихъ оцѣнки понадобился бы другой томъ, не только въ виду литературнаго значенiя нѣкоторыхъ изъ нихъ и интереса различныхъ направленiй искусства, представляемыхъ ими, но главнымъ образомъ вслѣдствiе того, что надлежащее выясненiе характера современной литературы и различныхъ теченiй въ русскомъ искусствѣ потребовало бы детальнаго разсмотрѣнiя

тѣхъ хаотическихъ условій, въ которыхъ страна живетъ за послѣдніе тридцать лѣтъ. Кромѣ того, большинство изъ современныхъ писателей далеко еще не сказало своего послѣдняго слова, и мы можемъ ожидать отъ нихъ произведеній еще болѣе значительной цѣнности, по сравненію съ появившимися. Въ виду этого я принужденъ ограничиться одними краткими замѣчаніями о наиболѣе крупныхъ современныхъ беллетристахъ.

Эртель (род. 1855), къ сожалѣнію, прекратилъ за послѣдніе годы свою литературную дѣятельность, какъ разъ въ то время, когда его послѣдній романъ („Смѣна"), указывалъ на сильное развитіе его симпатичнаго таланта. Онъ родился на границѣ русскихъ степей и выросъ въ крупномъ помѣщичьемъ имѣніи, находящемся въ этой части Россіи. Позднѣе онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ и, какъ и слѣдовало ожидать, вынужденъ былъ оставить университетъ послѣ какихъ-то „студенческихъ безпорядковъ", за участіе въ которыхъ онъ былъ высланъ въ Тверь. Вскорѣ онъ, однако, вернулся въ свои родныя степи, вызывающія въ немъ такое же обожаніе, какъ въ Никитинѣ и Кольцовѣ.

Эртель началъ свою литературную карьеру небольшими очерками, вышедшими позднѣе въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ „Записки степняка"; по манерѣ они напоминаютъ „Записки охотника" Тургенева. Природа степей превосходно описана, съ большой теплотой и поэзіей, въ этихъ маленькихъ разсказахъ, и типы крестьянъ, изображенные въ нихъ, отличаются большой правдивостью и не носятъ ни малѣйшаго слѣда идеализаціи, хотя читатель чувствуетъ, что авторъ не принадлежитъ къ большимъ поклонникамъ „интеллигенціи" и вполнѣ цѣнитъ мірскую этику деревенской жизни. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ, въ особенности тѣ, въ которыхъ изображена растущая буржуазія деревни, отличаются большой художественностью. Повѣсть „Двѣ пары" (1887), въ которой дана параллельная исторія двухъ влюбленныхъ паръ,—изъ которыхъ одна принадлежитъ къ образованнымъ классамъ, а другая къ крестьянству,—очевидно написана подъ вліяніемъ идей Толстого и носитъ слѣды тенденціозности, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вредитъ хужественному значенію повѣсти, хотя въ ней имѣются пре-

восходныя сцены, указывающія на тонкую наблюдательность.

Но дѣйствительная сила Эртеля лежитъ не въ изображеніи психологическихъ проблемъ личности. Его настоящая область—въ описаніи цѣлыхъ областей, со всѣмъ разнообразіемъ людскихъ типовъ, свойственныхъ смѣшанному населенію южной Россіи. Эта особенность его таланта наилучше проявляется въ его романѣ: „Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги“ и въ „Смѣнѣ“. Русская критика очень серьезно и детально обсудила двухъ молодыхъ героевъ, Ефрема и Николая, появляющихся въ „Гардениныхъ“, подвергнувъ суровому разбору образъ мысли этихъ молодыхъ людей. Но, въ сущности, эти герои имѣютъ лишь совершенно второстепенное значеніе, и можно лишь пожалѣть, что авторъ, платя дань своему времени, отдалъ этимъ молодымъ людямъ больше вниманія, чѣмъ они заслуживаютъ, такъ какъ они не что иное какъ равныя всѣмъ другимъ дѣйствующія лица въ громадной картинѣ помѣщичьей жизни, которая развертывается предъ нами. Дѣло въ томъ, что подобно тому, какъ Гоголь раскрываетъ намъ цѣлый міръ въ своихъ произведеніяхъ, — украинскую деревню, или губернскую жизнь,—такъ точно Эртель, въ романѣ „Гарденины“ (какъ уже указываетъ и самое его заглавіе), рисуетъ намъ всю жизнь большого барскаго имѣнія во времена крѣпостного права, со всею его дворнею, служащими, друзьями и врагами, группирующимися вокругъ конскаго завода, который составляетъ славу имѣнія и гордость всѣхъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нему. Жизнь этой массы народа, изображеніе конныхъ ярмарокъ и бѣговъ, а вовсе не споры и любовныя исторіи пары молодыхъ людей, представляетъ главный интересъ картины; и эта жизнь дѣйствительно изображена Эртелемъ такъ же мастерски, какъ бываетъ изображена деревенская ярмарка въ картинѣ хорошаго голландскаго художника. Ни одинъ русскій писатель, со временъ Сергѣя Аксакова и Гоголя, не сумѣлъ такъ хорошо изобразить цѣлый уголокъ Россіи съ массой фигуръ, при чемъ каждая живетъ своей жизнью, и каждая изъ нихъ поставлена въ то положеніе относительнаго значенія, которое она занимаетъ въ дѣйствительной жизни.

Та же сила таланта чувствуется въ „Смѣнѣ“. Сюжетъ

этого романа—очень интересенъ. Въ немъ показано, какъ старыя дворянскія семьи распадаются, подобно ихъ имѣніямъ, и какъ другой классъ людей—купцы и всякаго рода безсовѣстные авантюристы захватываютъ эти имѣнія; въ то же время создается также новый классъ, формирующійся изъ молодыхъ купцовъ и приказчиковъ, которыхъ коснулись новыя вѣянія свободы и высшей культуры, и они начинаютъ образовывать зародышъ новаго наслоенія въ средѣ культурныхъ классовъ. Въ этой повѣсти нѣкоторые критики также обратили главное свое вниманіе на несомнѣнно интересные типы аристократической дѣвушки, крестьянина-сектанта, въ котораго она начинаетъ влюбляться, и практическаго молодого купца - радикала — которые всѣ изображены съ большимъ реализмомъ; но критики и на этотъ разъ проглядѣли самое важное въ романѣ. Въ немъ опять изображена цѣлая область южной Россіи (такая же типичная, какъ, напр., „Дальній Западъ" въ Соединенныхъ Штатахъ), кипящая жизнью, какъ это было около двадцати лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, когда начала развиваться новая жизнь, не лишенная нѣкотораго сходства съ американской. Контрасты между этой молодой жизнью и разрушающимся дворянствомъ изображены очень хорошо въ романахъ молодыхъ людей, и все произведеніе носитъ отпечатокъ чрезвычайно симпатичной личности самого автора.

Короленко родился (въ 1853 году) въ небольшомъ городкѣ юго-западной Россіи, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе. Въ 1874 году онъ былъ студентомъ Земледѣльческой Академіи въ Москвѣ, но принужденъ былъ оставить ее вслѣдствіе участія въ какихъ-то студенческихъ безпорядкахъ. Позднѣе, онъ былъ арестованъ въ качествѣ „политическаго" и сосланъ, сначала въ маленькій приуральскій городокъ, а позднѣе—въ западную Сибирь, откуда, за отказъ присягнуть Александру III, онъ былъ переведенъ въ Якутскую область,—въ улусъ, находившійся въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ Якутска. Тамъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ и возвратился въ Россію лишь въ 1886 году, но и тутъ ему не было разрѣшено жить въ университетскихъ городахъ, и онъ долгое время жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Жизнь на дальнемъ Сѣверѣ, въ пустыняхъ Якутской об-

ласти, въ улусѣ, на полгода погребенномъ въ снѣгахъ, оставила чрезвычайно глубокое впечатлѣніе на писателѣ, и разсказы, изображающіе сибирскую жизнь („Сонъ Макара", „Очерки сибирскаго туриста" и др.), были такъ художественны, что Короленко единогласно былъ признанъ достойнымъ преемникомъ Тургенева. Въ этихъ разсказахъ чувствуется такая художественная сила, такое искусство построенія, чувство мѣры, мастерство въ обрисовкѣ характеровъ, и такая художественная законченность, которыя обличаютъ въ авторѣ истиннаго и крупнаго художника. Разсказъ „Лѣсъ шумитъ", въ которомъ онъ изображаетъ эпизодъ изъ временъ крѣпостного права въ Полѣсьѣ, лишь способствовалъ упроченію высокой репутаціи автора. Разсказъ этотъ нельзя назвать подражаніемъ Тургеневу, хотя онъ невольно напоминаетъ одухотвореннымъ изображеніемъ жизни лѣса превосходный очеркъ великаго художника „Полѣсье". Разсказъ „Въ дурномъ обществѣ" является, очевидно, воспроизведеніемъ воспоминаній дѣтства автора, и эта идиллія, разсказывающая о бродягахъ и ворахъ, скрывающихся въ развалинахъ старой башни, полна такой красоты, особенно въ сценахъ изъ дѣтской жизни, что читатели сразу признали въ ней „Тургеневскую прелесть". Но вслѣдъ за тѣмъ въ дѣятельности Короленко произошла остановка. Его „Слѣпой музыкантъ" былъ переведенъ на многіе иностранные языки и вызвалъ общее восхищеніе—опять-таки своей прелестью; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалось, что черезчуръ утонченная психологія этой повѣсти едва ли точна; и съ тѣхъ поръ не появилось ни одного крупнаго произведенія, достойнаго чрезвычайно симпатичнаго и богатаго таланта Короленко. Большой его романъ, „Прохоръ и студенты", запретила цензура. Другой романъ постигла та же участь и изъ него появилась лишь одна глава, да и та искалѣченная. Кромѣ того, голодъ въ Россіи увелъ Короленко въ публицистику („Голодный годъ", „Мультанскій процессъ", „Русскіе самозванцы" и т. д.). Въ виду цензурныхъ условій, видя невозможность изображать въ повѣсти самые интересные революціонные типы современнаго поколѣнія, Короленко взялся, наконецъ, за историческій романъ, который, можетъ быть, скоро появится.

Эта задержка въ развитіи таланта поражаетъ изслѣдователя; то же можно сказать и относительно всѣхъ современниковъ Короленко, среди которыхъ также имѣются писатели и писательницы, обладающіе крупнымъ талантомъ. Разобрать обстоятельно причины подобнаго явленія, въ особенности по отношенію къ такому крупному художнику, какъ Короленко, было бы очень привлекательной задачей, но для этого пришлось бы говорить подробно о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ въ своемъ развитіи русскій романъ за послѣдніе двадцать лѣтъ, въ связи съ политической жизнью страны. Я попытаюсь ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями въ этомъ отношеніи.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ молодыми беллетристами — въ большинствѣ случаевъ сотрудниками журналовъ „Русское Слово" и „Дѣло"—былъ созданъ особый видъ повѣсти. Героемъ являлся „мыслящій реалистъ" (какъ его понималъ Писаревъ) и, какъ ни слаба была въ нѣкоторыхъ случаяхъ упрощенная техника этихъ повѣстей, ихъ руководящія идеи, вполнѣ честныя, сильно дѣйствовали на русское юношество въ хорошемъ направленіи. Это было время, когда русскія женщины дѣлали первые шаги къ завоеванію высшаго образованія и пытались достигнуть нѣкоторой экономической и интеллектуальной независимости. Чтобы достигнуть этого имъ приходилось вести ожесточенную борьбу со старымъ поколѣніемъ. „Кабановы" и „Дикой" (см. гл. VI) были тогда живы въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, въ различныхъ классахъ общества, и нашимъ женщинамъ приходилось упорно бороться съ родными и родителями, не понимавшими своихъ дѣтей, съ „обществомъ", какъ цѣлымъ, ненавидѣвшимъ „эманципированную женщину", и, наконецъ, съ правительствомъ, которое прекрасно понимало опасность, какую будетъ представлять новое поколѣніе образованныхъ женщинъ для самодержавной бюрократіи. Такимъ образомъ, въ то время, одною изъ первыхъ необходимостей являлось чтобы въ людяхъ того же поколѣнія молодыя поборницы женскихъ правъ нашли настоящихъ помощниковъ, а не такого рода слабняковъ, о которыхъ писала Тургеневская героиня въ „Перепискѣ" (см. гл. IV). Въ этомъ направленіи, наши писатели-мужчины и одна

женщина-писательница, Софья Смирнова („Огонекъ", „Сонъ Земли", 1871—1872) оказали женскому дѣлу большую услугу, поддерживая энергію женщинъ въ ихъ тяжелой борьбѣ и внушая мужчинамъ уваженіе, какъ къ этой борьбѣ, такъ и къ тѣмъ, кто стоялъ въ рядахъ борющихся.

Позднѣе, въ русской повѣсти начинаетъ преобладать новый элементъ. Это былъ элементъ „народническій", въ которомъ выразилась любовь къ массамъ трудящихся и проповѣдывалась работа между ними—съ цѣлью внести хоть искру свѣта и надежды въ ихъ печальное существованіе. Опять-таки на долю беллетристики выпала, въ значительной степени, поддержка этого движенія; она вдохновляла молодежь къ такой работѣ, образчикъ которой мы привели въ предыдущей главѣ, говоря о „Большой Медвѣдицѣ". Многочисленные беллетристы работали въ обоихъ указанныхъ направленіяхъ и я лишь упомяну о Мордовцевѣ (въ „Знаменіи времени"), Шеллерѣ (писавшемъ подъ псевдонимомъ А. Михайлова), Станюковичѣ, Новодворскомъ, Баранцевичѣ, Мачтетѣ и Маминѣ, которые всѣ, прямо или косвенно, работали въ томъ же самомъ направленіи.

Должно, также, принять во вниманіе, что борьба за свободу, начавшаяся около 1857 года, достигнувъ кульминаціоннаго пункта въ 1881 году, на-время затихла, и въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ русскую интеллигенцію постигли полное истощеніе и усталость. Вѣра въ старые идеалы, въ старые боевые девизы, даже простая вѣра въ людей — разрушались, и въ искусство начали проникать новыя тенденціи, отчасти подъ вліяніемъ указанной нами фазы русскаго революціоннаго движенія, а отчасти подъ вліяніемъ Западной Европы. Преобладало чувство утомленія. Вѣра въ науку была потрясена. Соціальные идеалы ушли на задній планъ. „Ригоризмъ" осуждался, „народничество" считалось чѣмъ-то смѣшнымъ, и когда оно появилось снова, то на этотъ разъ было облечено въ религіозную форму толстовщины. Вмѣсто прежняго энтузіазма къ „человѣчеству", провозглашены были „права личности", при чемъ это не были права, равныя для всѣхъ, но лишь права немногихъ, хотя и въ ущербъ всѣмъ остальнымъ.

Въ такомъ хаосѣ соціальныхъ понятій — въ такое „безвременье“ — пришлось развиваться нашимъ беллетристамъ, всегда стремившимся отразить въ своихъ произведеніяхъ вопросы дня, и эта неопредѣленность понятій стояла на пути ихъ стремленіямъ создать нѣчто столь-же законченное и цѣльное, какъ произведенія ихъ предшественниковъ въ прошломъ поколѣніи. Общество не давало вполнѣ законченныхъ типовъ, а истинный художникъ не можетъ изобрѣтать нѣчто несуществующее.

Даже такой субъективный художникъ, какъ Вс. Гаршинъ (1855 — 1888), пронесшійся, при томъ, какъ метеоръ въ русской литературѣ, можетъ служить подтвержденіемъ сказаннаго. Его чудную, мягкую, поэтическую натуру сломили противорѣчія жизни, слагавшіяся въ тѣ гòды.

Онъ былъ родомъ изъ юго-западной Россіи, учился въ Петербургѣ и девятнадцати лѣтъ поступилъ уже въ Горный Институтъ. Съ ранняго возраста онъ отличался чрезвычайною впечатлительностью, читалъ очень много, и еще до окончанія гимназическаго курса находился одно время въ психіатрической лѣчебницѣ. Возстаніе славянъ въ 1876 году и война 1877-го года выбили его изъ колеи. Онъ, критически относившійся къ войнѣ, рвался къ возставшимъ сербамъ, и какъ только война съ Турціею была объявлена, въ апрѣлѣ 1877 г., онъ рѣшилъ, что его святая обязанность — нести вмѣстѣ съ народомъ всю тяжесть надвинувшейся грозы и бѣдствій. Онъ немедленно записался вольноопредѣляющимся, поѣхалъ въ Кишиневъ, и черезъ нѣсколько дней уже выступалъ въ походъ со своимъ полкомъ, который направлялся къ Дунаю. Гаршинъ сдѣлалъ весь походъ пѣшкомъ, отказываясь ото всякихъ льготъ, предлагавшихся ему офицерами.

Во время самой войны онъ написалъ первый свой замѣчательно художественный разсказъ „Четыре дня“ (ранėнаго), который сразу обратилъ вниманіе на молодого писателя. Въ августѣ онъ былъ уже раненъ: ему простpѣлили ногу. Рана долго не заживала, и онъ выбылъ изъ строя. Онъ вернулся въ Петербургъ, поступилъ въ университетъ, и сталъ серьезно готовиться къ литературному поприщу.

Въ эти годы имъ написано было нѣсколько разсказовъ, до того художественно построенныхъ и такъ поэтически,

что въ этомъ отношенiи ихъ приходится сравнивать только съ разсказами Тургенева и отчасти Короленко. Но при мягкой, впечатлительной, нервно-отзывчивой натурѣ Гаршина, каждое изъ его литературныхъ произведенiй писано было кровью и слезами: — „Хорошо или нехорошо выходило написанное, — говорилъ онъ въ одномъ письмѣ, — это вопросъ посторонній: но что я писалъ въ самомъ дѣлѣ одними своими несчастными нервами, и что каждая буква стоила мнѣ капли крови, то это, право, не будетъ преувеличенiемъ“. Внутренней жизни Гаршина мы не знаемъ: „...многiя обстоятельства жизни Гаршина остаются пока неразъясненными, — говоритъ Скабичевскiй, — и полная его бiографiя возможна будетъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“. Но несомнѣнно, что происходившая тогда террористическая политическая борьба тяжело отозвалась на немъ и глубоко мучила его нѣжную, впечатлительную натуру. Въ 1880 году, послѣ покушенiя Млодецкаго на Лорисъ-Меликова, когда Млодецкiй былъ присужденъ къ повѣшенiю въ 24 часа, Гаршинъ ходилъ ночью къ „диктатору“ и настаивалъ на томъ, чтобы казнь не была совершена. Послѣ этого, глубоко потрясенный, онъ поѣхалъ въ Москву, скитался по средней Россiи, пропалъ безъ вѣсти, и когда былъ разысканъ, его пришлось опять свезти въ лѣчебницу для душевно-больныхъ. Но и помѣшательство его не было полною потерею сознанiя. Онъ мучился все тѣми же вопросами о счастьи человѣчества, о средствахъ его достигнуть, и его потрясающая поэма, „Красный цвѣтокъ“, гдѣ помѣшанный дѣлаетъ невѣроятныя усилiя, чтобы вырваться изъ-подъ надзора сторожей, разорвать свои путы и уничтожить „красный цвѣтокъ“ — вину всего зла, эта поэма — страница изъ его собственной бiографiи.

Въ 1882 году онъ выздоровѣлъ и снова былъ въ Петербургѣ. Онъ даже женился, но пять лѣтъ спустя болѣзнь снова взяла верхъ, и онъ покончилъ съ собою въ началѣ 1888 года.

Тургеневскiе разсказы полны поэзiи; то же составляетъ отличительную черту разсказовъ Гаршина; та же простота, та же философская грусть и нѣжность, та же удивительная гармонiя построенiя. Авторъ виденъ въ нихъ, но — только

свѣтомъ тихой грусти, которую — если разъ увидѣлъ поразительно-красивые портреты Гаршина — нельзя отдѣлить отъ его грустнаго взора.

За разсказомъ „Четыре дня" послѣдовало нѣсколько другихъ изъ боевой жизни: „Трусъ", „Изъ воспоминаній рядового Иванова", „Боевыя картинки", — всѣ три чрезвычайно талантливые.

Въ Гаршинѣ, какъ и въ Тургеневѣ, несомнѣнно жилъ художникъ-живописецъ, вмѣстѣ съ художникомъ-литераторомъ, и онъ всегда слѣдилъ съ любовью за русскою живописью, писалъ прекрасныя обозрѣнія выставокъ, и водился съ художниками. Наиболѣе обработанными и психологически-глубокими его разсказами являются. „Надежда Николаевна" и „Художники", оба изъ этой жизни. И въ этихъ разсказахъ Гаршинъ отразилъ два главныхъ теченія своего времени. Рябининъ, вопреки всѣмъ академическимъ традиціямъ, пишетъ „глухаря" — рабочаго, на груди котораго забиваютъ, на желѣзныхъ заводахъ, заклёпки котловъ, — и написавши поразительную картину, онъ бросаетъ живопись и идетъ въ сельскіе учителя. А другой художникъ пишетъ, съ Надежды Николаевны, „Шарлоту Кордэ", при чемъ невольно спрашиваешь себя: не поставлено-ли было имя французской жирондистки — орудія реакціи — на мѣсто какого-нибудь другого, русскаго имени? По глубинѣ и тонкости психологическаго анализа, по красотѣ формы и всей архитектуры, по разработанности подробностей и общему впечатлѣнію цѣлаго, оба эти разсказа составили бы украшеніе всякой литературы.

То же должно сказать о такой чудно-поэтической сказкѣ, какъ „Atalea princeps" — исторія пальмы, рвущейся на волю изъ-подъ стеколъ теплицы и срубленной за это. По поэтической своей формѣ, эта сказка не уступаетъ лучшимъ сказкамъ Андерсена. Въ русской литературѣ, у Кота Мурлыки (Н. П. Вагнера, род. 1829), есть такія-же поэтическія сказки, но онѣ менѣе понятны дѣтямъ, тогда какъ у Гаршина, несомнѣнно, былъ большой талантъ, чтобы писать сказки именно для дѣтей, но захватывающія за живое и „большихъ".

Дмитрій Мережковскій (род. 1866) точно также

можетъ служить примѣромъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ художникъ, одаренный незауряднымъ талантомъ, въ достиженіи полнаго развитія, при тѣхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ, которыя преобладали въ послѣднее время въ Россіи въ указанный періодъ. Не касаясь его стихотвореній, — хотя они также очень характерны, — и взявъ лишь его повѣсти и критическія статьи, мы увидимъ, какъ, начавъ свою писательскую карьеру съ нѣкоторой симпатіей или, по крайней мѣрѣ, съ извѣстнымъ уваженіемъ къ тѣмъ русскимъ писателямъ прошлаго поколѣнія, которые работали подъ вдохновеніемъ высшихъ соціальныхъ идеаловъ, Мережковскій постепенно началъ относиться къ этимъ идеаламъ съ подозрѣніемъ и, въ концѣ концовъ, сталъ презирать ихъ. Онъ нашелъ ихъ безполезными и началъ все чаще и чаще говорить о „самодержавныхъ правахъ личности", но не въ томъ смыслѣ, какъ это понималось Годвиномъ и другими философами XVIII-го вѣка, или Писаревымъ, когда послѣдній говорилъ о „мыслящемъ реалистѣ". Мережковскій взялъ эти „права" въ томъ смыслѣ — чрезвычайно смутномъ, а когда эта смутность отсутствуетъ, очень узкомъ — который имъ придалъ Ничше. Въ то же время онъ началъ все болѣе и болѣе говорить о „Красотѣ" и „поклоненіи Прекрасному", но опять-таки не въ томъ смыслѣ, какой этимъ выраженіямъ придавали идеалисты, но въ ограниченномъ, эротическомъ значеніи, какъ они понимались „эстетиками" 40-хъ годовъ.

Главная работа, предпринятая Мережковскимъ, представляетъ значительный интересъ. Онъ задумалъ создать трилогію, въ которой намѣревался изобразить борьбу древняго языческаго міра съ христіанствомъ, основныхъ началъ перваго съ основными началами второго: съ одной стороны онъ хотѣлъ нарисовать эллинскую любовь природы и поэтическое ея пониманіе, съ ея поклоненіемъ здоровой плодовитой жизни; съ другой — умерщвляющее жизнь вліяніе іудейскаго христіанства, съ его осужденіемъ изученія природы, осужденіемъ поэзіи, искусства, удовольствій и вообще здоровой жизни. Первой повѣстью этой трилогіи былъ „Юліанъ Отступникъ", второй „Леонардо да-Винчи" (обѣ эти повѣсти переведены по-англійски), а третьей—„Петръ

Великій". Обѣ первыя были результатомъ тщательнаго изученія античнаго міра и эпохи Возрожденія и, несмотря на нѣкоторые недостатки (отсутствіе дѣйствительнаго чувства— даже въ прославленіи преклоненія предъ Красотой и нѣкоторое излишество археологическихъ деталей), въ обѣихъ повѣстяхъ найдется немало дѣйствительно прекрасныхъ и производящихъ впечатлѣніе сценъ; но руководящая идея—необходимость синтеза, осмысленнаго сочетанія между поэзіей природы античнаго міра и высшими гуманистическими идеалами христіанства—не вытекаетъ изъ дѣйствія повѣстей, а насильно навязывается читателямъ.

Къ несчастью, восхищеніе Мережковскаго античнымъ „натуризмомъ" продолжалось недолго. Онъ еще не успѣлъ написать третьей повѣсти трилогіи, какъ въ его произведенія началъ проникать „символизмъ" и, въ результатѣ, молодой авторъ, несмотря на всю его талантливость, кажется, стремится по прямой линіи въ ту пропасть безнадежнаго мистицизма, которая поглотила Гоголя въ концѣ его жизни.

Западно-европейскимъ и въ особенности англійскимъ читателямъ можетъ показаться странной эта быстрая смѣна умственныхъ настроеній въ русскомъ обществѣ и при томъ настолько глубокихъ, что они могутъ вліять на развитіе беллетристики, какъ это было указано нами выше. Но эта смѣна объясняется той исторической фазой, которую переживаетъ Россія. Среди русскихъ писателей имѣется очень талантливый беллетристъ П. Д. Боборыкинъ (род. 1836), котораго спеціальностью является изображеніе различныхъ настроеній русскаго образованнаго общества въ ихъ быстро смѣняющейся послѣдовательности въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Техника его произведеній всегда превосходна; его наблюденія всегда точны; онъ всегда разсматриваетъ своихъ героевъ съ честной прогрессивной точки зрѣнія, и его романы всегда вѣрно и хорошо отражаютъ тѣ тенденціи, которыя въ данный моментъ занимаютъ вниманіе русской интеллигенціи. Поэтому, его романы имѣютъ очень большую цѣнность для исторіи развитія мысли въ Россіи, и они, вѣроятно, сослужили не малую службу, помогая молодежи разбираться въ разнообразныхъ явленіяхъ жизни;

но разнообразіе теченій, попавшихъ въ беллетристическую хронику Боборыкина, вѣроятно ошеломило-бы западно-европейскаго читателя.

Боборыкина нѣкоторые критики упрекали въ томъ, что онъ недостаточно различаетъ важныя явленія жизни, которыя онъ описываетъ, отъ мелочныхъ и преходящихъ, но это обвиненіе едва-ли справедливо. Его главный недостатокъ, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что читатель почти не чувствуетъ индивидуальности автора. Кажется что онъ показываетъ читателямъ калейдоскопъ жизни, не принимая самъ никакого участія въ своихъ герояхъ, не раздѣляя ни ихъ радостей, ни ихъ печалей. Онъ изучилъ и хорошо наблюдалъ описываемыя имъ дѣйствующія лица; онъ судитъ о нихъ, какъ умный, опытный человѣкъ; но ни одинъ и ни одна изъ нихъ не произвели на него такого впечатлѣнія, чтобы дѣйствительно глубоко затронуть автора. Вслѣдствіе этого, изображаемые имъ типы не производятъ также глубокаго впечатлѣнія на читателей.

Однимъ изъ очень популярныхъ современныхъ авторовъ является Потапенко, одаренный крупнымъ талантомъ и поражающій своей, прямо невѣроятной, производительностью. Онь родился въ 1856 году, на югѣ Россіи, и одно время готовился къ музыкальной карьерѣ; но съ 1881 года онъ началъ писать и, несмотря на то, что его послѣднія произведенія носятъ слѣды черезчуръ поспѣшной работы, онъ остается однимъ изъ любимцевъ читающей публики. Произведенія Потапенко являются счастливымъ исключеніемъ въ той мрачной атмосферѣ, какую представляютъ большинство произведеній современныхъ русскихъ беллетристовъ. Нѣкоторыя изъ его повѣстей отличаются здоровымъ юморомъ и вызываютъ въ читателѣ добродушный смѣхъ. Но, даже когда въ его произведеніяхъ отсутствуетъ комическій элементъ, печальныя и даже трагическія явленія, изображаемыя имъ, не вызываютъ въ читателѣ угнетенія,—можетъ быть потому, что авторъ всегда разсматриваетъ всѣ столкновенія русской жизни съ точки зрѣнія довольнаго оптимиста. Въ этомъ отношеніи Потапенко совершенно расходится съ большинствомъ своихъ современниковъ, а въ особенности съ Чеховымъ.

А. П. Чеховъ.

Изъ всѣхъ современныхъ русскихъ беллетристовъ А. П. Чеховъ (1860—1904) былъ несомнѣнно наиболѣе глубоко-оригинальнымъ. При этомъ онъ не отличался какой-нибудь особою оригинальностью стиля: стиль его, какъ и всякаго хорошаго художника, конечно, несетъ на себѣ отпечатокъ его личности, но онъ никогда не пытался поразить своихъ читателей какими-либо своеобразными эффектами стиля; онъ, вѣроятно, относился съ презрѣніемъ къ подобнымъ ухищреніямъ и писалъ съ той же простотой, какая присуща Пушкину, Тургеневу и Толстому. Точно также онъ не выбиралъ какихъ-нибудь особенныхъ сюжетовъ для своихъ разсказовъ и повѣстей, не выводилъ въ нихъ какого-либо спеціальнаго класса людей. Напротивъ, немногіе авторы могутъ похвалиться такимъ обиліемъ изображеній, взятыхъ изъ всѣхъ классовъ русскаго общества, во всевозможныхъ его оттѣнкахъ и всевозможныхъ положеніяхъ. И несмотря на все это, какъ замѣтилъ Толстой, Чеховъ привнесъ нѣчто собственное въ искусство; онъ открылъ въ рудникахъ литературы новую жилу, и это открытіе имѣетъ цѣнность не только для русской литературы, но для литературы вообще, и такимъ образомъ имѣетъ международное значеніе. Ближайшимъ его подобіемъ въ другихъ литературахъ является Гюи де-Мопассанъ, но сходство между ними существуетъ лишь въ немногихъ разсказахъ. Манера Чехова, и въ особенности настроеніе всѣхъ его очерковъ, короткихъ повѣстей и драмъ, имѣютъ совершенно индивидуальный, присущій лишь ему одному, характеръ. Кромѣ того, въ произведеніяхъ обоихъ писателей наблюдается та же разница, какая существуетъ между современной Франціей и Россіей въ тотъ спеціальный періодъ развитія, который мы пережили за послѣдніе двадцать или тридцать лѣтъ.

Біографія Чехова можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ родился въ 1860 году на югѣ Россіи, въ Таганрогѣ. Его дѣдъ былъ крѣпостнымъ и проявивши незаурядныя дѣловыя способности, онъ выкупился отъ своего помѣщика, такъ что отецъ Чехова былъ купцомъ. Мальчикъ получилъ хорошее образованіе, — сначала въ мѣстной гим-

назіи, а позже въ Московскомъ университетѣ. „Я въ то время не особенно разбирался въ факультетахъ“,—говорилъ Чеховъ позже въ коротенькой автобіографической замѣткѣ— „и не могу теперь припомнить, почему именно я выбралъ медицинскій факультетъ, но я никогда не раскаивался въ этомъ выборѣ“. Онъ не сдѣлался практикующимъ врачомъ, но его работа, въ теченіе года, въ маленькой деревенской лѣчебницѣ около Москвы, и подобная же работа позднѣе, когда онъ вызвался завѣдывать медицинскимъ участкомъ во время холерной эпидеміи 1892 года, привела его въ близкое соприкосновеніе съ цѣлымъ міромъ людей самыхъ разнообразныхъ положеній и характеровъ; и какъ самъ онъ однажды замѣтилъ, его знакомство съ естественными науками и съ научнымъ методомъ мышленія очень помогло ему въ дальнѣйшихъ литературныхъ работахъ.

Чеховъ началъ свою литературную карьеру очень рано. Уже въ теченіе первыхъ годовъ пребыванія въ университетѣ, т. е. начиная съ 1879 года, онъ началъ писать коротенькіе юмористическіе очерки (подъ псевдонимомъ Чехонте) для еженедѣльныхъ юмористическихъ изданій. Его талантъ развивался очень быстро, и симпатіи, съ которыми его первые сборники разсказовъ были встрѣчены въ прессѣ, а также интересъ, который лучшіе русскіе критики проявили къ молодому беллетристу, несомнѣнно помогли ему дать болѣе серьезное направленіе его творческимъ способностямъ. Съ каждымъ годомъ онъ затрагивалъ все болѣе и болѣе глубокія и сложныя задачи жизни, и въ то же время форма его произведеній становилась все болѣе утонченной и художественно-законченной. Когда Чеховъ умеръ въ 1904-мъ году, всего сорока четырехъ лѣтъ, его талантъ достигъ уже полнаго развитія. Послѣднее его произведеніе заключаетъ въ себѣ такія тонкія поэтическія черты, въ немъ поэтическая меланхолія такъ переплетена съ стремленіемъ къ радостямъ хорошо-заполненной жизни, что момож но было бы ожидать, что въ творчествѣ Чехова откроется новая страница, если бы не было въ то же время извѣстно, что чахотка быстро подтачивала его жизнь.

Никому еще до сихъ поръ не удалось, подобно Чехову, изобразить паденія человѣческой природы при нашей совре-

менной цивилизаціи, и въ особенности — банкротство образованнаго человѣка предъ лицомъ всепроникающей пошлости обыденной жизни. Это пораженіе „интеллигенціи" Чеховъ изобразилъ съ удивительной силой, разнообразіемъ и глубиной, и въ этомъ заключается отличительная черта его таланта.

Если читать очерки и разсказы Чехова въ хронологической послѣдовательности, авторъ сначала предстаетъ полный жизнерадостности и молодого веселья. Разсказы этого періода почти всѣ отличаются чрезвычайной краткостью; многіе изъ нихъ занимаютъ лишь три — четыре страницы; но они полны заразительной веселостью. Нѣкоторые изъ нихъ—просто фарсы, но нельзя удержаться, при чтеніи ихъ, отъ самаго сердечнаго смѣха, такъ какъ даже самые, казалось бы, нелѣпые по сюжету и невозможные изъ нихъ написаны съ неподражаемой прелестью. Потомъ въ эту же среду веселаго смѣха понемногу вкрадываются тамъ-и-сямъ чёрточки безсердечной вульгарности со стороны кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, и вы чувствуете, что сердце автора сжимается отъ боли. Понемногу, постепенно, эта нота все учащается и учащается; она все болѣе заставляетъ обратить на себя вниманіе; она перестаетъ быть случайной и становится органической и, наконецъ, въ каждомъ разсказѣ, въ каждой повѣсти, она уже становится главною преобладающей нотой. Разсказываетъ-ли авторъ объ легкомысленномъ безсердечіи молодого человѣка, который, „шутки ради", заставляетъ молодую дѣвушку думать, что онъ ее любитъ, или объ отсутствіи самыхъ простыхъ человѣческихъ чувствъ въ семьѣ стараго профессора, — всегда звучитъ та же нота безсердечія и пошлости, то же отсутствіе болѣе утонченныхъ человѣческихъ чувствъ, или— что еще хуже—полное интеллектуальное и моральное банкротство „интеллигенціи".

Герои Чехова—не изъ тѣхъ людей, которые никогда не слыхали лучшихъ словъ, или вовсе незнакомы съ идеями, болѣе высокими, чѣмъ тѣ, которыя обращаются въ низшихъ слояхъ филистеровъ. О нѣтъ, они слыхали такія слова, и когда-то ихъ сердца тоже бились горячо при звукѣ этихъ словъ. Но пошлая обыденная жизнь заглушила всѣ такія

стремленія, апатія пришла на смѣну, и въ удѣлъ имъ осталось одно прозябаніе изо дня въ день, посреди самой безнадежной пошлости. Пошлость, изображаемая Чеховымъ, начинается потерей вѣры въ собственныя силы и постепенной утратой всѣхъ тѣхъ яркихъ надеждъ и иллюзій, которыя составляютъ прелесть всякой дѣятельности; и тогда, шагъ за шагомъ, капля по каплѣ, пошлость постепенно изсушаетъ самые источники жизни: остаются разбитыя надежды, разбитыя сердца, разрушенная энергія. Человѣкъ достигаетъ такого состоянія, когда онъ можетъ только механически повторять изо дня въ день извѣстныя дѣйствія, и валится въ кровать, радуясь что ему удалось убить какъ-нибудь время; имъ постепенно овладѣваетъ полная умственная апатія, полное нравственное безразличіе. Хуже всего то, что самое обиліе образчиковъ этой пошлости, даваемыхъ Чеховымъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, при чемъ онъ никогда не повторяется, какъ бы указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ гнилостью данной цивилизаціи цѣлой эпохи, раскрываемой авторомъ передъ нами.

Говоря о Чеховѣ, Толстой сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, произведенія которыхъ можно съ удовольствіемъ перечитывать. Это совершенно вѣрно. Любое изъ произведеній Чехова,—будетъ ли это крошечная бездѣлка или небольшая повѣсть, или комедія — производитъ впечатлѣніе, которое не скоро забывается. Въ то же время оно отличается такимъ обиліемъ деталей, превосходно подобранныхъ для увеличенія впечатлѣнія, что перечитывать его всегда доставляетъ новое удовольствіе. Чеховъ несомнѣнно былъ великимъ художникомъ. Разнообразіе мужскихъ и женскихъ типовъ изъ всѣхъ классовъ общества, появляющихся въ его произведеніяхъ, и разнообразіе психологическихъ сюжетовъ — поистинѣ поразительно. Но, несмотря на это каждый разсказъ носитъ такой отпечатокъ личности автора, что при чтеніи самаго незначительнаго изъ нихъ вы тотчасъ узнаёте Чехова, его собственную индивидуальность и манеру, его пониманіе людей и явленій.

Чеховъ никогда не пытался писать длинныя повѣсти и романы. Его областью были небольшіе разсказы, въ кото-

рыхъ онъ дѣйствительно былъ мастеромъ. Онъ никогда не пытается дать полную исторію своихъ героевъ, отъ рожденія до могилы: такой пріемъ вовсе не годится для разсказа. Онъ беретъ лишь одинъ моментъ изъ ихъ жизни, одинъ случай, и разсказываетъ его такъ, что въ памяти читателя навсегда запечатлѣвается типъ изображенныхъ имъ личностей; позднѣе, когда читатель встрѣчаетъ живое подобіе этого типа, онъ невольно восклицаетъ: „да, вѣдь, это „Ивановъ“ Чехова!“ или: „это „Душечка“ Чехова!“ На пространствѣ какихъ-нибудь двадцати страницъ, и въ границахъ одного эпизода, въ произведеніяхъ Чехова развертывается сложная психологическая драма—цѣлый міръ взаимныхъ отношеній. Возьмемъ, напримѣръ, коротенькій и производящій глубокое впечатлѣніе очеркъ: „Случай изъ практики“. Это—разсказъ въ которомъ, въ сущности, нѣтъ никакого дѣйствія. Докторъ приглашенъ къ больной дѣвушкѣ, мать которой—собственница большой хлопчатобумажной фабрики. Онѣ живутъ въ богатомъ домѣ, вблизи фабрики, за ея стѣнами. Дѣвушка—единственный ребенокъ, и мать боготворитъ ее. Но, она—несчастлива: ее безпокоятъ какія-то неопредѣленныя мысли, — ее душитъ окружающая атмосфера. Ея мать также несчастлива, глядя на тоску горячо любимой дочери, и единственнымъ счастливымъ существомъ во всемъ домѣ является бывшая гувернантка дѣвушки, которая живетъ теперь съ ней въ качествѣ компаньонки; она одна вполнѣ наслаждается роскошной обстановкой дома и изысканнымъ столомъ. Доктора просятъ остаться на ночь и онъ обинякми говоритъ своей страдающей безсонницей паціенткѣ, что она вовсе не обязана оставаться здѣсь, что для дѣйствительно хорошаго человѣка всегда можетъ найтись такое мѣсто на землѣ, гдѣ онъ найдетъ дѣятельность по сердцу. И когда докторъ на слѣдующій день уѣзжаетъ, дѣвушка провожаетъ его, одѣтая въ бѣлое платье, въ цвѣткомъ въ волосахъ. Она глядитъ на доктора съ глубокой искренностью, и читатель догадывается, что она рѣшила начать новую жизнь. Въ этихъ тѣсныхъ границахъ небольшого разсказа предъ вами цѣлый міръ безцѣльной филистерской жизни, жизнь на фабрикѣ и цѣлый міръ новыхъ стремленій, врывающихся въ стоячее болото. Вы ви-

дите съ поразительной ясностью трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, освѣщенныхъ на мгновеніе авторомъ; а въ неясныхъ очертаніяхъ картины, служащихъ фономъ для ярко освѣщенной группы, — очертаніяхъ, о которыхъ вы скорѣе догадываетесь, чѣмъ видите ихъ, — вы открываете цѣлый міръ сложныхъ человѣческихъ отношеній, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Нарушьте опредѣленную ясность освѣщенныхъ фигуръ или дайте болѣе рѣзкія очертанія фону—и картина будетъ испорчена.

Таковы почти всѣ разсказы Чехова. Даже когда они занимаютъ 50—60 страницъ, они имѣютъ тотъ-же характеръ.

Чеховъ написалъ нѣсколько разсказовъ изъ крестьянской жизни. Но они—неудачны. Крестьяне и вообще деревенская жизнь не были его настоящей средой. Его область—міръ „интеллигентовъ"—образованной и полуобразованной части русскаго общества—и этотъ міръ онъ знаетъ въ совершенствѣ. Онъ указываетъ на банкротство этой „интеллигенціи", на ея неспособность разрѣшить выпавшія на ея долю великія историческія задачи мірового обновленія, и на пошлость и вульгарность обыденной жизни, подъ гнетомъ которой увядаетъ большинство этой „интеллигенціи". Со временъ Гоголя, еще ни одинъ русскій писатель не изображалъ съ такой поразительной вѣрностью человѣческой пошлости во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Но какая, вмѣстѣ съ тѣмъ, разница между этими двумя писателями? Гоголь изображалъ главнымъ образомъ внѣшнюю пошлость, бросающуюся въ глаза и нерѣдко переходящую въ фарсъ, которая вслѣдствіе этого въ большинствѣ случаевъ вызываетъ улыбку или смѣхъ. Но, смѣхъ, всегда—уже шагъ къ примиренію. Чеховъ также въ своихъ раннихъ произведеніяхъ заставляетъ читателя смѣяться, но по мѣрѣ того какъ уходитъ молодость, и онъ начинаетъ смотрѣть болѣе серьезно на жизнь, смѣхъ исчезаетъ, и хотя остается тонкій юморъ, вы чувствуете, однако, что тѣ виды пошлости и филистерства, которые онъ теперь изображаетъ, вызываютъ въ самомъ авторѣ не смѣхъ, а душевную боль. „Чеховская печаль" такъ же характерна для его произведеній, какъ глубокая складка посреди лба на его добромъ лицѣ, освѣщенномъ живыми задумчивыми глазами. Болѣе того, пошлость,

изображаемая Чеховымъ, глубже той, которую зналъ Гоголь Въ глубинахъ души современнаго образованнаго человѣка. происходятъ болѣе глубокія столкновенія, о которыхъ Гоголь, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, ничего не зналъ. „Печаль“ Чехова—болѣе впечатлительнаго и утонченнаго характера, чѣмъ „незримыя слёзы“ Гоголевской сатиры.

Чеховъ лучше всѣхъ русскихъ беллетристовъ понималъ основной порокъ этой массы русскихъ интеллигентовъ, которые прекрасно видятъ мрачныя стороны русской жизни, но у которыхъ не хватаетъ силы воли и самоотверженія, чтобы присоединиться къ кучкѣ молодежи, осмѣливающейся дѣятельно бороться со зломъ. Въ этомъ отношеніи на ряду съ Чеховымъ можно поставить лишь одного писателя—и этотъ писатель — женщина, Хвощинская („Крестовскій -- псевдонимъ“). Чеховъ зналъ—болѣе того, онъ чувствовалъ каждымъ нервомъ своей поэтической натуры, — что за исключеніемъ кучки болѣе сильныхъ мужчинъ и женщинъ, истиннымъ проклятіемъ русскаго интеллигента является слабоволіе, отсутствіе сильныхъ, страстныхъ стремленій. Можетъ быть, онъ даже сознавалъ, что самъ причастенъ этому грѣху. И когда его однажды въ письмѣ спросили (въ 1894 году), къ чему долженъ стремиться русскій человѣкъ въ данный моментъ?—онъ написалъ: „Вотъ мой отвѣтъ: стремиться! онъ долженъ больше всего стремиться — пріобрѣсть силу характера. Намъ достаточно надоѣла эта хнычущая безформенность!“

Именно это отсутствіе мощныхъ стремленій и слабоволіе Чеховъ постоянно и неутомимо изображалъ въ лицѣ своихъ героевъ. Но эта склонность къ изображенію подобныхъ характеровъ вовсе не была случайностью, объясняемой лишь темпераментомъ самого писателя. Она являлась непосредственнымъ продуктомъ эпохи, во время которой жилъ писатель.

Чехову, какъ мы видѣли, было 19 лѣтъ, въ 1879 году, когда онъ началъ свою литературную карьеру. Такимъ образомъ, онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію, которому пришлось провести лучшіе свои годы въ такой обстановкѣ, подъ гнетомъ такой реакціи, которая превосходила все, что пришлось перенесть Россіи за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ.

Послѣ трагической смерти Александра II-го, съ восшествіемъ на престолъ Александра III-го, цѣлая эпоха—эпоха прогрессивнаго труда и яркихъ надеждъ — отошла въ область преданія. Всѣ возвышенныя усилія того молодого поколѣнія, которое выступило на политическую арену въ семидесятыхъ годахъ и девизомъ котораго было сліяніе съ народомъ, были разбиты, и жертвы этого движенія сидѣли по крѣпостямъ и тюрьмамъ, или были разсѣяны по глухимъ закоулкамъ Сибири. Болѣе того, всѣ великія реформы, включая уничтоженіе крѣпостного права, которыя были осуществлены въ пятидесятыхъ годахъ поколѣніемъ Герцена, Тургенева и Чернышевскаго, третировались теперь, какъ ошибки, реакціонерами, сгруппировавшимися вокругъ Александра III-го. Никогда западно-европейцу не понять глубины отчаянія и безнадежной скорби, которыя охватили образованную часть русскаго общества въ теченіе слѣдующихъ десяти или двѣнадцати лѣтъ, когда общество пришло къ заключенію, что оно не въ силахъ побѣдить инерцію массъ или направить ходъ исторіи такимъ образомъ, чтобы заполнить пропасть между высокими идеалами и раздирающей сердце дѣйствительностью. Въ этомъ отношеніи „восьмидесятые годы" были, можетъ быть, самымъ мрачнымъ періодомъ, какой пришлось пережить Россіи за послѣдніе сто лѣтъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, интеллигенція по крайней мѣрѣ надѣялась на свои силы, на будущее; теперь она потеряла даже эти надежды. Чеховъ началъ писать именно въ это мрачное время и, будучи истиннымъ поэтомъ, который чувствуетъ и отзывается на всѣ настроенія момента, онъ сдѣлался выразителемъ этого пораженія интеллигенціи, которое, какъ кошмаръ, нависло тогда надъ культурной частью русскаго общества. Будучи великимъ поэтомъ, онъ изображалъ всепроникающую филистерскую пошлость въ такихъ чертахъ, что его изображенія, помимо высокой художественности, имѣютъ громадную историческую цѣнность. Насколько поверхностнымъ, въ сравненіи съ картинами Чехова, является филистерство, изображенное Золя! Впрочемъ, можетъ быть, Франція даже не была знакома съ этой болѣзнью, которая разъѣдала до мозга костей русскую интеллигенцію.

Несмотря на все вышеуказанное, Чехова никоимъ обра-

зомъ нельзя причислить къ пессимистамъ въ истинномъ значенiи этого слова. Если бы онъ дошелъ до отчаянiя, онъ разсматривалъ бы банкротство интеллигенцiи, какъ нѣчто фатально неизбѣжное. Утѣшенiемъ для него служило бы какое-нибудь затасканное опредѣленiе, въ родѣ fin de siècle. Но Чеховъ не могъ удовлетвориться такими опредѣленiями, потому что онъ твердо вѣрилъ въ возможность лучшаго существованiя, вѣрилъ что оно придетъ. „Съ дѣтства", — писалъ онъ въ одномъ интимномъ письмѣ,—„я вѣрилъ въ прогрессъ, потому что разница между тѣмъ временемъ, когда меня сѣкли и когда перестали,—была огромна".

Чеховъ написалъ также четыре драмы, — „Ивановъ", „Дядя Ваня", „Три сестры" и „Вишневый садъ",—которыя ярко изображаютъ ростъ его надеждъ на лучшее будущее, по мѣрѣ перехода къ болѣе зрѣлому возрасту. Ивановъ, герой его первой драмы, является олицетворенiемъ того полнаго паденiя „интеллигента", о которомъ я говорилъ выше. Когда-то онъ вѣрилъ въ высшiе идеалы, и до сихъ поръ говоритъ о нихъ,—вслѣдствiе чего Саша, дѣвушка, полная прекрасныхъ стремленiй—одинъ изъ тѣхъ утонченныхъ интеллектуальныхъ типовъ, въ изображенiи которыхъ Чеховъ является истиннымъ наслѣдникомъ Тургенева — влюбляется въ него. Но самъ Ивановъ сознаетъ, что его пѣсенка спѣта, что дѣвушка любитъ въ немъ то, чѣмъ онъ пересталъ быть; что проблески идеализма въ немъ—лишь отзвуки прошлыхъ, безвозвратно минувшихъ, годовъ; и когда драма достигаетъ своего кульминацiоннаго пункта—когда онъ долженъ ѣхать вѣнчаться съ Сашей — Ивановъ стрѣляется. Пессимизмъ торжествуетъ.

Конецъ „Дяди Вани" также производитъ глубоко-удручающее впечатлѣнiе, но все же въ немъ просвѣчиваетъ искра надежды. Въ драмѣ раскрывается еще болѣе полное паденiе „интеллигенцiи", на этотъ разъ — въ лицѣ одного изъ ея главныхъ представителей, профессора, божка своей семьи. На служенiе ему всѣ остальные члены семьи посвящаютъ себя, но онъ, проведя всю свою жизнь въ изящномъ восхваленiи священныхъ задачъ искусства, остался въ личной жизни образцомъ самаго крайняго узкаго эгоизма. Но конецъ драмы на этотъ разъ имѣетъ иной характеръ. Дѣву-

шка, Соня, двойникъ Саши („Ивановъ"),—одна изъ тѣхъ, которыя посвятили свою жизнь профессору,—почти все время остается на заднемъ фонѣ, и лишь въ самомъ концѣ драмы она является, окруженная ореоломъ безконечной любви. Ею пренебрегаетъ человѣкъ, котораго она любитъ. Этотъ энтузіастъ предпочитаетъ красавицу (вторую жену профессора)—Сонѣ, являющейся лишь одной изъ тѣхъ работницъ, которыя вносятъ свѣтъ въ мракъ русской деревенской жизни, помогая темной крестьянской массѣ въ ея тяжелой борьбѣ за существованіе.

Драма заканчивается раздирающимъ сердце музыкальнымъ аккордомъ, въ которомъ сливаются преданность и самопожертвованіе Сони и ея дяди. „Что же дѣлать",—говоритъ Соня, — „мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ, и теперь, и въ старости, не зная покоя; а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ, за гробомъ, мы отдохнемъ!"

Въ отчаяніи Сони все же свѣтитъ лучъ печальной надежды. У Сони еще осталась вѣра въ свою способность трудиться, въ свою готовность работать, хотя бы даже эта работа не была озарена счастьемъ личной любви.

Но, по мѣрѣ того, какъ русская жизнь оживлялась; по мѣрѣ того, какъ надежды на лучшее будущее нашей родины начинали пробуждаться снова,—въ молодомъ движеніи среди рабочихъ классовъ промышленныхъ центровъ, на призывъ которыхъ тотчасъ отозвалась наша образованная молодежь; по мѣрѣ того, какъ интеллигенція начала снова оживляться, готовая на новыя самопожертвованія съ конечной цѣлью завоеванія свободы для всего русскаго народа, — Чеховъ также началъ смотрѣть на будущность съ нѣкоторой надеждой и оптимизмомъ. „Вишневый садъ" былъ его послѣдней лебединой пѣснью, и въ заключительныхъ словахъ этой драмы звучитъ уже нота, полная надежды на лучшее будущее. Вишневый садъ, принадлежавшій старой дворянской семьѣ,—волшебный садъ, когда вишни были въ цвѣту и въ немъ звучали неумолкающія соловьиныя пѣсни, безжалостно срубается теперь „дѣлающимъ деньги" буржуа.

Ему не нужно ни поэзіи цвѣтущаго сада, ни соловьиныхъ пѣсенъ; его богъ—звонкая монета. Но Чеховъ угадываетъ будущее: онъ видитъ имѣніе уже въ новыхъ рукахъ, и на мѣсто стараго выростаетъ новый садъ,—садъ, въ которомъ всѣ находятъ новое счастье въ новой обстановкѣ. Люди, посвятившіе всю жизнь лишь самоуслажденію, никогда не смогутъ вырастить такого сада; но настанетъ день, когда это будетъ сдѣлано, существами, подобными Анѣ, героинѣ, и ея другу, „вѣчному студенту"...

Вліяніе Чехова, какъ замѣтилъ Толстой, останется, и оно не ограничится одной Россіей. Онъ довелъ разсказъ до такого высокаго совершенства, какъ одно изъ средствъ художественнаго изображенія человѣческой жизни, что его можно разсматривать, какъ одного изъ реформаторовъ въ области литературной формы. Въ Россіи у него уже имѣется значительное количество подражателей, смотрящихъ на него, какъ на главу школы; но— будетъ ли у нихъ то же неподражаемое поэтическое чувство, та же прелесть разсказа, та же особливая форма любви къ природѣ, а главное,—красота Чеховской улыбки сквозь слезы?—а вѣдь всѣ эти качества неотдѣлимы отъ авторской личности Чехова.

Что касается его драмъ—то онѣ пользуются неизмѣннымъ успѣхомъ на русской сценѣ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Онѣ отличаются большой сценичностью и производятъ глубокое впечатлѣніе. Въ исполненіи такой труппы, какою обладаетъ Московскій Художественный театръ, онѣ бываютъ событіемъ драматическаго сезона.

Въ Россіи Чеховъ былъ едва-ли не самымъ популярнымъ изъ молодыхъ писателей. Говоря лишь о живущихъ писателяхъ, его ставили немедленно за Толстымъ, и его произведенія имѣютъ огромный кругъ читателей. Отдѣльные сборники его разсказовъ, изданные подъ различными заглавіями („Въ сумеркахъ", „Хмурые люди" и т. п.) выдерживали по 10—14 изданій, а полныя собранія его сочиненій (въ 10 и 14 томахъ) расходились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ; 14-томное изданіе въ видѣ приложенія къ иллюстрированному журналу, въ теченіе года было распространено въ количествѣ свыше 200.000 экземпляровъ.

Въ Германіи Чеховъ произвелъ глубокое впечатлѣніе. Лучшіе изъ его разсказовъ были неоднократно переведены, такъ что одинъ изъ крупныхъ нѣмецкихъ критиковъ недавно восклицалъ: „Tchechoff, Tchechoff, und Kein Ende!“ Онъ начинаетъ также пользоваться широкой популярностью въ Италіи. Но за границами Россіи извѣстны лишь его разсказы. Его драмы носятъ черезчуръ „русскій характеръ“, и едва-ли онѣ смогутъ глубоко затронуть слушателей внѣ предѣловъ Россіи, иначе, какъ въ хорошемъ, „русскомъ“, исполненіи: въ западной Европѣ подобныя драмы внутреннихъ противорѣчій не являются характерной чертой переживаемой эпохи.

Если въ развитіи обществъ имѣется какая-либо логика, то такой писатель, какъ Чеховъ, долженъ былъ появиться прежде чѣмъ литература приметъ новое направленіе и создастъ новые типы, уже готовые проявиться въ жизни. Во всякомъ случаѣ, эта старая, уходящая отъ насъ, жизнь требовала прощальнаго слова и оно было произнесено Чеховымъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница 206:	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ:*
11 строка сверху	Кн. Серебрянный.	Кн. Серебряный
8 строка снизу	Баранже.	Беранже.
Страница 216:		
15 строка снизу	Аббасъ-Мирза	Аббасъ-Мурза

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Списокъ отъ 1 марта 1907 г.	Цѣна.
Сборникъ т-ва «Знаніе»: Книги I—XV	по 1 р. — к.
„Нижегородскій сборникъ“	1 » — »
М. Горькій. Разсказы и Пьесы. Томы I—VII	по 1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. Драм. эскизъ въ 4 акт. *Только въ перепл.*	1 » — »
М. Горькій. На днѣ. Картины	— » 60 »
Л. Андреевъ. Разсказы и Пьесы. Томы I—IV	по 1 » »
Скиталецъ. Разсказы и Пѣсни. Томы I—II	по 1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы и Пьесы. Томы I—VII	по 1 » — »
Ив. Бунинъ. Разсказы и Стихотворенія. Томы I—III	по 1 » — »
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
А. Серафимовичъ. Разсказы. Томы I—II	по 1 » — »
А. Купринъ. Разсказы. Томы I—II	по 1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томы I—IV	по 1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томы I—II	по 1 » — »
Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы	1 » — »
Н. Гаринъ. Гимназисты	1 » — »
Н. Гаринъ. Студенты	1 » — »
Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчьжуріи и Ляод. полуострову	1 » — »
Н. Гаринъ. Корейскія сказки	— » 60 »
А. Яблоновскій. Разсказы. Томъ I	1 » — »
С. Елеонскій. Разсказы. Томъ I	1 » — »
С. Елпатьевскій. Разсказы. Томы I—III	по 1 » — »
С. Найденовъ. Пьесы. Томъ I	1 » — »
Д. Айзманъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
Эсхилъ. Скованный Прометей	— » 30 »
Софоклъ. Эдипъ-царь	— » 40 »
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ	— » 40 »
Софоклъ. Антигона	— » 40 »
Эврипидъ. Медея	— » 40 »
Эврипидъ. Ипполитъ	— » 40 »
Гёте. Фаустъ	2 » — »
Байронъ. Манфредъ	— » 40 »
Шелли. Собраніе сочиненій. Томы I—III	по 2 » — »
Шелли. Освобожденный Прометей	— » 50 »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе	— » 80 »
Т. Шевченко. Кобзарь	1 » — »
Красинскій. Иридіонъ	— » 60 »
Имре-Мадачъ. Человѣческая трагедія	— » 50 »
Гауптманъ. Роза Берндтъ	— » 50 »
Бьернсонъ. Перчатка	— » 40 »
Э. Золя. Углекопы Изд. *3-е*	1 » — »
Эркманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ	— » 65 »
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. *2-е*	1 » 50 »
А. Петрищевъ. Замѣтки учителя	1 » — »
Мертваго. Не по торному пути	1 » 50 »
Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы	1 » 20 »
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи	1 » 50 »

